

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

ЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ЯЗЫКА

ЯЗЫК И ВРЕМЯ

ЯЗЫК И ВРЕМЯ

ЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ЯЗЫКА

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

ЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ЯЗЫКА

ЯЗЫК И ВРЕМЯ

Ответственные редакторы:
член-корреспондент РАН *Н. Д. Арутюнова*
кандидат филологических наук *Т. Е. Янко*

 ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ИНДРИК»
Москва 1997

ББК 81
Л 69

*Издание осуществлено при поддержке
Российского гуманитарного научного фонда
(номер проекта 97-04-16420)*

Л69 **Логический анализ языка. Язык и время / Отв. ред.**
Н. Д. Арутюнова, Т. Е. Янко — М.: Издательство «Индрик»,
1997, — 352 с.
ISBN 5-85759-051-5

В книге анализируются модели времени, представленные в разных языках, культурах и видах дискурса (фольклоре, поэзии, художественной прозе). Особое внимание уделено различным способам концептуализации времени, отраженным в темпоральной семантике («словам времени», префиксам, предлогам, частицам и другим модификаторам). Концепт времени рассматривается также в историческом, логическом и аксиологическом аспектах.

Для языковедов, филологов, философов и культурологов.

ББК81

Logical Analysis of Language. Language and time

The book deals with conceptualization of time in different languages and in different kinds of discourse (folklore, poetry, fiction). Special attention is paid to some culture-dependent models of time as well as to linguistic means related to temporal semantics: nouns, adjectives, adverbs, prepositions, prefixes, particles, and other temporal modifiers. The concept of time is also considered in its logical, axiological and historical aspects.

For linguists, philologists, philosophers and culturologists.

ISBN 5-85759-070-1

© Коллектив авторов, 1997
© Российская академия наук, 1997

*Посвящается светлой памяти
Никиты Ильича Толстого*

ОТ РЕДАКТОРА

И еще признаюсь Тебе, Господи, что я все же не знаю, что такое время. Я сознаю только то, что когда говорю о времени, то говорю во времени, и что давно говорю об этом времени, и что это самое «давно» есть только продолжение того же времени. Каким же образом я знаю это, когда не знаю, что такое время? Быть может, я не умею только выразить то, что знаю? О, как я беден, что не в состоянии даже различить, что знаю и чего не знаю!

Бл. Августин. Исповедь. Кн. II, гл. 25

Язык представляет собой систему звуковых символов, воспринимаемых слухом. «Звуковой язык предшествовал всем другим видам коммуникативного символизма, которые, как письмо, использовались в замещающей функции или же, как жест, только сопровождали речь» [7, 223–224]. Если для зрительных знаков важнее пространственное измерение и, соответственно, принцип одновременности, то для слуховых (звуковых) знаков более существенно временное измерение и, соответственно, принцип темпоральной последовательности. Не удивительно поэтому, что влияние времени на язык столь велико. Фактор времени имеет кардинальное значение как для структуры языка, так и для прагматики речи. Он не менее важен для лексической и грамматической семантики. Время воздействует на язык извне и изнутри. Его эффект множествен и неоднозначен. Он касается плана выражения, знаковых единиц и коммуникативной организации высказывания. Время стимулирует развитие

языка и вместе с тем налагает на него ограничения, которые язык вынужден преодолевать.

Отношение языка и времени опосредовано: язык (система языка) реализуется в речи. Речь во всех ее формах — устном звучании, внутреннем проговаривании или записанном тексте — порождается и воспринимается во времени. [Речь — это длящееся действие, и ее характеристики обусловлены основными свойствами времени, проявляющими себя в событийном аспекте мира.]

[Пространство трехмерно, время обладает лишь одним измерением — долготой. Пространственный параметр длины условно переносится на течение времени. Расстояние между двумя моментами времени уподобляется кратчайшему расстоянию между двумя точками в пространстве — прямой. Длина становится долготой (длительностью). Время получает признак линейности. Оно одномерно. Линейность составляет тот общий параметр, который позволяет сопоставить темпоральные и пространственные отношения. Линия — это пространственная (геометрическая) метафора времени. Линейность — свойство времени, а также того, что в нем разворачивается. Речь, как и время, линейна. Какие бы формы ни приобретали модели времени, будь то круг (цикл) или ряд концентрических окружностей, как бы ни представлялось направление движения времени — из будущего в прошедшее или из прошлого в будущее, это никак не отражается на темпоральном представлении речи и вытекающих из него следствиях. Речь всегда остается линейной и необратимо текущей из прошлого в будущее, какова бы ни была ее письменная репрезентация. Ни «вечное возвращение», ни «вечное вращение» времени не могут повлиять на линейное представление речи как процесса. Напомним, что Соссюр считал линейность речи (означающего) одним из двух фундаментальных принципов, характеризующих природу языка. (Первым, как известно, является произвольность языкового знака.) Соссюр писал: «Означающее, являясь по своей природе воспринимаемым на слух, разворачивается только во времени и характеризуется заимствованными у времени признаками: а) оно обладает протяженностью и б) эта протяженность имеет одно измерение — это линия. ...Это весьма существенный принцип и последствия его неисчислимы. Он столь же важен, как и первый принцип. От него зависит весь механизм языка» [5, 103, курсив автора], см. также: [6, 153–156].

Другая аналогия, определяющая моделирование времени, сближает время с перемещающимися в пространстве предмета-

ми. Время, как и предметы, движется. Движение времени, в отличие от механического перемещения предметов в пространстве, непрерывно, равномерно, прямолинейно, однонаправленно и необратимо. Время нельзя остановить. Сколь бы прекрасно ни было мгновение, оно пройдет. Время нельзя повернуть вспять. Каждое его мгновение уникально. Современный поэт ценит именно это свойство времени: «Остановись, мгновение, ты не столь прекрасно, сколь неповторимо» (И. Бродский). Скорость времени в ареале Земли постоянна и измерима.

Два свойства времени — линейность (невозможность ветвления, одномерность) и однонаправленность (необратимость) движения составляют основные характеристики речи. Они оказывают глубокое воздействие на внутреннюю организацию языка. Именно они формируют синтагматические и парадигматические (по Соссюру, ассоциативные) отношения. Напротив, такие свойства времени, как непрерывность и равномерность, не оказывают существенного влияния на формирование структуры языка, но они могут выполнять прагматические функции, характеризуя речь со стороны ее темпа, наличия пауз, ритма и т. п., придавая речи большую или меньшую выразительность и эстетическую значимость. Впрочем, измерение протяженности звука во времени может получать смыслоразличительную функцию (ср. долгие и краткие гласные), то есть участвовать в создании фонологической системы языка.

Линейность речи определяет ее синтагматический аспект, ответственный сначала за создание единиц языка — знаковых (морфемы, слова, фразеологизма и пр.) и незнаковых (слога, такта и др.), а затем за их грамматическую и коммуникативную организацию внутри высказывания. Линейность речи оборачивается последовательностью расположения единиц языка. Позиция каждой единицы становится значимой. Так, в норме высказывание начинается с обозначения темы (субъекта) и заканчивается ремой (сообщаемым). Значимы также отношения между единицами, входящими в высказывания.

Вместе с тем линейность речи налагает на структуру языка существенные ограничения. Единицы языка, в том числе неразложимые (фонема для плана выражения, морфема для знаковых единиц), не элементарны. Образуя один сегмент, они в то же время состоят из совокупности различительных признаков, реализуемых симультанно. Разновременность дополняется одновременностью. Это имеет ряд следствий. Обладая сложной смысловой структурой, значимые единицы, прежде всего слова,

развивают поливалентность. Однако в синтагматическом ряду они не могут иметь более двух партнеров. К этому следует добавить, что семантические отношения между словами не совпадают с их логико-коммуникативными функциями в высказывании. Подчиняясь логике коммуникации, семантические партнеры нередко утрачивают контакт. Между ними вклиниваются компоненты, непосредственно с ними не связанные. Язык ищет средства преодоления линейности речи. Ему нужны показатели дистанцированных связей — служебные слова, знаки согласования и управления и др. Темпоральная линия речи преобразуется в «дерево зависимостей». Синтагматические отношения развиваются в языке и благодаря линейности речи и вопреки ей. Системные отношения не сводимы к линейной модели. Они иерархичны. Это побудило Р. О. Якобсона отвергнуть соссюрковский принцип линейности речи. Якобсон писал: «Примат последовательности в языке был когда-то неверно интерпретирован как линейность. Однако фонемы, совокупности одновременно реализуемых дифференциальных признаков, выявляют вторую ось любой речевой последовательности. (Именно догма линейности заставляет ее приверженцев, игнорируя иерархическую структуру любой синтаксической конструкции, приравнивать речевую последовательность к марковской цепи)» [10, 84].

Таким образом, речевой поток одномерен, но модели высказывания двумерны. Они, кроме того, целостны и статичны. Они возвышаются над темпоральной реализацией речи. Целостность подавляет протяженность, условно сводя ее к симультанности. Она тем самым подавляет фактор времени. Мысль о том, что целостность атемпоральна, была высказана К. Леви-Строссом применительно к мифу и музыке, которые он рассматривает по аналогии с речевой деятельностью. Леви-Стросс писал: «...кажется, что музыка и мифология нуждаются во времени, — но только для того, чтобы его отвергнуть. Собственно говоря, и музыка, и мифология суть инструменты для уничтожения времени», и далее: «Прослушивание музыкального произведения в силу его внутренней организации останавливает текучее время; как покрывало, развиваемое ветром, оно его обволакивает и свертывает» [4, 27–28]. Точно так же целостна мысль. Она лишь выражается и воспринимается во времени. Протяженность — это характеристика речи, а не мысли.

Обратимся к другому свойству, общему у времени и речи. Речь, как и время, однонаправлена. Сколь бы ни велики были возможности поправлять сказанное, исправлять написанное и

даже брать назад свои слова, речь, рассматриваемая как единичное событие, сохраняет необратимость. В линейной последовательности речи каждая позиция может быть замещена лишь одной единицей. Поэтому замещению позиции предшествует выбор из совокупности единиц, способных употребляться в данных условиях. В языке развиваются парадигматические отношения, члены которых противопоставлены друг другу по тем или иным дифференциальным признакам. Вместе с тем возможность каждой единицы занимать разные позиции в синтагматическом ряду может вести к их нейтрализации (ср., например, оглушение звонких согласных в конце русского слова и озвончение глухих согласных в положении перед звонкими). Следствием этого является позиционное варьирование единиц языка, не выполняющее смыслоразличительной функции.

Речь движется вперед, и это движение необратимо, но чтобы породить и воспринимать речь, необходимо обращаться к ее истокам. Так, предикат отсылает к предвещающему его субъекту, обстоятельства — к предвещающему их предикату. Направление связи обратно течению времени. Время необратимо, но грамматика способна обратить его вспять. Грамматика, поэтому, пользуется пространственными, а не темпоральными моделями. Она, как отмечалось, не может удовлетвориться одним измерением.

Итак, два важных свойства речи — линейность и необратимость — обусловлены ее протеканием во времени. Оба они оказывают существенное влияние на формирование в языке системных отношений. Синхронная система языка атемпоральна, но само ее формирование обусловлено темпоральными свойствами речи: их семиотизацией и их преодолением. Язык статичен, но он формируется в движущемся потоке речи. Речь же приходит в движение благодаря действию механизмов языка. Язык зарождается в речи; язык порождает речь.

Мы коротко остановились на внешнем влиянии фактора времени на язык. Вместе с тем язык описывает действительность, которая, подобно речи, существует во времени. Он поэтому располагает богатейшим арсеналом внутренних — грамматических и лексических — средств для обозначения темпоральных аспектов действительности. Время проявляет себя через материальное наполнение мира, без которого оно не могло бы войти в поле наблюдения. Поэтому темпоральные компоненты присущи не только обозначениям действий и состояний, но также семантике многих имен предметов и их атрибутов. Языки располагают также специальными «словами времени» — именами, прилага-

тельными и наречиями, непосредственно указывающими на отрезки времени, их длительность, а также на присущие им субъективные коннотации, которые демонстрируют неотделимость времени от жизни человека и природы. Наконец, языки развивают аппарат вспомогательных средств — предлогов, союзов, аффиксов, частиц, координирующих время осуществления событий и действий, о которых делается сообщение (см. разделы «Семантическое поле времени» и «Слова времени» в настоящем сборнике).

Важно подчеркнуть, что именно на базе темпоральной семантики и темпоральных отношений развивается абстрактное мышление. Идея логического вывода подсказана временной последовательностью событий. Вместе с тем логика, как и грамматическая система, стремится преодолеть время. Тенденция выйти за пределы времени наблюдается уже в естественных языках. Она проявляется себя в двух формах: предикатах истинностной оценки и подавлении временной протяженности происходящего. Давая утверждению истинностную оценку, говорящий переходит из реального времени в логическое пространство; ср.: *Петр пришел вчера в полночь* и *То, что Петр пришел вчера в полночь, факт (истина, истинная правда)*. Сводя длительность процесса или действия к точке, говорящий лишает их основного свойства времени — протяженности, но не отвлекает полностью от временной оси. Совершенный вид — это первый шаг к переходу от процесса или события, локализованных на линии времени, к факту, локализованному в логическом пространстве [1, 132–168]. Небезынтересно отметить, что, «подавив» время, логика включила его в сферу своих интересов. В рамках модальной логики были разработаны языки временных логик, формализующих концептуальную структуру динамического мира. Такой поворот был неожиданным для самих логиков. Г. Х. фон Вригт замечает, что «вначале и не ожидалось, что понятия, обозначенные словами *до* и *после*, *сейчас*, *следующий*, *всегда* и *иногда*, подойдут под формальные схемы модальной логики» [2, 517]. Начало временным логикам было положено логикой действия и продолжено логикой прогноза, занятой истинностной оценкой будущих событий (см. последний раздел настоящего сборника).

Наряду с отмеченными, существует еще одна сфера взаимодействия языка и времени. Она опосредована различными социо- и этнокультурными, мифологическими и религиозными представлениями человека о времени [9, гл. 7; 8, 128–143], а также сменой научных концепций.

Человек различает космическое время, определяемое природными циклами — солнечными или лунными, и время историческое (эмпирическое, профанное), определяемое течением событий. Первое организует распорядок жизни и экономическую деятельность человека; второе формирует ось, на которой отмечены события социальной и индивидуальной жизни. Первым управляют естественные законы, действие которых лишь изредка потрясают взрывы и катастрофы; второе допускает свободное целеполагание человека. В первом порядок задан природой; во втором его стремится задать человек. В первом царит отнесенная норма, во втором — случай.

В основе космического (циклического) времени лежит некоторая совокупность мифических представлений — архетипов, постоянно повторяющихся моделей. События и действия как бы возобновляют некие прасобытия и прадействия, происходившие во время оно (Urzeit). Они несут в себе элемент ритуала, в котором человек осуществляет связь между мифическим (сакральным) и профанным временем.

Космическое и историческое время соединены в календаре, в котором астрономический цикл разделен на социо-мифологические отрезки — недели; см. подробно [11]. В нем на астрономическое время налагаются мифологические и религиозные события, диктующие формы поведения (ср. пост и мясоед), эмоциональное состояние человека (ср. масленица и страстная неделя), выделяющие опасные для человека периоды (таким, например, считается «некрещеное» время от Рождества Христова до Крещения), а также маркирующие дни, по которым предсказывается будущая погода и ожидаемый урожай (о временных циклах в славянской культуре см. статью Н. И. Толстого в настоящем сборнике). В ряде культур астрономическое (лунное) время тесно связано с астрологией (см. статью Чан Ван Ко в настоящем сборнике).

С другой стороны, историческое время обременено в календаре социальными маркерами. В нем отмечены дни исторических событий — военных побед, революций и конституций, юбилеев городов, стран и вождей. Они в свою очередь диктуют ритуальные торжества и формы поведения, но по ним не делается предсказаний погоды.

Представление о бесконечном во времени и пространстве универсуме, стимулированное идеями Дж. Бруно и окончательно утвердившееся в эпоху Просвещения, отразилось на грамматическом моделировании системы глагола. Если в грамматиках,

следующих латинской традиции, за исходную принималась форма 1-го лица настоящего времени, то начиная с XVII в. эта функция перешла к инфинитиву (*infinitivus*), несущему в себе идею бесконечности. В Россию этот новый принцип представления системы глагола пришел из Германии. Впервые он был применен Г. Лудольфом в *Grammatica Russica* (1696). Слом грамматической традиции под влиянием смены научных моделей мира рассмотрен Д. В. Захарьиным [3, 171 и сл.].

Итак, живя в определенное время и в определенные времена, человек в то же время и одновременно живет в разных временах — астрономическом и астрологическом, историческом и возрастном, сакральном (мифическом, ритуальном) и профанном. Все они в той или иной степени управляют жизнью человека. «Всему свое время, и время всякой вещи под небом». Так говорил Экклезиаст. Время требует, чтобы с ним были согласованы события жизни («Время рождаться, и время умирать»), эмоциональные переживания («Время любить, и время ненавидеть»), социальное поведение людей («Время молчать, и время говорить»), исторические события («Время войне, и время миру»), цели человеческих действий («Время разрушать, и время строить»). По Экклезиасту, позитивные и негативные требования времени образуют пары, в которых акцент ставится на разрушительной силе времени. Понятие вечности не может быть отнесено к миру человека.

«Пространство — символ моей власти, время — символ моего бессилия» (Ж. Ланьо). Эта формула выражает отношение человека к миру, ориентируя его на завоевание пространств и капитуляцию перед лицом времени. Но наше время отмечено желанием человека покорить время. Человек покоряет время методом увеличения скоростей движения и передвижения в пространстве, а также быстроты осуществления разных акций, актов и действий, включая, кажется, и те, которые доставляют удовольствие. Не случайно современные трапезы в Америке, а теперь и в Европе, подводятся под категорию *fast food* «быстрой еды».

Современный человек стремится уменьшить свою зависимость от природного времени. Люди любят превращать день в ночь, а ночь в день. В своем романе «Сны Эйнштейна» американский писатель А. Лайтман предложил 30 возможных моделей времени. Одна из них инвертирует отношение «человек — время»: не природное время диктует человеку распорядок повседневной жизни, а человек приспособливает время к своим личным запросам.

* * *

Настоящий выпуск «Логического анализа языка» посвящен светлой памяти Никиты Ильича Толстого — слависта и филолога Божьей милостью. Никита Ильич был органически слит со славянской, прежде всего русской и сербской, культурой. Он в ней жил, и она жила в нем. Он чувствовал ее сердцем, он понимал ее умом, он анализировал ее тонкими научными методами, поддержанными безошибочной интуицией. Он любил погружаться в стихию полесских говоров. Он любил факты, любил находить новые этнолингвистические и этнографические данные, вводя в научное рассмотрение свежий диалектный и фольклорный материал. Он не чувствовал себя чужим на народных праздниках. Он не был только сторонним наблюдателем обрядов и ритуальных действий.

Н. И. Толстой открыл конференцию «Язык и время» докладом «Изоморфность временных циклов и ее мифологическое осмысление (сутки — год — жизнь)». Это было 22 мая 1995 г. Ему оставалось немногим более года жизни. Зал был переполнен, но тих. В нем было много университетских студентов Никиты Ильича.

Доклад Н. И. Толстого сразу ввел в фокус интереса участников конференции этнокультурный и мифологический аспект времени, соединяющий архетипы и природные циклы с временем человеческой жизни. Доклад послужил основой статьи, публикуемой в настоящем выпуске. Это была его последняя статья. Ею завершилось время его жизни, но не время жизни его научного наследия. Завершившись, оно стало целостным, а целостность преодолевает текучесть времени. Настало время ясно сформулировать и обобщить его идеи, определить его творческий метод, выявить конечную цель его исканий и размышлений.

Никита Ильич часто говорил, что лингвистика — это лопата для историка. Два главных направления его лингвистических интересов — лексическая семантика (прежде всего диалектная) и история славянских литературных языков, — оба открывали выход к культуре, этническому и социальному (историческому)

сознанию, к стоящей за языком «картине мира». На этом пути, ставшем магистральным для языкознания конца XX века, у Н. И. и следовавших за ним учеников была своя тропа. Она вела от диалектологии к этнолингвистике, от изучения славянской диалектной лексики к реконструкции традиционной духовной культуры. При этом язык всегда оставался, по словам Н. И., «основным предметом исследования вне зависимости от того, какая субстанция (языковая или неязыковая) и какая функция (коммуникативная, обрядовая, мифологическая и т. п.) подвергается анализу».

Два постулата лежали в основе этнолингвистического подхода Н. И. Толстого. Первый — это содержательное единство и изоморфизм языка и культуры вообще и народного языка и народной культуры, в частности. Такие формы народной культуры, как обряды и обычаи, фольклор и народное искусство, имеют не только общее с языком «содержание» (арсенал смыслов), но и сходные способы их выражения — механизмы различения и отождествления, оценки, сравнения, метафоризации, символизации, а также структурное сходство: обряд имеет свою «грамматику», синтаксис, семантику, прагматику и т. д.; язык культуры, как и вербальный язык, имеет свои территориальные разновидности, стилистическую дифференциацию, идиолекты. Отсюда возможность применения лингвистических методов и понятий к материалу культуры.

Второй постулат — «диалектология» славянской народной культуры, обрядов, мифологии, верований и взаимная «дополнительность» локальных форм культуры. Отсюда требование сравнительного и ареалогического подхода. Поскольку традиции отдельных регионов, как и диалекты, часто сохраняют лишь реликты некогда целых «смыслов», их историческая и семантическая реконструкция тем более осуществима и надежна, чем больший спектр локальных вариантов обрядовых и языковых явлений будет привлечен к рассмотрению. Формы языка и культуры, не мотивированные в одной традиции, могут обрести мотивацию на базе другой или других родственных традиций, где они лучше сохранились и где не был утрачен их более широкий культурный и языковой контекст. Кроме того, сопоставление языковых (диалектных) и культурных ареалов друг с другом может дать исследователю новые возможности этногенетических и глоттогенетических реконструкций.

Этнографический материал стал появляться уже в самых ранних семасиологических работах Н. И. Это объясняется не

только тем, что этнографические источники часто содержат слова и значения, не фиксируемые словарями, но и тем, что для полноценной семантической характеристики слова нередко необходимо, помимо языкового, и культурный контекст. Так, в статье 1962 года «Из географии славянских слов», рассматривающей ареалы южнославянских лексем со значением 'дождь' — *дажд* и *киша* оказалось необходимым привлечь данные народных верований о саламандре, названия которой (*даждевняк*, *бурняк* и *кишьяк*) производны от слов со значением 'дождь'. Еще большее место занимают этнографические сведения в известной работе Н. И. о славянских диалектных названиях радуги.

К теме «времени» Н. И. впервые обратился более 30 лет тому назад, в статье 1963 г. (ВЯ, № 1), где рассматривалось семантическое микрополе «дождь — погода — время — год — час» в славянских диалектах. В структуре и лексическом заполнении этого поля отчетливо проступает «природная» интерпретация времени (ср. *время* в значениях 'время' и 'погода'; *година* в значениях 'погода', 'год', 'час' и т. п.). Именно с этого, с констатации «природного» характера восприятия времени в народном сознании начинается Н. И. и свой доклад на конференции 1995 года, публикуемый в настоящей книге. Доклад строится уже в равной мере на лингвистическом и этнографическом материале. Изначальное членение годового цикла не на четыре, а на две части в народном календаре одинаково хорошо отражено и в диалектных названиях времен года (ср. вторичность названий весны и осени в некоторых славянских языках и диалектах: серб. (*пролеће*), болг. *пролет*, словен. *pomlad*, кашуб. *podlato* — 'весна', чеш. *podzim* 'осень' и т. п.), и в календарной порядности и верованиях. Как и в лексике, в народных представлениях концепт времени объединяется с семантической областью погоды, тепла, света с соответствующей положительной оценкой и, наоборот, непогоды, холода и мрака (ср. восприятие зимнего и «пограничного» времени как опасного и угрожающего благополучию. Дальнейшее развитие на этнографическом материале получила и лишь слегка затронутая в статье 1963 года тема изоморфности годового и суточного времени (ср. номинации с корнем *god* для названий и года, и часа). Соответствующие точки и отрезки годового и суточного круга (полдень и летнее солнцестояние, утренняя заря и весенний праздник Благовещения и т. д.) имеют сходное ритуальное оформление и получают одинаковую трактовку и оценку в народных представлениях.

Этнолингвистические работы Н. И. учат нас видеть и за языковыми, и за культурными формами — человека, наблюдающего, чувствующего, мыслящего, оценивающего. Анализ языковых явлений дает импульс к поискам культурных параллелей и, наоборот, — этнографические факты побуждают искать их языковые подтверждения.

Н. Д. Арутюнова, С. Т.

ЛИТЕРАТУРА

1. Н. Д. Арутюнова. Типы языковых значений. Событие. Оценка. Факт. М., 1988.
2. Г. Х. Вригт. Логико-философские исследования. М., 1986.
3. Д. Б. Захарьин. Европейские научные методы в традиции старинных русских грамматик (XV — середина XVIII в.). München, 1995.
4. К. Леви-Стросс. Мифологичные. Сырое и вареное // Семиотика и искусствометрия. М., 1972.
5. Ф. де Соссюр. Труды по общему языкознанию. М., 1977.
6. Ф. де Соссюр. Заметки по общей лингвистике. М., 1986.
7. Э. Сэпир. Избранные труды по языкознанию и культурологии. М., 1993.
8. П. Хюбнер. Истина и миф. М., 1996.
9. М. Элиаде. Космос и история. М., 1983.
10. Р. Якобсон. К вопросу о зрительных и слуховых знаках // Семиотика и искусствометрия. М., 1972.
11. Les temps de l'Europe. T. 1. Strasbourg, 1993.

Н. И. Толстой

ВРЕМЕНИ МАГИЧЕСКИЙ КРУГ (ПО ПРЕДСТАВЛЕНИЯМ СЛАВЯН)

Представление о цикличности времени, о завершенности цикла, о повторяемости цикла характерно не только для славянского этноса в настоящем и прошлом, для индоевропейских этносов, но и для всех народов мира. Оно универсально, универсально прежде всего потому, что имеет внеязыковые, внепсихологические, внечеловеческие основания — оно связано с природой, с деятельностью солнца и ее отражением на земле. И если замкнутый годовой круг и круг суточный — тоже исключительно природное явление, то деление этих кругов на отрезки времени, на периоды — дело ума, восприятия и опыта человеческого. Можно заметить, что деление суток на две части — день и ночь — тоже чисто природное явление, и сознание и язык только фиксируют и обозначают его, но дальнейшее, более дробное членение суток, как и года, уже зависимо от человеческого сознания и отражающего его языка. К тому же, эти представления, как и язык, этнически (национально) окрашены, т. е. связаны с определенной этнической группой их носителей, и так же, как язык, изменяемы, преобразуемы в ходе исторического развития.

Так, в нашем распоряжении имеется множество этнографических данных о том, что славяне в древности, а в сельских, деревенских краях почти до наших дней, делили год не на четыре, а только на два больших годовых отрезка — лето и зиму. К примеру, болгары, живущие на северо-западе Болгарии (Видинско, Кулско, Ломско), по свидетельству Д. Маринова [Мар. ИП II, 49–50], полагали, что год делится на два периода — летний и зимний, и периоды эти назывались по солнцу — летнему и зимнему: *лятното слънце* и *зимното слънце*. Летнее солнце восходит на «летнем востоке» (*летния изток*), а зим-

нее — на «зимнем востоке» (*зимния исток*). Согласно легенде, солнц было много, но потом осталось только два, упомянутых выше¹.

Представление о двух солнцах и соответственно о двух годовых периодах известно в юго-восточной Болгарии (в районе г. Айтос) и в Пиринской Македонии (юго-запад современной Болгарии). В с. Габрене верят, что эти два разных солнца идут разными путями: одно ближе к земле, а другое дальше от земли. Вместе эти два солнца на небе не появляются, но пребывание на небе каждого из них длится по полгода. Так, согласно одним народным расчетам, летнее солнце появляется на Благовещение (25.III. ст. ст.), а исчезает на Воздвижение (14.IX. ст. ст.). Так принято считать у болгар, но такое разделение года известно и у восточных славян. У болгар и других южных славян, преимущественно у православных (сербов и македонцев), год делится по двум праздникам: по Юрьеву дню (23.IV. ст. ст.) и по Дмитриеву дню (26.X. ст. ст.). Скотоводы, пастухи, наемные работники придерживаются этого второго деления.

В той же северо-западной Болгарии, по свидетельству Д. Маринова, относящемуся к концу прошлого века, на Благовещение на свет Божий выползают все змеи, прилетает кукушка и появляются «самовилы» (духи природы вроде русских русалок). На Благовещение на утренней заре источники, ручьи, колодцы, реки и водовороты полны купающихся самовил, поэтому в этот день нельзя рано ходить за водой. Столь же внезапно самодивы и гады исчезают в «Секновение», т. е. в день Усекновения главы св. Иоанна Крестителя (29.VIII. ст. ст.).

По другой версии, зафиксированной тем же Д. Мариновым в западной Болгарии, в районе г. Тетевен (с. Брусы), солнце одно, но движется оно в течение года разными путями: на Юрьев день оно доходит до межи, от которой начинается путь к лету, продолжающийся до Воздвижения (*Кръстовден*), и в этот день

¹ Известный болгарский этнограф и фольклорист Рачко Попов в статье о лете в словаре «Българска митология» пишет: «Лето — основной сезон, олицетворяющий солнце, тепло и жизнь. Согласно народному календарю, год делится на два природных и хозяйственных цикла — зимний и летний. Ориентирами этого разделения служат Димитров день и Юрьев день. У болгар весна и осень не имеют ясно выраженного самостоятельного значения. Весна равнозначна лету, а осень — зиме» (БМ, 205). Сербский этнограф М. Неделькович разъясняет, что у сербов в народе «год делится на полугодия, их два: *юрьевское* (*Ђурђевско*), которое длится от Юрьева дня, до Димитрова дня, и *димитровское*, которое длится от Димитрова дня до Юрьева дня» [Нед. ГОС, 62–63].

солнце переходит на другой, зимний путь, длящийся до Юрьева дня [Мар.НВ, 8].

Этим представлениям четко соответствуют восточнославянские верования и запреты, связанные с Благовещением и Воздвиженьем. В Полесье, где древние обряды сохраняются, как правило, во всей полноте, запрещалось до Благовещения «торкать» землю любым способом — пахать, копать, вбивать колья: «нельзя арать да Благовещчэня, кутать, калка забивать» (с. Старые Яриловичи, Черниговск. обл. [ПЭЛС, 84]), — одним словом, будить ее, прерывать ее зимний сон. Но в благовещенский день просыпалась не только земля, но и все змеи и гады, в нее ушедшие, прилетали кукушки, оживала вся тварь земная. На Воздвиженье же вся ползучая тварь уходила в землю. Поэтому у великорусов был запрет ходить в этот «крестов» день в лес из опасения столкнуться со змеями, собирающимися на зимний покой. Украинцы говорят, что на Воздвиженье «здвигается земля з літа на зиму» [СД I, 400]. У болгар в Родопах первым днем зимы и концом летнего периода считается день св. Димитрия (*Димитровден*), когда завершается земледельческая деятельность и окончательно прекращается выпас скота.

Помимо отчетливо вырисовывающихся границ лета и зимы — праздников, своими обрядами отмечающих и утверждающих эти границы, существуют еще межевые дни-праздники, обозначающие середину, половину летнего и зимнего периода. Таковыми у славян оказываются день, особенно ночь под Ивана Купала (Рождество св. Иоанна Крестителя — 24.VI. ст. ст.) летом и Рождество (или Святки, Крещение) зимой. Болгары в Родопах день Ивана Купалы (*Яньовден*) считают серединой лета и зовут также *Средилято*; в этот день «время обращается к зиме» (*времето се обръща към зима* [Род., 111]). Тем не менее существует убеждение, что в этот день солнце греет сильнее, чем в другие дни, и потому травы и цветы на «Еньовден» самые целебные [Пир. кр., 449].

Примечательно, что, по народным представлениям, в упомянутые выше «межевые» дни отворяются небеса. Такое верование не повсеместно, но кое-где в тех же Родопах говорят, что в «Яньовден» небеса открываются (*небето се отваря* — с. Добралък [Род., 111]). Это же мифическое явление известно южным славянам применительно к ночи накануне Крещения-Богоявления (6.I. ст. ст.) и накануне Благовещения. Рачко Попов сообщает, что у болгар «небеса разверзаются» еще в рождественский сочельник и на Рождество, а также на Пасху, Троицу и Юрьев день [БМ, 227]. Таким образом, это сверхъестественное

явление происходит, кроме «межевых» дней, только на Пасху и Троицу, что понятно, если учесть исключительное значение этих праздников в христианской религии.

Приметы и следы разделения года на два периода — летний и зимний — можно обнаружить и в других славянских народных традициях, помимо болгарской и сербской, однако изложение этого материала потребовало бы много места, поэтому ограничимся лишь небольшим лингвистическим экскурсом, посвященным названиям времен года в славянских языках.

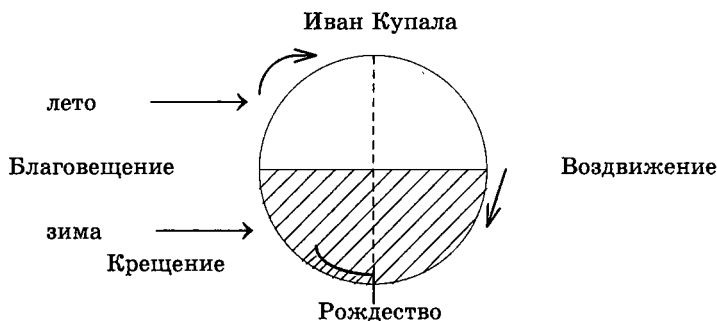
Для зимы и лета во всех славянских языках и диалектах существуют слова **zima* и **lěto* (словен. *polétje* 'лето'). Что касается названий весны и осени, то они различны в славянских языках. Лексема **vesna* 'весна' употребительна во всех восточнославянских языках и в польском языке, в то время как у большинства южных славян это значение выражается лексемой с корнем **lěto* и префиксом *pro-*: серб.-хорв. *пролеће*, диал. *пре-малеће*, болг. и мак. *пролет* или — в словенском — словосочетанием *mládo lěto*, чаще *pomlád*. У западных славян время созревания яровых хлебов было обозначено словом, которое теперь в литературном языке обозначает весну: чеш. *jaro*, словац. *jar*, н.-луж. *jaro*. Любопытно кашубское название весны *podlato*, обозначающее период мая и июня; этот же период верхнелужицкие сербы называют *předlěčo*. В том же значении известно и кашуб. *předlato*, структурно схожее, как и *podlato*, с южнослав. *пролет*, *пролеће* и т. п.

Та же модель в нескольких славянских языках выявляется в названии осени: чешск. *podzim*, при книжн. *jeseň*, в.-луж. *podzuma* 'поздняя осень', словен. *podzímen* 'относящийся к поздней осени', болг. диал. родопск. *пóдзима* 'осень'. Здесь также имеет место этимологическая связь названия осени с названием одного из двух основных периодов года — зимы. Во всех остальных славянских языках осень обозначается одной лексемой: польск. *jesień*, словац. *jeseň*, кашуб. *jeséń*.

Что касается сроков весны и осени, то они в разных современных традициях определяются по-разному. В городской традиции год делится поровну на четыре части. На долю весны выпадает у нас март, апрель и май, а на долю осени — сентябрь, октябрь и ноябрь. В двух академических словарях — чешского и словацкого языков — срок осени определяется от 23.IX. нов. ст. до 21.XII., а весны — от 21.III. нов. ст. до 21.VI. В других традициях это иначе, а у русских, занимающих большую территорию от севера до юга, сроки зависят от климатических условий.

Само представление о весне могло быть разным. Так, на Рязанской земле, в дер. Деулино в 60-х годах московские диалектологи зафиксировали значение слова *весна* как 'теплое время года', 'период между зимой и осенью': «С Пáски у нáс нъчина́ица вяснá и дакúда... да прáзника дъ асénьнива Ръжаствá Бъгарóдицы (8.IX. ст. ст.), с прáзникъ пайдéть в óсинь. Успénья вяснóй бывáить, в áвгусти. Снех напáдал, прикрýл вяснú [кончилось теплое время]. Как снех слéзить и дъ сýнябрá — фсё вяснá, а патóм óсинь дéсить нидéль с пълавинъй. [Грибы] бéлыйи вяснóй бывáють, с Питрóва дня» [ССРНГ, 79]. Надо полагать, что лексема *вясна* в рязанском говоре дер. Деулино частично вытеснила лексему *лето* из семантической сферы времен года, в то время как значение 'год, годовой отрезок времени' у слова *лето* сохранилось без изменения: «Лéта апáть прйдить, апáть Пáска будить», т. е. 'год опять наступит' [ССРНГ, 273].

Таким образом, архаическая народная система членения «круглого» года не совпадает с общепринятой и известной нам системой. И если изобразить год действительно круглым в виде часового циферблата, а движение солнца уподобить движению часовой стрелки, можно получить следующую схему:

Необъясненным остается изображенный на схеме отрезок времени от Рождества Христова (25.XII. ст. ст.) до Крещения (Богоявления — 6.I. ст. ст.), известный у русских под названием *Святки* (которые обычно делятся на *Святые вечера* — 25.XII. — 1.I. ст. ст. и *Страшные вечера* — 1.I. — 6.I. ст. ст.), а у сербов и болгар — под множеством названий: серб.-хорв. *Некрштени дани* 'некрещенные дни', *Несрећни дни* 'несчастливые дни', *Нечастиви дани*, *Нечисти дани*, *Ђаволски дани* 'дьявольские дни', *Бабини дани* (от баба 'злой дух'), *Бели дни* 'скоромные дни', *Благи дни* (вероятно, также 'скоромные дни'), *Неснов*, *Неснова*.

нице 'дни запрета сновать'; макед. *Некрстени денове (ноќи)*, *Караконцерови дене (ноќи)* (от *караконцол* 'злой дух'), *Погана недела*, *Бишкини дене* (от *бишка* 'свинья'), *Галатни денови* 'нечистые дни'; болг. *Погана недела*, *Черната недела*, *Нечисти дни (нощи)*, *Криви дни*, *Бугани дни* (т. е. 'поганные дни'), *Дяволски деня* 'дьявольские дни', *Нефели нощи* 'негодные ночи', *Глухи дни*, *Блажотии*, *Мрзници*, *Мрзслец*, *Блажни дни* (все четыре термина означают 'скромные дни')².

Уже сами названия отражают отрицательное отношение к интересующему нас зимнему промежутку времени, следующему за зимним солнцеворотом (22.XII. нов. ст.). В эту пору, по народному верованию, «Христос еще не был крещен», и потому злые духи появляются на земле и бесчинствуют. Происходит нечто вроде открытия земли, преисподней, из которой вылезает вся нечисть, особенно опасная по ночам. Сербь в Герже полагают, что в «некрещенные дни» злые духи и сверхъестественные существа приобретают исключительную силу и мощь, при этом покойники становятся вампирами, злые бабы и бабки превращаются в ведьм, чума морит больных, слышны крики чертей, нередки нападения бесов-«караконджул» и т. п. В эти дни не выпускают вечером детей во двор, стараются занавесить окна и скрыть домашний свет, опасаются родов, т. к. «родившийся в эти дни ребенок становится ведьмарем (*вештац*) или ведьмой (*вештица*)» или же вампиром, самоубийцей, утопленником [Пет. ЖОНГ, 223–224].

Сербь в Поморавье дни от Рождества до Крещения считают порой, «когда сила креста не властна над злыми сверхъестественными силами», от которых можно ожидать много неприятностей и даже смерть [Ђорђ. ЖОНЛМ, 350]. Этим силам противостоят колядовщики (*коледари*), а изгоняют их новогодние группы обходников (*сировари*, *сироваритина* — Горња Пчиња [Фил.—Том. ГП, 93–94]). Ряженье на Святки и появление нечистой силы известны во всех славянских традициях, и подробное упоминание о них, не говоря уже об описании, заняло бы слишком много места. Вспомним только об очистительной силе огня, которая используется в южнославянском обряде «бадняк» и других славянских обрядах. По южнославянским поверьям, в «некрещенные дни» преисподняя открыта, и бесовская нечисть шарит и

² Дни между Рождеством и Крещением особо отмечены почти во всей Европе: франц. *Douze jours*, испан. *Duodenario mistico*, немец. *Zwischennächte*, *Unter-nächte*, *Lösungsnächte* и др., австр. *Mitwinternächte* и др., румын. *câșlegi*.

блудит на грешной земле, а перед Богоявлением земля закрывается, и тут же в полночь на миг отверзаются небеса. В этот миг ветер перестает дуть, останавливаются все реки и ручьи и вода превращается в вино [Пет. ЖОНГ, 235]. Таков далеко не полный перечень особенностей «некрещеных дней»-святков в сербской традиции, к которой близки болгарская и македонская традиции. Западные и восточные славяне имеют также богатую обрядность и сопровождающие ее запреты, предписания, представления о сезонных мифологических персонажах — шуликунах, святочницах и прочих.

Святки, близкие по времени к зимнему солнцевороту, перекликаются по обрядности и верованию в бесчинство нечистой силы с днем или, точнее, ночью накануне праздника Ивана Купалы, который следует за днем летнего солнцеворота. На прямую связь «страшных» вечеров с общеславянским летним Ивановым днем указывает сибирский обряд, описанный А. Макаренко в его «Сибирском народном календаре»: «Кто желает быть счастливым и богатым, пусть в Иванову ночь, говорится на Ангаре, накосит копну травы и сохранит до Страшных вечеров. Рекомендуются пойти „тогда“ к этой копне ночью, обойти вокруг нее „благодаря“ (с молитвой) и очертить круг „огарком“ (от первой лучины, зажженной осенью): черти, которые с особым удовольствием избирают для своих сборищ „ивановские копны“, взмолятся и за отпуск из крайне неприятного для них положения пообещают исполнить все требования такого смельчака» [Мак. СНК, 65]. По восточнославянским народным представлениям, с праздником Ивана Купалы связана активная деятельность ведьм и колдуний, занимающихся похищением молока у коров и урожая с чужого хлебного поля. Против их воровства и разгула применяются различные магические приемы и предохранительные меры. Такие представления известны и у южных славян, но не повсеместно. Так, у болгар в Родопах, помимо ряда ритуалов, связанных со сбором целебных трав, витья венков и бросания их в воду, известна практика рисования дегтем крестов и разбрасывания в поле колючего боярышника, чтобы помешать чародейкам (*магешници*) и похитительницам (*мамници*) появляться в поле нагими верхом на ткацком навое и воровать чужое жито [Род., 111].

Разделение года на отрезки времени шло в народе не по месяцам, а по праздникам, хозяйственным нуждам или по постам, что создавало особую систему счета. У тех же болгар, живущих в северо-западной Болгарии, период января назывался *Голѣм Сѣчко*, и в нем были *Сурваки*, *Водици*, *Бабинден*, *св. Атанас*; фев-

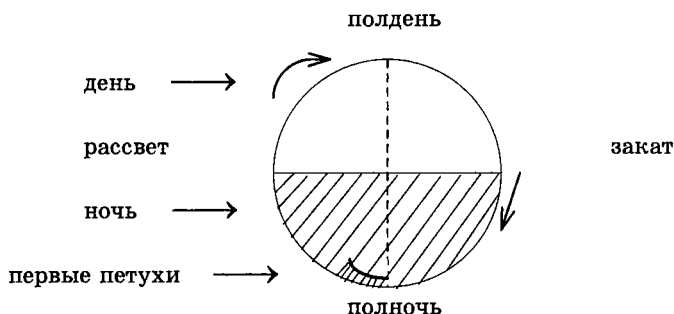
раль был *Мáли Сéчко*, март — *Бáба Мáрта* — делился праздниками *Младенцѣй* (40 мучеников) и *Блáговец* (Благовещение), в апреле был день св. Георгия, и это был *Гергьовски месец*, май — *Спасовски месец*, или *кóпанье куку́руз*; в июне выделяется три периода: *Русáльска неделя*, *Еньовден* (Иванов день), *коситба* (косовица); на июль приходятся *Горéшняците*, т. е. жаркие, горячие дни, св. Илья и жатва; август — *Пребраженье*, *Голéма Богорóдица* (Успение), *Секновенье*, *Взршитба* (молотьба); сентябрь — *Малá Богорóдица* (Рождество пресв. Богородицы), *Крѣстовден* (Воздвижение), *Гроздо-бер* (сбор винограда); октябрь — *Димíтровски месец* — *Петкóвден* (день св. Параскевы), *Димитровден*, *Убранье кукуруз* (уборка кукурузы); ноябрь — *Рáнгеловски месец* — содержит *Рáнгеловден* (день св. Михаила), *Мрáтинците* (11–13. XI), св. Андрей; декабрь — *Никулíца* — включает св. Никола, *Игнажден* (день св. Игнатия), *Кóледа* (Рождество Христово) и *Мрѣсните дни* (Святки), продолжающиеся и во время *Голем Сечко* [Мар. ИП II, 56]. Появившаяся относительно поздно книжная и городская система двенадцати месяцев была в народе воспринята частично, дополнительно, а бóльшая часть месяцев переименована по названиям ключевых праздников.

Обратимся теперь к славянским народным представлениям о сутках и о поведении нечистой силы в этот, относительно небольшой отрезок времени. Подобно году, но с более очевидной зависимостью от движения солнца по небосводу, сутки делятся на день и ночь, а «межевыми» временными рубежами оказываются утренняя и вечерняя заря (рассвет и закат), а также полдень и полночь. Опять-таки на рассвете или закате и одновременно на полевой меже предпочтительно колдовать и врачевать, заговаривать заговором. На ночь, после захода солнца нельзя оставлять из-за нечистой силы пеленки и некоторые другие предметы на дворе, а в полночь и в полдень следует опасаться действия сверхъестественных мифологических существ и бесов, имеющих свое избранное время. Такой порой, когда бесовское отродье чувствует себя особенно вольготно, испытывает свою силу и опасно для человека и всего живого, является так называемая *глухая ночь* (по-сербски *глуво доба*, по-полесски *глупица*), длящаяся от полночи до первых петухов. В этот промежуток времени черти или им подобные существа могут съесть человека, оставив только кости, ездить на нем верхом, издеваться над ним, втоптывать его в грязь и т. п. Многочисленные былички, эпизоды в сказках и мемуары говорят об этом, и едва ли есть нужда приводить примеры из отдельных славянских традиций. Они известны. Менее извест-

на деятельность бесов в полдень — в очень опасное время суток. Нечисть, появляющаяся в этот миг, имеет даже свое особое название. У русских это женская особь *полудница* — страшная, уродливая или, наоборот, очень красивая женщина, появляющаяся на полях ровно в полдень в период цветения и созревания хлебов, и мужская особь *полуденник*, представляющий опасность для малых детей. В Полесье *полудзенник* — призрак умершего неестественной смертью, страшный, черный человек, появляющийся в полдень. На Гомельщине (с. Великое Поле, Петриковск. р-н) детей не пускали в полдень на реку, «чтобы полуденник не утащил», т. е. водяной, появляющийся в полдень [Лев.-Ус. ПВО, 158]. На Русском Севере, на Пинеге знают *беса полуденного*, а *полудниц* считают его детьми [Чер. МЛРС, 37]. В то же время полудница могла защекотать до смерти в полдень тех, кто в это время оставался на пожне [Пом. МОПП, 148]. Об общеславянском характере этого персонажа свидетельствуют чешск. *poludnice*, диал. *poled-nice* 'женщина-призрак', душащая непослушных детей, польск. *przypoludnica* 'женщина — полевой дух, появляющийся в полдень'; ею страшат также детей, которые лакомятся стручками созревающего гороха: «не ходите в горох — полудница разорвет!», в.-луж. *připoludnica* 'полудница, полуденная ведьма — красивая и коварная женщина в белых одеждах'.

О полуднице и полуденных духах имеются две монографии — Р. Кайуа [Caill. SMDS] и Э. В. Померанцевой [Пом. МОПП], что позволяет нам отказаться от более подробного описания и раскрытия этой весьма интересной темы.

Обращая взор на изложенный материал в целом, нельзя не заметить четкой изоморфности схемы деления суток на различные временные отрезки и схемы деления года на периоды. Эта изоморфность достойна удивления. Представим сутки, так же как и год, в виде круга или часового циферблата:

Из схемы очевидно, что *ночи* соответствует *зима*, *дню* — *лето*, *полночи* — *Рождество*, *полдню* — *Иван Купала*, *рассвету* — *Благовещение*, а *закату* — *Воздвижение*. Полдень делит день пополам, а полночь так же делит ночь, все же сутки делятся рассветом и закатом на день и ночь; но так же делится и год Благовещением и Воздвижением или Юрьевым днем и Димитровым днем. Самое любопытное в этих двух схемах — изоморфность периодов после полуночи в сутках и после Рождества Христова — в году.

Полдень длится очень недолго, в сущности, один миг, и в этот миг полудница или полуденник может, по народным представлениям, сразить человека, затем угроза исчезает, в то время как полночь со всеми ее опасностями — лишь начало глухого периода ночи, который длится до первых петухов. Этому глухому периоду соответствует в годовом круге тринадцатидневье — Святки (или Страшные вечера), Некрещеные дни, Поганные дни. С ними в середине лета соотносится только один день, точнее, только одна ночь — это ночь под Ивана Купалу, купальская ночь. Ночь ритуального, строго регламентированного бесчинства, ночь присутствия и разгула нечистой силы, ночь стихии воды и купания в воде, ночь стихии огня и очищения огнем. Купальская ночь — это также ночь почитания земли, плодоносной и приготовившей свой урожай, ночь, когда можно и нужно бить землю горячими головешками, вызывая ее плодородие. Во всех остальных случаях бить землю — великий грех, т. к. земля — мать, «мать-сыра земля». Эти представления ярче всего выражены у русских, у восточных славян, но они присущи в том или ином виде всем славянам вообще. Вероятно, описанная система годового и суточного времени свойственна не только славянской народной традиции, но и традиции других индоевропейских народов, однако это предположение следует подтвердить материалом и доскональным анализом будущего исследователя.

ЛИТЕРАТУРА

- БМ — Българска митология. Енциклопедичен речник / Съст. А. Стойнев. София, 1994.
- Ђорђе. ЖОНИМ — Д. М. Ђорђевић. Живот и обичаји народни у Лесковачкој Морави. Београд, 1958.

- Лев.-Ус. ПВО — Е. Е. Левкиевская, В. В. Усачева. Полесский во-
дной на общеславянском фоне // Славянский и балканский фольк-
лор. Этнолингвистическое изучение Полесья. М., 1995, с. 153–172.
- Мак. СНК — А. Макаренко. Сибирский народный календарь. Но-
восибирск, 1993.
- Мар. ИП II — Д. Маринов. Избрани произведения. Т. II. Етногра-
фическо изучаване на Западна България. София, 1984.
- Мар. НВ — Д. Маринов. Народна вяра и религиозни народни оби-
чаи. София, 1914 (СбНУ, кн. XXVIII).
- Нед. ГОС — М. Недељковић. Годишњи обичаји у Срба. Београд,
1990.
- Пет. ЖОНГ — П. Ж. Петровић. Живот и обичаји народни у Гру-
жи. Београд, 1948.
- Пир. кр. — Пирински край. Етнографски, фолклорни и езикови про-
учвания. София, 1980.
- Пом. МОПШ — Э. В. Померанцева. Межэтническая общность
поверий и быличек о полуднице // Славянский и балканский
фольклор. Генезис. Архаика. Традиции. М., 1978, с. 143–158.
- ПЭЛС — Полесский этнолингвистический сборник. Материалы и ис-
следования / Ред. Н. И. Толстой. М., 1983.
- Род. — Родопи. Традиционна народна духовна и социалнонормативна
култура. София, 1994.
- СД I — Славянские древности. Этнолингвистический словарь / Ред.
Н. И. Толстой. М., 1995, т. 1.
- ССРНГ — Словарь современного русского народного говора / Под ред.
И. А. Оссоветского. М., 1969.
- Фил.-Том. — М. С. Филиповић, П. Томић. Горња Пчиња. Бео-
град, 1955.
- Чер. МЛРС — О. А. Черепанова. Мифологическая лексика Русско-
го Севера. Л., 1983.
- Caill. SMDS — R. Caillaouis. Les spectres de midi dans la demonologie
slave // Revue des études slaves. Paris, 1936, No 16; 1937, No 17.

Лексический материал проверен по словарям: польский — по 11-том-
ному словарю под ред. В. Дорошевского (1958–1969), кашубский — по
словарю Б. Сыхты, чешский — по 4-томному академическому словарю
(1960–1971), словацкий — по 6-томному академическому словарю
(1959–1968), верхнелужицкий — по лужицко-польскому словарю Г. Зе-
мана (1967).

ВРЕМЯ КАК ИНСТРУМЕНТ МАГИИ: КОМПРЕССИЯ И РАСТЯГИВАНИЕ ВРЕМЕНИ В СЛАВЯНСКОЙ НАРОДНОЙ ТРАДИЦИИ

В традиционной народной культуре славян время наряду с другими элементами и свойствами внешнего мира наделяется положительной или отрицательной оценкой: оно может быть добрым и злым, чистым и нечистым, опасным и благоприятным. От времени рождения человека зависит его земная судьба, временем смерти определяется его посмертная судьба; выбор «правильного» времени является непременным условием успеха любого начинания: сева, жатвы, выгона скота на пастбище, закладки дома, снования полотна, сватовства и т. д. Время служит важнейшим регулятором всей практической и ритуальной деятельности людей и является одним из главных инструментов упорядочения мира и регламентации человеческой жизни [10]. Непреложность временных предписаний в народной традиции хорошо иллюстрирует пример, приводимый Д. К. Зелениным в его «Восточнославянской этнографии»: в южнорусских областях (и только в них) существуют определенные сроки начала пахоты (в разных местах разные) — в Рязанской губ. Чистый четверг, в Калужской — 1 или 17 апреля и т. д. Если в этот день еще держится зимняя погода и выехать в поле нельзя, то пахут землю, которой засыпан потолок избы, для чего соху затаскивают на чердак, и один человек держит ее как пахарь, а другой тянет, изображая лошадь [3, 54]. Такое отношение ко времени не исключает, однако, стремления каким-то образом преодолеть его, овладеть им и сделать его объектом и инструментом магии. Главными приемами подобных магических актов оказываются сжатие (компрессия) времени и противоположный прием — магическое растягивание времени.

Тот же Д. К. Зеленин в 1911 г. впервые описал древний языческий по своему характеру восточнославянский обряд изготовления так называемых обыденных предметов [4]. Обыденными или однодневными назывались у русских и белорусов предметы, изготавливавшиеся с магической целью (чаще всего для защиты от мора, эпидемий и стихийных бедствий) и с соблюдением особого ритуала в течение одного дня (от восхода до захода солнца) или одной ночи (от захода до восхода солнца). Это мог быть холст, полотенце, рубаха, деревянный крест, церковь, реке другие предметы.

Д. К. Зеленину не были известны аналогичные факты других славянских традиций, между тем обычай создания в защитных целях обыденных предметов распространен значительно шире восточнославянской территории. В частности, у сербов обряд магического «рождения» рубахи был описан еще в конце прошлого века и затем был подтвержден другими аналогичными свидетельствами.

Ритуал создания тканых изделий состоял в том, что по предварительному уговору в одну избу или в одно место села сходились женщины (иногда действовало дополнительное условие: только старые, «чистые» женщины, обычно вдовы), реже девушки, приносили с собой по горсти пряжи (или нитки) и старались до положенного срока спрядать нитки, основать, выткать полотно и, если речь шла о рубахе, шить. Во время работы часто соблюдали молчание. Холст или полотно ткали как можно длиннее, иногда в несколько десятков метров. Вытканное полотно жертвовали в церковь, вешали на икону или несли на придорожный крест, опоясывали им церковь, дом, обходили с ним село, поле, прогоняли по нему или под ним скот (на Черниговщине после этого полотно сжигали) и т. п. Тканье обыденного рушника могло сопровождаться параллельным ритуалом — изготовлением и установкой мужчинами обыденного креста (обычно очень больших размеров). Иногда кресты сооружались независимо от тканья полотна, например, у русских «холерные» кресты или у южных славян «градовые» кресты, т. е. кресты для защиты села от холеры или от града.

В восточной Сербии, в районе города Пирота как только становилось известно, что будет война, собирались в полночь девять старух и до утренней зари в полном молчании ткали полотно и шили из него одну рубаху, через которую должны были пролезть все, кто уходил на войну. Это должно было, по народным представлениям, защитить от смерти. Обыденные рубахи изготавливались и в случае эпидемии чумы и назывались «чумными»; в Косово и Метохии их за одну ночь пряли, ткали и шили две сестры-близнецы с «останавливающими» именами (например, *Стоя* и *Стоянка*).

В Белоруссии рыбаки плели в день св. Алексея (17 марта ст. ст.) обыденную сеть, чтобы хорошо ловилась рыба. Известны также случаи выпекания обыденного хлеба, которому приписывались магические свойства — возвращать оборотню-волку человеческий облик, излечивать бешенство и другие болезни.

На Руси с давних пор (отмечен уже в XIV веке) существовал обычай в случае мора строить деревянные обыденные церкви, память о котором сохранилась в названии многих церквей в городах

бывшей Московской и Новгородской Руси (ср., например, в Москве храм Ильи Обыденный). Строительство таких храмов начиналось с рубки деревьев в лесу и кончалось освящением церкви и службой в тот же день. В IV Новгородской летописи содержится запись под 1390 годом: «бысть моръ въ Новѣгородѣ желѣзоу а мѣсяца октября въ 12 въ среду крестьяне поставили церковь въ едино утро из лѣса привозивъ бервьна... И свящаль владыко Иванъ того же утра» [4, 210].

Во всех подобных ритуалах изготавливаемые предметы и сооружения приобретали сакральность и магическую силу благодаря полноте и завершенности всего технологического процесса, его временной концентрации, его «спрессованности» во времени. Подобные свойства сакральности и магической действенности приписывались у славян не только обрядам, но и вербальным текстам, содержащим мотив замкнутого в круг времени (жизненного, вегетативного или производственного). Мотив «жития» человека, растения или предмета (артефакта), становясь содержанием текста, также оказывался магическим, охранительным или продуцирующим, средством.

В славянском фольклоре широко известны песни, в которых описываются с соблюдением строгой последовательности все этапы роста, созревания, переработки культурных растений, чаще всего льна и конопли (но также и мака, пшеницы, винограда, перца, капусты и др.) от момента сева (или даже пахоты) до получения конечного продукта — полотна, рубахи, пояса, полотенца, вина, хлеба и т. д. Песни такого содержания способны, по народным верованиям, отгонять градовые тучи, излечивать болезни, защищать от нечистой силы и дикого зверя.

В Сербии градовые тучи разгоняли пением песен, рассказывающих о муках и страданиях пшеницы или чаще конопли, на долю которой выпадают самые большие мучения: ее рвут, мочат, мнут, треплют, ткут, варят и т. д. В Закарпатье рассказ об обработке конопли, изготовлении полотна и шитье сорочки служил заговором от болезни «волокну» (вид опухоли). В восточной Сербии текстом о возделывании льна лечили боли в груди. Ворожея брала 9 веретен, вертел, нож и лопатку для углей и, размахивая ими над головой больного, произносила: «Посеяла я лен, лен на Видов день. Взошел лен, лен на Видов день. Вырвала я лен, лен на Видов день...» (И так далее с перечислением всех действий: «замочила, вытерла, вымяла, ободрала, надела рубаху...»). Завершался заговор типичными «отгонными» словами: «Остановись, прекрати! тебе здесь места нет! Иди в зеленый лес!», адресованными болезни.

«Повесть льна» и других растений служила средством защиты от нечистой силы и демонов благодаря магии «спрессованного» в ней времени. У лужичан существует поверье, что при встрече с полудницей (женским демоном полдня) можно спастись от нее подробным рассказом о возделывании льна или конопли, иначе она убивает человека, отсекает ему голову серпом, обращает его в камень, калечит, насылает тяжелую болезнь, насмерть замучивает своими вопросами о льне, прядении, приготовлении полотна и т. п. И. И. Срезневский в конце прошлого века записал рассказ о сербо-лужицкой «приполуднице»: «в летнее время, в дни жатвы, как станет жарко, около полудня из рощи из-за реки выходит высокая прекрасная девушка, вся завитая во что-то белое (сидит у воды, расчесывает волосы, печально песню поет), спрашивает у жниц — как им жнется, много ли ужали, много ли осталось, как сеяли, боронили, как всходило, расцветало, созревало, как жнут, веют, молотят и мелют...» [6]. У гуцулов известна быличка о страннике, который спасся от упырицы с помощью рассказа о выращивании капусты и других огородных работах: странник ночует в избе, хозяйка которой упырица; для защиты от нее странник повел рассказ о капусте («коло капусты е работа»); упырица хотела выпить у странника кровь, но не смогла — рассказанная им «байка о капусте» встала около него оградой [8, 107]. В Полесье рассказ о «житии» хлеба мог служить оберегом при встрече с волком.

В Черногории и Македонии были популярны танцы с песней о перце, сопровождаемой имитацией всех работ по выращиванию перца: танцующие женщины «волочили, боронили, собирали, несли, мололи, пекли, ели» перец. Широко известная русская песня «А мы просо сеяли» также восходит к весеннему обряду, воспроизводящему земледельческие работы (причем архаического типа подсечного земледелия), начиная с раскорчевывания пашни и кончая молотьбой (подробнее см.: [11; 12]).

Магический прием компрессии времени применялся также в популярных у славян гаданиях, где каждый день символизировал один из предстоящих месяцев или сезонов года. Например, по погоде первых 12 дней сентября гадали о погоде всего грядущего года по месяцам. Подобный прогностический характер имел и обычай проращивания злаков перед одним из крупных годовых праздников — Рождеством, Пасхой и др. Этот обычай широко распространен в северо-западной части южнославянской этнической области (т. е. у словенцев и хорватов), но встречается и в других местах, чаще всего как предрождественский ритуал: в один из дней начала адвента, например, в день св. Варвары (4 декабря)

высаживают в миске зерна разных злаков — пшеницы, овса и т. д., и по тому, как они взойдут и поднимутся к Рождеству, предсказывают будущий урожай. Здесь превентивно и в сжатый срок «проигрывается» весь процесс возделывания поля — с магической целью обеспечить плодородие и предсказать урожайность разных культур.

Еще одним любопытным примером магической компрессии времени может служить известный на русско-белорусском пограничье обряд, называемый «борона». Он состоит в том, что участники обряда (женщины) собираются и начинают одновременно петь календарные песни, закрепленные за разными годовыми праздниками и периодами, — рождественские, весенние, купальские, жнивные и т. д. Такое одновременное исполнение разных по содержанию, по напеву и по календарной приуроченности песен создает мощный какофонический аккорд, магический эффект которого определяется сжатием годового времени до одного момента, свертыванием его в «клубок», а также, вероятно, и самим звуковым хаосом. Обряд используется как способ вызывания дождя во время засухи или изгнания ведьмы. (Сообщила О. А. Пашина.)

Интересно отметить, что представления о магической силе «спрессованного» времени живы и в наши дни. В одной из полесских экспедиций моим коллегой А. В. Гурой было записано в Кобринском районе на Пинщине такое свидетельство: «во время последней войны говорили: война тогда кончится, когда в одном дне совпадут три праздника. Так и случилось: 6 мая (23 апреля ст. ст.) 1945 годы был *Юрий, Пасха и нэдiля* [воскресенье] — и кончилась война».

Противоположный прием — магическое растягивание времени — использовался, главным образом в католических славянских традициях, также для изготовления специальных магических предметов, например, стульчика или скамеечки, с помощью которых можно было в большой праздник — на Пасху или Рождество в церкви во время службы распознать среди прихожан ведьму. Такую скамеечку делали на протяжении всего рождественского поста, а иногда и целого года, причем заниматься этим следовало ежедневно, ударяя топором не более одного раза в день. В Подкарпатской Руси считали, что нужно «на святой вечер (т. е. в рождественский сочельник) начать делать стульчик и каждый день по разу тесать его целый год и только на следующий год на святой вечер закончить этот стульчик. Когда же люди идут на всенощную, нужно взять с собой этот стульчик, зерно кукурузы, которое выпало из-под мельничного жернова неразмолотым и так

было запечено в хлеб, тогда этот человек увидит тех, кто является босорканями» [9, 23].

По верованиям словаков, чтобы увидеть на рождественской службе стригу, следовало со дня св. Люции (13 декабря) до Рождества плести кнут (бич), растягивая это плетение на весь срок, и с этим кнутом прийти на службу. Можно было увидеть стригу и не в церкви. Для этого надо было в рождественскую полночь взять скамеечку, сделанную от Люции до Рождества, пойти на перекресток, сесть на скамеечку и обвести вокруг себя черту ореховой палкой или освященным мелом; можно было и остаться дома в то время, когда все пошли на рождественскую службу, и сидя на скамеечке, ждать стригу, которая якобы сама должна была прийти. Тот, кто каждый день во время адвента делал насечку на ручке двери, мог узнать ведьму по исцарапанному носу. Кто каждый вечер от Люции до Рождества гляделся в зеркало, тот в рождественский сочельник видел в нем стригу. Стриги разоблачали себя также и перед тем, кто во время адвента ежедневно забивал клин в колоду, — к тому они приходили в рождественский сочельник «вытягивать эти клинья зубами». Они сами приходили также в дом, где на Рождество горели поленья, откладываявшиеся каждый день до восхода солнца от Люции до Рождества [14, 40–41]. В Полесье, на Житомирщине применяли сходные приемы, но не в рождественский, а в Великий пост: в каждое воскресенье поста вынимали из печи по одному полену из тех, что там сушились, откладывали их и потом во время пасхальной всенощной поджигали их в печи. Тогда ведьма сама приходила в дом под тем предлогом, что хочет попросить что-нибудь взаймы. А в бывшей Волынской губ. каждую пятницу Великого поста откладывали по щепке из мусора, а на Пасху перед рассветом все 8 щепок зажигали в печи, и ведьма приходила просить огня [5, 276].

В Южной Польше, в районе Жешува, в день св. Люции девушки отправлялись с топором в лес, там они одним ударом срубали молодую осину, разрубали ее на поленца и каждый день по одному поленцу приносили домой, добавляя их в топку. Поленцев должно было хватить до Рождества. В сочельник остатками поленьев они разжигали огонь, на котором кипятили в воде завернутые в полотно иголки и булавки, купленные на мелкие деньги. В это время следовало приоткрыть дверь, так как считалось, что должна прийти ведьма и таким образом себя разоблачить [15, 13].

Украинцы на Карпатах, в Подгорье, чтобы распознать ведьму, делали из бузины борону, причем мастерили ее целый год,

начиная с Юрьева дня (23 апреля ст. ст.), ежедневно, не пропуская ни праздников, ни воскресений, до следующего Юрьева дня. Затем в сам праздник св. Юрия на рассвете нужно было пойти с этой бороной бороновать. Когда человек, сделав все это, возвращался с поля, ведьма сама должна была к нему прийти [12, 211].

У русских в Заонежье применяли «растягивание» времени при изготовлении подвенечной женской рубахи. По свидетельству знаменитой плакальщицы И. А. Федосовой, «кроили ее четыре вечера благовещенских, шили — три вечера рождественских, вышивали по заутреням Христовым (на Пасху), дошивали по обедам петровским» [13, 213]. По мнению исследователя Заонежья К. Логинова, «такая рубаха становилась оберегом, потому что делалась в «святые дни», а девушки при этом уподоблялись колдунам, делая свою работу в то время, когда прихожане шли в церковь, а колдуны занимались ворожбой» [7, 109]. В контексте всего приведенного здесь материала становится ясно, что в данном случае имело значение не только сакральное время, но и «растянутое» время.

Еще одно интересное свидетельство о магии «растянутого» времени можно усмотреть в белорусской народной терминологии поминальных дней: первые в году поминки, на Фоминой неделе, называются *снедане па радзицелях*, т. е. «завтрак» в честь умерших предков; следующие поминки, на Троицу, называются *абед па радзицелях*, т. е. «обед по родителям»; поминальный день перед мясопустной неделей называется *палудзень па радзицелях*, а осенние поминки в Дмитровскую субботу — *вечера па радзицелях*, т. е. «ужин по родителям» [1]. Если в упоминавшемся раньше обычае гадать о погоде по первым 12 дням сентября каждый день символизировал месяц, то здесь каждый поминальный день приравняется к одному из отрезков суточного времени.

Примеры такого рода можно было бы многократно умножить. Очевидно, что во всех подобных магических приемах растягивание времени воспринимается как способ сакрализации предметов, приобретающих, благодаря такому продолжительному и разделенному на порции процессу изготовления, особую магическую силу и сообщающих человеку способность особого зрения, сверхвидения. Этот способ сакрализации оказывается зеркальным, противоположным по отношению к рассмотренному выше приему компрессии времени, но в обоих случаях имеет место отклонение от нормальной технологии изготовления предметов — либо в сторону ускорения, либо в сторону замедления, и именно это отклонение от нормы становится источником магических свойств. Таким

образом, для традиционной народной культуры характерно принципиально иное, отличное от нашего, отношение ко времени. Если мы пребываем во власти времени и сами не властны над ним, то носители традиционного мировосприятия находятся со временем в «деловых» отношениях, они могут в определенной степени управлять временем и использовать его в качестве магического средства воздействия на окружающий мир.

ЛИТЕРАТУРА

1. П. П. Демидович. Из области верований и сказаний белорусов // Этнографическое обозрение, 1896, № 1, 2.
2. Етнографічний збірник. Львів, 1898, т. 5.
3. Д. К. Зеленин. Восточнославянская этнография. М., 1991.
4. Д. К. Зеленин. «Обыденные» полотенца и обыденные храмы (русские народные обычаи) // Д. К. Зеленин. Избранные труды. Статьи по духовной культуре. 1901–1913. М., 1994, с. 193–213.
5. Д. К. Зеленин. Описание рукописей Ученого архива Императорского Русского географического общества. Пг., 1914, т. 1.
6. Из бумаг И. И. Срезневского. Сербо-лужицкие народные поверья // Живая старина. СПб., 1890, т. II, с. 57–62.
7. К. Логинов. Семейные обряды и верования русских Заонежья. Петрозаводск, 1993.
8. А. Онищук. Матеріали до гуцульської демонології // Матеріали до українсько-руської етнології. Львів, 1909, т. XI, отд. 1.
9. Подкарпатская Русь. Р. VII, ч. 1–2. Ужгород. Январь–февраль, 1930.
10. С. М. Толстая. Мифология и аксиология времени в славянской народной культуре // Культура и история. Славянский мир. М., 1997, с. 62–79.
11. Н. И. Толстой. Vita herbae et vita rei в славянской народной традиции // Славянский и балканский фольклор. Верования. Текст. Ритуал. М., 1994, с. 139–168.
12. Н. И. и С. М. Толстые. Жизни магический круг // Сборник статей к 70-летию проф. Ю. М. Лотмана. Тарту, 1992, с. 130–141.
13. И. А. Федосова. Избранное. Петрозаводск, 1981.
14. E. Horváthová. Rok vo zvykoch našho ľudu. [Bratislava], 1986.
15. A. Karczmarszewski. Obrzędy i zwyczaje doroczne wsi rzeszowskiej. Rzeszów, 1972, s. 13.

О НЕКОТОРЫХ СЛОВАХ ВРЕМЕНИ В УКРАИНСКОМ ЯЗЫКЕ

Предметом рассмотрения являются украинские лексемы *пора* (русск. *пора*), *часи* (русск. *времена*), *година* (русск. *время, година*), *доба* (русск. *период, эпоха*), которые входят в группу слов, обозначающих длительные временные промежутки. В этом отношении они противостоят словам времени со значением одномоментности (*мить, момент* и др.) и со значением краткости периода (например, *хвилина, часина*).

Эти лексемы относятся к общеславянскому лексическому фонду, и в их значении, сочетаемостных свойствах, функционировании обнаруживаются реликтовые явления. С другой стороны, будучи широко употребительными словами, они включаются в специальные (тексты по истории, природоведению и т. п.), научно-популярные, художественные и др. контексты, которые «проявляют» их разнообразные семантические возможности. Не ставя себе задачей описать семантико-функциональные характеристики названных лексем в целом, мы ограничимся рассмотрением их концептуально стержневой семантики и, главным образом, их «денотативного потенциала» — соотносительности с теми сферами, в которых временной промежуток может быть назван *пора, часи, година, доба*¹.

1. *Пора* обозначает период «природовремени» — времени, в котором присутствие человека вторично, оно не подвластно ему и не организуется им. Бытование человека здесь подчинено природным явлениям, которые предопределяют его деятельность и влияют на его психические, физические и пр. состояния. Определения к слову *пора* отражают два основных референциальных аспекта: природных годовых и суточных циклов (*літня, зимова, весняна, передранкова, вечірня, денна, тепла, пізня, тиха*) и деятельности человека в определенный момент или период цикла, причем такая деятельность мыслится как навязываемая состоянием природы (*робоча, обідня, сінокосна пора; пора плодоношення, жнив*). В некоторых случаях эти два аспекта предстают синкретично: *грибна пора* — это время, когда растут грибы, и время,

¹ В данном исследовании использованы материалы Лексической картотеки Института украинского языка НАН Украины.

когда принято собирать грибы. Аналогия, стандартно проводимая между годовым циклом и жизненным циклом, позволяет использовать это слово применительно к «естественным» периодам жизни человека: говорят *дитяча, шлюбна пора; пора кохання, молодих мрій*; ср.: *Моя пора казок відійшла у шість років* (Стельмах).

Приспособленность слова *пора* обозначать единицы природного времени проявляется и при его сопоставлении с лексемой *час* (русск. *время, час*), которая, будучи наиболее употребительным временным словом в украинском языке, чаще включается в высказывания о событиях социальной сферы. Говорят *Настав час* (но не *пора*) *прощання, прогулянки, під час* (но не *в пору*) *перерви, засідання*. Если русск. *пора* может сочетаться с номинациями социальных событий (ср.: *пора формирования общества, становления государства* [3, 146–147]), то для укр. *пора* такие сочетания нетипичны. Исключения составляют случаи, при которых в слове актуализирована семантика цикличности, регулярной повторяемости (ср.: *...настане було пора виборів* у П. Мирного), закономерного наступления нового состояния: ср.: *Майже всі перші книжки прозайків присвячені порі мирного післявоєнного будівництва* (Смолич), где выбор слова *пора* обусловлен трактовкой следующего после окончания войны периода как естественного, закономерного и в этом сходного со сменой природных периодов. Однако, подобно русск. *пора*, укр. *пора* выступает носителем идеи нормативности, семантика нормы обнаруживается в ее предикативном употреблении [3, 165–166]; выражение *Пора (на порі) це зробити* означает, что говорящий считает нормальным, закономерным осуществление данного действия и ненормативным противоположное: *Збираюсь колядувать, а вже й щедрувать пора*.

2. Определения к слову *часи* демонстрируют две его семантико-функциональные черты — приспособленность к обозначению прошедших периодов и к их оценке. Связь с прошедшим обнаруживается в словосочетаниях *давні (давноминулі, старі, колишні, далекі, прадавні) часи*, обозначающих некие неопределенные периоды прошлого, а также в словосочетаниях, называющих различные исторические периоды с нечеткими границами (*потьомкінські, татарські, запорозькі, гайдамацькі, давні варварські часи*). Для них, а также для сочетаний с оценочными прилагательными *тривожні, важкі, криваві, неспокійні, сумні* и т. п. типично выполнение референциальной функции, часто в составе обстоятельственного детерминанта: *Прийшла вчителювати в часи трудні, коли вогняна боротьба отут лютувала повсюди в цих краях* (Гончар).

Прошедшее, которое обозначается лексемой *часи*, мыслится вне связи с настоящим, как относящееся к давнему временному плану и по сути является предпрошедшим временем. Эта черта лексемы *часи* проявляется в ряде контекстов при сопоставлении с лексемой *час*. Так, выражение *з часів реформи і донині* несет, кроме основного смысла, дополнительный — «реформа была проведена давно», который не присутствует в выражении *з часу реформи і донині*. Семантика предпрошедшего создает предпосылки для сочетаемости лексемы *часи* с глаголами памяти и одновременно накладывает дейктические ограничения на использование таких сочетаний в составе высказывания. Реплика *Я згадав часи перебудови*, произнесенная в середине 90-х гг., выглядит достаточно странно, а высказывание *Я добре пам'ятаю довоєнні часи* звучит естественно, если говорящий пожилой человек. Употребление этой лексемы в таких контекстах предполагает, что период, к которому относится момент речи, и период — объект референции — разделены значительным временным промежутком.

Предпрошедшее как сфера референции лексемы *часи* конкретизируется в историческом времени (ср. [3, 152]), так что специфической особенностью функционирования этой лексемы становится приспособленность к обозначению единиц историко-событийного пространства. Это хорошо видно в развитии генитивных конструкций, где второй компонент называет историческую фигуру, событие, явление, по которым исторический период идентифицируется: *часи Колумба, Суворова, Богдана Хмельницького; часи застою, нацизму, Сталінграду, крижачьких походів*; ср.: *...поетика підтексту, якою такий багатий і щедрий діаріуш, у часи Миколи Ханенка була знана і широко практикувалася* (Шевчук). Естественно сказать: *В часи, коли почалась англійська революція (коли жив князь Володимир)*, но не *В часи, коли я був маленьким (коли ми жили в Криму)*.

В приводимом ниже высказывании именно переживание говорящим текущего периода как исторического обуславливает выбор лексемы *часи* применительно к плану настоящего времени: *Я завжди, він і тепер, у ці тривожні часи, обстоював погляд, що земля має належать до тих, хто її обробляє* (Коцюбинский).

Исторической «специализации» лексемы *часи* как наиболее выраженной характеристике можно противопоставить ее употребление в нейтральных, отмеченных экспрессией контекстах, в которых она, как правило, входит в эмфатическую конструкцию. Это наблюдается главным образом в художественных текстах: 1) *А тоді, в часи великого очманіння, хіба що випадок уберіг тебе...*

2) *В ті часи праця художників вважалась священнодійством!* (Гончар). 3) *Настали часи інші, завелись порядки другі в Чіпчиній хаті* (П. Мирный), где выражение экспрессии как компонент коммуникативного намерения автора имплицитно выбирает лексему **часи**, а не **час**. Эти контексты, в отличие от «исторического» употребления лексемы, не допускают замены **часи** на **доба**. По нашим наблюдениям, использование формы т. н. эмфатического множественного числа, исключительно характерно для украинских повествовательных текстов.

3. Значение лексемы **година**² в этой группе имен наиболее гетерогенно. Его «лоскутность» проявляется в сочетании различных семантических элементов. Так, параметр качества как общая семантическая черта слова соединяется с параметром длительности, который позволяет говорить о растяжимости временного отрезка, обозначаемого лексемой **година**: 1) *по малій годині*, 2) *не за великий час — за малу годину*, 3) *Чималу я годину пересиділа, поки вийшла пані* [2].

Година обозначает временной промежуток, который рассматривается говорящим как особо значимый в силу важности, судьбоносности происходящих событий: *година війни, розв'язки; смертна, крайня (= смертна), судна година*. Семантика особенности, качественной выделенности у этой лексемы создает предпосылки для ее соединения с оценочными определениями *тяжка, смутна, лиха, гірка, нагла, зла, жорстока, весела, святкова, щаслива година*. При этом значения словосочетаний с положительными и отрицательными оценками несимметричны. Если в сочетании с положительными оценками у лексемы **година** актуализована сема «особенный», то в сочетании с отрицательными оценками ее значение более конкретно: **година** обозначает период испытаний, трудностей, время неблагополучия: *Поки ти у мене не будеш як слід пристроєна, не буде моя душа спокійна! Та ще при такій лихій годині* (О. Пчілка). Критерием оценки здесь служат личные интересы субъекта, благоприятность (полезность — вред) сложившейся ситуации для его существования, поэтому можно сказать, что оценки здесь, в особенности отрицательные,

² Следует оговорить, что кроме качественного аспекта значения, семантика слов **година** и **доба** (русс. соответственно **час** и **сутки**) включает и количественный, в котором они выступают как темпоральные термины, необходимые для точного отсчета времени. Такие контексты этих слов здесь не рассматриваются. Не рассматриваются также употребления слова **година** в значении «хорошая погода»: *Надворі година й суша: саме добре купатися* (Нечуй-Левицький).

относятся к категории утилитарных, а сама лексема обозначает временную единицу личностно-бытовой сферы.

Отметим, что для данной лексемы типична включенность в высказывания, отражающие негативные состояния и жизненные ситуации, а выражение *лиха година* является одним из стандартных способов сообщения о наступлении полосы «черных» дней. Следует также подчеркнуть, что в семантике данного слова задан не просто смысл того, что данный временной промежуток насыщен различными невзгодами, бедами, но и то, что все они вызваны действием неких внешних сил, с которыми человек не может конкурировать. *Лиху годину* можно лишь *перебути, пересидіти, перетривати*, ср. у Нечуя-Левицкого: *А так пересидиш, перебудеш лиху годину і виїжджай на Волинь до Вишневеця*. Представление о ней как об активной силе, создающей новые ситуации, отражается в том, что лексема выступает в качестве субъекта при глаголах физического действия: *...тепер Марію не можна навіть уявити в полі, на плантації, бо лиха година поклала її в ліжко, далекі, на все життя* (Большак).

Если *пора* и *часи* образуют последовательности — соответственно, циклические и линейные, — то *година* как временная единица, созданная ненормативными событиями, может быть вписана в утилитарно-бытовую модель, в которой периоды благополучной жизни чередуются с периодами бед и неприятностей.

4. В отличие от слов *пора*, *часи*, *година* слово *доба* обозначает временной отрезок много больший, чем одна человеческая жизнь. Если даже *часи* могут неоднократно сменяться на протяжении человеческой жизни, то этого нельзя сказать о периоде, обозначаемом лексемой *доба*. Более того, *доба* как временной отрезок вообще не мыслится в связи с жизненной эмпирикой, т. е. в бытовом аспекте. Как надличностная временная категория *доба* не может быть объектом памяти: *Він пригадав *добу непу, Вони добре пам'ятають передреволюційну *добу*.

Сочетаемость лексемы *доба* с показателями сферы локализации вскрывает ее основную семантико-концептуальную особенность. Если для слова *пора* экспликация сферы локализации ненормативна (*Весняна пора в природі мені найбільше до вподоби*), если для временного отрезка *часи* его принадлежность историческому времени эксплицируется в особых случаях (ср. конструкции с противопоставлением: *В історії України мене найбільше цікавлять часи Б.Хмельницького, а в історії Франції — часи Наполеона, но Часи Б.Хмельницького (?) в історії України відзначені драматичними подіями*), то для слова *доба* чрезвычайно ти-

пично соединение с показателями сферы локализации: *доба в науці і техніці, в історії людства, у розвитку землеробства, в українській літературі, у мистецтві живопису, в розвитку земної цивілізації* и т. д. **Доба**, таким образом, обозначает временную единицу в различных сферах культурного пространства (исторической, литературной, идеологической, научной и пр.).

Для слова **доба** также типично употребление в составе сочетаний с согласованными и несогласованными определениями, которые выделяют и идентифицируют временной промежуток, например, *доба трипільців-пелазгів, вітряків, гетьмана Мазепи, митрополита Ісидора, Пізнього Середньовіччя, Центральної Ради; атомна, комп'ютерна, космічна, мазепинська, пошевченківська доба*. Рассмотрение контекстов, в которых появляются эти средства номинации, дает возможность увидеть, что определяющие компоненты в них выступают в виде сгустка признаков, которые приписываются говорящим данному временному отрезку для его выделения и для его обозначения и которые восходят к фонду знаний говорящего. В качестве иллюстрации здесь уместно воспользоваться научным эссе академика Е. Прицака «Доба військових канцеляристів» (Київська старовина, 1993, № 4), текст которого посвящен раскрытию самого названия: того, почему фигура военного канцеляриста была ключевой в определенный период истории Украины и каковы историческая роль и наследие этого периода. Соотношение номинации-заглавия и всего текста эссе может рассматриваться как эталонный случай, как механизм формирования таких словосочетаний с лексемой **доба**. Таким образом, логически их появлению должен предшествовать текст (тексты), в котором называются те качественно новые явления в данной сфере, которые позволяют в дальнейшем использовать для обозначения данного периода лексему **доба**. Можно сказать, что сочетания типа *доба митрополита Ісидора* в концентрированном виде передают смысл некоторого текста (текстов) и как производные от него они характеризуются коммуникативной эффективностью в том семантическом пространстве, которое задается этим текстом (текстами), а идентифицирующий признак (точнее — комплекс признаков) релевантен лишь в его рамках. Так, в тексте статьи о деятельности митрополита П. Могили определения *могилянська* и *домогилянська* полностью выполняют свою функцию, однако вне контекста утрачивают и свой качественный смысл, и однозначность не только потому, что могут соотноситься и с фигурой митрополита, и с Киево-Могилянской академией, но и потому, что могут трактоваться в аспекте хроно-

логии: 1) *Могиланська доба вступала в нову фазу, але відсутність самого П. Могилу відчувалася.* 2) *Братські школи домогилянської доби мали досить широкий обсяг предметів.*

Неслучайно и то, что именно для слова *доба* типично соединение с синтаксически развернутыми характеристиками-описаниями некоторого периода: *доба кривавого терору, розпочатого в Росії при запровадженні оприччини; доба зміцнення своїх завоювань і досягнення політичної могутності.*

Предсказание комплекса характеристик, объем которого зависит от знаний говорящего, — основная особенность семантической связи в сочетаниях такого типа. Характер связи обнаруживается, например, при сопоставлении выражений *доба середньовіччя* и *часи середньовіччя*. Первое прочитывается в знаковом ключе — как некоторый набор представлений, варьируемый в зависимости от знаний говорящего, второй же понимается скорее в хронологическом аспекте. В то время как *доба* тяготеет к полю качества и включается в высказывания о качественных характеристиках эпохи, лексема *часи* тяготеет к полю хронологии и входит в состав высказываний об отсчете времени; ср.: 1) *В добу середньовіччя на соціальну поведінку людини містичні установки впливали не менше, ніж економічний побут.* 2) *Так, виробничі феодальні відносини в Україні тривали, принаймні, до кінця XVIII ст., тоді як часи середньовіччя закінчились не пізніше століття XVI (журн.).*

Если обратиться к тем событиям, благодаря которым выделяются отрезки *пора*, *часи* и *доба*, то можно сказать, что в первом случае (*пора*) это непосредственно наблюдаемые явления природы, объекты чувственного восприятия; во втором случае (*часи*) это конкретные, локализованные в пространстве и времени, датируемые события, благодаря чему с большей или меньшей точностью можно указать начало и конец временного промежутка; в третьем случае (*доба*) это объекты событийного типа в некоторой культурной сфере, которые выделяются субъектом как порождающие ее качественно новое состояние и, таким образом, являющиеся результатом сложной диагностирующей деятельности. Если *пора* — это концепт, возникающий благодаря отражательным операциям, то *доба* — концепт, сформированный ментальной деятельностью. В этой группе слов, как видно, представлены предикатные значения и объективного, и субъективного типов [1, 232].

Тенденция к денотативной специализации рассмотренных лексем, по-видимому, неслучайна. Это следствие наличия в их значении признака «длительность», она связана с тем, что осно-

ванием для выделения временного промежутка здесь служат события, локализованные в соответствующих сферах — природной (*пора*), исторической (*часи*), личностно-бытовой (*година*), культурной (*доба*).

ЛИТЕРАТУРА

1. Н. Д. А р у т ю н о в а. К проблеме функциональных типов лексического значения // Аспекты семантических исследований. М., 1980.
2. Словарь украинского языка / Под ред Б. Д. Гринченко. Киев, 1907, т. 1.
3. Е. С. Я к о в л е в а. Фрагменты русской языковой картины мира. М., 1994.

«ВРЕМЯ» И «СЛУЧАЙ»:
ФРАГМЕНТ СЕМАНТИЧЕСКОГО ПОЛЯ ВРЕМЕНИ
В СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКАХ

Славянские обозначения времени многочисленны и в семантическом отношении представляют собой чрезвычайно пеструю картину, с трудом поддающуюся упорядочению. Общеславянские **časъ*, **godъ*, **godina*, **doba*, **verme* в славянских языках, сохраняя в том или ином виде сему времени, приобрели различные конкретные значения и дают примеры межъязыковой омонимии. История и этимология данных слов неоднократно привлекала внимание исследователей [4; 11; 10 и др.], что способствует прояснению вопроса о путях формирования славянских представлений о времени. Полученные результаты, в общем, согласуются с данными других традиций, например, германской, об антропоморфном восприятии времени, когда «наполненность времени определяла характер его протекания» [3, 85]. Общее положение о качественном характере архаичных представлений о времени сомнений не вызывает. Однако возможности их конкретизации, в частности на славянском материале, остаются еще не исчерпанными.

В этом отношении образцовой остается работа Н. И. Толстого [8], в которой на материале диалектов славянских языков было описано семантическое поле «погода» и «время». Выявление такого рода устойчивых семантических связей в современных диалектах, как справедливо отмечает автор, «позволит для более древнего состояния реконструировать ряд моделей семантического поля со значительной степенью вероятности» [8, 44]. Однако возможности выявления давних устойчивых семантических связей существуют и в традиционном этимологическом и историко-лексикологическом материале, если руководствоваться сформулированным Н. И. Толстым (а позднее и многими другими исследователями) требованием рассмотрения не отдельных лексем, а лексемных групп, объединенных семантическим микрополем.

Ниже мы попытаемся вычленить одну из таких устойчивых семантических связей в пределах вышеперечисленных славянских обозначений времени, а именно связь семантики времени со значением «случая» как одного из полюсов концепта судьбы. Следует отметить, что связь концептов судьбы и времени, отмеченная уже Потебней [5], а позднее П. Флоренским [9], Р. Ониензом [14]

и другими, ранее рассматривалась преимущественно с точки зрения прояснения понятия судьбы. Но для конкретизации путей формирования славянских представлений о времени может оказаться полезным некоторое изменение фокуса данной проблемы.

Эксплицитно связь судьбы и времени представлена, например, в русск. *Доля во времени живет, бездоле в безвременьи* (Даль). Однако есть основания думать, что восприятие времени у славян было преимущественно связано с представлением о судьбе как случае, выпадающем на долю человека, судьбе капризной и переменчивой, как греч. *Τύχη* и лат. *Fortūna*, которым семантически соответствует в славянских языках русск. *Счастье* 'счастливая участь', укр. *талан, поталанити* 'повезти', в определенной мере польск. *los* и др.

Основания для реконструкции такой семантической связи дают прежде всего повторяющиеся случаи появления в системах значений славянских лексем, обозначающих время, значений, указывающих на такого рода 'случай-судьбу'. Показательным в этом смысле является слав. **godъ*, для которого О. Н. Трубачев реконструирует первоначальную семантику 'случай, повод, событие. срок, подходящее время', обоснованно настаивая на отглагольном происхождении **godъ* от **goditi* 'подходить' [10, 192]. Значение 'случай' наряду со значением 'время' зафиксировано в н.-луж. *gód*. Сходное значение 'случай, подходящий момент' отмечено и для словен. *gód* [12, 155]. Характерным в этом смысле кажется также серб. *gód* в пословице *али дјевојци свој год, али свој бог*, которая толкуется как 'или выйдет замуж за желанного, или уйдет в монастырь' [6, 414]. Для слав. **godina*, производного с суффиксом *-ina* от **godъ*, также фиксируются сходные значения. Ср. ст.-чешск. *hodina* 'удача', 'счастье', 'срок'; др.-русск. *годины* 'судьбы'. Наиболее показательным нам представляется здесь укр. *година*, которое подробнее рассматривается несколько ниже.

Семантическую параллель к **godъ*, **godina* представляет **doba*, первоначальная семантика которого реконструируется как 'нечто подходящее, свойственное'. В славянских словах, восходящих к праслав. **doba* (которое этимологически связано с *добрый, дебелый, доблесть*), также отмечаются значения, связанные со случаем и судьбой. Ср. польск. *doba* 'судьба, случай', болг. *доба* 'время, пора; случай' [1, 300], ст.-чешск. *doba* 'обстоятельства, судьба (*Schicksal*)', соответственно *nedoba* — 'несчастье' [13, 252].

Но еще более показательным является то, что в лексемах с другой первоначальной мотивацией обнаруживаются такого же

рода значения. Это касается, в частности, славянских слов, которые сводятся к общеславянскому *časъ*. В соответствии с наиболее убедительной и обстоятельно разработанной этимологией оно продолжает исходный корень **kos-/kes-* 'резать, отрубать, делить', поэтому для **časъ* предполагается первоначальное значение 'нарезка' [11] или, по другой версии, 'удар, сигнал', к которому, по мнению А. С. Мельничука, естественнее сводится наиболее конкретное из сохранившихся значений этого слова — 'временной пункт в пределах суток' [4, 231]. Для нас существенно, что во всех славянских языках *час* имеет сему времени, в некоторых случаях сопровождающуюся значениями, которые указывают на стечение обстоятельств, не зависящих от воли человека.

Наиболее выразительно такое значение представлено в польск. *Pan Bóg czasu rozdaje*, а также *Korzystaj z czasu, róki Czas* [15, 376]. Значение 'счастье, удача' зафиксировано для др.-русс. *час*, *часы* (Слово Даниила Заточника). Можно добавить также, что оно входит в формулы-пожелания удачи: русск. *в добрый час*, укр. *час добрий*, польск. (без атрибутива) *Komu droga, temu czas*. Ст.-чешск. *v dobrý čas* могло означать просто 'удачно': *V dobrý čas koupiti, prodati* [13, 157].

Несколько иной аспект связи представлений о времени и судьбе обнаруживается в укр. прилагательном *часовий*. В Словаре Гринченко для него, наряду со значением 'временный, скоропреходящий', приводится значение 'тот, которому пришло время'. Но в приведенной иллюстрации речь идет по сути о сроках жизни, которыми распоряжаются некие высшие силы: *не вмирають старі, тільки часові* [2, IV, 446], что заставляет вспомнить о русск. *роковой* — 'обреченный смерти', *роковая овца* 'обреченная на съедение волку св. Юрьем' [5, 475].

Известно, что в южнославянских языках обобщающее значение 'время' выражается лексемой, восходящей к праслав. **vermę*, которая в современных этимологических разработках считается связанной с **vьrtěti* 'вертеть, поворачивать', что позволяет допустить для *время* первоначальное значение 'вращение, крутоворот'. Пожалуй, в данном случае, первоначальная мотивация наиболее естественно вписывается в представление о «судьбе-случае» как о чем-то преходящем, приводя на память колесо Фортуны. Заметим, что этимологически *время* через *вертеть* связано с *веретеном*, которое является атрибутом женских божеств, распоряжающихся жизнью и судьбой, очевидно, уже в индоевропейский период.

В славянских языках для слов, восходящих к **vermę*, фиксируется значение 'счастье, удача': ср. укр. диал. *уремення* 'счастье,

удача' при диалектном же *урем'я* 'время'; русск. *время* 'счастье, благополучие': *Время красит, безвременье старит* (Даль) или: *В тѣ поры холопу время, когда господину безвременье* [7, 133]. Соответственно *безвременье* — 'неблагоприятная, бедственная пора; печальные, бедственные обстоятельства': *знак чловѣка добраго уметь безвременья терпѣти; честные люди так и чужому безвременью не радуются* [7]. В данных случаях *время* обозначает положительные события, выпадающие на долю человека, а *безвременье*, соответственно, отрицательные. Однако болгарское *време* могло указывать на любое стечение обстоятельств, как хороших, так и дурных: *Врѣмя-то чловѣка краси и врѣмя-то го пакъ грози* [1, 168].

Представляется, что приведенные данные свидетельствуют о существовании в архаичных славянских представлениях устойчивой семантической связи «судьба/случай» — «время», поскольку она наличествует в лексемах с различной первоначальной мотивацией. Славянские данные приводят также к выводу о том, что такое «время-случай» нельзя контролировать, но к нему можно приспособиться, используя две, на первый взгляд противоположные, тактики, а именно: его нужно дожидаться, но необходимо и торопиться, чтоб его не упустить. Принимая во внимание наличие доказанной семантической связи «время» — «погода», нельзя не заметить, что такое отношение к «времени — случаю» в точности согласуется с поведением по отношению к погоде в земледельческих культурах. Это позволяет высказать предположение о возможности реконструкции модели «погода» — «случай» — «время», описывающей фрагмент семантического поля времени в славянских языках.

Следует отметить, что историко-этимологический материал не исчерпывает возможностей уяснения конкретных характеристик данного фрагмента семантического поля времени. Здесь может оказаться полезным привлечение лексического материала современных славянских языков, возможно, сохраняющих остатки этого фрагмента. Во всяком случае, материал украинского языка предоставляет нам такую возможность. Речь идет об атрибутивных сочетаниях со словом *година*: *лиха година, нагла година, куца година, чорна година, весела година, чиста година* и т. п. Само по себе существительное *година* в современном украинском языке охватывает широкий и разнообразный спектр временных значений. Оно может означать «один час», но также и неопределенный промежуток времени, подобно русск. *година*, украинское слово *година* может означать «пору, время, отмеченное важными

событиями». Необходимо также подчеркнуть, что это слово и в современном языке употребляется в значении «погода, дождь». Однако в атрибутивных сочетаниях, о которых идет речь, *година* демонстрирует широкий круг значений, связанных с судьбой и случаем.

Наиболее употребительным в этом значении является сочетание *лиха година*. Как отмечает Гринченко, *лиха година* часто употребляется в значении 'злой рок, злая судьба' [2, 297]. Ср. *Ой, лиха моя година та нещаслива* (М. Вовчок). Однако на самом деле это значение является гораздо более дифференцированным. Так, *лиха година* может прямо противопоставляться счастью (не как состоянию, а как счастливой участи): *Щастя, в кого жінка Настя, а в кого Горпина — то лиха година* (Номис), или выступать как синоним беды, невезения: *Біда, в кого жінка бліда, а в кого жінка як калина, то й тому лиха година* (Номис). *Лиху годину* можно переждать: *Перебудемо лиху годину, і знов для нас ясно засвітить сонце* (Нечуй-Левицкий), но, с другой стороны, антонимичная лихой године *добра година*, т. е. счастье и благополучие, также не вечны: *Із-за доброї години очитай лихої днини* (Номис).

Часто подчеркивается момент внезапности в наступлении *лихой години*, причем характерно, что она оказывается подобной ветру или буре: *...а як піднялась лиха година, що замчала не тільки лад у хаті, а й самого Остапа-то й хата осунулась* (П. Мирный). *Лиха година* может человека побить, как град или гром: 1) *Побила лиха година, ота чужа нива та позичений серп* (о судьбе батрака); 2) *Сину мій, сину, побила нас лиха година. Пропали ми бідолашні, загинули* (М. Коцюбинский) Ср. также в проклятьях: 1) *Побий тебе лиха година (нагла година)!* 2) *Бодай тебе нагла година побила!* (М. Стельмах).

Но наряду с этим существуют контексты, в которых *лиха година* (а также синонимичные *куца година*, *чорна година* и т. п.) не просто обрушивается на человека, но, в точности как славянская *доля*, неотвязно следует за ним при любых обстоятельствах: *Гай-гай, добрий край, та лиха година з вами* (Номис). Точно так же, как *доля*, *лиха година* может человеку встретиться. Ср. *Останні дні Олена ходила сама не своя. Трапиться ж таке: неждано-негадано спіткає лиха година* (М. Шаповал). Некоторые контексты свидетельствуют о том, что с *лихой годиной* можно попытаться бороться (правда, без особой надежды на успех): *І правду казала Одарка, Гй уже остогидло жити, остогидло боротися то з голодом, то з холодом, то з лихою годиною* (П. Мирный). В этом смысле показателен современный контекст с более оптими-

стическими коннотациями и, что важно, с экзотическими реалиями, свидетельствующими, что и в современном языке *лиха година* не воспринимается как устаревший этнографизм: *Уайт-джек танцював... Здавалося, негр бився з кимось, кого ніхто окрім нього не бачив, змагався з своєю долею, з лихою годиною* (П. Загребельный).

И, наконец, тут удастся проследить характерную для концепта судьбы связь с верой в магическую силу слова. Выше упоминались магически ориентированные пожелания счастья и удачи со словом *час*. Такого же рода пожелания существуют и с украинским *година*: 1) *Година вам щаслива! Щоб ви бачили сонце, світ і діти перед собою*. 2) *Бодай на вас добра година та грошей торбина, а до того дівтори сотні півтори* (Номис). Это же слово используется и в проклятьях. Ср. выше, а также: *Вража дівчино, каже, напрокувувала мені лиха! Бодай же й ти не діждала довіку веселої години* (М. Вовчок).

Показательно, что *лиху годину* можно попытаться умолить, т. е. воздействовать на нее словом: *Ні каліка, ані старий, ні мала дитина Не остались — не вблагали лихोї години* (Шевченко). *Лиху годину* можно и накликать, похвалив что-нибудь: *...рої там роїлися виборно так, що тільки не подивуйте у лиху годину, виборно роїлися* (М. Вовчок) (т. е. пчелы роились так замечательно, что только бы не сглазить; *не подивуйте* — 'не выражайте своего восхищения вслух'). В связи с этим следует отметить, что *лиха година* может употребляться в значении 'нечистая сила, нечисть'. Ср.: *Тільки один димар нагадував, що то не барлога звіряча, а людська оселя, що оберігала людей од звіра й од лихої години* (П. Мирный). А также: *Кого тепер нанесе лиха година?* (М. Стельмах), т. е. 'Кого там еще черти несут?'; *На лихої години тобі це здалося? 'На кой черт тебе это нужно?'*.

Рассмотренный украинский материал подтверждает существование семантической связи «время» — «погода» — «случай (судьба)» и детально ее конкретизирует. Хотя общеславянские экстраполяция здесь были бы преждевременны, все же многое свидетельствует в пользу архаичности отражаемых в украинском языке представлений. И если антропоморфный характер восприятия времени заключается в том, что время понимается через наполненность событиями, то судьба (случай) выступает как некий формообразующий принцип, как способ организации этих событий и, соответственно, восприятия времени.

В заключение следует добавить, что описанная архаичная модель восприятия времени не является полностью чуждой и совре-

менному сознанию. Действительно, время, как судьбу, не выбирают. С ним можно смириться, выжидая, можно попробовать с ним бороться, его можно попытаться заговорить и заклясть, но в конце концов приходится согласиться с поэтом: «Времена не выбирают — в них живут и умирают».

ЛИТЕРАТУРА

1. Н. Геров. Ръчникъ на блъгарскыи языкъ. Пловдивъ, 1895, ч. 1.
2. Б. Д. Грінченко. Словарь української мови. Київ, 1958, т. 1-4.
3. А. Я. Гуревич. Категории средневековой культуры. М., 1972.
4. А. С. Мельничук. Корень **kes-* и его разновидности в лексике славянских и других индоевропейских языков // Этимология. 1966. М., 1968.
5. А. А. Потебня. О доле и сродных с нею существах // А. А. Потебня. Слово и миф. М., 1989.
6. Речник српскохрватског књижевног и народног језика. Београд, 1965. књ. III.
7. Словарь русского языка XVIII в. Л., 1988, вып. 4.
8. Н. И. Толстой. Из опытов типологического исследования славянского словарного состава // Вопросы языкознания, 1963, № 1.
9. П. А. Флоренский. Столп и утверждение истины. Ч. 2 (XX. Время и Рок). М., 1990 (репринт издания 1914 г.).
10. Этимологический словарь славянских языков / Под ред. О. Н. Трубачева. М., 1977, вып. 4.
11. Г. Якобсон. Развитие понятия времени в свете славянского *časъ* // Scando-Slavica, IV, 1958.
12. F. Bezla j. Etimološki slovar slovenskega jezika. Prva knjiga. Ljubljana, 1976.
13. Fr. Kott. Česko-německý slovník zvláště grammaticko-frazeologický. Praha, 1878, d. 1.
14. R. B. Onians. The origins of European thought: About the body, the mind, the soul, the world, time and fate. Cambridge, 1954.
15. Słownik języka polskiego / Ułoż. pod. red. J. Karłowicza et al. Warszawa, 1900, t. 1.

Н. Д. Арутюнова

ВРЕМЯ: МОДЕЛИ И МЕТАФОРЫ

Если строить абстрактную модель времени невинно и непредвзято, то она проста. Время одномерно (линейно) и необратимо. Оно подобно цифровому ряду. Эта модель может быть представлена в виде прямой линии, ориентированной в ту или другую сторону. Время в ней формально. Оно отвлечено от мира и человека. Прямая задает последовательность точек, но не последовательность каузально связанных событий.

На первый взгляд, время отделимо от человека. Оно невидимо, неслышно, неосязаемо. Оно не имеет ни запаха, ни вкуса. У человека нет органа, специализированного на восприятии времени, но у человека есть чувство времени. Оно порождено восприятием изменений в мире. Его основной источник — космическое время — смена времен дня и сезонов года. Чувство, рожденное временными циклами, человек перенес на линию времени. Формула «всему свое время» применима к природе, к жизни человека, равной одному естественному циклу, и к истории, в ходе которой нет циклов. Экклезиаст ставит в один ряд сроки природы (*Время насаждать, и время вырывать посаженное*), жизни (*Время рождаться, и время умирать*) и истории (*Время войне, и время миру*).

Точно так же, как детерминировано природное время, диктующее «естественную» деятельность человека, предопределен ход истории. Чувство изменений в природной среде аналогично чувству исторических перемен. Христос говорил народу: «Когда вы видите облако, поднимающееся с запада, тотчас говорите: „дождь будет“; и бывает так. И когда дует южный ветер, говорите:

„ной будет“; и бывает. Лицемеры! лице земли и неба распознать умеете; как же времени сего не узнаете? Зачем же вы и по самим себе не судите, чему должно быть?» (Лк 12, 54–57). В библейских текстах слова времени (*время, день, час*) регулярно употребляются в значении ‘срок’ — время, уготованное для некоторого события. Человек должен чувствовать приближение срока так же, как он чувствует приближение весны или дыхание осеннего ветра: *Уж не-бо осенью дышало, Короче становился день...*

О. Шпенглер писал: «То, что не только человек, но уже и зверь, чувствует вокруг себя как властное присутствие судьбы, определяется им на ощупь, на глаз, на нюх как движение, каузально застывшее перед напряженным вниманием. Мы *чувствуем*: дело идет к весне..., но мы *знаем*, что Земля, вращаясь, движется в мировом пространстве и что время весны „составляет“ 90 таких вращений — дней — Земли» [3, 335]. Чувство времени и предчувствие будущего мобилизует все перцептивные возможности человека.

Итак, у человека нет специального органа для восприятия времени, но именно время организует его психический склад. Время отделимо от человека, но человек неотделим от времени. Если чувство времени основано на восприятии природных циклов, то психические структуры связали себя с линейным временем, расчлененным «точкою присутствия» на прошлое, будущее и соединяющее их в единый поток настоящее. Это членение вытекает из главного условия, определяющего положение человека в мире: укрытостью от него будущего, известностью (пережитостью) прошлого и данностью (переживаемостью) настоящего.

С прошлым человек связан памятью, сожалениями и раскаянием, опытом и знанием фактов. К будущему отнесены желания и надежды, страхи и предчувствия, планы и замыслы. С растяжимой («бегущей») точкой настоящего человек связан непосредственными ощущениями: восприятием и чувствованием. Настоящего как бы нет, но только в нем возможны прямые контакты с действительностью. Только в настоящем человек «присутствует» в мире. Присутствие человека в мире наполняет «формальное время» событиями, а темпоральная организация психики позволяет говорить о времени как единстве «взаимного протяжения наступающего, осуществившегося и настоящего» [1, 399].

Фактор времени, таким образом, играет важнейшую роль в создании модели человека, а фактор человека — в моделировании времени. Ведь именно человек находится в точке присутствия, которая условно членит линию времени на составляющие. Войдя в модель времени, человек внес в нее два сложных и

противоречивых компонента: точку, движение, а вместе с движением направление движения. Точка присутствия стала одновременно и точкой зрения. Точка движется, вместе с нею движется время, а вместе с временем движется по линии времени событийный мир. Все приходит в движение. Сокращаются и удлиняются расстояния, меняется точка зрения. Рушится единая и непротиворечивая модель времени. Точка «Теперь» (Т-точка) передвигается в сторону будущего. Графически это обычно представляют как движение вправо. Хронологический дубликат Т-точки — точка-как-дата-и-событие — движется тем самым в прошлое, то есть влево. Моделирование времени в терминах пространства и движения неминуемо влечет за собой противоречия. «Время рождает пространство, пространство же убивает время» [3, 335]. Вместе с тем моделирование времени по данным языка не может миновать пространственных категорий: ключевые метафоры времени основываются на локальных и динамических значениях. Их употребление противоречиво. Избежать противоречий можно лишь допустив множественность моделей времени, присутствующих в обыденном сознании людей и отраженных в «языке времени», построенном, как и языки других отвлеченных понятий, на метафорах и аналогиях. Языковые модели времени могут быть разделены на такие, в которых главной фигурой является человек, и такие, которые ориентированы на само время.

В первом случае линия времени репрезентирует течение жизни или линию судьбы; во втором — движение природных веществ — воды или воздуха. Назовем первые моделями Пути человека, вторые — моделями Потока времени.

Сближение моделей времени и моделей жизни естественно. Жизнь протекает во времени и подчинена его законам. Как и время, жизнь человека необратима и одномерна (линейна): каждый наступающий момент времени снимает альтернативы. Даже кривой путь прям. Жизнь измеряется в единицах времени. Она имеет начало и конец. Воплощенность времени в земном существовании заставляет различать конечное время и вечность. Конечное время наблюдаемо в изменениях, вечность их останавливает.

Идентификация времени с жизнью человека характерна для феноменологии и особенно экзистенциализма. М. Хайдеггер представлял время как единство «бытия в мире» (прошлого, *In-der-Welt-sein*), «бытия при внутримировом сущем» (настоящего, *Sein-bei-innerweltlichem-Seiendem*) и «забегания вперед» (будущего, *Vorweg-sein*).

Модель Пути основана на метафорах движения (*идти, проходить, приближаться, наступать* и др.) и места, занимаемого Путником в строю идущих (*перед, позади, назад, после, следом* и др.).

В представлении ветхого человека по проложенному во времени Традиционному пути *впереди* шествуют *пред-*ки, *потом* идут *потом-*ки, *след-*ом за перво-*проход-*цами *след-*уют их по-*след-*ователи. Прошедшее (ушедшее) открыто взгляду путников. Будущее открывается им по мере перехода в настоящее-прошедшее.

Пространственная метафора Традиционного пути и движущихся по нему людей предполагает определенную ориентацию. Путник обращен лицом вперед по ходу движения. Это видно уже по тому, что предлог *перед* указывает на лицо, фасад: *передо мной* значит «перед лицом моим», *перед домом* — «перед фасадом дома». В модели Традиционного пути люди идут по следам своих *пред-*шественников: они обращены лицом в прошлое. Они *след-*уют за своими *пред-*ками и на-*след-*уют их формы жизни. Человек идет в освещенное прошлое, а не в затемненное будущее. Он выполняет заветы предков, регламентирующие его жизнь и поведение, хранит предания старины глубокой. Прошлое спрессовано для него в архетипы. «Архаическое человечество защищалось, как могло, от всего нового и необратимого, что есть в истории» [4, 64]. Экклезиаст говорит: «Что было, то и теперь есть, и что будет, то уже было» (Эккл 3, 15).

С моделью Традиционного пути связаны такие слова, как *пред-*ки и *потомки*, *предшествовать* и *следовать*, *предшественники* и *последователи*, предлоги *перед*, *за*, *позади*, *следом* и др. В них все *пред-* и *перед-* обращены в сторону прошлого, того, что было раньше, но локализованы *впереди* (перед лицом) идущего; все *след-* обращены в сторону будущего, но расположены *позади* путника. Направление движения в модели Традиционного пути можно графически представить двояко: слева направо и справа налево. Мы предпочитаем этот последний вариант. В нем будущее занимает привычную правую позицию, а прошедшее — левую. Движение, однако, идет в сторону прошлого. Это не соответствует укорененному в современном сознании представлению, но согласуется с направлением строки в таких письменностях, как арабская, персидская, афганская, древнееврейская и др. Главной фигурой модели Традиционного пути является Путник, но он не одинок. Двигается народ, племя, поколение за поколением уходя в прошлое. Локализация старого и нового времени и старых и новых поколений совпадает: старое время и старое поколение вместе уходят в прошлое.

Модель Традиционного пути имеет своим аналогом очередь (с тем различием, что в ней никто не может пройти без очереди) или шествие, возглавляемое старейшинами. И очередь, и шествие описываются в терминах модели Пути; ср.: *стоять (идти) впереди (сзади) кого-нибудь, за кем-нибудь, быть следующим, быть первым (последним)* и т. п.

Модель Традиционного пути не противопоставлена модели Потока времени. Они однонаправлены. Ветер времени дует идущим в спину, поток уносит их к праотцам. На смену им приходит из будущего новое время и новое поколение.] О времени и локализованных в нем событиях говорят в тех же терминах, что и о Пути. «Язык времени» основывается на метафоре движения из будущего в прошлое. Все, что следует (*следующий день, год, мгновение, следующая остановка, последствие, наследование, последний*), идет вслед уходящему (*пред-идущему*) в прошлое. Этот же принцип прослеживается в выражениях *прошлый год, прошедшая неделя, уходящий год, наступающий Новый год*, а также в предикатах «времени»: *время приходит, проходит, уходит, приближается, грядет, минует, течет, длится, тянется* и т. д. В этой модели более важно движение — продолженность и продолжительность — времени, чем его точечная локализация. Это хорошо согласуется с метафорой потока, течения, хода времени. Когда говорят «Прошло два часа», имеют в виду долготу времени, а не точку на циферблате. Само настоящее время представляется не как точка, а как дление, длительность. Немногие глаголы из числа перечисленных выше принимают дополнения точечного времени: *миновала полночь*. Такая сочетаемость может объясняться тем, что слово *полночь* относит к точке через апелляцию к длительности: *миновала полночь* значит «миновала половина ночи». Гораздо менее естественны выражения типа *миновало полшестого*, в котором *пол-* относится к половине одного часа, то есть точка не задается длительностью; ср. также: *Мне минуло шестнадцать лет* и *Минуло мое шестнадцатилетие*. Из числа глаголов движения со словами точечного времени сочетаются *приближаться* и *наступать*: *Приближается два часа, Наступило три часа пополудни*. Даже глагол *приходить* соединяется только с именами продолженного времени: *Пришел день (час) свадьбы*, но не **Пришло два часа, Пришла минута прощания*, но не **Пришла половина третьего*; ср. также: *Пришел день праздника*, но *Наступило 25 декабря*. Глагол *наступать* указывает на пересечение границы, разделяющей отрезки времени, а *приходить* вводит прямо *in medias res*. Это объясняется тем, что

глагол *приходить* сосредоточен не на самом времени, а на локализованных во времени событиях, происходящих в жизни человека или природы: *пришла весна*.

Ориентация на продолжительность времени, по-видимому, составляет архаичную черту данной модели: время соотносится не с точками на часах того или другого вида и даже не с календарными датами, а с естественно выделяемыми периодами дня или года.

Итак, рассмотренные две модели — Традиционного пути и Потока времени — согласованы друг с другом. Они хорошо дополняют друг друга, но вместе взятые они не могут составить целостного представления ни о времени, ни о жизни. В обеих моделях течение времени обратно хронологической последовательности. Поэтому ни одна из них не обладает текстообразующим потенциалом. Модель Традиционного пути не задает текста жизни; модель Потока времени не задает текста исторической хроники или летописи. Ни в одной из них не отражены каузальные отношения между событиями. В модели Пути отсутствует понятие целеполагания. Человек всецело подчинен судьбе и непосредственным требованиям времени. Он живет «по образу и подобию» своих предков (см. Книги Моисеевы, особенно Левит, Числа и Второзаконие).]

Наступление Новой эры резко изменило модель Пути. Иоанн Креститель говорит об Иисусе Христе словами пророка Малахии (Мал 3, 1): «Идущий за мною стал впереди меня, потому что был прежде меня» (Ин 1, 15; ср.: Мф 11, 10; Мр 1, 2). Выражение *идущий за мною* локализует Иоанна впереди, он *Предтеча*. Христос же идет за ним следом. Потом ситуация меняется: Христос становится впереди Иоанна. Этим вводится в фокус их ценностное соотношение. Иисус говорит об Иоанне: «Сей есть тот, о котором написано: „Вот Я посылаю Ангела Моего перед лицом Твоим, который приготовит путь Твой пред Тобою“» (Лк 7, 27.). Миссия Иоанна — свидетельствовать о Христе. В модели Традиционного пути ценится первенство и первородство. Первенство осмысливается как *пра*-существование. Оно неизменно. Поэтому положение Христа впереди Иоанна мотивируется тем, что он был *прежде*, т. е. в самом деле *предшествовал* Иоанну. Это акцентируется и в других местах Евангелий: Иисус говорит: *...прежде, нежели был Авраам, Я есмь* (Ин 8, 58); *...ныне прославь Меня Ты, Отче, у Тебя Самого славою, которую Я имел у Тебя прежде бытия мира* (Ин 17, 5). До явления миру Иисус Христос называется Предвечным Словом (Логосом). Его учение соответствует

вечным ценностям. Оно лишь было принесено в мир Христовой проповедью.

Итак, Иоанн Предтеча говорит об учении Христа в терминах Традиционного пути как об учении изначальном и потому истинном. Между тем сам Христос называет его Новым Заветом: *...сия чаша есть новый завет в Моей крови, которая за вас проливается* (Лк 22, 20). Мир начинает обновляться. Тема обновления проходит через весь Новый завет: *...но ныне, умерши для закона, которым были связаны, мы освободились от него, чтобы служить Богу в обновлении духа, а не по ветхой букве* (Рим 7, 6).

Одновременно с приходом нового падает престиж старого — бывшего раньше, прежнего, проходящего и уходящего в небытие: *Итак, кто во Христе, тот новая тварь; древнее прошло, теперь все новое* (2 Кор 5, 17). Новое предстает как приходящее на смену старому, вытесняющее его из жизни. Притча о вине молодом и ветхих мехах кончается призывом к забвению прежних предписаний, поскольку «никто, пив старое вино, не захочет тотчас молодого, ибо говорит: старое лучше» (Лк. 5, 39.). Точно так же важна для Нового завета тема изменения в порядке следования: *...многие же будут первые последними и последние первыми* (Мф 19, 28). Первенство оправдывается личными заслугами; ср. притчу о работниках в винограднике (Мф 20), в которой первые уравниваются с последними по милости и благодати Божией. Между тем в традиционном римском обществе картина была иной. Римские авторы называли *новым* (*homo novus*) человека, вышедшего из низшего сословия, противопоставляя его *homo antiquus* — людям древнего и благородного происхождения.

В разные эпохи отношение к старому и новому испытывало колебания. Вместе с тем неуклонно и неукоснительно возрастал престиж новизны. Тяга к открытиям, изобретениям, начинаниям, социальным изменениям и революциям охватывает человечество. Одновременно ослабевает обаяние старого. Соответствующие слова постепенно приобретают отрицательные коннотации в применении к человеку, времени, мыслям и даже стилям в искусстве. Выражение «старо» или даже «старо как мир» звучит как приговор.

Старина находит себе место в музеях и коллекциях, в стилизации и пародиях. Она сохраняется в ритуалах и обрядах, но их роль в социальной жизни идет на убыль. Новое время проходит под знаком нового концептуального комплекса, объединяющего понятия новизны, современности, движения вперед — прогресса. Формируется идея социального развития. Покорение пространств

постепенно уступает место покорению времени. Сама быстрота движения в пространстве обеспечивает быстроту движения во времени.

Человека привлекает все новое: новшества, нововведения, новые формы жизни, новые моды, технические новинки, новые идеи и концепции, новые мысли и теории, новые учения и новая вера, новые методы и новое искусство (ср.: авангард, модерн и постмодерн, *artnouveau*, *Jugendstil*, «новый роман» и др.). Его влекут перестройки, переделки и переделы, перевороты и революции, переустройство и переименование. Человек прочно забывает старое только затем, чтобы превратить его в новое. *Novarum rerum cupidus* — жаждущий новизны — так был назван человек уже в первые века нашей эры, и этому определению в еще большей мере отвечает современный человек. Само понятие нового человека стало ассоциироваться уже не с христианином, принявшим завет любви к ближнему, а с завоевателем жизни, мало считающимся с интересами ближних.

Роль нового в жизни подтверждается данными языка. Корень *нов-* весьма продуктивен; ср.: *новь*, *новинка*, *новшество*, *новость*, *новизна*, *новичок*, *обнова*, *обновление*, *вновь*, *снова*, *заново* и др. Особенно продуктивен компонент *ново-* в составе сложных слов: ср.: *новорожденный*, *новообращенный*, *новоиспеченный*, *новообращенный*, *новобранец*, *новобрачный* и др. Всего в словаре Д. Н. Ушакова содержится 31 слово этого типа, но Даль приводит более 150 слов с элементом *ново-*. Заканчивая перечень, он пишет: «Всех слов подобного образования столько, что их не соберешь; они составляют всяким по надобности» (т. 2, 551). Этот факт тем более показателен, что словарь Даля отражает в основном лексику устойчивой традиционной жизни. Элемент *ново-* характерен также для топонимии, ср.: *Новоград*, *Новочеркасск*, *Ново-место* и др. [В Атласе мира (М., 1955) зафиксировано 120 топонимов, включающих элементы *ново-*, *нов-*, *новый*, *нова*, *нови*, а также 52 названия, начинающихся с *ню-*: *Нова-Баня*, *Нова-Гута*, *Новая Земля*, *Новые Петушки*, *Нью-Касл*, *Нью-Лондон* и т. д. В то же время элементы *старый* и *старо-* образуют всего 36 топонимов, а их английский аналог *олд* входит только в пять названий, включенных в упомянутый атлас. Разумеется, в топонимии эти элементы могли выполнять (и выполняли) чисто дифференцирующую функцию, а маркеры «нового» указывали также на исторические корни основателей населенных пунктов, но они всегда были в то же время знаками движения вперед, обновления жизни.

Христианство сделало человека свободным в выборе пути. Путь изменил направление. Человек идет теперь в невидимое будущее и обращен спиной к прошлому. Путник стремится не столько прозреть, сколько создать будущее. Он занят прогнозами и утопиями. Ветер времени дует ему в лицо. В модель жизни вошло целеполагание. Цели (планы, замыслы, проекты и прогнозы) могут быть локализованы только в будущем. Движение к цели есть движение в будущее. «Мы движемся „вперед“ — навстречу будущему, приближаясь не только к цели, но и к старости, и ощущаем также каждый взгляд назад как взгляд на нечто минувшее, ставшее уже историей» [3, 335]. Центральная фигура этой модели — личность, новый человек, и он активен. Он призван не столько проживать, сколько творить свою жизнь. Итак, Путник идет теперь вперед, т. е. в графическом (пространственном) представлении слева направо, из прошлого в будущее. На этом пути человек обращен лицом к будущему. Поэтому знаки *предстояния* меняют свою ориентацию. Это было отмечено Т. В. Булыгиной и А. Д. Шмелевым, см.: [2, 237]. *Перед* поворачивается в сторону будущего; ср.: *предстоящая неделя, предстоящие выборы, перед человеком открывается будущее, впереди его ждут великие дела, впредь он будет вести себя благоразумно (впредь имеет только временное значение и сочетается только с будущим временем), наперед не надо ничего загадывать* и т. п. Сочетания типа *перед войной, перед экзаменами* подразумевают обращенность человека лицом к будущему событию. Соответственно меняет свою ориентацию *назад (сзади, позади)*. Оно обращено к прошлому; ср.: *все несчастья остались позади* (= в прошлом), *оглянуться назад* (= оглянуться в прошлое), *две недели тому назад*. «Назад к Муфусаилу!» — призыв вернуться к первобытным формам жизни.

На значение следования также упала тень Пути нового человека. Когда говорят о *следующем дне (минуте, разе)*, ассоциируют понятие следования не столько с тем, что ему предшествовало, сколько с проекцией в будущее: *отложить до следующего раза* значит «отложить до будущих времен», на *следующей неделе* может употребляться в значении «на будущей неделе». Проекция в будущее вуалирует точку отсчета, ср. также: *преследовать цель*.

Изменение направления движения в модели Пути повлияло также на представление о времени. Основной лексикон движения времени сохраняется: *время наступает, приходит, проходит, уходит, приближается, отдаляется*. Но метафора направленности движения в нем ослаблена. Так, сочетание *время идет*, в ко-

тором направленность движения не выражена, неоднозначно; ср.: *время идет (шло)* и *время идет (шло) к весне*. В первом случае имеется в виду время, уходящее в прошлое, во втором оно движется в будущее.

Человек стремится изменить направление не только течения рек, но и потока времени, приглашая его идти вместе с собою в будущее. Поскольку скорость их движения различна, он бросает времени вызов; ср.: *гнаться за временем, опередить (обогнать) свое время, не отставать от времени, шагать в ногу со временем*. Призыв «Время, вперед!» (название романа В. П. Катаева) аналогичен побуждению, обращенному к человеку: «Вперед, в будущее!». В таких выражениях метафора жива. Говорящие ее чувствуют. Время здесь ассоциируется с понятием прогресса, развития. Это движение по восходящей. Движущееся время наполнено конкретным жизненным содержанием.

Итак, в модели Пути нового человека время как бы движется вместе с человеком в будущее. Вследствие этого понятие «старого» в ней противоречиво: старое время неизменно находится в стороне прошлого, старость ждет человека в будущем. Будущее обновляет время, но старит человека. В этом отношении, как отмечалось, модель Традиционного пути была более гармонична: время и поколения людей, появляясь из будущего, были новы, а уходя в прошлое, постепенно старели. Старина совпадала со старостью, новизна — с молодостью. Изменения в модели Пути отразились также на понятии первенства. Оно ослабило связь с понятием прасуществования, прародителя, «первого человека». *Перво-*открыватели и *перво-*проходцы обратили свое лицо в будущее. За ними идут их последователи, хотя хронологически их деятельность падает на более поздний период. Их место одновременно и сзади, и впереди Учителей и Вождей.

Таким образом, претензии человека на свободное строительство жизни и совместное с временем движение вперед обернулись концептуальными неполадками. Они повлекли за собой противоречия в употреблении слов времени. Лежащие в их основе пространственные значения последовательны, производные от них временные значения противоречивы: ср.: *пред-*стоящий (= будущий) и *пред-*идущий (= прошедший). Пространство доступно непосредственному восприятию, и его модели в обыденном сознании устойчивы. Пространство описывается в терминах слов, употребленных в их прямом значении. Время восприятию недоступно, и его модели изменчивы. (В книге американского писателя А. Лайтмана «Сны Эйнштейна» предложено 30 различных моде-

лей времени.) Время описывается в метафорических терминах, легко допускающих противоречия. Претерпеваемые моделями времени изменения тем более радикальны, чем теснее связывается понятие времени с жизнью человека, его мироощущением и с происходящими в мире историческими процессами.

Необходимость в снятии концептуальных противоречий ведет к созданию некой универсальной, стоящей над категориями обыденного сознания и чувством жизни хронологической модели — модели исторического времени, в которой временная последовательность событий получает каузальную интерпретацию. Поскольку причины предшествуют следствиям, в хронологической модели время вместе с наполняющими его событиями движется из прошлого в будущее. Хронологическая модель обладает способностью к текстообразованию. На ней основаны хроники и биографии, прогнозы на будущее и предсказания, касающиеся последствий текущих событий.

Наряду с этой внешней по отношению к языку моделью времени, существует и внутриязыковая модель, конститутивным компонентом которой является точка присутствия в ней говорящего, от которой идет отсчет времени вправо — в будущее и влево — в прошедшее. Хронологическая модель в своем стремлении к единству подавляет точку присутствия хрониста, располагая события на общей «линии следования». Не случайно в хрониках часто используется *praesens historicum*. Внутриязыковая модель, напротив, постоянно разбивает линию времени точкой присутствия, задающей разную направленность движения времени — вперед, в будущее и назад, в прошлое.

ЛИТЕРАТУРА

1. М. Хайдеггер. Время и бытие. М., 1993.
2. Человеческий фактор в языке: Коммуникация. Модальность. Дейк-сис. М., 1992.
3. О. Шпенглер. Закат Европы. М., 1993.
4. М. Элиаде. Космос и история. М., 1987.

К. Г. Красухин

ТРИ МОДЕЛИ ИНДОЕВРОПЕЙСКОГО ВРЕМЕНИ НА МАТЕРИАЛЕ ЛЕКСИКИ И ГРАММАТИКИ

1. Человек отличается от животного способностью к планированию и моделированию своей деятельности, а также к воспоминаниям. Реакция животного на прошлое обычно предстает в форме условного рефлекса, предписывающего однозначную реакцию на раздражитель и не допускающего осмысления ни раздражителя, ни рефлекса. Связь с будущим иногда осуществляется через так называемый инсайт (от англ. *insight*) — внезапное принятие решения в нестандартной ситуации. В случае её повторения инсайт может сформировать новый условный рефлекс. Но условный рефлекс — это реакция на регулярное воздействие внешней среды, а инсайт связан только с непосредственным будущим, формирующимся в настоящем. Подлинное, цельное восприятие прошлого (т. е. память) и способность на его основании моделировать будущее, планировать в нем свою деятельность — это характерная черта человека. Восприятие будущего — основа всякой целенаправленной деятельности, а память — культуры.

Итак, человек воспринимает время. Но время, в отличие от пространства, нематериально и не доступно ни одному из пяти органов чувств. Однако оно является базовой категорией языка. Когда мы говорим, мы предикцируем (это тавтология, ибо *praedicare* и означает «возвещать»). Предикцируя же, мы обязательно соотносим высказывание с моментом речи, хотя иногда это соотношение может быть не выражено явно. В этой связи отметим, что иногда наличие темпорального слова позволяет отличить предикативное высказывание от непредикативного. Так, выражение *Старик в тулупе* может быть атрибутивным и предикативным; *Старик уже в тулупе* — сугубо предикативно (пример Д. Н. Шмелева). Поэтому вопрос о выражении времени в языке приобретает особую значимость для языкознания.

2. Как любая нематериальная вещь, время выражается с помощью материальных метафор. Анализ соответствующей лексики в основных индоевропейских языках позволил выявить три базовых представления о времени. Их можно охарактеризовать так: внешнее время (время как пространство), внутреннее время (время как жизненная сила), субъективное время (время как желание, мысль и т. д.).

3. Время как пространство — это довольно сложная система обозначений, включающая в себя несколько подсистем.

3.1. Время как мера. Сюда относится прежде всего лит. *mētas* 'время, возраст', мн. ч. *mėtai* 'год'; др.-исл. *ar-tali* 'месяц' дословно означает «считающий годы», причём *ar-* сопоставляется с хетт. *arma* 'луна, месяц', а *-tali* — с англ. *tell*, нем. *Zahl*. С лит. *mētas* сопоставимо а.-сакс. *med* 'время, размер', гот. *mel* 'время'. В основе этих лексем лежит корень **met-*, **meh-* 'измерять' (др.-инд. *māti*, *mimāti*, лат. *metior*). Др.-исл. *ar-*, хетт. *arma* образованы от и.-е. **ar-* (греч. ἀραρίσκω 'слаживать, связывать'), их соотношение с нем. *Jahr*, англ. *year* будет рассмотрено ниже. К той же модели относятся и прочие германские названия времени: др.-исл. *tíð*, *tími* (дат., швед. *tid*), др.-англ. *tid*, *tīma* (англ. *time*), нидерл. *tijd*, др.-в.-нем. *zīt* (нем. *Zeit*). В основе всех этих лексем лежит прагерманское **ti-* (с детерминативами *-m*, *-t*) < **dai-*, ср. др.-инд. *dāyate*, греч. δαίωμα 'делить' (того же корня и греч. δαίμων 'божество, дух-покровитель', этимологически — «податель»). Лат. *tempus* К. Бак [19] сравнивал с лит. *teĩpti* 'тянуть'. Однако Э. Бенвенист, опираясь на семантику производных глаголов (*temperare* 'умерять, ограничивать'), предположил, что значение предела было для этого имени первично [16]. Следовательно, это имя можно сравнивать с и.-е. **tem-* 'резать' (представленным также в греч. τέμνω 'надел', лат. *templum* 'священная роща'). Тот же изосемантический ряд репрезентируют некоторые кельтские наименования: кимр. *pryd*, бретон. *prid*, корн. *prid* < **kurt-* 'резать', др.-инд. *kṛ-tati*, греч. κείρω, лит. *kirti*, также *kaĩtas* 'раз', слав. *кратъ*. К корню со значением 'резать, наносить насечки', по-видимому, относятся и слав. *часъ*. Фасмер [9] сравнивал его с *чапати*, Бак — с др.-инд. *cinóti* 'показывать', Черных [10, II] — с **ke(i)-* 'дви-

гаться' (др.-инд. *céstatī* 'шевелиться', греч. *κίω* 'идти', *κινέω* 'двигать', лат. *cīeo*). Однако эти сопоставления не раскрывают морфологических связей сравниваемых слов; два последних, кроме того, не вполне убедительны и фонетически. Напротив, сравнение с и.-е. **kes-* 'резать' (ср. русск. *чесать*, *косить*, *касаться*) объясняет и конечное *-s*. Это корневое имя с продленной ступенью корня, ср. суффиксальное *часть* < **kes-ti*. Возможно, греч. *χρόνος*, не имеющее общепринятой этимологии, производно от *χράω* 'царапать', *χράίνω* 'задевать, касаться'. Бак, впрочем, сравнивает это имя с др.-инд. *harati* 'держатъ', а также оск. *heriad* 'да возьмет'. В этом случае имя *χρόνος* должно быть отнесено в следующую подгруппу. Возможен еще один этимологический ряд, который должен перевести это имя совсем в другую модель. О нем — несколько ниже.

3.2. Время как цельная часть пространства, так сказать, содержимое границ. Здесь прежде всего необходимо отметить лит. *laĩkas* 'время', связанное с *laikyti* 'держатъ'. Этот глагол есть каузатив к первичному *lièkti* 'оставлять'; ср. греч. *λείπω*, лат. *re-linquo*, др.-инд. *rinákti*, а также слав. *отълѣкъ* 'остаток', русск. *лихо*, *лишний*, *лихва* (последнее считается германизмом [12, вып. 15], ср. гот. *leihvan* 'ссужать'; впрочем, П. Я. Черных [10] считает это неубедительным). В греческом этот корень также образует темпоральное имя: *λοιπόν* 'будущее' (субстантивированное прилагательное от *λοιπός* 'оставшийся, остаток', т. е. его внутренняя форма означает 'остающееся при избытке прошлом и настоящим'). Разница в значении одного по сути этимона в литовском и греческом объясняется тем, что в последнем ни один из вариантов корня **leik-* не приобрел значения 'держатъ'. Итак, лит. *laĩkas* — это 'время' как нечто взятое, удержанное, заключенное в пределы.

3.3. Время как движение. К этой группе относятся основные русские имена времени: *время* (заимствовано из ц.-слав. *врѣмя*) есть древний *nomen actionis* от корня **uert-* 'двигать, поворачивать' (*вертеть*, *вращать*, *ворочать*). Славянское имя находит непосредственную параллель в др.-инд. *vártman* 'бег, судьба'. Таким образом, этимология слова *время* запечатлела представление

о циклическом движении. Напротив, *пора* есть производное от **per-* 'двигаться вперед': русск. *переть*, *напирать*, др.-русск. *пра-ти*, греч. *πεῖράω* 'действовать; двигаться'. К этому же корню относятся и другие части речи: имена типа слав. *пръвъ*, лит. *pirmas*, лат. *primus*, греч. *πρῶτος*; предлоги и приставки типа русск. *пере*, *про*, ц.-слав. *прѣ-*, лат. *pro*, *prae*, греч. *περί*, *πρό*, *παρά*, др.-инд. *pari*. Особенно интересно значение греч. *πόρος*. Это не только «путь», но и «судьба». Таким образом, этимология имени *пора* воплощает идею линейного движения¹. Такой же изосемантический ряд привел к образованию др.-ирл. *trath* 'период времени'. Это имя сопоставимо с кимр. *trawd* 'бег, путешествие' и в конечном итоге восходит к и.-е. **ter-* 'двигать(ся)', ср. др.-инд. *táratī*, греч. ἔτορον 'я побежал'. Спорным остаётся вопрос о др.-инд. *ṛtú* 'время'. Это имя может быть соотнесено с корнем **ar-* (см. выше) и *ṛta* 'закон', или же с глаголом *ṛnóti* 'идти, отправлять'.

3.4. Переходными к второй группе являются слова, обозначающие период времени с помощью наиболее характерных событий, в нем заключенных. Так, слав. *день*, лит. *dienà*, лтш. *diena*, прусск. *deinan*, др.-инд. *dina*, лик. *zini* восходят к и.-е. **dei-* 'сиять'. Этот же корень отразился и в наименовании неба и верховного божества индоевропейцев: др.-инд. *dyáus*, греч. *Ζεὺς*, лат. *Jupiter*, умбр. *Ju-pater*, ст.-лат. *Diespater*², а также *dies* 'день'

¹ Е. С. Яковлева [13, гл. 2] считает, что имя *время* обозначает в русской языковой картине мира линейное время, а *пора* — циклическое. Если бы это было так, то мы были бы свидетелями самой удивительной семантической эволюции: имя циклического времени стало обозначением линейного и наоборот. В действительности же *время* и *пора* соотносятся друг с другом как более широкое и более узкое понятие. *Пора* есть время наступления какого-либо состояния/события (*пора надежд и грусти нежной*), время реализации явления, человеческих способностей, природных процессов (*пришла, прошла моя пора; пришла пора, она влюбилась*). Поэтому *пора* может приходиться и уходить, а *время* также идти, бежать, течь. *Пора* в отличие от *времени* никогда не персонифицируется; оно также не употребляется во множественном числе. На связь же *поры* с циклическим временем исследовательницу, очевидно, натолкнуло то, что это имя часто обозначает природные повторяющиеся процессы. Но, на наш взгляд, *время* и *пора* в современном русском языке вообще не связаны с концептом циклического и линейного времени. Впрочем, эта тема выходит за рамки статьи.

² Как показал Кл. Струнк [29], лат. *Jupiter* и умбр. *Ju-pater* репрезентируют древний вокатив, а *Diespater* — номинатив. Последний характеризовался продлённой ступенью вокализма.

и *divum* 'небо'. Значение 'сиять, блеснуть' репрезентирует др.-инд. *dīvyati*, *dyótati*. Гот. *dags* и нем. *Tag* суть отглагольные имена, связанные с и.-е. **dhegh-* 'гореть', ср. др.-инд. *dáhati*, лит. *dègti* 'жечь' (слав. дѣгътъ, жьгж). В Геттингенской рукописи немецко-прусского словаря С. Грунау зафиксировано также *deigan* 'день', в Карольской рукописи то же слово передается как *deyen* [23, 58]. Но наличие формы *deinan* (I Катехизис, 5, 10), пофонемно соответствующей лит. *dienà*, заставляет предположить в обоих упомянутых рукописях просто опisku. Слав. ношть, лит. *naktis*, лат. *nox*, греч. νύξ, хетт. *nekut*, по-видимому, находится в родстве с и.-е. **nek-* 'вредить, убивать': лат. *pecare* 'убивать', *nocere* 'вредить', греч. νεκρός 'мёртвый'. День — светлое время, ночь — злое, сопряженное со смертью. По сходной модели образованы и имена времен года, которых в праиндоевропейском, очевидно, было три [2, 853]. И.-е. **gheim-ǵ-/nt* (лит. *žiemà*, лтш. *ziema*, хетт. *gimmanza*, др.-инд. *hemantáh*, авест. *zua*, род. п. *zimo*, греч. χειμών) изначально означало 'снег, буря': лат. *hiems* — не только 'зима', но и 'ливень, холод'; ср. греч. χεῖμα 'снежная буря'; с иным суффиксом — также и χιών 'снег'. И.-е. **ues-ǵ/n-(t)* (слав. весна, лит. *vāsara* 'лето', др.-инд. *vasantáh*, греч. ἔαρ (Ἔς-ρ), лат. *vēr*), может быть, связано с **ues-* 'хороший, добрый, благоприятный' или **us-* 'гореть, пылать'; о корне **iēr-* см. ниже. И.-е. **e/os-n-* (русс. осень, прусск. *assanis*, хетт. *zēna*) обозначало, собственно, 'жатва, урожай' (гот. *asans*, др.-в.-н. *aran*, нем. *Ernte*, др.-исл. *ǫnn*). Особенно показательно греч. ὀπώρα, восстанавливаемое как *оп-осара, дословно 'после-жатва'. Наименование времени по характерной деятельности запечатлено также в лат. *saeculum* (< **se-tlom*, ср. *sero* < **si-so* 'сеять', ср. хетт. *ishai*, слав. сѣяти), греч. ἀμολγός 'вечер' (= 'время дойки', ἀμέλγω 'доить'). Таким образом, пространственные имена времени описывают пространство исчерпывающим образом. Они указывают на основные его черты — мерность, протяженность, цельность, членимость, а также на осуществимость в его пределах движения и прочей деятельности.

4. Вторую модель времени репрезентирует прежде всего и.-е. **aiu-* 'жизнь, сила': др.-инд. *āyus* 'жизнь', греч. αἰών 'сила,

жизнь; век', лат. *aevum* 'век' (*aeternus* 'вечный'), гот. *aiws* 'время; вечность', нем. *ewig* 'вечный'. Следует заметить, что у Гомера αἰών означает по преимуществу 'жизненная сила, покидающая героя в момент гибели'. Ср.: αὐτὸς δὲ φίλης αἰῶνος ἀμερθής (Ил. 22, 58) «и ты лишишься своего века» (= «своей жизни»); ἔπειτα με καὶ λίποι αἰών/ἐν πόλει ὑμετέρῃ (Ил. 5, 685) «когда бы покинула меня жизнь в вашем городе». Также: αὐτὰρ ἐπὶ τὸν δὲ τὸν γε λίπη ψυχὴ τε καὶ αἰών (Ил. 16, 453) «и когда покинут его (Патрокла) душа и жизнь». Только у Гесиода появляется новое значение 'век, эпоха' (= 'жизнь поколения'). В сознании же человека гомеровского времени αἰών — это прежде всего жизнь именно отдельной особи. («Ибо срок, объемлющий время жизни каждого отдельного [существа, срок], вне которого [нельзя найти] ни одну из его естественных [частей], они называли „веком“ каждого»)³. По-настоящему обобщенное значение «эпоха» появляется у Платона, «вечность» — у Аристотеля: «По аналогии с этим и полный срок [существования] всего Неба, и срок, объемлющий целокупное время и бесконечность, есть „Век“ (αἰών), получивший наименование вследствие того, что он „Всегда есть“ (ἀεὶ ὢν) — бессмертный и божественный»⁴. Ср. также у Эврипида: πολλὰ γὰρ τίχτει/Μοῖρα τελεσιδωτεῖρ' Αἰών τε Χρόνου παῖς (Нер., 898–90) «ведь многое рождает дающая всему осуществиться Мойра (Судьба) и Айон, сын Хроноса (Времени)». Подробнее о греч. αἰών см.: [3].

Латинское *aevum* 'век', по-видимому, имело сходное значение. Об этом свидетельствует производное *aetas* (< *aevitas*) 'срок, возраст, поколение', а также 'буря, непогода' (т. е. особо выделенное время). Из всех этих примеров видно, что и.-е. **aiu-*, в отличие от пространственно-временных слов, обозначал время человека, явления или события, не текущее постоянно и равномерно, а способное прекращаться и прекращать существование того предмета, к которому оно относится. Внешнее время соответствует ньютонову представлению о нем, а внутреннее — эйнштейновскому.

³ Аристотель. О небе, 279a // Аристотель. Сочинения / Пер. А. В. Лебедева. М., 1981, т. 3, с. 293.

⁴ Аристотель. О небе...; ἀεὶ ὢν точнее перевести как «всегда сущий».

Время в теории относительности анизотропно. Наименование внутреннего времени репрезентирует и эту черту. Корень **aiu-* Э. Бенвенист [15] сравнивал с **ieu-* 'молодой': лат. *iuvenis*, слав. юнѣ, лит. *jáunas*, нем. *jung*, англ. *young*, др.-инд. *yuván* 'юноша'⁵. (Эту этимологию, правда, отвергает О. Н. Трубачёв, который выводит этот корень из и.-е. **ieu-* 'мять, месить' [12, вып. 8, s. v. **jun̥z*].) Таким образом, понятие «жизнь, сила, вечность» оказываются связаны с «молодостью», т. е. временем наивысшего проявления жизненной силы.

Изосемантический ряд можно наблюдать в слав. вѣкъ и родственных индоевропейских словоформах: лит. *veikūs* 'быстрый', *veikti* 'действовать', *vaikyti* 'гнать', лтш. *veikt* 'совершать'; др.-исл. *veig* 'сила', *víg* 'борьба', гот. *weihan*, др.-в.-н. *wīgan* 'бороться' (нем. *überwiegen* 'одолевать'). Сюда же относится ряд далеко разошедшихся латинских слов: *vincere* 'побеждать', *per-vicax* 'упрямый', *vix* 'едва, с трудом', *vicis* (род. п. от **vix*; также *vicem*, *vice*, *vicibus*) 'смена; судьба'. Первичное значение 'жизненная сила' переходит, с одной стороны, в семантему 'борьба, победа', с другой — 'судьба; отрезок жизни; время'.

Значение 'жизненная сила' первично и для русск. вѣкъ. Оно лучше всего сохранилось в таких производных, как *оувѣкъ*, *оувѣчнь*, т. е. 'немогущий, лишенный жизненной силы'. Значение 'жизнь' хорошо диагностируется в таких оборотах, как *за-есть чужой век*, *дай бог веку*. Ср. также укр. *вік* 'возраст'. «Время существования» демонстрирует словосочетание *до веку*, «время Вселенной» — *от века*, *вечный*, «время наивысшего проявления чего-либо» — *век Перикла (Виктории, Екатерины)*: это не время жизни указанных правителей, а время их правления. Наконец, *век* может означать и «эпоха». Любопытно, что древнерусское вѣкъ могло обозначать и «тысячелетие»: *тысяча лѣтъ врѣмя вѣкъ же господьскій глаголется* (Великие Минеи-Четьи, Янв. 6–11,

⁵ В своем устном сообщении от 14.X.1995 на Семинаре по итальянским и индоевропейским языкам (Гарвардский ун-т) Б. Фортсон сопоставил с этим корнем также лат. *lupo* (и его итальянские соответствия). Тем самым имя верховного итальянского божества может быть интерпретировано как «(вечно) юная; носитель постоянной жизненной силы».

497, XVI в.). Очевидно, это слово именovalo наиболее крупный в данной системе временной промежуток.

С другой стороны, можно предположить и родство слав. **вѣкъ** с лит. *vaĩkas* 'ребёнок', лтш. *vaiks* 'то же'. Эта несомненная параллель косвенно подтверждает правомерность сравнения и.-е. **aiu-* и **ieu-*. По-видимому, элемент **uoik-* присутствует и в имени **человѣкъ**. Наиболее правдоподобная этимология предполагает здесь словосложение: **чело-** соотносится с **челадь**, а также **коло**, **колeно** (в значении 'род'), **по-колен-иe**. Таким образом, этимологически **человек** может интерпретироваться как «сын племени, окружения, поколения». Другие этимологии этого имени менее вероятны [9; 10; 12, вып. 4]. Попутно заметим, что соотнесение *века* и *человека* очень популярно в русской поэзии. Такая рифма четко организует содержание стиха. В нем речь идёт либо о параллелизме века и человека: *...Два-три романа / В которых отразился век / И современный человек / изображен довольно верно...* (Пушкин), либо об их конфликте: *Как часто мимо вас проходит человек / Над кем ругается слепой и буйный век...* (он же). Древнейшая этимологическая связь имён *век* и *человек* регенерируется на поэтическом уровне⁶.

По косвенным данным значение «жизненная сила» может быть восстановлено и для корня **uet-* 'год': греч. *ἔτος*, албан. *ujet*. Производные от этого корня означают 'старый' (лат. *vetus*, лит. *vėtušas*, лтш. *vecs*, слав. **вѣтъхъ**) и 'молодое живое существо' (лат. *vitulus* 'теленок', др.-инд. *vatsa* 'молодое животное').

5. Третья модель времени представлена прежде всего общеславянским **godъ* и его производным *година* (укр. *година*, блр. *гадына*, макед. *година*). Первичное значение восстанавливается и на славянской почве: *годить-ся*, *у-годить*, *при-годный*, *вы-года*. Общеславянское **godъ* означает 'хороший, добрый, полезный'. То же значение репрезентируют и внеславянские соответствия: албан. *ngeh* 'благоприятный случай', гот. *gōþs*, др.-в.-н. *guot*, нем. *gut*, англ. *good*. Другое темпоральное слово из этой группы — **doba*: 'время, пора', блр. *доба* 'пора, сутки', русск. диал. *дóба*

⁶ Более подробно об этой рифме см.: [6].

‘время, пора’, *dobá* ‘возраст’, чеш., словац. *doba* ‘то же’. Это имя находится в этимологической связи с *у-добный, по-добать, по-добный, с-доба*, а также с *добро, доблесть*, др.-русск. *доблии*. Ср. лат. *faber* ‘кузнец, творец’, арм. *darbin* ‘кузнец’. Темпоральное значение развилось у лит. *dabār* ‘теперь, сейчас’⁷.

5.1. К модели субъективного времени можно предположительно отнести имена, связанные с семой «мысль». Так, гот. *peihs* ‘время’, др.-англ. *þing-gamēorc* ‘измеряемое время’ Бак сравнивал с др.-исл. и др.-англ. *þing* ‘судебное собрание’, возводя его к и.-е. **tenk-* ‘тянуть’. В таком случае эту группу можно сравнивать и с нем. *Ding*, англ. *thing* ‘вещь’ (этимологически — ‘протяженное’). С другим детерминативом (или с другой акцентуацией) эти темпоральные имена могут быть сопоставлены также с *denken* и *think*, а также с оск. *tanginom* «sententiam» ‘решение (суда, народного собрания)’. По-видимому, оба этимологических решения не противоречат друг другу. Гот. *hweila*, др.-в.-н. *hwila* (нем. *Weile*) сопоставляются с лат. *quies* ‘покой’, *tranquillus* (< **trans-quis-io-*) ‘спокойный’. Но они могут быть также сопоставлены с и.-е. **kui-* ‘упорядочивать, понимать’, ср. др.-инд. *cinóti* ‘замечать’, *cétati* ‘понимать, обнаруживать’, слав. чѣтити, чинѣ ‘порядок, ряд’. С представлением о субъективном времени, по-видимому, связано и обозначение времени как высказанного: русск. *срок*, укр. *рік* ‘год’.

6. Для некоторых темпоральных слов не устанавливается однозначная этимология, что, естественно, затрудняет их отнесение к той или иной группе. Мы уже упоминали греч. *χρόνος*. Помимо указанных выше этимологий, его можно сравнить и с *χράω* ‘нуждаться’. Не прояснено и другое темпоральное слово — *χαῖρός*. Э. Буазак сравнивал его с *хирέω* ‘встречаться, случаться’ [18], Бак — с *хѣроω* ‘резать’. Спорна этимология и слав. *јаро* ‘весна; лето’. По мнению О. Н. Трубачёва, этот корень омонимичен *јръ*, причем оба этимона сблизились ещё в праславянском. Для **jaro*, а также нем. *Jahr*, греч. *ῥός* ‘год’, *ῥα* ‘время, пора’, предпола-

⁷ По-видимому, лит. *dabār* представляет собой гетероклитическое имя в наречной функции, так же соотносящееся с *доба*, как **uedor* с *вода*.

гается родство с и.-е. **ei-/ie-* 'идти' (ср. лит. *jóti*, др.-инд. *yáti*; **jarǵ* 'горячий, крутой' возводится к **ieu-* 'варить, перемешивать': греч. ζωρός 'крепкий, чистый, жгучий' (о вине), ζωμός 'похлёбка', лат. *ius*, лит. *júšé* 'то же', слав. юха [12, вып. 8, s.v. **jaro* и **jarǵ*]. Но для обоих этих корней можно восстановить общее значение «горячий, сильный» [7, 91–95]. Нечто подобное репрезентирует и греч. ὥρα: не только «время, пора», но также и «весна, цветение» (ὡρὰ ὥρα 'весна'), ср. дериват ὥρατος 'зрелый', н.-греч. 'прекрасный'. Думается, что нет оснований разделять *iaro* и *jarǵ*; трудность представляет только определение первичной семантики корня. Возможно, в данном случае имела место контаминация нескольких корней. Помимо указанных О. Н. Трубачёвым **ior-* 'движение' и **iour-* 'горячий', следует, по-видимому, учитывать и **(i)ar-* 'соединять, слаживать', ср. тох. В *yärm* 'мера', арм. *yarman* 'случившийся', греч. ἄρμος 'связь, сустав', ἄρμα 'колесница'. Что же касается корня **ieu-*, то ему посвящено обстоятельное разъяснение В. Н. Топорова [11, 483–485]. По мнению исследователя, с этим корнем связаны **aiu-*, **ioun-*, **ious-*, также др.-инд. *yáuti* 'соединять', лит. *jáuti* 'мешать, смешивать' (отметим также *jaũkti*, *jaũgti* 'то же'), лат. *iuvare* 'помогать, быть благосклонным', слав. **jutiti*, причем такие однокоренные имена, как *уют*, *приют* показывают, что первичное значение этого корня — 'помогать'. Для общиндоевропейского **ieu-* восстанавливается общее значение 'перемешивать; увеличивать' с дальнейшим развитием значения 'соединять, укреплять; быть поддержкой, полезным; быть приятным', с тем же комплексом связан и концепт крови (о.-слав. **juxa*) как вечно циркулирующей и дающей жизнь субстанции. В применении к нашим моделям времени можно полагать, что весь указанный комплекс корней (**ier-*, **ieu*, **aiu-*) обозначал взаимовлияние и взаимопереход концептов внутреннего и субъективного времени.

С разбираемыми корнями могут быть связаны также греч. ἥρως и ἥρᾱ. Н. Н. Казанский [4] предположил, что эти традиционно не сопоставлявшиеся имена находятся в родстве; с ними же связано и имя микенского божества *tiriseroe* (Τῖρ-ἥροε [PY Fr 1204, Tn 316] — дательный падеж). Оно образовано по той же модели,

что и Τρεσ-μέγιστος 'Трижды-величайший'. Имя же 'Ηρα-κλῆς, по мнению Н. Н. Казанского, полностью соответствует слав. **Яро-славъ** и представляет, таким образом, древний композит-формулу, не учтённую Р. Шмиттом [28]. Сходные соображения несколько раньше высказал Д. Адамс [14]: ἥρως производно от 'Ηρα по словообразовательной модели πατρώς, μητρώς, δμῶς; с корнем **Hier-* связано также греч. εἰρήν/ἱρήν «спартанец 13–14 лет»; с другими детерминативами и без них — греч. ἡβη 'юность', ἡβάζω 'расти', лит. *jėgà* 'сила' < **ieg^{ua}*; др.-инд. *yatu* 'колдовство', хетт. *iemi* 'я делаю'. Все эти соображения позволяют восстановить индоевропейский корень **ier-* 'жизнь, сила, движение, произрастание' (вероятно, производный от **ie-* 'пускать(ся), идти'). В развитии значений корня свою роль сыграла контаминация с **ieu-* 'перемешивать, разогревать', *(*i*)*ar-* 'соединять, слаживать'.

— 7. Итак, время как пространство, или внешнее время; время как жизненная сила, или внутреннее время; время как желание, мысль, или субъективное время — три основных способа представления этой категории в языке. Они свойственны не только древнему сознанию. История слов, сравнительно поздно получивших темпоральное значение, подтверждает существование указанных выше моделей. Так, греч. ἐποχή первоначально означало 'остановка, задержка' и только в византийский период приобрело новое значение 'период времени', заимствованное европейскими языками. Лат. *aera* — это множественное число от *aes* 'медь'; в классической латыни эта форма была малоупотребима, но, поскольку *aes* приобрело значение 'медная монета', то *aera* у Аммиана Марцеллина (IV в. н. э.) стало означать 'деньги; оплата; счёт'. Только у Исидора Севильского (570–636 гг. н. э.) в исторических сочинениях появляется новое значение 'год, (большой) период времени', который и является актуальным для многочисленных заимствований. Как ни различны темпоральные слова по происхождению, они приобретают сходные значения в поле времени. Время — одна из важнейших характеристик окружающего мира, и оно может быть отождествлено с другими важными характеристиками. Поэтому темпоральные слова могут обозначать и погоду. От лат. *tempus* произведено *tempestas* 'буря, непогода'; само же

tempus развило в романских языках дополнительное значение 'погода' (франц. *temps*, итал. *tempo*, испан. *tiempo*). Русское *время* в диалектах тоже приобретает значение 'погода; непогода' (*Каково время? — Ясно, дождь, снег.* В. И. Даль). Другая важная особенность темпоральных слов — их нежесткая связь с календарными и астрономическими периодами времени. Наиболее показательно сопоставление русск. *год* и *година* 'пора, время свершения', а также укр. *година* 'час'. Ср. также греч. ὥρα — ὥρος 'год', ἐννέ-ωρος 'девятiletний'; также русск. *лѣто* в значении 'лето' и 'год'.

8. Три рассмотренные модели времени находят параллели в грамматических выражениях времени.

8.1. Пространственное грамматическое время — это время, обозначенное с помощью дейктических средств. Дейктические элементы сформировали одну из подсистем видо-временной системы греческого, индоиранского, в реконструкции также армянского глагола. Здесь презенс обозначался с помощью постфикса *-i*, по происхождению указательного местоимения с оттенком близости (ср. лат. *is*). Претерит же маркировался аугментом — приставкой **e-*, которая восходит к частице со значением 'там' или 'вот, уже'. Глаголы, лишенные аугмента и презентной частицы, относились к особому наклонению — инъюнктиву, обозначавшему действие, лишенное внешних темпоральных связей. Подробнее см. [5], там же литература вопроса.

8.1.1. Кроме того, дейктические категории используются и в описании семантики глагольных времен. Так, в концепции Г. Гийома [21] различается инхотативное время (*aller* + инфинитив, *commencer à/de* + инфинитив), курсивное время (*aller en augmentation* 'быть в развитии'), терминативное время, указывающее на движение к концу (*finir* + инфинитив). Время описывается также в категориях протяженности — непротяженности; различаются точечное (моментивное), дуративное (стабильное, длительное), итеративное (повторяющееся) действие. Система соотношений действия с моментом речи была предложена Гизеллой Рау [26]. Она включает в себя следующие дефиниции: t_1 — момент речи, t_2 — время, близкое к моменту речи, t_3 — вневременной процесс, t_4 — неопределенное время, t_5 — время, отдаленное от момента речи,

t_6 — вообще не определяемое время. Последнее характеризуется как время предиката, находящегося в цепочке предложений, которые описывают линейную последовательность действий.

8.1.2. К грамматическим способам можно отнести и представление действия как движения. Предикат «двигаться, идти» — один из наиболее частых при темпоральных временах. Ср. хетт. *mahanma* 7. MUHLA-us ueir EGIR-anda pair [24, 6] «и пришли годы, и прочь ушли», горациево *Eheu! Fugaces, Postume, Postume, labuntur anni* (Carm. XIV, 1–2) «Увы, Постум, Постум, протекают мимолетные годы», русск. *время течет, идет, проходит*, нем. *die Zeit ist vergangen* «время прошло». Поэтому естественно ожидать грамматизации глаголов движения. Её можно отчасти наблюдать в гомеровском обороте βῆ ἰέναι/ἵμεν/ἵμεναι «он отправился» (дословно — «он пошёл идти»). Глагол «идти» приобрел функцию вспомогательного в перфекте некоторых немецких диалектов (*er kam gegangen* вместо *er ist gegangen*) [8]. Во французском *vient + de +* инфинитив образует *passé immédiat*, соответственно *va +* инфинитив — *futur immédiat*. Греч. βάινω, нем. *kommen* (как и гот. *qiman*), франц. *venir* (< лат. *venire*) восходит к корню **gʷem-*, обозначавшему не только движение, но и исходный пункт (ср. его производные в греческом: βάσις, βάθρον «основа» [22]). Поэтому данный глагол имеет выраженно терминативное значение и используется именно в перфективных временах.

8.2. Параллель внутреннему времени представляет грамматическая категория аспекта, или глагольного вида. В небольшой статье не представляется возможным более или менее адекватно описать данную категорию. Отметим только основные связи аспекта с грамматическим временем: совершенный вид тяготеет к обозначению действия, законченного к моменту речи, т. е. претерита. Вместе с тем отсутствие значения длительности у перфективных форм лишает их значения удалённости во времени. Поэтому претерит несовершенного вида обозначает отдаленное от момента речи действие, а совершенный вид — близкое. Такова оппозиция между претеритом (имперфектом) и перфектом в современных европейских языках [31], имперфектом и аористом в Ригведе [20]. Соединение же основы совершенного вида с показа-

телями презенса образует либо терминативный презенс, либо футурум, либо дезидератив.

8.3. Субъективное время в грамматике — это время, обозначаемое с помощью модальных категорий. Непрезентное время и неиндикативные модусы объединяет общее значение отрешенности от момента речи, поэтому претерит и футурум могут выражаться с формами конъюнктива и оптатива. Греческий футурум представляет собой по форме конъюнктив с краткой гласной, образованный от сигматического аориста (λύσω «я развяжу/я бы развязал»); в латыни 1 л. ед. ч. субъюнктива и футурума в 3 и 4 спряжении идентичны: *legam* «я прочту/прочёл бы», *audiam* «я услышу/услышал бы». Суффикс *-a-* является показателем конъюнктива или оптатива [17; 30]. В этом качестве он выступает в итало-кельтском (лат. *ferat* «он бы понес», др.-ирл. *ba* «он бы был»). Однако он же образует и претериты, ср. слав. *бѣра*, *гѣна*; лит. *buvo* «он был» пофонемно совпадает с лат. *fuat* «он бы был» (< **bhu(v)a-t*). Кроме того, в итальянском *-a-* известен и в претеритальной функции: лат. *eram* (< **es-a-m*) «я был». Значение футуральности может принимать и 3 л. императива, подробнее см. [5]. Отметим также так называемое «балканское будущее», когда футурум образуется из сочетания глагола «хотеть» с конъюнктивом. Ср. греч. $\theta\acute{\alpha} \rho\theta\acute{\omega}$ < $\theta\acute{\epsilon}\lambda\omega$ *ἴνα ἔρθω* «я пойду», румын. *voi cante* (< *volo cantare*) «я запою», болг. *ще пиша* «я напишу» (< *хоще*).

9. Внешнее, внутреннее и субъективное время характеризует не только систему языка. С помощью этих категорий можно классифицировать и временные логики. Так, внешнее время может быть описано в рамках системы Х. Райхенбаха [27], где различаются момент речи, время события и точка референции — некоторый момент, относительно которого и определяется действие. В естественном языке точка референции принимает участие в образовании вторичных времен — давнопрошедшего, предбудущего. Внутреннее время соответствует логике Г. Х. фон Вригта [1; 32], где время характеризуется через последовательность событий. Субъективное время находит параллель в логике А. Прайора [25], где различаются возможное и необходимое прошедшее и будущее. Кроме того, описание времени сквозь призму внешних

событий находим в «Физике» Аристотеля, как набор субъективных ощущений — в «Исповеди» Августина (глава XI).

10. Итак, параллелизм лексических и грамматических средств выражения времени и их логико-философской интерпретации очевиден. Это заставляет предположить, что три рассмотренные модели времени являются базовыми для человеческого мышления.

ЛИТЕРАТУРА

1. Г. Х. Вригт. Время, изменение и противоречие // Г. Х. Вригт. Логико-философские исследования. М., 1986.
2. Т. В. Гамкрелидзе, Вяч. Вс. Иванов. Индоевропейский язык и индоевропейцы. Тбилиси, 1984, кн. 1–2.
3. Е. Ф. Дружинина. Поэтика эпического пространства и времени в «Одиссее» Гомера. Автореф. дисс....канд. филол. наук. М., 1983.
4. Н. Н. Казанский. К этимологии теофорного имени *Гера* // Палеобалканистика и античность. М., 1989.
5. К. Г. Красухин. Дейктические элементы в категориях времени и наклонения // Человеческий фактор в языке: Коммуникация. Модальность. Дейксис. М., 1993.
6. К. Г. Красухин. Три историко-семантических этюда об индоевропейском человеке // Логический анализ языка: Образ человека в культуре и языке. М., 1998 (в печати).
7. Б. А. Ларин. История русского языка и общее языкознание. Л., 1977.
8. М. М. Маковский. Лингвистическая комбинаторика. М., 1988.
9. М. Фасмер. Этимологический словарь русского языка. М., 1986–1987, т. I–IV.
10. П. Я. Черных. Этимологический словарь русского языка. М., 1993, т. I–II.
11. В. Н. Топоров. Святость и святые в русской духовной культуре. М., 1994.
12. Этимологический словарь славянских языков. М., 1974–, вып. 1–.
13. Е. С. Яковлева. Фрагмент русской языковой картины мира (модели пространства, времени, восприятия). М., 1994.
14. D. Adams. 'Ἦρος and 'Ἠρα // Glotta, 1987, Bd. 67.
15. E. Benveniste. Expression indo-européenne de l'éternité // Bulletin de la Société de linguistique de Paris, 1937, v. 38.

16. E. Benveniste. Du latin *tempus* // Mélanges A. Ernout. Paris, 1940.
17. E. Benveniste. Preterit et optatif en indo-européen // Bulletin de la Société de linguistique de Paris, 1951, v. 43.
18. E. Boisacq. Dictionnaire étymologique de la langue grecque. Paris, 1916.
19. C. D. Buck. A Dictionary of principal Indo-European Synonyms. Chicago, 1949.
20. B. Delbrück. Vergleichende Syntax der indogermanischen Sprachen. Leipzig, 1893.
21. G. Guillaume. Temps et verb. Paris, 1929.
22. Ch. Lamberterie. Les adjectifs grecs en -ος. Louvaine-la-Neuve, 1990.
23. V. Mažiulis. Prūsų kalbos paminklai. Vilnius, 1981.
24. Mursili's Sprachlähmung/herausgeg. und übers. von A. Götze und H. Pedersen. København, 1934.
25. A. Prior. Time and modality. Oxford, 1957.
26. G. Rauh. Tempora als deiktische Kategorien // Indogermanische Forschungen, 1985, Bd. 90.
27. H. Reichenbach. Elements of symbolic logic. New York, 1947.
28. R. Schmitt. Dichtung und Dichtersprache der indogermanischen Zeit. Wiesbaden, 1967.
29. K. Strunk. Diespater und Juppiter // Serta indogermanica. Innsbruck, 1982.
30. N. Trubetzkoi. Gedanken über den lateinischen a-Konjunktiv // Μνημης χάριν: Festschrift P. Kretschmer. Berlin et al., 1925.
31. H. Weinrich. Tempus: Besprochene und erzählte Welt. Stuttgart, 1964.
32. G. H. Wright. The logic of action — a sketch // The logic of decision and action. Dodrecht, 1967.

АКСИОЛОГИЧЕСКИЕ МОДЕЛИ ВРЕМЕНИ

Pragmatics is the science of the unsaid

Jacob L. Mey [16, 177]

Ставшие уже традиционными представления о линейном и циклическом времени, бытовом и надбытовом, не отражают полностью роль времени в языковой картине мира, его коммуникативные функции и связь с культурным контекстом, способность времени быть не только параметром, но и объектом, инструментом и основанием оценки. Традиционные лингвистические концепции времени носят преимущественно грамматический характер и исходят из представления о том, что лингвистический аспект времени подчинен его физическому и философскому аспекту и воплощает это единство в языке, ср.: «Изучение лингвистического времени (= темпоральности) — это изучение всех средств языка... используемых языком для раскрытия сущности реального физического времени» [4, 116], ср.: [13]. Между тем, семантическая насыщенность представлений о времени определяет его прагматическую значимость и социальную нагруженность.

Темпоральное знание и познание

Концепт времени неоднороден. В нем содержатся представления, принадлежащие разным мирам — физическому, духовному, обыденному, научному, вербальному, акциональному. Но это не набор и не сумма отдельных представлений, а единство, синтезирующее материальный (внешний) и идеальный (внутренний) опыт человека. Опытным путем человек научился не только осознавать и измерять время, но и оценивать его, ценить и строить на его основе различные системы ценностей. Они различаются функциями, содержанием, формой, отношением к человеку и действительности, единицами и их организацией, а также их ролью в коммуникации. В них проявляется активное отношение человека ко времени.

Исходное — **физическое** (естественное, природное) — время — объективно, элементарно, эмпирично, необратимо, циклично; оно задано человеку извне как раз и навсегда заведенный естествен-

ный механизм, как внеположенная ему сущность, требующая от него состояния знания. Но человек не ограничивается пассивным отношением ко времени: он не только воспринимает и фиксирует его, но и использует для упорядочивания происходящего на временной шкале: фиксируя события — хронометрически, хронографически, хронологически — при помощи даты и превращая их в факты, он придает им определенность, разграничивает и сравнивает их и говорит о том, что уже прошло или еще не наступило. Из независимого от воли субъекта сирконстанта время превращается в параметр измерения явлений и событий, их длительности, частотности и скорости. Физическое время наделяется параметрическими, референциальными и фактуальными свойствами.

Метафизическое (философское, обобщенное) время категориально¹. Оно сопоставляется с однопорядковыми сущностями (материей, пространством, движением), осмысливается (рационализируется, опредмечивается) и вписывается в объективную картину мира, объединяя ее фрагменты и придавая ей целостность и законченность. Это искусственный аппарат, позволяющий расчленять и соединять объективные сущности, ср.: *последовать, наступить, предшествовать*. Описывая физический мир, метафизическое время дает имена параметрам временной шкалы (*ось, единица, скорость, интервал, период времени; эра, эпоха, возраст*). Сопоставляя происходящее, оно позволяет выявить его логику: осмыслить последующее как следствие и следствие, предшествующее — как причину или условие, повторение — как аналогию, возможность, тенденцию, закономерность. ср.: *Что произойдет, когда* vs. *Что произойдет, если; После чего это произошло? vs. Почему это произошло?* Метафизическое время, таким образом, относительно, рационально, категориально, «кванторно», абстрактно (нереференциально), условно: это физическое время, преобразованное в логику вещей и устройство мира — их метаописание. Оно квалифицирует происходящее по его роли в контексте и превращает его в предмет рассуждения, ср.: *Он испугался, когда [потому что] увидел волка; ср.: прежде — прежде всего, скорее — скорее всего, только что — только не /и (только и осталось), рано — рано или поздно; когда бы ни, каждый раз, как только, следовательно, сразу же, наконец, сначала, (до тех пор) пока (не) и т. п.*

¹ «Существование философской категории времени подтверждается существованием принципиально различных философских определений этой категории» [4, 111].

Объективному представлению и метапредставлению времени противостоит субъективное, **бытовое** (житейское, утилитарное, индивидуальное) время. Оно осмысливается как ограниченный ресурс, измеряемый временем жизни, самый ценный и невосполнимый. Субъект владеет им, управляет, распоряжается: *тратит, бережет, выкраивает, проводит, оставляет, коротает, убивает*, манипулирует (*тянет, торопит, оттягивает, дает, отнимает у другого, выигрывает*), но его обычно не хватает, не достает. Это еще и сила (по Дж. Лакоффу), которую субъект использует в своих или в чужих интересах. Ее действие драматично: из объекта и пациенса она способна преобразовываться в каузатора, в «*скорого на расправу*» (А. Твардовский) субъекта и агенса, сама оказывать давление на человека, диктовать ему свои условия, подчинять и закрепощать его, контролировать его поступки, вести «на поводу» и властвовать, ср.: *Время не терпит (поджимает, не дает, не позволяет); Еще не время; Время работает на нас — против нас. Оно же лечит, расставляет по своим местам, рассуживает*. Бытовое время психологично, субъективно, субъектно, антропоцентрично, практично, операционально, драматично, активно, межличностно. Оно ощущается и переживается (*жаль времени*) и потому ассоциативно (*осень жизни, весеннее настроение, седая древность*)². Ощущая силу времени, преклоняясь перед ним, человек мифологизирует его; осознавая бренность своего существования, бессилие против течения и истечения времени, свою слабость и преходящность, он обращается к своей душе и создает силы, укрепляющие дух.

Духовный мир переоценивает обыденные ценности, отделяет сиюминутное, преходящее, временное, скоротечное, изменчивое, суетное, бытовое от вечного, непреходящего, бесценного, константного, бытийного, истинно ценного. Физическая жизнь перестает быть главной ценностью и уступает место духовному началу. От благоговения перед силой времени человек переходит к преодолению ограниченности отпущенного ему срока: «Смерть наслонилась на человеческое существование, но тем дерзновеннее должен быть его порыв к свету, самосовершенствованию» (Гёте). Духовный мир формируется культурой и искусством. Его особо отмеченные точки — религия и поэзия. Создавая общую систему

² Отношение ко времени меняется с возрастом, зависит от жизненного опыта, внутреннего мира, физических и психологических переживаний (тоска, боль, голод, холод, веселье, радость) и проявляется в характеристике времени: *трудное, пустое, веселое* и пр. [7, 57].

ключевых культурных понятий (жизнь — смерть, забвение — бессмертие, хаос — гармония, свет — тьма) [12, 105], они обращены к каждому отдельному человеку и вносят, каждый по своему, особый вклад в сотворение общечеловеческого духовного времени: «Искусство — найденное время, борьба с небытием, с ужасом бесследности» (Л. Гинзбург). Духовное время трансцендентно, феноменологично, космопланетарно, объемно, абсолютно, виртуально, сакрально. Оно сопрягает миг и вечность, срок и черту, день и ночь, небо и землю, дух и душу, любовь и красоту, добро и истину. Это новое измерение, расширяющее границы мира воспринимаемого, эмпирического, отмеренного до мира безграничного, ненаблюдаемого, глубинного; преодолевающее панхронизм физического времени.

В поэзии время изображается, переживается, переоценивается и преобразуется — отодвигается, останавливается, расширяется или сворачивается — с тем, чтобы увидеть в нем отражение человека и мира. Поэтическое восприятие времени — это вчувствование в него, его художественное осознание и освоение, познание — игра, ценностная интерпретация [11], ср.: «Но время, как металл, имеет вес, и годы можно бросить на весы» (С. Ботвинник). «Поэт сжигает нечистую примесь возраста и времени и в себе самом переплавляет в образы и звуки разнообразные движения человеческой души... тревожимый жизни мышшиной беготней, вслушиваясь в ее скучный шепот, силится понять ее смысл... и внести порядок в анархию людских отношений» [6, 404–405]. В религии время «одето в ризу ритуала»: оно вносит организацию в повседневную жизнь, наполняет ее духовным смыслом и приготовлением к вечности (ср.: праздники, пост, богослужение, песнопение, пророчество, священнодействие, литургия); сакральность религиозного времени — «во вторжении вечности во временное», которое проступает в церковных символах и атрибутах (храм, икона, крест) [7, 59–61].

З а м е ч а н и е. Своего рода обратной стороной духовного мира выступает мир мистический, астральный, спиритуальный, оккультный, сверхъестественный. Время в нем принципиально совмещено: то, что должно произойти в будущем, наличествует уже сейчас — в расположении звезд, линий на руке, в выражении лица, в энергетике природы и человека и др. В этом иррациональном мире воспоминания о будущем, предсказания прошлого и общение с ним — имеют не переносный, метафорический смысл, а прямой, буквальный. Это (пока еще?) «контркультура» и псевдонаука. Существование этого мира свидетельствует об ограниченности наших знаний о реальности, недостаточной познанности паранормального, парапсихологического, экстрасенсорного, объясняемой не только отсутствием соответствующей технической аппаратуры, но и традиционным разделением

объективного и субъективного, наблюдаемого и ненаблюдаемого, реального и виртуального, материального и идеального [17]. Православная церковь считает аномальные явления действиями дьявола и сатаны: «Величайшей победой дьявола было внушить людям, что его нет» [8, 8]. С другой стороны, стимулируя технический прогресс, человек учится реально сокращать и сжимать время — через увеличение скоростей, преодоление расстояний, развитие новых средств связи и коммуникации, и даже обращать время вспять — ср. компьютерную операцию «undo» и поговорку «What is done, cannot be undone».

Временная координата мира не только параметрична, но и аксиологична, эвристична, креативна. В физическом мире она дает количественную оценку происходящему, в метафизическом — качественную и относительную, в обыденном — психологическую (*время тянется*), в духовном — бытийную, ср.: *И более вечности значит мгновение* (Л. Миллер). Креативность и эвристичность идеи времени проявляется в том, что она позволяет сравнивать и оценивать реальное и возможное, прошлое и настоящее, вероятное и желаемое, регулярное и уникальное, историю и вымысел. Различный опыт соприкосновения со временем дополняет и усиливает друг друга: физическое время — это время-функция, метафизическое — фактор (времени), индивидуальное — обстоятельства, духовное — идея и смысл. Таким образом, физическое время — это параметрическая шкала, метафизическое — ее метаописание: способ ее разбиения и осмысления; субъективное время — это способ ее растянуть или сжать; духовное — способ выйти за ее пределы.

Активный опыт обращения со временем и накопленные (фоновые, культурные, энциклопедические) знания, воплощенные в концепт времени, особым образом преломляются в жизни общества, где они преобразуются в моральные, этические и юридические нормы поведения, деятельности и социальных отношений: в должное и необходимое, одобряемое и осуждаемое, допустимое и запрещаемое. Время становится условием и условностью и получает межличностные прагматические коннотации.

Аксиологичность социального времени и жизненные установки

Оценка отражает взаимодействие человека и действительности — ее членение на ценности и их вхождение в картину мира; она диктует, как следует и как не следует поступать, — и потому становится прескрипцией и участвует в формировании социальных норм поведения [3]. В основе нормативной темпоральной

картины мира лежат представления о наполненности времени, его необратимости и о контролируемости поступков субъектом. Она воплощает отношение общества к тому, как заполняется и расходуется время, к своевременности и уместности происходящего, указывает, какие изменения в мире должны/могут происходить и т. п., и фиксирует отклонения от темпоральной нормы (нарушение, превращение, несоответствие) — в виде оценочной лексики, содержащей темпоральный компонент.

Социальные нормы зафиксированы не только в правилах, документах, нормативных актах, важный способ их осознания — значение слова, словарь языка. Специфика оценочной лексики, отражающей темпоральные нормы поведения, состоит в том, что временные параметры содержатся в ней не явно, а в виде семантического признака, выявляемого при толковании, например, *книголюб* — это не просто «тот, кто любит читать», но «тот, кто любит проводить много времени за чтением книг», — занятие, поощряемое обществом. Поэтому темпоральный смысл и темпоральные нормы поведения вычитываются из большого пласта лексики, дающей оценку самым разнообразным социально значимым явлениям. Темпоральные признаки, входящие в семантику оценочной — квазитемпоральной — лексики, таким образом, отражают темпоральный опыт человека, фиксируют социальные нормы поведения и воплощают регламентированность социальной жизни. Оценке подлежат времяпрепровождение, соблюдение социального порядка, соответствие поведения ситуации и возрасту, случившегося — ожидаемому, адекватность реакции на происходящие изменения и контроль над ними.

Времяпрепровождение — наиболее контролируемая субъектом сфера жизни, и поэтому ответственность за него полностью ложится на субъекта. Большую часть своей жизни человек должен трудиться, праздное времяпрепровождение, привычки к пустой трате времени до добра не доводят и потому подлежат осуждению: *лентяй, лежебока, лоботряс; иждивенец, трутень, паразит, тунеядец, нахлебник; гуляка; бродяга; глазеть, шататься, околачиваться* (ср.: *лентяйничать*, по С. Ожегову, — «проводить время без дела»; *нахлебник* — «тот, кто живет за чужой счет; *жизнь* — время, отпущенное человеку от рождения до смерти»). Того, кто не занят полезным делом или обычно выполняет его плохо, называют *оболтусом* (= «бездельник»), *разгильдяем, разиней, растяпой, халтурщиком, беспутным, нерадивым, безалаберным* (ср.: *непутевый* — «ведущий разгульную жизнь»). Ра-

бота должна приносить удовлетворение и не наносить урон другим людям, ср.: *ишачить, калымить, шабашник, лихач, ловкач, махинатор, комбинатор, кровопийца, пройдоха, интриган* (= «тот, кто занимается интригами»). Медлительность, пассивность, нерасторопность вредят делу (*тугодум, тихоход, квелий, неповоротливый, мямлить, мяться, ковыряться, валандаться, волокита*). Чрезмерная активность не всегда содержательна и результативна: *шнырять, мельтешить, колесить, химичить, мешать, мозолить глаза, натворить дел, суета* (= «излишняя торопливость в работе»), *возня, беготня, канитель, катасия, непоседа, торопыга*. Свободное время также следует проводить содержательно, ср.: *обыватель и книголюб, книгочей, меломан; мания, дурные привычки/наклонности — увлечение; аскет — повеса — весельчак; перерыв — перекур; досуг — безделье*. Особому осуждению, вплоть до юридического, подлежит аморальная и противозаконная деятельность, ср.: *преступник, негодяй, разбойник* и пр. (подробнее см.: [5, 237–65]).

Трудиться следует активно и добросовестно, ср.: *деятельный, напористый, собранный, скрупулезный*. Для этого необходимо учиться, ср.: *отстающий, успевающий, усидчивый*, непрофессиональная работа считается напрасной тратой времени: *графоман* (= «тот, кто страдает болезненным пристрастием к сочинительству»), *мазила, рифмоплет, писака*. Совместная работа должна координироваться во времени (*соблюдать график, расписание, режим, распорядок; перенести рабочий день, дежурство, сеанс, часы приема, урок, перемену, отпуск*), по скорости (*отстать, опередить, ускорить, наготове, немедленно, постепенно*), быть слаженной, синхронной (*условиться — упрямиться, торопить — заставлять ждать, уговор — заговор, назначить время — перенести*). Несоблюдение установленного порядка (*сорвать урок, прогулять, нарушить распорядок, самовольничать*) влечет соответствующие санкции (*выговор, нарекание, нагоняй — месть, расплата* (= «кара за содеянное ранее», *нападки*)).

Нормы «темпорального поведения» отражены не только в значениях слов, но и в пословицах, поговорках, устойчивых словосочетаниях, ср.: [19]. Выражения «Хороша ложка к обеду», «После драки кулаками не машут», «Куй железо, пока горячо», «Не откладывай на завтра то, что надо сделать сегодня» — подчеркивают важность своевременности, «Не говори гоп, пока не перепрыгнешь», «Цыплят по осени считают»; «Тише едешь, дальше будешь!», «Поспешись — людей насмешись» — предупреждают о вреде поспешности, торопливости, преждевременности (ср.: *He gives twice*

who gives quickly; Make hay while the sun shines; Don't cross the bridges before you come to them; Don't cry out before you are hurt; Don't count your chickens before they are hatched; Everything comes to him who knows how to wait, The more haste, the less speed).

Темпоральная оценка деятельности формирует свой кодекс поведения: *делай все вовремя (своевременный — преждевременный — запоздалый; успеть, подгадать — прошляпить, проспать, прозевать (= «пропустить нужное время, когда...»), упустить; в должное время, самое время, делу время), укладывайся в отведенное время и сроки (заранее установленный (назначенный) срок — просрочить, затянуть), делай все по порядку (комкать, перескакивать с пятого на десятое), не начинай другого дела, пока не сделаешь этого (запутаться, недоглядеть, недоделка (= «то, что еще нужно — в будущем — доделать»), недоработка), не торопись и не торопи события (нетерпеливый, наспех, наскоро — выжидать, откладывать; всему свое время), и не обсуждай раньше времени результаты (паниковать, ср. шутовское: «Неприятности надо переживать по мере их поступления»); прежде чем начинать дело, обдумай и подготовься (дальновидный, методичный, основательный, продуманный vs. наугад (= «не зная заранее о правильности...»), наудачу, опрометчивый («слишком поспешный»), легкомысленный, прогадать), серьезное дело требует специальной предварительной работы (замысел, эскиз, проект, план, программа, черновик, репетиция («предварительное исполнение») vs. экспромт, импровизация, наитие); тактики и стратегии (намереваться, наметить, замыслить, обдумать, рассчитать, заручиться, воздержаться, зарекаться vs. вздумать, просчитаться («ошибиться в предположениях»), пустить на самотек, решать с кондачка), стимулирования (наказ, наизидание, подбадривать vs. подхлестнуть, подстрекать, провоцировать, искушать, надоумить, настропалить, потворствовать). Специальное внимание уделяется скорости — она позволяет экономить время (скорый, скоростной, скорострельный, скоропись, скороход, скоросшиватель, экспресс, быстроходный, досрочно, катализатор) и потому получить преимущество (опередить, обогнать, обойти, рекорд), но может и навредить делу (скоропалительный, скороспелый, поспешный).*

Поведение должно соответствовать возрасту (*озорничают, дурачатся, балуются, шалят, шкодят, ребячатся* обычно дети, за что их часто корят), ср.: *игрун, шалун — молодежавый, молодецкий, молодецкватый — молодчик, молокосос — старческий, старушечий*), времени и ситуации (*прийти ни свет ни заря, засидеться,*

переусердствовать). Особо важную роль в характеристике времяпрепровождения играет речь — чем больше («дольше») человек говорит, тем меньше делает, тем менее содержательна его речь, тем более она создает видимость активности, раскрывает неприглядные черты его характера (ср.: *молчун, лаконичность — настырный, надоедливый, назойливый, навязчивый, разглагольствовать, пустословить* («заниматься бесплодными разговорами»), *галдеть, канючить, кланчить, буянить, шумиха, говорильня, болтун, пустомеля, пустозвон; крикун*) и его истинные намерения (*критикан, кляззник, лебезить, куражиться*).

В человеке ценится постоянство и верность («Я с детства угол рисовал»), в мире — стабильность, но он не может и не изменяться. Изменения связаны с эволюцией, развитием, появлением нового, исчезновением или сохранением старого и бывают благоприятными или неблагоприятными, естественными или рукотворными, неожиданными, закономерными или случайными. В любом случае реакция на них должна быть адекватной, своевременной, целесообразной (*срочный, оперативный, безотлагательный, внеурочный, молниеносный, мгновенный, насущный*).

Естественные изменения почти неподконтрольны человеку, но зато предсказуемы; и их следует учитывать. Так, положительные изменения во времени ассоциируются с развитием: *созреть, возмужать, помолодеть, похорошеть, повзрослеть, накопить опыт — бывалый, тертый, опытный, наследие*, — их необходимо использовать. Но время оказывает и естественное разрушающее воздействие на предметы — *облезлый, обшарпанный, потертый, отвисший, поблекший, пожелтевший, залежалый, запущенный, заскорузлый, перезревший, застарелый, истлевший, рухлядь, развалюха, старье*: на одежду — *обноски, лохмотья, отрепья, ветошь*; на человека — *немогущий, подурневший, дряхлость, лысеть, оборванец*; на идеи — *избитый, банальный* («опошленный частым употреблением»). Поэтому вещи (и другие ценности) следует беречь, дорожить ими, вовремя чинить, обновлять, ремонтировать, реконструировать, модернизировать или избавляться от них, ср.: *допотопный, устарелый, отживший свой срок, кануть в лету*. Устаревшее — малопригодное — *анахронизм, реликт, пережиток, рудимент, атавизм* — противопоставляется старинному и ценному: *реставрация, ретроспективный, классический, античный*; ср.: *ценить старину — держаться за старое, вчерашний день (ретроград, консерватор, мракобес «враг прогресса, движения вперед»)*. Неадекватная реакция ведет к необратимым отрицательным последствиям — *вымереть, вывестись*,

погибнуть, невосполнимая утрата, несправедливо забытое требует *возрождения, воскрешения. Памятник, сувенир, трофей, реликвия, архив, летопись, дневник* — помогают сохранить в памяти знаменательные события прошлого (ср.: *злопамятный*); социальная память хранит также сведения об их первоначале и истоках: *предтеча, прототип, первоисточник, первоизданный* («существовавший ранее всего остального»), *изначальный, приоритет*. Старое, типичное, привычное, традиционное, заурядное, повседневное противостоит экзотическому, уникальному, авангардному, редкому, самобытному (*беспрецедентный, исключительный, небывалый, необычайный, непревзойденный, недюжинный*) — как особо ценному.

Каждое время имеет свой социальный и культурный стиль (*век скоростей/связи/космоса/компьютеров; период упадка/расцвета/застоя*), диктующий образ жизни, манеры поведения и деятельности (быть современным — значит соответствовать современному стилю жизни, ср.: *быть человеком своего времени, идти в ногу со временем, чувствовать пульс времени, опередить свое время*); дух времени проявляется во всем новом (*новости, новинка, новшество, премьера, вернисаж, изобретение, веяние*), которое затем подвергается испытанию временем: *выдержать/пройти — не выдержать/не пройти испытание временем*, ср.: *стильный vs. старомодный; мода — поветрие; ажиотаж; эпохальный, актуальный, злободневный vs. сиюминутный, мимолетный, быстротечный, конъюнктурный; временщик; безвременье*. Отсутствие изменений и новизны влияет на восприятие происходящего — *монотонный, затянутый, нудный, однообразный, рутинный — наскучить, надоесть, приесться*.

Особо важное значение в жизни общества имеет отношение к будущему. Оно связано с перспективным осознанием действительности. Для человека естественно ожидать положительных изменений (*надеяться, долгожданный, заветный, предвкушать*) и опасаться отрицательных (*тревога, предосторожность*). Но многое случается неожиданно, внезапно, вдруг (*как снег на голову, случайно наткнуться, застигнуть врасплох, растеряться, испугаться, обмереть, обомлеть, опешить, отпрянуть, ошеломить; курьез, находка, конфуз, подвох, загвоздка, катастрофа, авария, беда, напасть*, ср.: **постепенный крах, *долгожданный сюрприз*), и неподконтрольно субъекту (*неотвратимый, неминуемый, неизбежный, невольный, негаданный*), поэтому полезно предвидеть результаты своих и чужих действий и возможные последствия, препятствия, помехи, преграды (*непредвиденный,*

пагубный, рискованный, непоправимый — *упредить, предотвратить, заблаговременный*), а также запастись средствами (*ресурсы, запас, резерв, аванс, страховать*). Предвидеть будущее и контролировать его можно по-разному — рационально или иррационально (ср.: *интуиция, предчувствие — загадать, предсказать, накаркать — планировать, прогнозировать*), активно или пассивно (*приказ, обещание, приглашение, предупреждение — лелеять надежду, мечтать, обреченность, безысходность*). Активность в отношении к будущему связана с движением вперед, решительностью (*прервать, пресечь, смелый, наверняка*) и проявляется в осознанном и намеренном изменении мира субъектом в соответствии с его интересами; приверженность старому, устаревшему, изжившему, неприятие или игнорирование изменения — с деградацией, движением вспять (*реалист — декадент*). Пассивное созерцание и покорение обстоятельствам — с обреченностью, приспособлением, подчинением, вынужденностью, фатализмом — *малодушный, плыть по течению, будь что будет*.

Социальные стереотипы поэтому сложным образом взаимодействуют с национальным менталитетом и индивидуальными жизненными установками: человек вынужден сверять и соизмерять свои действия не только с ними, но и со своими возможностями, силами и средствами, со своим внутренним миром, решая таким образом противоречия между естественным изменением мира во времени, социально значимой реакцией на эти изменения и собственными интересами и установками. Установка на активность подразумевает добровольность, сознательный выбор и потому свободу — свободное волеизъявление, свободу выбора. Свобода активна, несвобода пассивна, ср.: *В эти минуты решалась его судьба — «без него»*. Свобода осознается, несвобода переживается. Установка поэтому — это готовность сделать выбор, и шире — готовность сделать что-то.

Как известно, жизненные установки во многом национально специфичны. (Не случайно говорят: *русская душа, южный темперамент, нордический характер, немецкая педантичность, кавказское гостеприимство, английская чопорность, а не ?южная душа, ?русский темперамент*.) Жизненные установки проявляются в ключевых концептах, отражающих мировосприятие. В русском языке оно концентрируется в связанных с жизненным временем словах *выжидать — терпеть — надеяться — смириться — судьба*. Преобладание пассивно-эмоционального над рационально-волевым в раскрывающих их сущность понятиях: *жить в нужде, тоска, мучение, участь, година, лихолетье,*

незадача, наперекосяк, конченый, горевать, перебиваться, мыкаться, натерпеться, прозябать, загубить (ср.: «Кто нужды не видел, тот и счастья не знает»; «Бедность плачет, богатство скачет»; «Стужи да нужи нет хуже»; «Силен смирением, богат нищетою»; «Бедность и мудреного смиряет»; «Стерпится-слюбится») — свидетельствует о склонности русского характера к подчинению обстоятельствам, смирению, выжидательности, упованию на случай (ср.: *миновать, ненароком, поневоле, везучий, неожиданно-негаданно, обойдется, пронесет*). Как считает А. Вежибицкая [21], это связано, с одной стороны, с воплощением русского православного идеала смирения, а с другой — с традиционной в истории России автократической и деспотической властью. Знаменитые *авось, погодить и повременить* (как и *судьба, душа и тоска*, см.: [20] — не имеющие точных и прямых эквивалентов в других языках — стали своеобразным символом русского характера и склада ума: «Русский крепок на трех сваях: авось, небось да как-нибудь». Такую установку можно назвать пассивно оптимистичной. (Ср. англ.: *take your time* — «не спеши» = «возьми время в свои руки и активно распорядись им» и *временить* (В. Даль; уст.) — «пассивно ждать, пока пройдет время и возможно, все само собой образуется» — т. е. англ. *time* не имеет значения «ждать, выжидать».) Правда, заметно, что большой пласт соответствующей лексики выходит из употребления (*горемычный, многотрудный, мытарить, тужить, вековать, вкусить, долготерпение, кручина, безвременье, лихо, исполошить, накликать беду* и др.), а употребление заимствованной рациональной лексики расширяется (*акселерация, анахронизм, генезис, гиподинамия, инициатива, катаклизм, ретардация, регламент, флегматик, цейтнот, эскалация, эксцесс, интенсивный, инертный, конструктивный, мобильный, превентивный, инспирировать, пролонгировать*).

Замечание. Не случайной, в связи с этим, представляется характерная для советской пропаганды эксплуатация военной терминологии в общественной жизни — *битва за урожай, взять на вооружение новый метод, трудовая вахта* и пр. В ее основе лежит идея подчинения приказу, отсутствие выбора, субординация и заданная сверху организация. Напротив, в американской прессе аналогичную — и весьма заметную — роль выполняет спортивная терминология (особенно — бейсбол, баскетбол, скачки), эксплуатирующая идею соревновательности, независимости, активности, стремления к успеху и совершенствованию (*pressing, race, front runner, win, loose*) [15]. С другой стороны, «военная интерпретация» общественной жизни воплощает также характерный для русского менталитета дух коллективности [1, 15], а спортивная — индивидуальности. Способ представления событий становится инструментом формирования (и навязывания) норм поведения и жизненных установок.

Темпоральная оценка и модальность общения

В речи происходит дальнейшая прагматизация времени. Оценочные значения квазитемпоральной лексики получают дополнительную речевую интерпретацию — актуализируются (*Кто опоздал?*), нейтрализуются (*чуть не опоздал*), конкретизируются (*опоздал на пять минут*), усиливаются (*совсем опоздал*), смягчаются (*чуть опоздал*), «наводятся» на нейтральную лексику (*пришел после звонка*) или оборачиваются (ср. амбивалентные характеристики: *ловкий/ловкач, азартный, завязтый, заводной, заядлый, оборотистый, размеренный, быстрый (на расправу), бедовый, беспокойный, заработать — слишком/чересчур/чрезмерно/крайне/весьма/очень уж/больно шустрый*). Но в речи оценочные значения получает и собственно темпоральная, специализированная на обозначении времени и не имеющая в словаре оценочных смыслов лексика — *теперь, сейчас, время, пора, рано, поздно, долго, давно, скоро, вечно, всегда, часто, опять, никогда, впредь, минута, час, момент, прошлое, будущее, настоящее* и др.

В речи оценка выражает отношение субъекта к объекту не прямо, через модус, а косвенно — формируя модальный смысл речи, модальность общения. Она выступает орудием воздействия на адресата — контроля над его поведением (в широком смысле — от текущего до долговременного [18]). Она становится проявлением авторитета (статуса), инструментом манипулирования, средством аргументации или «силового давления» [14]. Порождаемая при этом оценочность собственно темпоральной лексики опирается на ее дейктические, логические и кванторные значения.

Говорящий, вынося темпоральную оценку поведения адресата, или побуждая его к действию, считает себя вправе контролировать ситуацию. Как бы используя свой авторитет, он подчеркивает свои отношения с адресатом и обращается к нему с рекомендацией, советом, наставлением, нравоучением, упреком, запрещением, осуждением или одобрением: *Лучше сделать это сейчас/позднее; Тебе пора (Время) идти; Не время спорить; Рано тебе еще («нельзя»); Раньше надо было думать*, ср.: «Ого! Вы уже стали цитировать Маяковского! Раньше за вами этого не водилось. Неужели и он понадобился сейчас в игре?» (Ю. Домбровский). Деонтическая модальность [2] таких высказываний воплощает намерение говорящего поддерживать социальные нормы

поведения: при помощи темпоральных операторов *рано, пора, сейчас, время, в будущем, на будущее* и пр. он критикует, порицает, пресекает, обвиняет или поощряет действия адресата.

Наведение оценки, в частности, манипулирование ею, происходит, когда говорящий выражает ее в форме факта и чаще по отношению к третьему лицу или ситуации. Навязывая свою оценку адресату, он вуалирует ее, имплицитует, смягчает или намекает на нее (гиперпрагматизация: *частенько, изредка, нередко*), или напротив, обнажает и утрирует (гиперпрагматизация, ср.: *часто — всегда, редко — никогда, несколько раз — ежесекундно*): «Вечно у тебя, когда мы приходим, какие-то дела» (А. Арканов); «Между прочим, этот — тут Фагот указал на Бенгальского, — мне надоел. Суется *все время*, куда его не спрашивают, ложными замечаниями портит сеанс. Что бы нам такое с ним сделать?» (М. Булгаков). Цель говорящего — вызвать у адресата заданное отношение к происходящему, сделать его сторонником своих взглядов или привлечь его внимание к ненормативности или уникальности ситуации: *Что-то поезда долго нет; И давно это с ним? А ведь он никогда еще здесь не был, Звонит каждый час / день*, ср.: *Петя всегда здороваётся — ?Петя здороваётся*. Внешняя эпистемическая модальность [2] таких высказываний содержит оценочный смысл, воплощает намерение говорящего повлиять на оценку событий адресатом и шире — на его мировосприятие. При помощи темпоральных операторов — *всегда, никогда, ежесекундно, постоянно — не раз, иногда, не в первый раз* и пр. — он задает интерпретацию происходящего и выражает свое одобрительное или неодобрительное отношение к нему — жалуется, сетует, негодует; удивляется, восхваляет; навешивает ярлыки (*вечный студент*) или идеализирует.

Темпоральная оценка как аргумент используется говорящим для оправдания или объяснения своих прошлых или будущих действий, как повод, обоснование, причина, довод, условие или мотив поступка (ср. понятие мотивировки у Ю. Д. Апресяна [1]): *Сейчас я не могу этим заниматься, Извини, не было/нет времени, Еще рано — Есть (еще) время* (= «возможность, можно»); *Сейчас самое время отдохнуть*, ср.: «Я сожалею, что не могу повозить вас по городу. Не могу, *не имею времени*» (А. Арканов). «Открывать дверь? — спросила Аня. — Нет, — ответил Мышлаевский, — повремените. Вообще *теперь* я буду открывать, а вы не затрудняйтесь» (М. Булгаков). Аллитическая модальность [2] аргументативного высказывания направлена на установление взаимодействия с адресатом, рассчитана на его участие, понимание или

примирение. При помощи операторов — *потом, позже, после, раньше, сейчас, не сейчас (теперь уже) (не) скоро; только (не) сейчас, (всего) несколько минут, прежде (всего), сразу (же)* и пр. — говорящий оправдывается, извиняется, предлагает, просит, предупреждает о своих намерениях и решениях, успокаивает (*Это минутная слабость / временные трудности/неприятности — «скоро кончатся», ср.: *временные радости/удача*); *Это все (далеко) в прошлом («сейчас это неважно»);* обнадеживает, обещает (*подходящий момент, близок момент, в (скором) будущем*).

Силовое давление на адресата говорящий оказывает через повышенную эмоциональность высказывания и интенсификацию его иллокутивной силы: *Впредь будь осторожнее (так не поступай)*; ср.: «Но самое главное, что у вас нет ни малейшего стремления к улучшению жизни... У вас даже не зародилось *ни на минуту* сомнения в правильности своей жизни» (П. Романов); «Послушай, — сказал я, — я тебя привел в этот дом, и я должен отвечать за твое свинское поведение. *Сию минуту* извинись перед хозяйкой и мы уходим» (В. Катаев); «— Его нужно хлыстом отдрать, — возмущенно говорила Зина. — Никого драть нельзя, — волновался Филипп Филиппович, — запомни это *раз навсегда*»; «Филипп Филиппович, — прочувственно воскликнул доктор Борменталь, — я *никогда* не забуду, как полуголодным студентом явился к вам и вы приютили меня на кафедре» (М. Булгаков); «Сейчас на кухню Лизавета приходила. Говорят, мужа ее ранили. И *когда* это кончится? (П. Романов). Коммуникативная экспрессивность высказывания подчеркивает одобрительное или неодобрительное отношение говорящего к адресату или к происходящему [10]. Темпоральные показатели при этом сочетаются с другими модальными операторами (*уже, еще, только, всего, весь, каждый* и др.), восклицательной или вопросительной интонацией и эмфазой — в результате происходит гиперболизация происходящего (*ни минуты (покоя), поминутно, целый час (день, год, вечность), вечно ты (ворчишь), без конца, никогда, как всегда — как никогда*), повышается категоричность речи (*сейчас же, сию минуту, совсем не время, и когда только/еще/же наконец, хоть когда-нибудь, сколько еще (можно), сразу же; теперь-то, теперь, когда; как только* и др.) и ее импрессивность (*бездна/море времени; ни капли времени, это стоило день жизни/уйму времени*). С помощью этих средств говорящий возмущается или восхищается, ругает или льстит, обвиняет или хвалит, оскорбляет или говорит комплименты, клянется или угрожает, заикается, приказывает или умоляет, настаивает или отговаривает,

ср.: *Что я тебе сейчас скажу!* (нетерпение) — *Вот я тебе сейчас устрою!* (угроза).

Темпоральная лексика используется как экспрессивное средство не случайно: здесь задействовано главное свойство дейксиса — и не только темпорального — акцентировать внимание на присутствующем в данное время и в данном месте объекте, выделить его из фона: *Тут ты не прав, Не тут-то было, Что уж тут говорить.* Все речевые формулы малого синтаксиса (Ю. Д. Апресян) эксплуатируют это свойство для выражения модального смысла — отношения к происходящему, ср.: *Вот оно что, И где это видано, Это еще что такое? Ну ты у меня еще попляшешь.*

Кроме того, дейксис к речи — отличительной особенностью которого является отождествление «пространства» (объема) и времени речи и представление их как нерасчлененный хронотоп (*сейчас — в данный момент речи — в данном месте изложения*) — имеет еще и свойство метатекста — это речь о своей речи, которая также имеет оценочные коннотации, связанные с учетом фактора адресата — облегчая восприятие речи, они становятся средством проявления эмпатии. Это перекрестные отсылки к уже сказанному, последующему, к началу, концу и др. Они придают определенность и связность изложению, упорядочивают и квалифицируют его фрагменты: *сначала / в первую очередь — здесь / теперь / тут / сейчас — позже / ниже / в конце — в другой раз / на следующей лекции я расскажу — кстати / кроме того / к тому же / более того и мн. др. [9].*

Таким образом, собственно темпоральная лексика, не имеющая оценочных коннотаций, в речи способна их получать и использоваться как модальный оператор, выражающий межсубъектные отношения — проявляющий их, устанавливающий, навязывающий или предлагающий мировосприятие, и выражающий эмоциональность. Причем разные способы воздействия на адресата часто переплетаются и переходят друг в друга, ср.: *Раньше надо было думать — О чем же ты раньше думал!* Оценка перспективна — от ее выражения зависят дальнейшие отношения с адресатом — воздействие, взаимодействие, противодействие, она подразумевает ответную реакцию или изменение ситуации. Задаваемая ею модальность общения проявляет прагматические свойства оценки, позволяющие сказать (выразить) больше, чем значат произнесенные слова, и воплотить неречевое — предметное (ситуативное) или духовное (ценностное) — взаимодействие субъектов.

Мир неотделим от субъекта, а субъект — от ценностей и оценок. Субъектный мир состоит в первую очередь из ценностей. Время — и универсальная, и коллективная, и индивидуальная ценность, качественный параметр, вносящий свой вклад в организацию всех других ценностей. Оценка противостоит не отсутствию оценки, а нейтральной оценке, объективности. Подобно тому парадоксальному выводу, что всякая сочетаемость слов не свободна (Е. В. Рахилина), кажется на первый взгляд преувеличением утверждение, что всякая речь оценочна (Г. А. Золотова). Но оценка — это не обязательно прямое указание на то, что хорошо или плохо, уже сам факт вербализации некоторого содержания говорит о его значимости в мире или о его небезразличии для субъекта или адресата речи. В речи временные смыслы оценочны вдвойне — как придающие ей определенность и объективность, так и как способ воплощения субъектного — неречевого, акционального — смысла. Время одновременно сирконстант, объект, субъект, предикат и оператор: количество и качество, явление и конструкт, условие и ресурс, идея и инструмент, аргумент и цель, свойство и отношение (к нему), способ и результат, индивидуальная собственность и внешний мир, мыслимое и переживаемое.

Без языка время навсегда осталось бы лишь сопутствующим устройству мира физическим обстоятельством. Вербальное осознание времени обогащает ценностный компонент картины мира. Язык позволяет не только обратить время, остановить его, обогнать или отстраниться от него, но и строить на его основе параллельные, «трансфизические», по Д. Андрееву, миры³.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ю. Д. Апресян. Образ человека по данным языка: попытка системного описания // ВЯ, 1995, № 1.
2. Т. В. Булыгина, А. Д. Шмелев. «Возможности» естественного языка и модальная логика // Вопросы кибернетики: Язык логики и логика языка. М., 1990.
3. Е. М. Вольф. Функциональная семантика оценки. М., 1985.

³ Автор выражает глубокую благодарность Т. В. Булыгиной, Н. В. Васильевой и И. М. Кобозевой, ознакомившимся с рукописью статьи и сделавшим ценные замечания.

4. Т. И. Дешериева. Лингвистический аспект категории времени в его отношении к физическому и философскому аспектам // ВЯ, 1975, № 2.
5. В. И. Карасик. Язык социального статуса. М., 1992.
6. В. О. Ключевский. Исторические портреты. М., 1990.
7. М. Ф. Мурьянов. Время (понятие и слово) // ВЯ, 1978, № 2.
8. Православная церковь об аномальных явлениях / Составил А. Г. Раков. СПб., 1994.
9. Н. К. Рябцева. Коммуникативный модус и метаречь // Логический анализ языка: Язык речевых действий. М., 1994.
10. Н. К. Рябцева. Истинность в субъективно-модальном контексте // Логический анализ языка: Истина и истинность в культуре и языке. М., 1995.
11. Л. Н. Синельникова. Лирический сюжет в языковых характеристиках. Луганск, 1993.
12. А. К. Устин. Слово в интерьере художественного текста // Художественный текст: Онтология и интерпретация. Саратов, 1992.
13. B. Comrie. Tense. Cambridge, 1985.
14. J. R. Eiser. Social psychology: Attitudes, cognition and social behavior. Cambridge, 1986.
15. M. L. Gels. The language of politics. New York, etc., 1987.
16. M. L. May. Between rules and principles: Some thoughts on notion of «metapragmatic constraint» // Acta Linguistica Hungarica. Budapest, 1992, v. 38 (№ 1-4).
17. J. Oppenheim. The other world. New York, 1985.
18. N. K. Riabtseva. Performative vs. descriptive speech // Discourse analysis. Proceedings of a conf. Turku, 1995.
19. N. Strazhas. Semiotics of work and idleness // Semiotica, 1993, v. 95, № 1/2.
20. A. Wierzbicka. The semantics of grammar. Amsterdam, 1988.
21. A. Wierzbicka. Semantics, culture, and cognition: Universal human concepts in culture-specific configurations. Oxford, 1992.

О МОДЕЛИ ВРЕМЕНИ В КИТАЙСКОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА

Связь времени с пространством

Пространство и время релятивизируются взглядом говорящего на мир [1, 19]. Связь между ними естественна: то, что расположено близко от человека, достигается быстро по времени, а то, что от него далеко, — медленно. Такого рода представления появляются у человека вместе с понятиями пространства и времени.

В современном китайском языке (СКЯ) понятия времени и пространства передаются парами иероглифов (бинамами) с общим элементом: *shijian* «время» и *kongjian* «пространство» (букв. «промежутки (помещения) для часов / сезонов и пустоты»). Первые знаки этих бинамов обозначают видовые, а вторые — родовые понятия. В данном случае «время» и «пространство» имеют общий родовой элемент *jian* «помещение». В каждом из этих сочетаний между морфемами наблюдается атрибутивная связь: первая — определение, вторая — определяемое.

Первый иероглиф обозначения времени — это морфема *shi*, семантика которой отражается в детерминативе со значением «солнце», а звучание в классическом написании задается фонетиком. Этот иероглиф, очевидно, связан с идеей солнечных часов, с помощью которых время членится по соотношению света и тени. К этой же идее восходит более литературное обозначение времени *guangyin*, букв. «свет и тень». В некоторых диалектах Китая слово *guangyin* означает и «дни» в смысле смены света и тени. Двенадцать часов дня, когда солнце стоит прямо над головой, называются *zhongwu* — «середина *wu*». Знак *wu* — это один из двенадцати циклических знаков *di zhi* («земных ветвей»), обозначающих время суток¹.

¹ Время в Китае традиционно исчисляется двумя координатами (этот способ исчисления был заимствован многими регионами Дальнего Востока и Юго-Восточной Азии). Первая из них — это «небесные стволы» *tian gan*, насчитывающие 10 элементов, вторая — *di zhi* из 12 элементов. Эти координаты, либо по отдельности, либо в сочетании друг с другом, обозначают время суток, дни и служат порядковыми номерами. Например годы обозначаются одним из 60 циклических элементов, полученных сочетанием *tian gan* и *di zhi*. Исторические события часто именуются посредством подобного обозначения года (например, «Синьхайская революция»).

Каждый знак из системы «земных ветвей» репрезентирует один час — *shi* (это другое значение уже рассмотренного знака). Каждый *shi*, в свою очередь, делится на два «малых часа» *xiao shi*, которых в сутках всего 24. Час *wu* приходится на середину дня (с 11 до 13 час.), а середина *wu* — это как раз 12 часов, когда солнечный свет оставляет минимум места для тени, 12 часов ночи, когда мир погружен в полную тьму, называется *wu ye* «середина ночи»; здесь знак *wu* имеет переносное значение «середина». Согласно двенадцатичасовому циклу суточного времени, первый час суток продолжается с 11 часов вечера до часа ночи. Это время называется *zi shi*; знак *zi* — первый элемент системы 12 циклических знаков *di zhi*.

Связь понятия времени с понятием помещения говорит о неотделимости в наивной картине мира китайцев понятия времени от понятия пространства. Даже обозначение мельчайшей частицы времени посредством иероглифа *shun* с детерминативом «глаз», подразумевающим мигание глаза², также может иметь в качестве второго компонента иероглиф *jian* «помещение»: сочетание *shun jian* — это «один миг».

Понятие времени как зарубки (ср. «час» в русском переводе Нового Завета, о котором столь убедительно рассказала Е. С. Яковлева [2]) в СКЯ передается биномом *shi ke*, второй иероглиф которого значит «зарубка». Здесь мы наблюдаем переход от наивной к научной картине мира, о чем свидетельствуют отметины на солнечных или водяных часах, наносимые человеком для деления времени суток. Вообще, в языковой картине китайцев время не только измеряется по долготе, ср.:

Yao duo chang shi jian

<Потребуется какой длины время> («Сколько понадобится времени»),

оно сравнивается с золотом общим графико-семантическим элементом *sun*³, как видно из популярной пословицы:

Yi cun guangyin yi cun jin? sun jin nan mai sun guangyin

«Один цунь света и тени равняется одному цуню золота,
но на цунь золота трудно купить цунь света и тени».

Любопытно, что в современном (сокращенном) написании иероглифа «время» верхняя составляющая фонетика опускается, в

² Интересно отметить, что обозначение минимального кванта времени в русском языке также соотносится с миганием глаза.

³ Десятая часть единицы длины *chi*, которая примерно равна трети метра.

результате чего остается тот же знак *сил*, таким образом иероглиф оказывается возможным интерпретировать как идеограмму — сочетание «солнца» и «цуня» со значением «цунь солнца». Такая «народная» этимология еще раз подтверждает реальность реконструируемых нами китайских представлений о времени.

Зафиксировав связь времени и пространства в словах «время/час» и «миг», перейдем к реконструкции модели времени по языковым данным, т. е. по словоупотреблениям СКЯ, имеющим отношение ко времени. Многие из них восходят к словам, связанным с пространственными координатами.

Две модели времени

В языковой картине мира китайцев сосуществуют две модели времени: линейно-историческая [3, 32–33] и традиционная, которую можно назвать антропоцентрической. Обе точки зрения на время содержатся в значениях целого ряда слов, словосочетаний и фразеологизмов, образованных в основном двумя антонимическими парами локативов: *qian* «спереди» — *hou* «сзади» и *shang* «верх» — *xia* «низ», двумя глаголами перемещения, противопоставленными по направлению *lai* «прийти» и *qu* «уйти», а также наречием, связанным и с понятием пространства, и с понятием времени. Это морфема *xian* со значением «первое по порядку», «находящееся спереди, сначала, раньше». Морфема *xian* вступает в синонимическое отношение с морфемой *qian* «спереди» в сочетании *xian qian* «раньше», «прежде». Обе морфемы входят в один класс рифм⁴, а их инициали — согласные одного места образования.

Включение морфемы *xian*, наряду с морфемой *qian*, в базовый список иероглифов, формирующих модель времени в КЯ, объясняется тем, что в словообразовательном процессе эти морфемы находятся в дистрибутивном отношении: биномы, содержащие одну из них, противопоставляются сочетаниям с общим вторым членом оппозиции — морфемой *hou* «сзади». Ср. сочетания с общеродовым названием *ren* «человек (люди)»: *qian ren* «предшествующие поколения», *xian ren* «предки» — *hou ren* «последующие поколения», «потомки». Сочетания этих морфем с общеродовым обозначением неба или природы дает биномы *xian tian* «врож-

⁴ Т. е. это слоги, совпадающие по финалям. Согласно традиционной китайской фонологии, иероглиф (слогоморфема) делится на инициаль и финаль или рифму.

денное» и *hou tian* «благоприобретенное». Ср. также фразеологизмы *xian fa zhi ren* «захватить инициативу» и *hou fa zhi ren* «оставить главный козырь напоследок».

Иероглиф *xian* «раньше», «первый с начала» выступает в паре с иероглифом *hou* «сзади» в смысле «позже» в идиоматических выражениях, связанных с делами людей, *xian lai hou dao* «пришел раньше, прибыл позже» в смысле «по порядку». *xian li hou bing* «сначала мирно (по-хорошему), а потом силой», *xian zhan hou zou* «сначала казнить, потом доложить» («поставить перед совершившимся фактом»), *xian tian bu zu, hou tian shi tiao* «если обижен природой (от природы слаб здоровьем), после рождения появляются дисфункции (плохое здоровье)», *xian xiao ren, hou junzi* «[лучше] сначала [поступать, как] ничтожный человек, [чтобы] потом [выглядеть] благородным мужем» («тщательно договориться обо всем заранее, чтобы не было разговоров потом»), *xian tianxia zhi you er you, hou tianxia zhi le er le* «в первую очередь думать о горе народном и в последнюю о радости для себя» («там, где трудно, быть первым, а получать блага — последним»).

Знак *xian*, в отличие от синонимичного ему знака *qian* «спереди» «прежде», порождает целый ряд абстрактно-философских понятий. В сочетании со словом *sheng* «голос» это *xian sheng* «предвестие, первые признаки», в сочетании со словом *zhao* «примета» — *xian zhao* «предвестие, знак, предзнаменование», в сочетании с морфемой *zhe* «философы» — *xian zhe* «древние мудрецы», в сочетании со словом *zhi* «знать» — *xian zhi* «пророк», в сочетании со словом *yan* «опыт эмпирический» — *xian yan* «трансцендентный» (*xian yan zhexue* «Трансцендентная философия»).

Сам факт, что локатив *hou* в значении «после, потом» значительно продуктивнее, чем *qian* «прежде» или *xian* «раньше» (39 сочетаний с *hou* против 27 сочетаний с *qian* и 26 сочетаний с *xian*⁵), свидетельствуют о его роли «слуги двух господ».

Пара локативов *qian* и *hou* легко приобретает временное значение в составе предлогов *yiqian* «до того» и *yihou* «после того» (они же наречные имена со значениями «раньше» и «впредь»). Использование пары локативов *shang* «верх» и *xia* «низ» отражает вторичную метафоризацию того же языкового материала: из пространственного взаиморасположения развивается значение субординации в общественном сознании — господства и подчинения, значение качества «лучше/хуже» и порядковое значение «пер-

⁵ Все приведенные в работе лексикографические данные базируются на словарных статьях [4]

вое/второе» (во временном плане — «предшествующее» и «последующее»).

Выделенные нами семь базовых знаков и четыре пары антонимов *qian/hou*, *xian/hou*, *shang/xia*, *lai/qu* образуют двоичную временную систему, в которой фиксируются только прошедший и будущий срезы. Настоящее время — это время речи или точка отсчета во времени. Это время говорящего или наблюдателя, понимаемое по умолчанию.

Каждая из названных четырех пар морфем имеет свою предметную область, выражающуюся в семантике второго знака сочетания. Например, за парой *qian/hou* закреплены понятия, связанные с человеческим родом и с делами человеческими, что отражается в таких сочетаниях, как *qian/hou bei* «предшествующее (старшее)/последующее (младшее) поколение», *qian/hou ren* «предшественник /сменщик по службе», *qian/hou shi* «прошлая/будущая жизнь» (жизнь в прошлом и будущем перерождениях). Ср. также пословицы:

Qian ren zhong shu, hou ren cheng liang

«Старшее (предшествующее) поколение сажает деревья,
[чтобы] младшие (последующие) поколения
наслаждались прохладой» («трудиться на благо потомков»);

Qian shi bu wang, hou shi zhi shi

«Не забывать о прошлом — вот урок для будущего».

К этой группе также относятся обозначения династий *Qian/hou Han* «Ранняя/поздняя Хань», такие обозначения родственных отношений, как *qian fu* «муж в первом браке» и *qian qi* «жена в первом браке», а также фразеологизмы *qian gong jin qi* «все прежние усилия пошли прахом», *shi wu qian li* «беспрецедентный в истории», *qian suo wei wen* «не слышано, не видано». Последние выражения асимметричны в том смысле, что для них не существует антонимических сочетаний, содержащих второй член оппозиции (т. е. *qian* есть, а *hou* отсутствует).

Пара *qian/hou* также очень продуктивна в отношении образования временных выражений. Вообще все базовые морфемы берут на себя основную нагрузку в формировании системы обозначений времени. Они дополнительно распределены в отношении образования временных слов в сочетании с родовыми понятиями «год» (*nian*), «месяц» (*yue*), «декада» (*xun*) и «день» (*tian*). Отглагольные прилагательные *lai* «приходящий» и *qu* «уходящий» образуют сочетания *lai nian* «будущий год» и *qu nian* «прошлый год». Пара

qian/hou дает аналогичные сочетания со значением «позапрошлый год» и «год после будущего года».

Пара *shang/xia* с *yue* «месяц» дает сочетания *shang ban ge yue* «первая половина месяца», *xia ban ge yue* «вторая половина месяца». *Shang/xia* в сочетании с родовым словом *xun* «декада» дают сочетания *shang xun* «первая декада» и *xia xun* «последняя декада». Локативы *shang/xia* в сочетании со словами *xingqi* или *zhou* «неделя» дают выражения *shang xingqi*, *shang zhou* «прошлая неделя» и *xia xingqi*, *xia zhou* «следующая неделя».

Оба обозначения недели отражают цикличность времени: *xingqi* дословно значит «звездный цикл», а *zhou* означает «замкнутый круг». Здесь мы сталкиваемся с альтернативной моделью времени — со временем как последовательностью повторяющихся однотипных событий [5, 30]. Варианты употребления зависят от функционального стиля текста и диалекта.

Пара *shang/xia*, как и пара *qian/hou*, сочетается со знаками, выражающими понятие рода, поколения, исторического периода и т. п. Буддийская идея жизни в прошлых и будущих циклах рождения передается сочетаниями с *qian* и *xia* в качестве первых знаков и *shi* «мир» или *sheng* «жизнь» — вторых. Многие сочетания создаются только одним членом пары.

Временные понятия, выражаемые парой пространственных координат *qian/hou*, в редких случаях коррелируют с пространственными значениями и являются метафорами последних: ср. слова *qian jing* «пейзаж (вид) спереди» («перспективы») с переносным значением «будущее» и *qian cheng* «путь вперед» («будущее») в сочетании *qian cheng yuan da* «блестящее будущее». Сочетание *hou* с *lu* «дорога» во фразеологизме *meiyou hou lu* в переносном смысле означает «нет пути к возврату (назад)». Иными словами, линейно-историческая модель времени порождается родовыми знаками с пространственными значениями типа *jing* «пейзаж», *cheng* «путь», *lu* «дорога». Сочетания, отражающие такую модель времени, многочисленны.

Подавляющее большинство лексических образований, содержащих *qian* и *hou*, коррелируют с пространственными значениями опосредованно. Например, те, кто родился раньше говорящего, это «впереди идущие», его предшественники *qian ren*, а те, кто родился позже него, это «следующие за ним», его потомки *hou ren*. Таким образом, линейное историческое время отсчитывается говорящим как бы в обратном порядке, задом наперед.

Время ассоциируется с тропинкой в прошлое, протоптанной представителями человеческого рода. Протекание времени вос-

принимается ретроспективно и релятивизируется последовательностью вступления на этот путь людей: те, которые идут впереди, уходят в прошлое раньше. Наблюдатель или говорящий как бы повернуты лицом в прошлое; он, делая шаг по этому пути, удлиняет историю еще на одно поколение. Тем самым он уступает место поколению, следующему за ним. Человек мыслится как активное начало,двигающееся навстречу истории. Это поступательное движение хорошо выражается фразеологизмом *hou lang tui qian lang* «волна позади толкает волну впереди» («волна за волной»).

Что же касается линейно-исторической точки зрения на время, то она значительно чаще находит свое выражение в паре понятий *lai* «приходящее» и *qi* «уходящее». Здесь мы имеем дело со случаем, когда человек повернут лицом к будущему: сочетание *wei lai* «будущее» это буквально «еще не пришедшее». Направительный глагол *lai* здесь подразумевает движение в сторону говорящего от будущего, а направительный глагол *qi* — движение от говорящего к прошлому. Ср. выражение *guo qi* «прошлый» (букв. «миновавший что-то и ушедший»). Это «что-то» и есть говорящий, «Я», связанный с координатами «сейчас» и «здесь»⁶.

В этой модели человек является пассивным элементом. Будущее приходит к нему, минуя «сейчас», и уходит в прошлое. Морфемы *lai* и *hou* как обозначения будущего пересекаются во фразеологизмах, выражающих похвалу высшему художественному совершенству. Глядя на живопись танского поэта и пейзажиста Ван Вэя, великий поэт эпохи Сун Су Дунпо произнес знаменитые слова:

Shi zhong you hua, hua zhong you shi

«В [его] поэзии есть живопись, [а] в [его] живописи — поэзия»

и затем воскликнул:

Qian wu gu ren, hou wu lai zhe

«Среди предшествующих древних художников не было [подобных ему],
и не будет [ему равных] среди приходящих (потомков)!».

В данном контексте точкой отсчета в пространстве и времени является сам поэт-пейзажист.

⁶ Любопытно, что в китайском языке первый компонент (иероглиф) слова *xianzai* «сейчас» содержит фонетик *jian* со значением «видеть», а второй компонент *zai* означает «находиться». Как видно, китайское слово «сейчас» непосредственно связано с понятиями «я» и «здесь»: <в то время, когда субъект восприятия (говорящий) видит место, где он находится>.

Обе модели времени динамичны, хотя их поступательное движение по отношению к говорящему в одном случае идет сзади, а в другом — спереди. Обе модели не предполагают момента речи «сейчас», следовательно и самого говорящего, который существует как некая точка отсчета (ср. статичность и асимметричность первой разновидности линейной временной модели, выражаемой понятием *qian jing* «перспектива — будущее»).

Обе точки зрения на время сосуществуют в базовой лексике КЯ, дополняя друг друга. Ср. *qian tian* «позавчера», *hou tian* «послезавтра» и *lai nian* «приходящий (будущий) год», *qu nian* «ушедший (прошлый) год». Однако пара *qian/hou* несравнимо более продуктивна, чем пара *lai/qu*. Морфемы *hou* и *lai* вступают в отношение синонимии только при выражении значения жизни в будущем рождении с родовым словом *shi*, в котором отражены обе модели времени. Сочетание *hou lai* «потом» ориентировано исключительно на некую точку отсчета до момента речи. *Hou* указывает на начало отрезка времени за этой точкой, а *lai* — направление самого отрезка, который продолжается до момента речи (включая или не включая его в себя). В русском языке слово «потом» ориентировано исключительно на какую-то точку отсчета во времени, и отрезок времени, соотносимый с «потом», может включать в себя и время после момента речи. Это отличие, свойственное морфеме *lai*, объясняет частые неправильные употребления изучающих КЯ, которым неизвестна ограничительная роль данной лексической единицы (временная протяженность *lai* замыкается на моменте речи говорящего).

В этой связи следует отметить, что даже отглагольные прилагательные *lai* и *qu* далеко не всегда выражают идею первый — будущего, а второй — прошедшего времени. Можно найти сочетания, в которых члены этой оппозиции имеют обратные значения. Например, это слово *laili* «происхождение», «прошлое» в сочетании *laili bu ming de ren* «человек с неясным прошлым» или слово *lailu* «путь, откуда пришел человек (предмет)»: *lailu bu ming de dongxi* «вещи темного происхождения». Сочетание *bie lai yi jiang shi nian* означает: «с момента расставания уже прошло почти десять лет» и т. д. У отглагольного прилагательного *qu*, соответственно, может реализовываться значение «пойти», как, например, в выражении *bu zhi qu xiang* «не знать, куда пойти (на какой путь встать)».

Из этого можно заключить, что глаголы *lai* и *qu* сами по себе не задают определенные временные координаты. Их интерпретация как будущего или прошлого исключительно зависит от того,

в какую сторону повернут лицом говорящий. Временные выражения, содержащие *lai* и *qi*, по сути дела отражают эгоцентрическую модель времени.

Любопытно, что дихотомия *qian/hou* также используется для противопоставления старшего и младшего из ныне живущих поколений: *qian bei* «старшее поколение» и *hou bei* «младшее поколение». Это соответствует представлению о непрерывном континууме на жизненном пути, заполненном сменяющимися друг друга поколениями людей.

Антропоцентрическая модель времени воплощает замкнутые пространственные представления китайцев о мире, выражающиеся в термине *tian xia* «Поднебесная» (в смысле «Китай»). Это эгоцентрическое замкнутое представление о пространстве и мире коррелирует с замкнутым взглядом на историческое время. Время отсчитывается по смене поколений и смене династий в Поднебесной, что отражает культ предшествующих поколений и преклонение перед властителями и мудрецами ранних династий, которые с точки зрения конфуцианства достойны подражания. Этот эгоцентризм не пошатнули знания о существовании другой цивилизации (страны Да Цинь — Византии) еще в первые века новой эры (см. официальную историю династии Хань). Так же и крушение идеи «Поднебесной» не уничтожило в языковой картине мира традиционной модели времени.

Таким образом, в «культурной модели» времени китайцев можно обнаружить следующее. У них идея времени «очеловечена» сменой поколений и их преемственностью, причем направление поступательного движения здесь обратно по отношению к европейскому менталитету, как, например, в представлении о движении волн: *hou lang tui qian lang* «задние волны подгоняют передние». Ср. троичное деление, при котором исходная точка «сегодня» оставляет «вчера» в прошлом и смотрит вперед на «завтра».

В китайском языковом сознании агенсом поступательного движения выступает человеческий род, а не само время (ср. европейскую метафору «время бежит»), хотя быстрое течение времени и сравнивается с полетом стрелы: *guang yin ru jian* «свет и тень [сменяются так быстро], как [летит] стрела». Само представление о времени как *guang yin* «[смена] света [и] тени» тоже двоично. Его поступательное движение воспринимается не как бег вперед, а как безвозвратный уход куда-то. Отсюда и поэтические строки, ставшие известной пословицей:

Guang yin ru liu shui, yi qu bu fu fan

«Светотень подобна текущей воде, однажды уйдя, снова не возвращается».

Реконструкция языковой картины времени на материале современного китайского языка показывает, что модель времени здесь не однородна. Эта черта, видимо, присуща многим цивилизациям, у которых наивная картина мира сосуществует с научным взглядом на данный феномен. Однако культурно-историческая, обусловленная антропологически модель времени все же имеет абсолютное преобладание в лексике. Тем не менее, форма самого слова «время» отражает «естественно-научные» представления о времени, что объясняется развитостью в Древнем Китае таких наук, как астрономия. Именно астрономия играет важную роль в жизни такой крупной аграрной страны, как Китай⁷. Знаменитые обсерватории и сооружения для наблюдения звезд там всегда строились в комплексе с разными видами часов, без которых невозможно обеспечить строгость наблюдения и записи.

Продуктивность базовых иероглифов в образовании устойчивых лексических сочетаний, отражающих две модели времени в СКЯ⁸

Морфемы	Антропоцентрическая модель	Линейно-историческая модель
qian 4, 5, 6	27	
qian 7		3
xian 1, 2, 3, 4	26	
hou 2, 4	39	
hou 1		1
shang 3	15	
xia 3	10	
lai 10	6	
lai 9		5
qu 5	3	
qu 6		3

⁷ Сам факт существования аграрного календаря, сочетающего в себе лунный календарь с солнечным, и наличие системы 24 временных сезонов (шесть для каждого времени года), указывающих на изменения угла падения солнечных лучей и служащих инструкциями для проведения сельскохозяйственных работ, свидетельствуют о развитости в Древнем Китае научных представлений о времени.

⁸ Цифры после транскрипций иероглифов соответствуют номерам значений в словаре [4]

ЛИТЕРАТУРА

1. Ю. Д. Апресян. Дейксис в лексике и грамматике и наивная модель мира // Семиотика и информатика. М., 1986, вып. 28.
2. Е. С. Яковлева. Час в системе русских названий времени // Наст. сб., с. 267–280.
3. Б. А. Успенский. История и семиотика (восприятие времени как семиотическая проблема) // Труды по знаковым системам. Тарту, 1989, вып. 23.
4. Xiandai Hanyu cidian («Словарь современного китайского языка»). Пекин, 1984.
5. Е. С. Яковлева. Фрагменты русской языковой картины мира (модели пространства, времени и восприятия). Автореф. докт. диссертации. М., 1992.

ВРЕМЯ И ВОСТОЧНАЯ АСТРОЛОГИЯ

Всему свое время
Народная мудрость

1. В моей работе восточная астрология представлена не как система гадания или предсказания судьбы (хотя это основная функция астрологии как науки о судьбе — *судьбоведении*), а в контексте реконструкции принципов отображения общей восточной картины мира. Поскольку основным понятием, которым оперирует восточная астрология, является концепт *thì* «время», то я попытаюсь раскрыть его содержание и формы его существования в той части, в которой оно связано с астрологией (концептуальный аспект), и показать, с одной стороны, какую роль оно играет в жизни человека, и, с другой стороны, как оно отражается в его языковом сознании (языковой аспект). Во вьетнамском языке, например, существует специальный «астрологический» лексикон, т. е. пласт особых лексических единиц, выражающих астрологические понятия (об этом см. ниже).

2. Концепт «время» взаимодействует со следующими концептами:

а) *âm* «инь» и *du'ông* «ян», которые понимаются как всеобщие действующие законы природы, и

б) порожденные ими концепты *ngũ hành* [нгу хань] «пять первоэлементов или стихий»:

kim [ким] «металл» (Венера)¹

thủy [туи] «вода» (Меркурий)

hỏa [хоа] «огонь» (Марс)

thổ [тхо] «земля» (Сатурн)

mộc [мок] «дерево» (Юпитер).

3. Исходными данными, составляющими восточную астрологию, являются *năm* «год», *tháng* «месяц», *ngày* «день» и *giờ* «час». Эти временные единицы исчисляются по системе измерения времени, базируемой на естественном чередовании фаз луны, что послужило основой для составления лунного календаря, который не совсем совпадает с солнечным календарем.

¹ Здесь и далее в этом параграфе в круглых скобках даются соответствующие термины западной астрологии.

Лунный год состоит из 12 месяцев, но первый месяц лунного года не совпадает с первым месяцем солнечного года, т. е. с январем.

Лунный месяц длится то 30 дней, то 29 дней. Таким образом, в лунном году 354 или 355 дней.

Лунный день (сутки) состоит из 12 лунных часов.

Каждый лунный час представляет собой двухчасовой отрезок. Первый лунный час длится с 23 часов вечера до часу ночи.

4. Время и инь-ян. Выделяются следующие дифференциации.

а) Различаются иневое и яновое время. Это различие основано на древнефилософской теории чисел, согласно которой четные числа — земные, или «иневые», а нечетные числа — небесные, или «яновые». Иневое время исчисляется четными числами, например: 2, 4, 6, 8, 10, 12 и т. д., а яновое время — нечетными числами, например: 1, 3, 5, 7, 9, 11 и т. д.

б) Различаются два цикла исчисления времени: небесный и земной.

Небесный цикл десятиричный, заключающий в себе десять небесных *can* «кан» (стволов): *Giáp* [Зяп] (1), *Ât* [Ат] (2), *Bính* [Бинь] (3), *Đinh* [Динь] (4), *Mậu* [Мау] (5), *Ki'* [Ки] (6), *Canh* [Кань] (7), *Tân* [Тан] (8), *Nhâm* [Ням] (9), *Quý* [Куи] (10). Таким образом, Зяп (1), Бинь (3), Мау (5), Кань (7), Ням (9) — яновые «каны», а Ат (2), Динь (4), Ки (6), Тан (8), Куи (10) — иневые «каны».

Земной цикл двенадцатеричный, состоящий из двенадцати земных «тьи» (ветвей), называемых по именам двенадцати животных: *Tí* [Ти] «мышь» (1), *Sửu* [Шыу] «буйвол» (2), *Dân* [Зан] «тигр» (3), *Mão* [Мао] «кошка» (4), *Thìn* [Тхинь] «дракон» (5), *Tị* [Ти] «змея» (6), *Ngọ* [Нго] «лошадь» (7), *Mùi* [Муи] «коза» (8), *Thân* [Тхан] «обезьяна» (9), *Dậu* [Зау] «петух» (10), *Tuất* [Туат] «собака» (11), *Hợi* [Хой] «свинья» (12). Таким образом, нечетные земные «тьи»: Ти «мышь» (1), Зан «тигр» (3), Тхинь «дракон» (5), Нго «лошадь», Тхан «обезьяна» (9), Туат «собака» (11) — яновые «тьи», а четные земные «тьи»: Шыу «буйвол» (2), Мао «кошка» (4), Ти «змея» (6), Муи «коза» (8), Зау «петух» (10), Хой «свинья» (12) — иневые «тьи».

По лунному календарю 1995 году приписывается имя *хой* «свинья» (год Ат-Хой). Первому месяцу года приписывается имя *зан* «тигр». 23 часа — 1 час ночи — это первый час, называемый час-*ти* «мышь».

Сочетание десятиричного цикла с двенадцатеричным циклом дает 60 различных комбинаций «кан-тьи», составляющих Великий Цикл Времени.

Таблица 1

кан тьи	зяп	ат	бинь	динь	мау	ки	кань	тань	ням	куи
ти	1		41		49		55		59	
шыу		2		42		50		56		60
зан	13		3		43		51		57	
мао		14		4		44		52		58
тхин	23		15		5		45		53	
ти		24		16		6		46		54
нго	31		25		17		7		47	
муи		32		26		18		8		48
тхан	37		33		27		19		9	
зау		38		34		28		20		10
туат	11		39		35		29		21	
хой		12		40		36		30		22

Таким образом, каждому из исходных данных (год, месяц, день, час) приписывается, с одной стороны, инь или ян (год «иневый» или «яновый», месяц «иневый» или «яновый» и т. д.), с другой стороны, «кан-тьи» (год зап-ти, год ат-шыу и т. д.; месяц зяп-ти, месяц ат-шыу и т. д.; день зап-ти, день ат-шыу и т. д.; час зап-ти, час ат-шыу и т. д.).

5. Время и «нгу хань» (пять стихий). Пять стихий находятся друг с другом в двух отношениях: в отношении *sinh* [шин], что означает «порождение» и в отношении *khắc* [хак] — «противостояние».

а) Отношение порождения. Металл (М) порождает воду (В). Вода порождает дерево (Д). Дерево порождает огонь (О). Огонь порождает землю (З). Земля порождает металл. Вот таков круг порождения. Образное представление отношения порождения см. на рисунке 1.

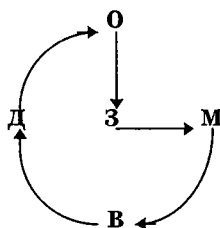

Рис. 1

Комментарий к рис. 1. Стрелка → показывает векторность отношения порождения. Например, В → Д означает, что вода порождает дерево.

Отношение порождения предопределяет два типа компонентов: порождающий и порождаемый. В паре $Д \rightarrow О$, например, $Д$ является порождающим компонентом, а $О$ — порождаемым. Поскольку один и тот же первоэлемент может быть компонентом разных пар, он может выполнять и функцию порождающего (в одной паре), и функцию порождаемого (в другой паре).

б) Отношение противостояния. Металл противостоит дереву ($Д$). Дерево противостоит земле ($З$), Земля противостоит воде ($В$), Вода противостоит огню ($О$), Огонь противостоит металлу ($М$). Векторность отношения противостояния представлена на рисунке 2.

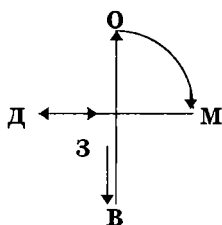

Рис. 2

Комментарий к рис. 2. Стрелка \rightarrow показывает векторность отношения противостояния. Например, $О \rightarrow М$ означает, что огонь противостоит металлу.

Отношение противостояния предопределяет два типа компонентов: противостоящий и резист, т. е. предмет (объект), которому противостоит другой предмет (объект). К примеру можно взять пару $М \rightarrow Д$, где $М$ является противостоящим, а $Д$ — резистом. Отсюда выходит, что один и тот же компонент может быть одновременно и противостоящим (в одной паре) и резистом (в другой паре).

Каждому из десяти «небесных кан» приписывается одна из пяти стихий:

зап и *ат* — «металл»

бинь и *динь* — «вода»

мау и *ки* — «огонь»

кань и *тан* — «земля»

ням и *куи* — «дерево».

Каждому из двенадцати «земных тьи» приписывается одна из пяти стихий:

хой («свинья») и *ти* («мышь») — «вода»

зан («тигр») и *мао* («кошка») — «дерево»

ти («змея») и *нго* («лошадь») — «огонь»
тхан («обезьяна») и *зау* («петух») — «металл»
тхин («дракон»), *туат* («собака»), *шыу* («буйвол») и *муй* («коза») — «земля».

6. Практическое значение исследования концепта «время». Представленная картина мира показывает единство природы и человека, который как часть природы во многом зависит от нее. Одной из природных сил, которые постоянно оказывают влияние (как положительное, так и отрицательное) на жизнь, на судьбу человека, является время. Человек познает время во всех его закономерных действиях, тем самым познает и самого себя. И этот процесс познания человеком мира и себя отражается в языке.

Рассмотрим два случая:

а) Концептуальная модель человека. На основе взаимодействия времени и знаков *инь* и *янь* можно построить такую схему классификации людей: люди делятся на две основные категории — «иневые» и «яньовые». Среди «иневых» людей бывают «иневые» мужчины и «иневые» женщины. Среди «яньовых» людей бывают «яньовые» мужчины и «яньовые» женщины.

«Иневые» люди характеризуются мягкостью поведения, стремлением к компромиссу, способностью вести домашнее хозяйство, воспитывать детей и т. д.

«Яньовые» люди характеризуются твердостью поведения, стремлением использовать силы при решении проблем, способностью к общественной деятельности.

б) Языковая модель человека. Остановимся на анализе семантики одного языкового выражения, связанного с понятием времени: *Gid nào việc ấy* (букв.: «какой час такое дело») — рус. *всему свое время*. Это выражение, как мне кажется, существует в любом языке мира. Оно означает, что все должно делаться вовремя, своевременно. От соблюдения (или не соблюдения) этого мудрого совета большей частью зависят великие славные подвиги, большие удачи (или катастрофы, несчастье). А что значит «вовремя», «своевременно»?

Ответ на этот вопрос можно найти в следующих понятиях: *hợp* «совместимость» и *không* «несовместимость», «противостояние».

Совместимы друг с другом люди, которые по году рождения

а) носят противоположные знаки: человек-инь и человек-янь совместимы;

б) попадают в одну из следующих трехчленных комбинаций:
тхан «обезьяна» — *ти* «мышь» — *тхин* «дракон»
хой «свинья» — *мао* «кошка» — *муй* «коза»
зан «тигр» — *нго* «лошадь» — *туат* «собака»
ти «змея» — *зау* «петух» — *шыу* «буйвол».

Несовместимы друг с другом, или противостоят друг другу люди, которые по году рождения

а) носят одинаковые знаки: человек-инь и человек-инь несовместимы; человек-ян и человек-ян несовместимы;

б) попадают в одну из следующих четырехчленных комбинаций:

ти «мышь» — *нго* «лошадь» — *мао* «кошка» — *зау* «петух»
тхин «дракон» — *туат* «собака» — *шыу* «буйвол» — *муй* «коза»

зан «тигр» — *тхан* «обезьяна» — *ти* «змея» — *хой* «свинья».

Такое положение вещей отражается и сохраняется по сей день в национальных традициях и обычаях вьетнамского народа, например, в обычаях сватовства, свадьбы, в деле строительства домов, в открытии торговых предприятий, в заключении коммерческих сделок и т. д.

ВРЕМЯ В ЯЗЫКЕ (ОПЫТ КОМПЛЕКСНОГО ОПИСАНИЯ)

Анализу были подвергнуты способы выражения темпоральности в ряде индоевропейских языков. Целью исследования ставилось выяснение возможностей построения целостной модели языковой темпоральности, основанной на данных, отражающих:

- характер представленности времени в значениях языковых единиц;
- закономерности становления языковых средств с временным значением в онтогенезе и в филогенезе;
- характер темпоральности коммуникативных единиц;
- механизм оязыковлениия времени.

В ходе исследования обозначились более исследованные на предмет темпоральности языковые фрагменты (отдельные группы лексики, грамматические разряды в отдельных языках) и менее исследованные (общие вопросы временной семантики). Временной компонент в структуре языковых единиц неодинаков по своему характеру и занимает в этой структуре разное положение. Это могут быть специализированные временные морфемы, специальная темпоральная лексика, синтаксические конструкции, несущие временную информацию. Вместе с тем, временной компонент может быть интегрирован в семантической структуре слова. Так, в словах: *мальшш*, *юноша*, *аксакал* проявляется возрастная градация; *спазм*, *взрыв* — направленность в будущее; *золотая свадьба* содержит имплицированный временной элемент (50 лет).

Наблюдение за функционированием «темпорального блока» языкового механизма [13–15] показывает, что в своем речевом поведении участники коммуникации по необходимости учитывают как внешние условия развертывания сообщения во времени, так и условия внутреннего характера, касающиеся скрытого механизма организации сообщения. Так, употребление выражения *доброе утро* предполагает определенное время дня, начальный этап коммуникации, наличие других приветствий (*добрый день*, *добрый вечер* и т. д.). Наиболее типичной формой проявления временного компонента служит обстоятельство времени. Многообразная гамма временных значений, передаваемых обстоятельствами времени, сводится к трем основным группам: *когда*, *протяженность во времени*, *частота*.

Организирующим центром временной ориентации высказывания является момент речи, который выступает в нескольких ипостасях: как время акта речи, как координата семантического содержания сообщения, как строевой элемент языковой категории времени.

Языки разных семей располагают единицами для ориентирования высказывания на момент речи. К наиболее типичным и регулярным в этом плане обычно относят грамматикализованные временные формы, причем не обязательно глаголов. Время в этом случае изображается в виде прямой линии, представляющей его как «бесконечное множество моментов, имеющих линейное расположение и дискретных по своей природе» [19, 39]. Такая шкала градуирована как в направлении прошлого, так и в направлении будущего следующим образом: *только что — вот-вот, вчера — завтра, позавчера — послезавтра, недавно — скоро, на прошлой неделе* и т. д.

Впрочем, ориентация на актуальное настоящее в словах типа: *вчера была хорошая погода, на завтра обещают дождь* — является лишь частным случаем привлечения такой шкалы. На практике же она используется для ориентации объектов семантического пространства, находящихся с актуальным настоящим в косвенной связи, например, *он обещал прийти на следующий день* (*он обещал* подразумевает ориентацию на время произнесения — шкала с включением настоящего, а *прийти на следующий день* дает ориентацию относительно другой шкалы, имеющей следующие деления: день, предшествующий обещанию — день обещания — следующий день и т. д. Констатация *часы спешат* предполагает совмещение шкалы реального времени (включающей момент речи), шкалы эталонных часов и шкалы спешащих часов. Несколько шкал задействовано в высказывании *этот человек моложе (старше) своих лет*. Языковая практика свидетельствует о широком привлечении для построения и интерпретации высказываний временных моделей (шкал, осей) следующих видов:

- шкала природных явлений (или сезонная шкала с делениями: весна, лето, осень, зима;
- суточная шкала, градуированная следующим образом: восход солнца, заря, утро, день и т. д.;
- возрастная шкала (или шкала жизненного пространства: рождение — младенчество — детство — отрочество и т. д. К вышеперечисленным добавляются деления, социально ориентированные: дошкольный/школьный возраст, несовершеннолетие/совершеннолетие, трудоспособный/пенсионный возраст;

- циферблат — наиболее распространенная, обладающая упорядоченной номенклатурой единиц шкала. Она органично сочетается с «суточной» шкалой: 8 часов утра, 2 часа ночи;
- календарь — сложная иерархия его единиц позволяет осуществить наряду с мегаориентацией на бесконечной упорядоченной числовой оси, идущей в двух направлениях, также макроориентацию в пределах недели, имеющую циклический характер;
- событийная шкала. Для нее характерно отсутствие общей ранжированности событий на одной оси, как в календаре. Точкой отсчета могут быть, в принципе, любые события, известные говорящим и принятые в качестве ориентира (*во сне, на Пасху*). Как правило, высказывание строится с одновременным использованием нескольких временных моделей, причем наблюдается регулярное их совмещение, проецирование явлений друг на друга и на разные модели. Так, рассмотрение явлений на фоне «суточной» шкалы дает следующий ряд: *ночная бабочка, утренняя прохлада, дневная смена*. В зависимости от выбора системы отсчета одно и то же событие получит разное описание: *в дни (годы) своей юности; когда ему (ей) было 18 лет; на девятнадцатом году своей жизни; сколько-то лет тому назад; до своей женитьбы (до замужества)* и т. д.

Несколько изменяя угол рассмотрения, мы обратим далее внимание на участие языка в создании многочисленных приспособлений, позволяющих человеку распределять свою деятельность во времени и осуществлять разнообразные манипуляции, тем самым воздействуя на естественный ход событий и придавая им желаемую временную структуру.

Показательным в этом плане является обширный класс текстов, представляющих собой детально структурированное знаковое поле, моделирующее определенный событийный континуум. В качестве примера могут послужить графики движения поездов, самолетов, астрономические таблицы, различные виды календарей, расписания учебных занятий, программы конференций, съездов, фестивалей и т. д. В содержательном плане тексты такого характера представляют собой идеальное событийное пространство¹ с обозначенными пространственными и временными границами, где каждому событию отведено определенное место в ряду других. Использование вышеупомянутых текстов в качестве средства временной ориентации основано, как правило, на взаимодействии с рядом

¹ Под идеальным пространством подразумевается его концептуальный характер, отнесенность к разряду мыслительных конструктов.

других систем временной ориентации. Так, например, планирование учебного процесса происходит с учетом структуры конкретного календарного года, где немаловажную роль играет сочетание рабочих, выходных и праздничных дней. Детально моделируется также структура отдельного рабочего дня, в рамках которого прорабатывается последовательность видов деятельности, продолжительность уроков и перемен; определяется структура недели, семестра, учебного года в целом.

Календарь, как известно, служил и служит не только для мегаориентации (упорядочение событий давно минувших и исчисление и ранжирование событий грядущих), но и для макроориентации (организация деятельности в рамках дня, недели, месяца, года). Исходя из этого в структуре календаря отражалась ритмика движения планет (исчисление суток, месяцев, годов), учитывался событийный ряд (датировка эр от «сотворения мира», от рождества Христова, от основания Рима). В свое время в Афинах счет велся по годам правления высших должностных лиц — архонтов, в Древнем Риме — по годам правления консулов. Точкой отсчета служили и олимпиады, проводившиеся в Древней Греции, и царские династии. При формировании структуры календаря во внимание принимались хозяйственные, а также политические соображения (начало года и его внутренняя структура значительно варьируют от одного календаря к другому). Одной из разновидностей моделирования является практика составления гороскопов. Представление будущего в виде ряда сценариев предполагает возможность выбора одного из них в качестве наиболее приемлемого для реализации сферы физического, интеллектуального и духовного.

В рамках биоритмологии, где предметом изучения являются временные закономерности изменений, происходящих на разных уровнях организации биосферы, предложена и уточняется глобальная модель суточных, месячных, сезонных и многолетних ритмов [18, 37].

Система часовых поясов являет собой один из способов упорядочения местных времен и служит удобным средством ориентации в их множестве. В свое время это стало значительным достижением; ведь, например, в Европе Средних веков в каждой местности время «воспринималось как самостоятельное, присущее только ей и никак не согласованное со временем других мест» [6, 117].

Как одну из разновидностей временных моделей можно рассматривать систему нотной записи.

Художественные тексты в своем большинстве также представляют различные варианты временных моделей. Художественное же

время, как оказалось, имеет необычайно сложную структуру многослойного характера, что создает большие трудности для его описания в рамках существующей терминологии. Собственно говоря, концептуальная модель времени, будь то художественное время или время физической теории, также является средством ориентации как в теоретической, так и в практической деятельности.

Насколько сложен характер концептуальных моделей, позволяет увидеть знакомство с текстами специального характера, авторы которых пытались соблюсти строгость и непротиворечивость в описании времени, т. е. создать эксплицитную модель. История исследования времени демонстрирует многообразие подходов при его описании и истолковании.

Так, в диалоге Платона «Тимей» время представляется как средство, позволяющее Всевышнему передать образ вечности. Имея задачу «сотворить некое движущееся подобие вечности», Создатель «творит... вечный же образ, движущийся от числа к числу», что и зовется временем» [6, 478].

Аристотель в «Физике», исходя из того, что время не существует без движения и изменения, но и не является движением, считал, что «время есть некоторое число», а точнее — «число движения», «число перемещения», и уточняет там же, что «время есть именно число считаемое, а не посредством которого мы считаем» [2, 149–150].

Аврелий Августин в своей «Исповеди», не найдя возможности дать времени более или менее ясного определения, в результате мучительных размышлений делает следующую констатацию: «Совершенно ясно теперь одно: ни будущего, ни прошлого нет, и неправильно говорить о существовании трех времен: прошедшего, настоящего и будущего. Правильнее было бы, пожалуй, говорить так: есть три времени: настоящее прошедшего, настоящее настоящего и настоящее будущего. Некие три времени эти существуют в нашей душе, и нигде в другом месте я их не вижу: настоящее прошедшего это память; настоящее настоящего — его непосредственное созерцание; настоящее будущего — его ожидание» [1, 170].

По определению Исаака Ньютона, «время и пространство составляют как бы вместительница самих себя и всего существующего. Во времени все располагается в смысле порядка последовательности, в пространстве — в смысле порядка положения... время само по себе и по своей сущности, без всякого отношения к чему-либо внешнему протекает равномерно и называется иначе длительностью» [12, 30–31].

Иную трактовку дает Иммануил Кант. Оспаривая у времени, говоря его словами, «всякое притязание на абсолютную реальность», он следующим образом излагает свою точку зрения:

«а) Время не есть нечто такое, что существовало бы само по себе или было бы присуще вещам как объективное определение и, стало быть, оставалось бы, если отвлечься от всех субъективных условий созерцания вещей... б) Время есть не что иное, как форма внутреннего чувства, т. е. созерцания нас самих и нашего внутреннего состояния... в) Время есть априорное формальное условие всех явлений вообще» [10, 137–138].

В работах Альберта Эйнштейна время представлено в виде четвертой координаты, составляющей единство с тремя пространственными координатами, с помощью которых удобно описывать пространственно-временной континуум. Время измеряется при помощи часов, роль которых может играть любая система, «которая автоматически повторяет один и тот же процесс. Число уже повторившихся процессов такого рода, причем за первый можно принять любой процесс, и есть время, измеренное часами. Показания часов, одновременные с некоторым событием, мы называем временем события, измеренным этими часами» [17, 416]. Приведенные определения достаточно ясно демонстрируют основные способы категориального представления (концептуального моделирования) времени. Скажем лишь, что существующие попытки создания концептуальной модели, которая бы позволила непротиворечиво вписать временную компоненту в контекст других, пока вызывают больше вопросов, нежели дают ответов. Процесс концептуализации времени в качестве объекта изучения затрагивает интересы многих дисциплин. В свое время Я. Хинтикаа заметил, что «наша понятийная система работает подобно очень сложному аппарату, связывающему наше знание с реальностью, являющейся объектом этого знания. Этот аппарат настолько сложен, что мы не знаем, что из его содержимого является элементом интересующей нас реальности, а что только отражает способ функционирования самого аппарата» [16, 173]. О том, что это действительно так, мы можем судить по временному фрагменту этой системы.

Так, языковая практика свидетельствует о том, что отдельные носители языка владеют в разной степени разветвленной системой языковых единиц, позволяющих конструировать многочисленные высказывания. Эти высказывания представляют собой оязыковленное (вербальное) выражение серий психических комплексов (что часто понимается как содержание высказывания).

В отечественной науке широко представлена точка зрения, согласно которой «текст высказывания есть результат вербализации некоторого содержания, сформированного в коде, отличном от языкового (звукового и национально-языкового), либо еще до начала высказывания, либо — в некоторых частях — по ходу вербализации» [4, 144].

Мысль о существовании универсально-предметного кода (УПК) последовательно проводится в работах Н. И. Жинкина, по мнению которого УПК представляет собой «стык речи и интеллекта». Именно здесь, по его мнению, совершается «перевод мысли на язык человека». Причем, УПК «имеет общую структуру для обработки не только вербальной информации о действительности, поступающей через разные органы чувств» [8, 54–55]. Интеллект же представляет собой «динамическую модель действительности, в которой уже нет слов в их обычном сенсорном состоянии. Смысловые связи могут быть представлены как наглядные схемы в разнообразной конфигурации в виде иерархического дерева и т. п.» [8, 130]. Добавим, что интеллект и сенсорику рассматриваются Н. И. Жинкиным как комплементарные механизмы для приема и обработки информации — «без одного нет другого» [8, 128]. И он же — «не так просто решить, где кончается сенсорику и начинается интеллект, а поэтому может оказаться, что сам интеллект способен проникнуть в сенсорику» [8, 63]. Мозг обладает способностью разворачивать «целый модельный мир, объекты которого для мозга сенсорно эквивалентны объектам окружающего мира. Изложенное относится не только к объектам как таковым, но также к их свойствам и отношениям» [7, 47].

Ряд фактов дает исследователям основание говорить о том, что «человек живет и функционирует не только в пространстве и времени реального физического, социального мира, а еще в своих личных индивидуальных пространстве и времени, зависящих от него, им же обусловленных, без него невозможных, но объективно реальных так же, как объективно реально существует сам субъект» [3, 149].

В этой связи в психологии введены категории личностного времени, субъективно переживаемого времени, временной структуры сознания личности, психологического времени [5]. Обратим внимание на то важное обстоятельство, что информация, поступившая в мозг в разное время и в определенной последовательности (она является важной составляющей индивидуального пространственно-временного континуума), эта информация может быть извлечена из памяти и вызвана на «табло сознания» уже в

иной последовательности, т. е. ей может быть придана другая временная структура. Изменениям подвергаются временные параметры и самих воспринятых событий. Метаморфозы подобного рода особенно ярко проявляются во сне, при определенных патологиях, в результате воздействия психотропных веществ.

Здесь начинается область, во многом неизведанная. Мы можем констатировать, что в процессе интериоризации времени появляются качественно разные образования: представления, образы, понятия, категории и т. д., о чем свидетельствуют соответствующие классы слов. Вместе с тем мы пока не располагаем адекватным описанием механизма, закономерностей и сущности перехода, трансформации временного опыта во временную семантику единиц языка.

Ряд экспериментальных данных свидетельствуют о том, что хранение словоформ и их семантических коррелятов осуществляется разными отделами коры головного мозга [11]. Вместе с тем, наблюдается такое тесное их взаимодействие, что данный факт позволяет исследователям говорить о том, что «в подавляющем большинстве случаев человек оперирует элементами «модельного мира», не отделяя их от слова» [9, 117].

Разные этапы процесса интериоризации подвергаются маркированию средствами языка, другими словами, «оязыковываются» и, будучи таким образом представленными в языке, используются для создания широкого класса концептуальных моделей. Поскольку оязыкованию подвергаются разные способы и этапы интериоризации времени, то значения языковых единиц представляют собой своеобразные проекции недоступных для прямого наблюдения аспектов временного бытия человека и разнообразных временных трансформаций.

В этой связи только сведение воедино данных различных дисциплин позволило бы приоткрыть завесу таинственности над тем, что в сознании человека и вне его стоит за словом *время*.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аврелий Августин. Исповедь. М., 1992.
2. Аристотель. Физика // Аристотель. Соч. в 4-х томах. М., 1981, т. 3.
3. Н. Н. Брагина, Т. А. Доброхотова. Функциональные асимметрии человека. М., 1981.

4. И. Н. Горелов. Соотношение невербального и вербального в коммуникативной деятельности // Исследования речевого мышления в психолингвистике. М., 1985.
5. Е. И. Головаха, А. А. Кроник. Психологическое время личности. Киев, 1984.
6. А. Я. Гуревич. Категории средневековой культуры. М., 1984.
7. Я. Г. Дорфман, В. М. Сергеев. Нейроморфогенез и модели мира в сетях нейронных процессоров // Интеллектуальные процессы и их моделирование. М., 1987.
8. Н. И. Жинкин. Речь как проводник информации. М., 1984.
9. А. А. Залевская. Индивидуальное знание. Специфика и принципы функционирования. Тверь, 1992.
10. И. Кант. Критика чистого разума // И. Кант. Соч. в 6 томах. М., 1964, т. 3.
11. А. Р. Лурия. Язык и сознание. М., 1979.
12. И. Ньютон. Математические начала натуральной философии. Пг., 1915–1916.
13. Н. А. Потаенко. Словарные дефиниции как средство выявления принципов организации лексики // ВЯ, 1980, № 5.
14. Н. А. Потаенко. К языковому освоению временной структуры действительности // ВЯ, 1984, № 6.
15. Н. А. Потаенко. Временные значения в языковой коммуникации // Функционально-семантические характеристики предложения во французском языке. Пятигорск, 1993.
16. Я. Хинтика. Логико-эпистемологические исследования. М., 1980.
17. А. Эйнштейн. Теория относительности // А. Эйнштейн. Собрание научных трудов в 4-х томах. М., 1965, т. 1.
18. В. Н. Ягодинский. Ритм, ритм, ритм. М., 1985.
19. V et Co. Temps, aspects et adverbess de temps en français contemporain. Amsterdam, 1979.

В. Г. Гак

ПРОСТРАНСТВО ВРЕМЕНИ

Понятие времени занимает определенное семантическое поле в семантической структуре языка. Это поле, объединяющее темпоральные слова и грамматические формы, мы называем пространством времени. Любое семантическое поле характеризуется внутренней и внешней структурой. В первом случае — во внутренней структуре — выявляются различные оппозиции, характеризующие и членящие общее понятие времени. Внешняя структура поля времени определяется его связями с иными семантическими полями. Эти связи проявляются в переходах от понятия времени к иным понятиям и в переходе от иных понятий к понятию времени. Семантические переходы проявляются в многозначности темпоральных слов, в значениях фразеологических единиц с темпоральными словами и в значении слов, производных от темпоральных слов.

Мы кратко рассмотрим внутреннюю структуру понятия времени, отражающуюся в языковых формах. Это многократно — и по-разному — описывалось на материале различных языков. Более подробно будут проанализированы элементы внешней структуры, то есть связи понятия времени с иными понятиями. Объем статьи не позволяет рассмотреть всю совокупность слов поля времени (*год, неделя, месяц, день, час* и др.), мы ограничимся словом *время* в разных языках, основываясь прежде всего на данных толковых или переводных словарей русского, латинского, французского, английского, испанского и итальянского языков.

Внутренняя структура поля времени, как она отражается в языковых формах (прежде всего в глаголах, наречиях, но также и в других частях речи), может быть описана следующим образом. Прежде всего различается внешнее и внутреннее время процесса.

Репрезентанты внешнего времени отвечают на вопрос *когда?* (*вчера, в прошлом году*), репрезентанты внутреннего времени — на вопрос *как?* (*быстро, вдруг...*). Между ними находится группа, объединяющая оба этих аспекта и отвечающая на вопрос *сколько времени?* (они показывают длительность, повторяемость).

Внутреннее время процесса выражается не только наречиями и глаголами, но, в частности, как показал это Гийом, и категорией вида. Языковые элементы, отображающие внутреннее время, особенно наречия, имеют тенденцию к выражению положительной или отрицательной оценки, эмоций (например, в значении «очень быстро» *полным ходом* имеет положительную оценку, *только пятки сверкают* — отрицательную, соответственно в значении «медленно» *неторопливо* и *черепашиным шагом*). Оценочный элемент приобретают и многие способы действия (например, длительный способ нередко сопровождается отрицательной окраской: *просидеть целый час*).

Внешнее время делится на три больших разряда, которые можно определить терминами *хронография*, *хронометрия* и *хронология* (в разных работах эти термины наполняются различным содержанием). В каждом из разрядов различается абсолютное и относительное временное значение.

Хронография указывает на определенное время, место события во времени, дату. Это указание может быть абсолютным, то есть выраженным в принятой в данном социуме системе летоисчисления (*в 1995 году н. э.*) или относительным, определяемым по отношению к другому событию (*через 50 лет после войны*) [1, 73]. Всякая абсолютная система летоисчисления при своем зарождении была относительной.

Хронометрия определяет длительность события, которая также может быть определена абсолютно, в принятых единицах меры времени (*два часа*) или относительно (*с утра до вечера*).

Хронология устанавливает последовательность событий, которая также может быть абсолютной (по отношению к моменту речи: *сегодня, завтра, вчера*) или относительной (по соотносительности с иным моментом: *в тот день, на следующий день, накануне*).

Внешняя структура поля времени определяется, как отмечалось, его связями с другими понятиями и явлениями. Ввиду отсутствия четких разграничительных линий между явлениями объективной действительности и расплывчатости понятий, которыми оперируют люди, во многих случаях представляется невозможным провести четкие границы между «временем» и «не-временем». Но все же можно определить ближнюю и дальнюю

периферию, ближайших и дальних «соседей» понятия времени. Внешние связи понятия времени реализуются в трех явлениях: в переходе от иных понятий к понятию времени, в переходе от понятия времени к иным понятиям и в синкретизме понятия времени и другого понятия, когда в определенном контексте время и другое понятие выражаются неразрывно. Самые общие тенденции в изменении значений языковых фактов (языковых выражений) образуют такую последовательность:

(качество, место) → (количество, время) →
(логические отношения, модальность, интенсивность,
оценка, экспрессивность).

Общее развитие смыслов идет от более конкретного, чувственно воспринимаемого к более отвлеченному. Выражение субъективного отношения, оценки является конечным этапом семантического развития многих слов и форм: все способы выражения субъективных значений в языке вторичны. Однако связь между понятиями проявляется и в обратимости этих отношений: значение языковых форм может развиваться не только в направлении: место → время, но и время → место. «Бытие и время взаимно определяют друг друга», — писал М. Хайдеггер [2, 392]. Время представляет собой общий кадр, в котором имеет место бытие и всякое бытие может переходить во время и время может переходить в различные формы бытия. Нет времени вне человека. В бытии, следовательно, особое значение имеют два аспекта: действующий субъект и окружение. Мы рассмотрим вначале переход от других понятий к понятию времени, затем от времени к другим понятиям.

А. Другие поля → время. Время определяется через элементы бытия.

Движение → время. Время становится очевидным в результате двух процессов, связанных с движением: повторяемости события и длительности протекания его. С этим связаны два способа измерения времени: измерение его на основе повторяемости движения определенного объекта (луны, солнца), колебательных движений (это принцип обычных часов) и измерение его на основе длительности процесса (это принцип песочных часов). Переход «движение» → «время» вполне закономерен: русское слово *время* восходит к корню со значением «вращать», «круговращение». лат *anno vertente* значит «в течение года». Мы увидим ниже, что именно движение позволяет в ряде случаев различить временное и пространственные значения.

Пространство → время. Это также известный и частый во всех языках переход. Многие временные союзы и предлоги восходят к пространственным словам, нередко пространственные предлоги и наречия в качестве вторичной функции выражают временное значение, например, франц. *à, de, dans*, русск. *от, до, в, через, около, за* (ср.: *за версту от* и *за день до*) и др. В современной разговорной речи можно встретить подобные явления. Франц. *d'ici en huit* (букв. «отсюда через восемь») значит «через неделю». В русской разговорной речи *где-то* выражает приближенность не только пространственную, но и временную: *Приду где-то около восьми*. Франц. *espace* «пространство» образует выражения с временным значением: *l'espace d'un matin* «в течение одного утра».

Занятие → время. Любое занятие протекает во времени. Всякое слово, обозначающее процесс, может метонимически указывать на временной промежуток. Предлоги при таком существительном приобретают временное значение: ср. *за столом, за стеной и за обедом, в дом и в обед*.

Человек → время. Имя человека может давать обозначение эпохи, определенного времени: *при Петре I, sous Louis XIV*.

В процессе отмеченных переходов нередко наблюдается синкретизм: так, только контекст и ситуация позволяют определить, имеем ли мы дело с преимущественно временными или с пространственными отношениями либо с синкретизмом, при котором в равной степени выражаются и те и иные отношения. Вот примеры с наречием *потом*: *Теперь идет сенокос, потом бабы рожь жать начнут* (МАС). Здесь несомненно выражены временные отношения, в цитате: *Мы обошли кругом сада <...>. Сначала идут деревья <...>, потом кусты* (МАС) выражены одновременно и пространственные, и временные отношения. Во фразе (говорящий смотрит на план) *Вот Воздвиженка, потом идет Новый Арбат, потом Кутузовский проспект* речь идет только о пространственных отношениях. Время и пространство дополняют друг друга. Если субъект не двигается, но есть изменения, то фраза получает временное прочтение, если субъект двигается и имеются изменения в пространстве, то предложение носит синкретический характер, если же субъект не двигается и изменений нет, то выражаются только пространственные отношения.

Б. Время → другие поля. Элементы бытия определяются через время.

Время → становление, исчезновение. Все существует во времени. Хайдеггер говорил, что время приходит и уходит. Про-

шедшее и будущее — это уже не и еще не. Поэтому во многих употреблениях понятие «время» указывает на становление — существование и исчезновение. Выражения *время покажет, время работает на...* означают «еще не, но...». Проверка *временем* указывает на отсутствие изменения. Время устраняет настоящее, это звучит в выражениях: *Время врачует душу, заживает раны.*

Становление и исчезновение теснейшим образом связаны с изменением качества объекта. Франц. *faire son temps* значит «отслужить, обветшать, потерять качество». Со временем предмет портится, но бывают обратные случаи: качество его улучшается.

Время → действие, деятельность. Любое действие, занятие протекает во времени. Во многих употреблениях слово *время* символизирует определенное дело, занятие, которому должно быть отведено данное время. *Надо время, времени не хватает, есть еще время, это займет много времени, найти время для..., распределение времени,* — эти и многие другие выражения указывают не на само время, а на дело, на работу, которые нужно выполнить. Нередко вид занятий получает наименование по отводимому на него времени, например, во французской социологии: *temps libre* (досуг), *temps contraint* («вынужденное» время: транспорт, магазины), *temps obligé* (служебное, рабочее время). Человек не в силах изменить ход времени, влиять на него, создавать или уничтожать его, и выражения, в которых речь идет о манипулировании со временем, фактически касаются не самого времени, но тех дел, которые нужно было бы выполнить в данный отрезок времени. *Зря тратить время, убивать время,* франц. *gacher son temps* (букв. «портить время») значит не выполнить определенного дела, ничего не делать полезного. *Temps mort* обозначает момент бездействия. *Наверстать упущенное время* значит выполнить работу в задуманный срок. В афоризме Файоля *Le temps n'épargne pas ce qui est fait sans lui* (букв. «Время не щадит того, что сделано без него») игра слов построена на столкновении двух отмеченных употреблений понятия «время»: время = работа и время = порча, исчезновение. Время может заполняться любым занятием, в том числе и отдыхом, развлечениями: франц. *se donner du bon temps* значит «хорошо отдохнуть».

Время → обладание. Этот семантический сдвиг не фиксируется ни в одном из четырех рассмотренных нами русских толковых словарей, но он специально отмечен во французском «Большом Робере». На философском уровне о принадлежности времени человеку высказывались противоречивые суждения. Если испанский

философ Грасиан говорил «Только одна вещь принадлежит нам — это время», то француз Бюффон утверждал, что «Из всех вещей время менее всего принадлежит нам и более всего нам недостает». Но в сфере обыденного словоупотребления время несомненно рассматривается как одно из присущих свойств человека, свидетельством чего может быть свободное употребление посессивов при этом слове: *проводить все свое время за..., терять свое время, быть хозяином своего времени*. Но более интересны те случаи, когда понятие времени наполняется понятием «имущество, владение». Это употребление может рассматриваться как дериват предыдущего. Работа, совершаемая человеком в определенный отрезок времени, может приносить блага, капитал. Отсюда и поговорка *Время — деньги*, сюда же можно отнести и некоторые использования выражения *Время дорого*.

Время → пора, удобный момент. Время связано с определенным действием; может акцентироваться начало этого действия, наличие условий для его совершения и окончание, завершение процесса. Инхоативный оттенок подчеркивается словом *пора*, финитный — словом *срок*. Слово *время* часто используется в значении «пора», «удобный момент»: *Есть время собирать камни и время разбрасывать камни*. Приведем более прозаические случаи подобного употребления слова: *В надлежащее время* (здесь, пожалуй, актуализируется оттенок «срок»); *Самое время идти обедать*; *Время подошло*; *Время не терпит*; *раньше времени*, а также *безвременно*.

Время → отрезок времени. Время может восприниматься в его бесконечной длительности и как определенный отрезок этой длительности. В латинском языке эти два аспекта времени различались лексически: *aevum* указывало на время в его континуальности, *tempus* — на определенный период времени. В народных романских языках *aevus* сохранилось только в «наращенной» форме: *aestas*, *aestaticum*, откуда ит. *età*, исп. *edad*, франц. *âge* в значении «возраст; век». Сохранившееся *tempus* стало употребляться в обоих значениях. Для выражения долгого времени оно использовалось во множественном числе. Значение «отрезок времени» актуализируется в употреблениях: *на время*, *временный*. Слово *время* приобретает в разных языках целый ряд узких значений, указывая на специализированный отрезок времени, занятый определенным процессом, действием, например, срок военной службы, срок заключения, рабочее время (англ. *full time*, франц. *à mi-temps*), в спорте — англ. *time* «тайм», франц. *mi-temps*. Сужение значения обнаруживается и

в выражении *платить за время* (выступления по телевидению), а также в *времена года*.

Время → эпоха. Всякое время в жизни общества наполнено событиями, идеями. Поэтому *время* может обозначать обстановку, совокупность идей и ситуаций, свойственных определенной эпохе. Это отражается в выражениях: *дух времени, веление времени, герой нашего времени, знамение времени, смутное время*. В таком значении слово *время* нередко используется в афоризмах и максимах: *Великий человек идет впереди своего времени, умный идет рядом с ним, хищный старается использовать его, глупый становится ему поперек дороги* (Бауэрнфельд); *Хороший историк не принадлежит ни к какому времени, ни к какой стране, хотя он любит свою родину, он ей не льстит* (Фенелон). Нередко, обозначая эпоху, слово *время* употребляется во множественном числе (эпоха — совокупность отрезков времени), причем в романских языках и латыни чаще, чем в русском: *О времена, о нравы; les temps modernes, новое время*.

Время → погода. Время может быть кадром, как отмечалось, либо для субъекта с его действиями, либо для окружения обстановки. Абсолютной обстановкой в определенный момент времени являются атмосферные условия, погода. В русском языке *время* может окказионально обозначать погоду, а в романских языках это является одним из важнейших значений слова «время»: франц. *temps*, исп. *tiempo*, ит. *tempo*.

Время → возраст. При сужении понятие времени может обозначать время жизни человека, то есть возраст. В таком значении *время* используется в русском языке по отношению к маленьким детям. Аналогичное значение реализуют исп. *tiempo* и англ. *time*.

Время → ритм. Короткий отрезок времени в сочетании с определенным повторяющимся действием лежит в основе значений темп, ритм, такт в разных их ипостасях, таких как движение в фехтовании, ход поршня, икт в метрике и др. К этому значению приближается англ. *time* в смысле «раз» (однократное действие в ряду однородных или повторяющихся действий): *six times* «шесть раз».

Время → скорость. Внешнее время может переходить во внутреннее время, отражая скорость осуществления процесса. Это употребление слова *время* имеет место в спорте: *плавать на время, показать отличное время* (здесь речь идет уже о результате).

Время → предмет. Понятие времени метонимически может пересекаться с предметной областью, так что слово «время» выступает

как обозначение конкретных объектов. Например: англ. *time* «плата за работу», *double time* «двойная оплата за сверхурочную работу». В каждом случае предметное слово характеризуется определенной внутренней формой, оно семантически соотносится с одним из указанных выше употреблений слова «время». Франц. *deux-temps* «двухтактный двигатель» соотносится с употреблением «такт, ритм», русск. *временка* — с оттенком «отрезок времени». С более широким значением слова *время* связано слово *временник*, которое, возможно, представляет собой кальку греческого «хроника».

Время → человек. О связи этих семантических полей свидетельствуют производные слова *временщик* (← «отрезок времени»), *современник* (← «эпоха»).

Время → логические отношения. Временные отношения лежат в основе многих более отвлеченных логических отношений. Во многих языках временные предлоги и союзы приспособляются для передачи логических отношений причины, условия, уступки, противопоставления. Особенно частотен переход *время* → причина, по-видимому вследствие наивного правила *post hoc, ergo propter hoc*. Например: *После этого я не хочу иметь с ним никаких дел.* Здесь *после* значит «из-за». *Когда бы* в придаточных предложениях регулярно выражает условие (=если бы). Франц. *toujours* «всегда» может выражать противопоставление.

Время → оценка, экспрессивность. Время оценивается человеком, тем более, что он может быть заинтересован в протекании внутреннего времени процесса, в его скорости или замедлении. Время получает оценку в связи с действиями субъекта и состоянием окружающей среды. Рассмотрим кратко основные оппозиции в этом аспекте.

1) Долгое/короткое время. Это понятие относительное. В русском языке одно и то же действие с помощью префиксов *по-/про-* может быть представлено как краткое и приятное или как слишком долгое и вызывающее досаду: *посидеть часок* и *просидеть час* (здесь существительное семантически согласуется с глаголом. Франц. *Cela ne dure qu'un temps* обозначает «короткое время», но *prendre son temps, temporiser* значат «не торопиться, медлить». Англ. *to make time* значит «поспешить», тогда как русск. *повременить* — «помедлить». Англ. *He was gone time before you got there* значит «он ушел задолго до того, как вы пришли». Эти примеры показывают, что время получает относительную оценку. «Дорого вовремя время, времени много и мало, долгое время не время, если оно миновало», — гласит надпись на старинных английских часах (в переводе С. Маршака).

2) Приятное/неприятное время. Дела, обстановка могут рассматриваться субъектом как приятные или неприятные, в связи с чем слово «время» может приобретать различную оценку и субъективную окраску. В романских языках «время» обозначает любую погоду. Но в некоторых употреблении оно обозначает специфическую дурную погоду: исп. *un tiempo* «буря, шторм», франц. *tempête* «непогода». Франц. *passé-temps*, исп. *pasatiempos* (букв. «времяпрепровождение») означает приятное препровождение времени (досуг, развлечения). С другой стороны, отрицательная реакция на что-либо, нежелание делать что-либо могут быть выражены с помощью темпоральных слов: *У меня нет времени возиться с этим* (субъективное нежелание представлено как объективная нехватка времени). Англ. *I have no time for him* (букв. «у меня нет времени для него») значит «я не выношу его».

Понятие времени имеет разветвленные и многообразные связи с широким кругом иных понятий и лексических полей — от логических отношений до отдельных людей и предметов — что объясняется несомненно универсальностью и важностью самого этого понятия.

ЛИТЕРАТУРА

1. А. П. Пронштейн, В. Я. Кияшко. Хронология. М., 1981.
2. М. Хайдеггер. Время и бытие. М., 1993.

НАСТОЯЩЕЕ ВРЕМЯ: СЕМАНТИКА И ПРАГМАТИКА

С точки зрения научно-логического понимания, настоящее, строго говоря, остается неуловимым для непосредственного восприятия, являясь подвижной гранью между не существующим более прошедшим и еще не наступившим будущим. Для мифического мышления (как, впрочем, и для современного обыденного) настоящее есть наиболее осязаемая непреложная реальность, отнюдь не обладающая нулевой протяженностью...

И. Г. Франк-Каменецкий [26, 104]

Как известно, временные значения служат для дейктической ориентации обозначаемой ситуации относительно момента речи. Общеизвестно, что из трех «основных» времен — настоящего, прошедшего и будущего, указывающих соответственно на одновременность, предшествование и следование ситуации моменту речи, — наибольшей сложностью характеризуется настоящее время (НВ).

Связано это прежде всего с тем, что, выражаясь словами А. В. Бондарко, у форм НВ «нет дистанции» между временем обозначаемой ситуации и моментом речи как центром временного дейксиса [25, 21].

В силу этого для них ключевое значение приобретают особенности протекания и распределения во времени обозначаемой ими ситуации, т. е. ее аспектуальные (в широком смысле слова) свойства. В зависимости от степени конкретности либо обобщенности ситуации и ее участников, ограниченности либо неограниченности ее какими-то пределами, наличия либо отсутствия перерывов в реализации соотношение ситуации с моментом речи принимает различную форму. Ср. примеры из [14]:

- (1) *Катя сейчас плохо себя чувствует;*
- (2) *Катя по вечерам плохо себя чувствует;*
- (3) *Такие больные плохо себя чувствуют по вечерам.*

Кроме того, в отличие от прошедшего и будущего времени, имеющих «естественную границу», в качестве которой выступает

момент речи, определяющий конечную точку прошедшего и начальную точку будущего, НВ подобных ограничений не имеет. Хотя именно формы НВ являются основным способом обозначения происходящего на глазах говорящего, «границы грамматического настоящего могут, так сказать, выходить из поля зрения и даже вообще исчезать» [24, 340]; ср. (1)–(3). Поэтому, вопреки распространенной точке зрения (см., например: [18, 127]), невозможно представить себе существование на временной оси каких-либо «точек», отделяющих «отрезок» НВ от «отрезков» прошедшего и будущего. Примечательно, что А. И. Смирницкий, приводя диаграмму, изображающую значения НВ в виде расходящихся от центра временной оси линий, охватывающих в конечном счете всю временную ось, не находит на ней места для прошедшего и будущего [24, 341].

В литературе, посвященной НВ, можно различить три основных направления.

Во-первых, это концепция «беспризнаковости», неопределенности НВ в отношении времени. Такого подхода придерживались Р. О. Якобсон [28] и А. В. Исаченко [12]. К нему склонялся и В. В. Виноградов, считавший основным грамматическим значением НВ «обозначение действия при всяких вообще условиях, обычно, постоянно, и вследствие этого как бы присущего, свойственного субъекту» [8, 571]. Вместе с тем, говоря о настоящем историческом, он же отмечал, что оно служит для «изображения прошедших фактов как бы совершающимися перед глазами слушателя или читателя» [8, 573]. Таким образом, устранить связь НВ с моментом речи все же не удастся.

Во-вторых, это противоположная точка зрения, в соответствии с которой формы НВ всегда выражают одновременность с моментом речи. Такая интерпретация семантики НВ, которой следует, в частности, Б. Комри [29], предполагает, что любая ситуация, обозначаемая формами НВ, должна переосмысляться как занимающая непрерывный временной интервал независимо от ее фактического распределения во времени. Такое переосмысление, возможно и имеет место при обозначении умений и предрасположений, однако возможность аналогичной трактовки собственно итеративных конструкций типа *Каждый раз, когда я открываю дверь, я замечаю...* проблематична (см. обсуждение этого вопроса [7, 43–55; 14, 22–24]).

В-третьих, это различие — в той или иной форме — двух разновидностей употреблений НВ: соотнесенных и не соотнесенных с моментом речи.

Можно предложить еще один путь совмещения дейктического характера форм НВ и их способности обозначать ситуации любой степени обобщенности. Он заключается в привлечении некоторых идей, используемых при описании значений несовершенного вида, которые могут реализоваться в НВ. Имеется в виду точка зрения, согласно которой специфика процессности (актуально-длительного значения) состоит в выражении срединной фазы обозначаемого действия при его частичной реализованности. Так, по мнению А. В. Бондарко, «для содержания процессности характерно прежде всего вычленение фиксируемого периода в осуществлении действия и представление действия (уже начатого, но не завершенного) в динамике его протекания во времени — от прошлого к будущему» [5, 118]. Сходным образом понимал процессность и Э. Кошмидер, писавший, что, называя в ответе на вопрос *Что ты делаешь?* действие, в процессе которого мы находимся в момент речи, мы, тем самым, констатируем, что только что были и в дальнейшем будем им заняты [15, 129]. Этот же прием Кошмидер использовал и для истолкования форм НВ, обозначающих многократные ситуации. Предложение *Там страшная эпидемия, люди умирают сотнями* интерпретируется следующим образом: «Много людей уже умерло, и много, несомненно, еще умрет» [15, 144].

Интересно, что практически идентичные формулировки — но уже именно по отношению к НВ — использовались в античных грамматиках, связанных с Александрийской школой. Как писал Присциан, «настоящим называется, собственно говоря то, часть которого прошла, а часть будет», и, таким образом, оно представляет собой соединение прошедшего и будущего «без всякого разрыва» [1, 129–130]. В качестве примера приводится предложение *Я пишу стихотворение (scribo verbum)*, уместное, по словам Присциана, «пока я еще не дошел до конца, и часть его уже написана, а часть еще должна быть написана» [там же].

Возможность заменить НВ сочетанием прошедшего и будущего по существу означает, что НВ не занимает какой-то самостоятельной области на временной оси, а представляет собой соединение смежных участков прошлого и будущего, длительность которых зависит от особенностей обозначаемой ситуации.

Можно заметить, что этот вывод вполне согласуется с пространственной точкой зрения, в соответствии с которой для НВ «необходимо лишь включение теоретического нуля (пункта 'сейчас' в строгом смысле слова) в период, обозначаемый данной формой» [11, 302]. Если ситуация имеет место в интервале, включающем момент речи, то следовательно она началась до

момента речи (т. е. в прошлом) и будет продолжаться после него (т. е. в будущем).

Кроме того, поскольку момент речи в этом случае фиксирует серединную фазу ситуации, а сама она рассматривается «изнутри», синхронно с ее протеканием, формы НВ не только соотносят ситуацию с моментом речи, но и сообщают ей вполне определенную аспектуальную характеристику. Действие или состояние, обозначаемое с помощью форм НВ, как правило, представлено в середине своего течения или многократного возобновления, а именно так обычно формулируется категориальное «интратерминальное» значение имперфекта [19, 19], который, между прочим, традиционно интерпретируется как «настоящее в прошедшем». В этой связи уместно привести толкование, которое дает имперфекту Г. Гийом: «имперфект предполагает прошедшее действие как бы разделенным на две части — уже совершившееся ранее (без точного указания на момент начала и конца) и совершавшееся в прошлом, тоже без указания на временные ограничения» (цит. по: [23, 98]).

Аспектуальной охарактеризованностью форм НВ можно объяснить их преимущественное использование в описании, а не повествовании и их связь с несовершенным видом. Вместе с тем нужно подчеркнуть, что «интратерминальность» может быть свойственна и глаголам совершенного вида в употреблении, близких к настоящему актуальному. К ним относят две группы случаев: а) обозначение повторяющейся последовательности событий, как в примере А. М. Пешковского: *Посмотрите, что делает заяц: то вскочит, то ляжет, то перевернется, то подымет уши, то прижмет их* [22, 110] и б) обозначение повторяющихся попыток совершить действие: *Никак не найду книгу; Никак не решу пример*. Общим для них является обозначение ситуации в середине своего многократного возобновления.

Таким образом, речь может идти не только о парадигматических формах НВ, которые в русском языке есть только у глаголов несовершенного вида, но и о том, что можно было бы назвать «глубинным НВ», — по аналогии с использовавшимися Ю. С. Масловым понятиями «глубинного аориста» и «глубинного имперфекта», «поверхностные» реализации которых могут быть различными в зависимости от конкретной системы видо-временных форм соответствующего языка [19, 191].

Предлагаемое понимание специфики НВ позволяет, основываясь именно на свойствах НВ, дать естественное объяснение относительной необычности «моментального» настоящего: репортажного НВ (*Он отбирает мяч и забивает гол*) и перформативного НВ

(*Обещаю помогать тебе во всем*). Причину этого можно видеть в том, что характер реализации обозначаемых событий противоречит «интратерминальности» НВ, хотя именно такие употребления НВ наилучшим образом согласуются с идеей одновременности с моментом речи. Таким образом, значение НВ в этих употреблениях не совсем обычное (ср. другую точку зрения: [21]).

Впрочем, по-видимому, есть основания говорить о некотором аналоге «интратерминальности» и по отношению к моментальному НВ. Об этом свидетельствует предлагаемая Ю. Д. Апресяном [2] семантическая экспликация моментальных глаголов (составляющих при их употреблении в несовершенном виде основу репортажного НВ) и перформативов. По его мнению, их видо-временное значение является «процессуально-точечным»: скачкообразному (моментальному) достижению результата предшествует процессуальная «подготовительная фаза». Для перформативов это произнесение перформативного высказывания, а для моментальных глаголов — осуществление действий, делающих возможным возникновение результирующего положения вещей, хотя и не сопровождающихся постепенным накоплением результата: поиски для моментального глагола «находить», перемещение для «приходить» и т. п. Соответственно, высказывание *Смотри, Брумель прыгает* возможно и в ситуации, когда прыгун еще только готовится к прыжку, но говорящий уверен в направлении дальнейшего развития событий. Подготовительная фаза растянута во времени, что и делает возможным «псевдопроцессуальное» употребление форм НВ, соотношенных с ее серединой частью.

Представляется, что понятие подготовительной фазы действия может быть распространено и на другие разновидности употреблений глаголов в форме НВ, в частности, оно вполне приложимо к НВ «намеченного действия» в высказываниях типа *Завтра я уезжаю*, а также и на другие семантические классы глаголов. В качестве иллюстрации можно указать на приводимые Т. В. Булыгиной примеры высказываний, в которых интерпретация видо-временного значения зависит от формы числа субъекта [6, 353]:

- (4) *Мои ученики поступают в институт без протекции;*
- (5) *Мой ученик поступает в институт без протекции.*

В примере (4) форма НВ выделяет серединную часть многократно возобновляемой ситуации (поступали до сих пор и будут поступать без протекции), а в примере (5) она относится к фазе, предшествующей поступлению, начиная с момента изъявления желания поступить в институт.

Формы НВ могут относиться не только к подготовительной фазе действия, но и к его результирующей фазе. Таковы употребления форм НВ типа *Тебе приказывают срочно вернуться; Нас приглашают погостить в деревне* (см. о них: [7, 16]). Эти высказывания употребляются в двусторонне ограниченном временном интервале: после того, как имел место речевой акт приказа или приглашения, но до того, как его адресат выполнил приказ или воспользовался приглашением. Если человек уже пришел в гости, он не может сказать: *Меня приглашают в гости* [13, 21].

Таким образом, говоря о срединной части действия, нужно различать четыре ситуации: а) действие или состояние в середине своего течения или б) многократного возобновления, в) в его подготовительной фазе или г) в его результирующей фазе. Последние три из них предполагают определенный семантический сдвиг в видо-временных значениях форм НВ.

Прагматические аспекты функционирования форм НВ связываются обычно с их актуализирующим воздействием: ситуация, обозначаемая формами НВ так или иначе находится в поле зрения говорящего (см., например: [27]). Представление об НВ как о формах, обозначающих срединную фазу ситуации, охватывающую прошлое и будущее без четких временных ограничений, отражает другие семантические обертоны НВ: отсутствие временных границ, незавершенность и обобщенность.

В этом отношении примечательна характеристика НВ, принадлежащая М. М. Бахтину: «Настоящее — нечто преходящее, это текучесть, какое-то вечное продолжение без начала и конца. <...> Настоящее в его, так сказать, 'целом' (хотя оно именно и не есть целое) принципиально и существенно не завершено: оно всем своим существом требует продолжения. <...> Поэтому когда настоящее становится центром человеческой ориентации во времени и в мире, — время и мир утрачивают свою завершенность как в целом, так и в каждой их части» [3, 463, 472].

Что же касается обобщающих высказываний с формами НВ, то среди них можно выделить две основные группы, различающиеся оценкой сообщаемого.

Одну из них составляют формы НВ, используемые для подчеркивания общезначимости идей, мнений, точек зрения вне зависимости от времени их появления — НВ «экспозиционное» [9]. По словам М. Мамардашвили, в этом случае «мы получаем не хронологическую последовательность, а некую вертикаль или веер, створки которого располагаются не линейно, а сосуществуют. Это как бы не ускользающая, а скользящая точка одновременности.

Какое-то вертикальное или веерное сечение, позволяющее нам сосуществовать с Платоном, Декартом, Буддой и т. д.» [17, 62].

К другой группе относятся НВ «эмоциональной актуализации» и НВ «интерпретационное», представляющие факт прошлого как неслучайный, типичный, что обычно сопровождается его отрицательной оценкой (см. о них: [4; 9]). Интересный пример такого рода употребления приводит в «Дневнике писателя» Ф. М. Достоевский, описывая ход уголовного процесса против офицера, избившего свою малолетнюю падчерицу за то, что она залезла в сундук, где лежали деньги, адвокат Спасович, стремясь преувеличить вину девочки, прибегает, в частности, к деонкретизирующим способам обозначения ее поступка. Он использует, во-первых, глаголы несовершенного вида в общефактическом значении: *Она воровала, она крада*, навязывающие представление о неединичности соответствующих действий, и, во-вторых, формы НВ: *Отец узнал, что она ворует*, выражающие, помимо этого, еще и его уверенность в том, что она будет так поступать и в дальнейшем [10, 68–70].

В заключение, возвращаясь к эпиграфу, можно сказать, что момент речи как грань между прошлым и будущим действительно можно считать точкой (аргументы в пользу этого см.: [20]). Формы же НВ, обозначая серединную часть ситуации, предполагают ту или иную ее протяженность во времени, фактическую либо навязываемую самим ее обозначением с помощью НВ.

ЛИТЕРАТУРА

1. Античные теории языка и стиля. М.; Л., 1936.
2. Ю. Д. Апресян. Глаголы моментального действия и перформативы в русском языке // Русистика сегодня. М., 1988.
3. М. М. Бахтин. Вопросы литературы и эстетики. М., 1975.
4. А. В. Бондарко. Вид и время русского глагола. М., 1971.
5. А. В. Бондарко. Принципы функциональной грамматики и вопросы аспектологии. Л., 1983.
6. Т. В. Булыгина. Грамматические и семантические категории и их связи // Аспекты семантических исследований. М., 1980.
7. Т. В. Булыгина. К построению типологии предикатов в русском языке // Семантические типы предикатов. М., 1982.
8. В. В. Виноградов. Русский язык. М.; Л., 1947.

9. М. Я. Г л о в и н с к а я. Семантика, прагматика и стилистика видо-временных форм // Грамматические исследования. Функционально-стилистический аспект. М., 1989.
10. Ф. М. Д о с т о в е с к и й. Полное собрание сочинение. М., 1976, т. 22.
11. О. Е с п е р с е н. Философия грамматики. М., 1958.
12. А. В. И с а ч е н к о. Грамматический строй русского языка в сопоставлении со словацким. Братислава, 1960, т. 2.
13. Ю. П. К н я з е в. Речевые действия: их следствия и особенности обозначения // Логический анализ языка: Язык речевых действий. М., 1994.
14. Н. А. К о з и н ц е в а. Временная локализованность действия и ее связи с аспектуальными, модальными и таксисными значениями. Л., 1991.
15. Э. К о ш м и д е р. Очерк науки о видах польского глагола: Опыт синтеза // Вопросы глагольного вида. М., 1962.
16. Г. И. К у с т о в а, Е. В. П а д у ч е в а. Перформативные глаголы в перформативных употреблениях // Логический анализ языка: Язык речевых действий. М., 1994.
17. М. М а м а р д а ш в и л и. Как я понимаю философию. М., 1992.
18. В. М. М а р т ы н о в. Категории языка. М., 1982.
19. Ю. С. М а с л о в. Очерки по аспектологии. Л., 1984.
20. Е. В. П а д у ч е в а. К сочетаемости обстоятельства времени с видом и временем глагола: точка отсчета // НТИ. Сер. 2, 1992, № 3.
21. Е. В. П а д у ч е в а. Вид и время перформативного глагола // Логический анализ языка: Язык речевых действий. М., 1994.
22. А. М. П е ш к о в с к и й. Русский синтаксис в научном освещении. М., 1956.
23. Е. А. Р е ф е р о в с к а я. Аспектуальные значения французского глагола // Теория грамматического значения и аспектологические исследования. Л., 1984.
24. А. И. С м и р н и ц к и й. Морфология английского языка. М., 1959.
25. Теория функциональной грамматики: Темпоральность. Модальность. Л., 1990.
26. И. Г. Ф р а н к - К а м е н е ц к и й. Первобытное мышление в свете яфетической теории и философии // Язык и литература, 1929, т. 3.
27. Человеческий фактор в языке: Коммуникация. Модальность. Дейксис. М., 1992.
28. Р. О. Я к о б с о н. О структуре русского глагола // Р. О. Я к о б с о н. Избранные работы. М., 1985.
29. В. C o m r i e. Tense. Cambridge; London, 1985.

Г. Е. Крейдлин

ВРЕМЯ СКВОЗЬ ПРИЗМУ ВРЕМЕННЫХ ПРЕДЛОГОВ

1. Время и наивная картина мира

События внешнего мира, наши субъективные чувства, мыслительная деятельность — все протекает во времени. Время, как отмечал еще о. Сергей Булгаков, не есть пустая форма, в которой размещаются разные предметы без связи и порядка, и не есть только форма восприятия. Время обретает смысл в человеке: «Человек является подлинной мерой времени, он — единственный преобразователь и творец того времени, которое дано ему Богом». Жизненный опыт, психическая деятельность, все наиболее сильные впечатления и эмоциональные переживания человека связаны с переживаниями времени. Складываясь в упорядоченные структуры и образы, они формируют и организуют сознание, создают то, что мы называем наивной картиной мира. Время в наивной картине мира представлено прежде всего как психологическое и субъективное, как оставляющее вместе с погруженными в него событиями след в человеческой или культурной памяти. Для нас гораздо важнее ощущение времени и собственное внутреннее отношение к нему, чем осознание времени как физической ньютоновской длительности, для нас более существенны наполненность времени событиями и качество времени, чем его естественный ход. Для человека время не течет равномерно и отмеренно — оно замедляет свой бег или вообще останавливается, когда ждешь, оно всегда убыстряется, когда куда-то спешишь. Приходится принимать время таким, каким оно дано каждому из нас, — с его нехватками, длиннотами, с его относительностью и ненадежностью.

Язык фиксирует бытовой, исторический, мифологический и даже генеалогический счет времени (ср. *при Наполеоне, до Рождества Христова, во времена моей бабушки*), он умеет различать священное время и мирское, см.: [5]. Люди вмещиваются даже в объективное физическое время, например, переводят часы, вводя категории зимнего и летнего времени; переводом стрелок пытаются регулировать ритм жизни. Но человеческое время, как писал Вел. Хлебников, «исчисляется не часами, а ударами сердца».

Представление о времени приобретает свое специфическое преломление не только в естественном языке в целом, но и на отдель-

ных его участках — категориях, единицах и отношениях. Об этом свидетельствуют многочисленные исследования в области языковой реконструкции способов восприятия и организации времени. Об этом говорят и сами языковые факты, прежде всего комплексы выражаемых значений, фиксирующие концептуализацию времени в данном языке.

2. Русские временные предлоги и их семантическая организация

Едва ли мы можем серьезно рассчитывать на то, что хорошо поймем, как устроено русское языковое время, и построим цельный и непротиворечивый языковой образ времени — путем реконструкции зафиксированных в национально-языковых формах и категориях временных стереотипов, а также отношения ко времени человека, — если тщательно не проанализируем такой языковой материал, как русские временные предлоги и предложно-падежные формы.

Эти единицы, безусловно, составляют ядро русской темпоральной лексики и издавна привлекают к себе внимание лингвистов. Однако, несмотря на многолетние наблюдения над поведением этих слов и сделанные в этой области важные лингвистические открытия, отдельные семантические признаки, свойства и противопоставления в системе временных предлогов остались, как нам кажется, еще не отмеченными или не до конца уясненными. Фиксация таких противопоставлений открывает дорогу к правильному толкованию соответствующих слов и к установлению целого ряда особенностей их синтаксической сочетаемости.

Квазисинонимичные временные предлоги русского языка, которые рассматриваются в настоящей работе, анализируются в максимально сходных синтаксических контекстах. Это позволяет установить релевантность целого ряда смысловых дихотомий и в явном виде представить условия нейтрализации в тексте семантических различий между словами.

Для временных предлогов существует давняя и устоявшаяся традиция семантического описания и последующей семантической группировки на основе пространственных, то есть чисто геометрических, понятий и отношений между ними (см. об этом подробнее: [5]). Одни предлоги выражают идею предшествования («не-что, имеющее место на отрезке (на прямой, на интервале и т. д.), предшествует некоторой точке, которую принято называть точкой отсчета на том же или другом отрезке, на данной прямой и пр.»).

Другие предлоги связаны идеей следования одного какого-то события, состояния; календарного, суточного и др. времени) за некоторым другим, локализация которого на шкале времени совпадает с точкой отсчета. Третьи сопряжены с идеей включенности одного времени в другое; эта идея представлена на временной шкале как то, что один отрезок (интервал и др.) является частью другого. Четвертые заставляют воспринимать время как движение, а временное пространство не как промежуток времени, а как измерение протяженности во времени некоторых событий или отношений. Они говорят не просто о возможной временной локализации, а о протекании события во времени или изменении во времени его параметров. Эти предлоги ставят в фокус внимания не только или, может быть, не столько сам факт покрытия временного промежутка действием, деятельностью, процессом или каким-то иным более частным видом события, сколько постепенное заполнение его развивающимся действием, деятельностью, процессом и т. п. Иными словами, они акцентируют «растягивание» события по времени. Пятые демонстрируют не привычное нам «научное» горизонтальное течение времени, а его возможное «наивно-языковое» движение в вертикальной плоскости. Именно так отражена в русском языке, например, сложная идея возраста, для выражения которой широко используются глаголы (*под*)расти, вытянуться и под., существительные *потолок*, *зенит*, *вершина* и др., наречия *свыше* и *сверх*, сочетания типа *с высоты <своих лет>*, а также предлоги *с*, *под*, *за* и *около*. Возраст «любит» круглые даты: мы говорим *Ей еще под 40*; *Ему уже за 70*. Возраст, разумеется, самым тесным образом связан с физиологическим и анатомическим строением живого организма, с идеями вертикальности и роста, ср. хотя бы омонимичное предложение *Когда ваш ребенок подрастет, тогда и приводите его к нам в секцию*. Вертикальная модель времени может даже оказаться в естественном языке доминирующей; так, по наблюдениям Т. А. Михайловой подобная модель характерна для ирландского языкового сознания [4]. При языковом выражении человеческого возраста, подчеркивая движение времени жизни, мы нередко передаем идею горизонтальных возрастных рубежей — рубежей, имеющих пороги, к которым мы, к сожалению, то и дело подходим, а затем их переходим, переступаем или перешагиваем, а также многие другие идеи и концепты, на которых здесь нет возможности подробно останавливаться. Наконец, в русском языке есть предложно-падежные формы, которые могут служить средством выражения природного, социального или культурного «кругового», то есть обратимого, времени

(см. анализ некоторых из таких форм в работе [6]). Они подчеркивают возможность смены времени и как бы возврата его в геометрически ту же точку, но уже качественно новую, а потому часто интерпретируемую языком как другую. Для циклического времени пространственная интерпретация в виде геометрического образа круга, таким образом, мало что проясняет в его семантике.

Имеются подклассы русских временных предлогов и совсем иного семантического типа. Соответствующие лексемы обозначают не соотношение событий и не характер движения событий во времени, а различные устройства или способы внутренней организации временных шкал: представлена шкала как луч, отрезок или интервал, как простой интервал или как интервал с выделенной на нем точкой, как простой интервал или как объединение интервала и точки на шкале, где выделены какие-то значимые для человека точки-события. Есть предложные лексемы, указывающие, является ли обозначаемое время соположенным или параллельным какому-то другому времени, представленному в том же высказывании, то есть пересекаются ли соответствующие промежутки на шкале или нет; ср.: *Во время выступления президента я был в консерватории* и **При выступлении президента я был в консерватории*. Имеются в русском языке и предлоги, говорящие о том, участвует ли в событии, вводимом в предложение, субъект основного действия или состояния; ср.: *Во время обеда жена находилась на кухне* и **За обедом жена находилась на кухне*.

Существует также весьма своеобразное распределение временных предлогов по денотативным областям. Так, далеко не все предлоги или их отдельные значения способны сочетаться со свойствами и характеристиками людей, вводить события, проецирующие чувства и оценки человека на время. Например, количественно-временное *на*, выступающее в предложениях типа *Хлеба у нас — на год*, *Молока у нас было только на пять дней* или *Работы здесь — на месяц*, не допускает именно субъективно-качественной оценки временного промежутка. Можно сказать *Картошки у меня — на целый год хватит*, но нельзя (в том же значении предлога!) **на чудесный, на жуткий год*. Русский язык лишь посредством ограниченного числа предлогов умеет выделять неординарные календарные события — праздники, выходные, особые даты. Он по-разному реагирует, с одной стороны, на заурядные, мало чем примечательные и, возможно, постоянно или периодически повторяющиеся «человеческие будни» (Д. Самойлов), а с другой стороны, на события, экстраординарные в жизни человека (см. об этом ниже).

Очень немногие временные предлоги, как мы уже говорили выше, способны участвовать в передаче различных идей, имеющих отношение к возрасту человека или другого живого организма.

3. Временные предлоги предшествования

Остановимся теперь непосредственно на одной группе русских временных предлогов — предлогах предшествования, а точнее, на некоторых связанных с ними смысловых противопоставлениях. Речь пойдет о лексических единицах, которые соотносятся с идеей предшествования и с геометрическим представлением времени в виде полуинтервала, ограниченного конечной точкой. Здесь оказываются важными сразу две вещи, на вторую из которых до сих пор мало или недостаточно обращалось внимания — даже в таком проницательном и детальном семантическом анализе наречий и предлогов из синонимического ряда «Раньше», который был сравнительно недавно выполнен И. Б. Левонтиной [3] и к которому мы еще не раз будем возвращаться. Первое — это то, как концептуализуется в сознании носителя языка сам временной промежуток, а второе, на чем мы хотим остановиться более подробно, — это то, как представлена в сознании говорящего точка отсчета, или, иначе, временной ориентир.

Сначала несколько общих замечаний. События, разворачивающиеся на горизонтальной временной оси, для предлогов, входящих в ряд «Раньше», рассматриваются все как предшествующие — либо какому-то другому событию, либо некоторому фиксированному моменту времени, образом которого служит данная точка. Предлоги предшествования отображают события, которые в своем движении ориентированы в будущее, представленное точкой отсчета, а, возможно, и некоторыми другими выделенными точками или участками временной шкалы. Сами же события безотносительно к выделенному ориентиру могут быть охарактеризованы либо как непрерывно заполняющие временной промежуток — полуинтервал, либо как имеющие место в соотносимый с ориентиром момент времени.

Выражение смысла временного предшествования свойственно прежде всего предлогам *к*, *до*, *перед*, *под*, а также предлогу *по*, который, по всей видимости, чисто случайно не попал в состав синонимического ряда, о котором шла речь выше. Нам хотелось бы обратить внимание на некоторые индивидуальные особенности этих слов, связанные, главным образом, с семантической интерпретацией точки отсчета и дополнить ранее представленные на-

блюдения, а в заключение указать ряд смысловых признаков и сочетаемостных особенностей временного предлога *по*.

4. Предлог *к*

Начнем с предлога *к*. Прежде всего, на наш взгляд, существуют по меньшей мере два, а не один, как отмечено во всех известных нам словарях и семантических описаниях, временных предлога *к*. Не настаивая на таком лексикографическом порядке подачи значений, скажем, что первое значение — К 1 — акцентирует внимание именно на точке отсчета, представляя ее как время-срок, то есть как время, обусловленное естественным окончанием деятельности человека и достигнутым результатом, или как заранее «назначенное время». Время-срок в максимальной степени связано с человеком и его деятельностью. Это делает естественным и понятным часто возникающий у предлога целевой оттенок значения, который сопутствует временному. Отсюда вытекает и отмеченный И. Б. Левонтиной, но оставшийся необъясненным типичный для К 1 круг употреблений, связанный с совершаемой целенаправленной деятельностью, причем, добавим мы, не просто целенаправленной деятельностью, а именно той, итог которой важен для говорящего как в момент времени, локализованный в точке отсчета, так и какое-то время после него. Ср.:

- (1) *Мы вернулись в город к пяти часам, чтобы успеть на первый автобус* (М. Лентулова);
- (2) *Гости пришли только к обеду* (В. Токарева);
- (3) *Здесь сиги приобретают в кредит с обязательством уплатить к рождеству* (В. Янин);
- (4) *Он прибежал к самому отходу поезда.*

Сроком может быть часовое, суточное или календарное время, к которому завершается определенное событие, но срок может также совпадать и со временем начала некоего нового события, см. предложения (4) и (5) *Она сделает это к экзамену*. Срок — это точка на шкале-полуинтервале, которая указывает на время, совпадающее геометрически с концом этого полуинтервала; это точка, интерпретируемая как время наступления событий, связанных с волей и желаниями человека, событий, к которым человек движется. Поэтому-то предлог К 1 и употребляется часто в модальных контекстах, что констатируется в целом ряде работ (см., например: [1; 3]), то есть встречается там, где речь идет о выражении намерений, долженствовании, возможности завершить некое действие в момент отсчета (с имплицатурой «не позже»).

Этим же можно объяснить и неправильность, например, таких предложений, как (6) **Я могу вернуться в любое время к пяти часам*. Человек, говорящий, что вернется к пяти, выделяет на временном полуинтервале момент времени «пять часов» именно как момент возвращения, как особую конечную точку промежутка, что, в свою очередь, несовместимо с обещанием «прибыть в любое время», то есть с возможностью находиться в момент возвращения в другой произвольно взятой точке того же промежутка. Получается, что человек в один и тот же момент возвращения обещает как бы быть сразу в двух местах пространства — двух точках на шкале времени.

Совсем иначе концептуально представлено время другим значением предлога *к* — К 2. Лексема К 2 указывает на время, обусловленное природными изменениями в течение жизни человека, изменениями, не зависящими от его желаний, возможностей, целей или устремлений. Такое время предстает либо как связанное с процессами, происходящими внутри человека — возрастными, физиологическими и др., либо как время, соотносимое с меняющимися внешними событиями — метеорологическими, астрономическими, историческими и др. В подобные события человек обычно вовлечен не по своей воле, и время их наступлений ему в нормальном случае не подвластно: он не может, например, это время устанавливать по собственному желанию, оно им не контролируется. Поэтому лексема К 2 не связана непосредственно с актуальной деятельностью человека и свободно употребляется в контекстах, где вообще нет речи о какой-либо деятельности:

- (7) *К утру ветер стих;*
- (8) *Часам к двум потеплело, и мы решили двинуться дальше*
(И. Ганзелка, М. Зигмунд);
- (9) *К рассвету разразилась гроза* (Л. Леонов);
- (10) *К концу лета на посадки напали тушканчики* (К. Паустовский);
- (11) *К началу июня кампус уже жил протестами против наборов в армию и сидячей забастовкой перед офисом известного производителя напалма, который набирал рабсилу* (С. Кинг);
- (12) *К школе (= к тому времени, как пришла пора идти в школу) Витя подошел, умея не только читать и считать...*
(М. Петров);
- (13) *Мартышка к старости слаба глазами стала* (И. Крылов).

Время события Р, вводимого предлогом *к*, в таких предложениях всегда представлено как приблизительное; см. об этом также: [3]. Действительно, ситуация, о которой идет речь, окончательно изме-

нилась незадолго до момента, каковым является точка отсчета — время события Р, и в тот момент уже была определенно другой. Время события Р здесь является, таким образом, ориентиром совсем иного типа: ему плохо отвечает геометрический образ времени в виде точки, принадлежащей непосредственно временной шкале, то есть точки на шкале, — ведь смена ситуации уже завершилась до начала Р, то есть закончилась в некоторый, пусть и небольшой по длительности, момент до указанного времени Р.

Проведенными смысловыми различиями легко объяснить и очевидно разные роли предлогов К 1 и К 2 в актуальном членении предложения: если К 1 в норме (без дополнительных акцентно-смысловых выделений) синтаксически присоединяется к реме предложения, а в более сложных случаях — к реме составляющей второго уровня членения, то К 2 вводит тему предложения или составляющую темы, ср. примеры (1)–(4) и (6)–(12).

Общим для лексем К 1 и К 2 является то, что они предполагают движение или развитие событий во времени и накопление результата.

5. Предлог *до*

Предлог *до* тоже выражает идею предшествования: *до* Р означает «в промежуток времени, предшествующий Р». Но в отличие от предлога *к*, для *до* безразлично, как представлено событие, предшествующее Р, — как меняющееся или статичное. Ср. (14) *Мы поднимались наверх до наступления темноты* и (15) *Он просидел у нас до часу ночи*. Не существенно и то, в какой языковой форме выражено в тексте само Р, — как обозначение календарного или суточного времени или, метонимически, — как имя нарицательное (ср. *до школы*) или собственное (*до Феллини*), как название температурных или погодных явлений (*до холодов, до засухи*) или как имя ситуации (*до прихода родителей*). Предлог *до* заставляет интерпретировать точку отсчета иначе, чем *к*, а именно либо как «начало» Р (если Р — имя процесса, а не, например, моментального события, ср.: *до игры, работы, выступления, войны*), либо как некий фиксированный «предел», не позже которого совершается событие, предшествующее Р. Эта семантическая особенность предлога как раз и объясняет появление конструкций типа *за час до отлета*, где группа *за час* реализует вторую валентность временного *до*, синтаксически подчиняющего событийное имя; ср. невозможность аналогичных конструкций с предлогом *к*, не имеющим второй валентности: **за*

час к обеду, *за семь минут к атаке. Пространственный образ времени Т в конструкции *за Т до Р* — это отрезок с того момента, когда имела место или завершилась ситуация, о которой идет речь в предложении, до момента наступления Р. Отсюда вполне нормальные фразы типа (16) *Я могу вернуться в любое время до пяти часов* — говорящий просто сообщает о своем возможном возвращении или о своей готовности вернуться в любой момент времени, меньший, чем пять часов. Если предложение (17) *Он собирался прийти к пяти, а пришел в четыре* правильное, то предложение (18) **Он собирался прийти до пяти, а пришел в четыре* anomalous, и неправильность эта очевидным образом вытекает из того, что союз *а*, имеющий здесь значение противопоставления, должен выражать идею несоответствия намерения реально осуществленному действию, несоответствия, которого на самом деле в предложении нет. В примере (17) противоречие намерения действию налицо, и союз употреблен корректно.

6. Предлог *перед*

Обратимся теперь к предлогу *перед*. Он, так же, как и предлог *к*, имеет два временных значения. В контекстах типа (19) *Осень бывает перед зимой* или (20) *Июль идет перед августом* предлог выражает простую идею упорядоченности сезонов, часов, светлых и темных часов суток и под., не зависящей от человека, и смена которых происходит без какого-либо его участия или вмешательства. В таких употреблениях, впрочем, речь идет не о времени и не о событиях, совершаемых в какое-то время, а скорее о положении двух соседних точек друг относительно друга в фиксированной последовательности, и потому мы по сути здесь имеем дело с невременным или, если угодно, с «ненастоящим» временным значением предлога *перед*.

Гораздо более интересным является второе, подлинно временное, значение предлога. Как отмечается в работе [3] (а речь идет именно об этом значении), слово *перед* обычно «связывается с представлением о точке отсчета как о достаточно компактном событии или моменте». Думается, однако, что такая интерпретация возникает далеко не во всех случаях употребления предлога. Верно тут, на наш взгляд, нечто другое, а именно, время здесь представляется как время прихода важного события или как некоторым образом выделенная часть суток или дата в жизни субъекта или говорящего, непосредственно следующие за каким-то другим событием или моментом, обозначенным в тексте, и при этом имею-

щие начало и конец. Поэтому, хотя, по мнению И. Б. Левонтиной, «плохо (?) (? — знак наш. — Г. К.) *перед утром (вечером, неделей и т. п.)», это во всяком случае никак не может быть по причине их «компактности». Вполне возможны сочетания: *перед утром казни, перед выпускным вечером, перед вечером встречи, перед выходным днем, экзаменами, отпуском, круизом, многодневным путешествием, перед летними каникулами, перед сном, перед трудовой неделей, перед бурей, перед увольнением* (едва ли, например, *буря, многодневное путешествие* или *увольнение* ощущаются как компактные события) и даже (21) *Перед утром над мокрыми перелесками выползла рыжая луна* (К. Паустовский); (22) *Перед вечером «Смелый» шел уже по Белому озеру* (К. Паустовский) — последние два примера взяты нами из [1].

Именно значимостью времени *Р* для человека можно объяснить тот факт, что сочетания *перед Днем победы, перед Рождеством, перед Первым сентября, перед праздниками, отпуском* или *каникулами* звучат гораздо естественнее, чем взятые вне контекста *?перед третьим сентября, ?перед двадцать седьмым июля* или *??перед буднями*. Именно по этой причине именная группа *Р* в предложно-падежной форме *перед 2 Р* тяготеет к определенности и к конкретно-референтному статусу. Слово *перед* к тому же крайне плохо сочетается с абсолютно «компактными» точечными обозначениями никак не выделенного часового времени; ср. **перед часом ночи, *перед двадцатью тремя минутами одиннадцатого, *перед четвертью шестого*.

7. Предлог *под*

Перейдем теперь к предлогу *под*. Помимо смысла непосредственного предшествования, этот предлог передает также идею того, что некоторая ситуация разворачивается на временном промежутке, длительность которого соизмерима со временем, сопряженным с точкой отсчета. Однако и здесь время-ориентир *Р* в сочетании *под Р* может предстать в одном из двух видов — как выделенное календарное или суточное время, либо как значимый момент в жизни человека. Ср. (23) *Под утро, когда устанут // Влюбленность, и грусть, и зависть...* (А. Галич); (24) *Дело было под вечер*; (25) *Заболела я как раз под Новый год*; (26) *Созвонимся под выходные*. Ср. также нормальную языковую форму *под праздники* и аномальную **под будни*.

Сочетаемость слова *под* с именами существительными весьма прихотлива. В текстах встречается выражение *под осень*, можно

сказать (впрочем, некоторые считают, что чуть-чуть напряженно) *под зиму*, но заведомо нехорошо **под весну* и **под лето*. Допустимы предложно-падежные формы *под выходные*, *под воскресенье*, но уже хуже *?под субботу* — см., впрочем, (27) *В ночь под субботу бабы собрались на посиделки* (М. Шолохов) и совсем неудачные сочетания **под четверг* или **под среду* (разумеется, все это из-за выделенности воскресения и, возможно, субботы на фоне остальных дней недели, то есть ограничение здесь семантически мотивированно). При абсолютно нормальных выражениях *под утро*, *под вечер*, несколько хуже звучит *?под ночь* и совсем плохо **под день* (во всех значениях этого слова). Не вызывают возражений сочетания *под конец квартала* или *года*, но явно неприемлемы **под начало* или **под середину квартала*. Плохо соединяется предлог и с названиями событий, метонимически обозначающими время: ср. **под его отъезд*, **под обед*, **под экзамены*.

Многие образования со словом *под*, как, впрочем, и с целым рядом других слов (ср.: *с вечера*, *до утра* и т. п.), имеют явно выраженный наречный характер. По всей видимости, они находятся сейчас на пути перехода в разряд наречий или даже уже перешли в этот разряд: ср. такие сочетания, как, например, *с вечера* (в одном из значений), например, (28) *Мы еще с вечера (вечером) договорились идти сегодня на футбол* (намечаемая деятельность предполагается на следующий день; точка отсчета — «сегодня») или *под утро*. Ср. также правильные *под утро*, *под вечер* и аномальные **под зимнее утро*, **под этот вечер* — здесь допустимо лишь подчеркнутое указание близости моментов времени: — *под самое утро*, *под самый вечер*, *под самую Пасху*.

Следует подчеркнуть, что предлог *под*, так же, как и *к*, обычно имплицитно идею движению, изменения во времени. Так, во фразе (29) *Под вечер (к вечеру) он был желт, как померанец* состояние лица-субъекта представлено как результат некоторого процесса, то есть глагольная форма в этом примере — чистый результатив.

8. Предлог *по*

Предлог *по* в значении, близком к рассмотренному ранее значению предлога *до*, как правило, выступает вместе с предлогом *с*, то есть встречается в конструкции вида *с Т по Р*. Он указывает на временной предел, точнее, на время, когда заканчивается событие, начавшееся в момент Т., ср.: *с января по май*, *с первого по седьмое июля*, *с 1989 года по настоящее время*. Плохо, однако, **с утра по вечер*, **с восьми часов утра по шесть часов вечера*

(или: *с семи по восемнадцать), *с двух по пять лет, *с детского сада по школу. Сочетаемость предлога *по*, как мы видим, тоже весьма ограниченная.

В тех случаях, когда начальная точка в предложении не указана, она обычно всегда домысливается. В предложении *Меня не будет по пятое июня* подразумевается, что не будет «с момента отъезда».

Предлог *по* во временном значении, в отличие от предлогов *с* или *до*, может вводить ориентир вместе с последующим небольшим временным интервалом. Предложение *Меня не будет в Москве с августа по ноябрь* означает, что говорящий, скорее всего, будет отсутствовать в городе с первого августа, но не ясно, до первого или до конца ноября. Можно уточнить, сказав *Меня не будет с первого до пятого включительно*, но хуже? *Меня не будет с первого по пятое включительно*, **Она не приезжала с января до марта включительно* или **Зарплату будут выдавать с первого включительно до четвертого*. Указывая на временной интервал, предлог *по* оставляет возможность отдельного указания конечной точки этого интервала с помощью слова *включительно*. Интересно, что для этого *включительно* отсутствует «парное» *исключительно*.

У предлога *по* есть и некоторые другие осложненные временные значения (см. о них также в работе [2], но в несколько иной интерпретации). Речь идет о контекстах типа *Цыпляют по осени считают* или *По нынешним временам это совсем недорого* ('когда наступает/наступило время Р'); *По прилете в Париж он нам позвонил* ('сразу после времени Р'); *По понедельникам она не работает* или *По ночам у них всегда горит свет* ('регулярно во время Р') — в последних двух примерах предложно-падежная форма близка к наречной; *Он по месяцам сидит на своем полигоне* ('нечто имеет место во время Р; это время, по мнению говорящего, большое'). Во всех приведенных выше примерах время-ориентир не только представлено по-разному, но и иначе, чем в предложениях, рассмотренных раньше.

Предлог *по* может вводить в предложение и другие временные лексемы, ср.: *Он занимается языком по два часа в день*. Однако наличие в предложении именной группы, состоящей из предлога *по* и существительного, обозначающего время, отнюдь не означает еще, что предлог сам имеет временное значение (вспомним отмеченную выше аналогичную ситуацию с предлогом *перед* 1). На наш взгляд, в приведенном примере значение предлога *по* в точности такое же, как во фразах: *Она дала нам только по кило-*

грамму яблок на руки или Мы оперируем не менее, чем по десяти больных в сутки. Время может распределяться по событиям или по их фазам точно так же, как распределяются по людям яблоки или по хирургам несчастные больные.

ЛИТЕРАТУРА

1. М. В. Всеволодова. Способы выражения временных отношений в современном русском языке. М., 1975.
2. Л. Л. Иомдин. Словарная статья предлога ПО // Семиотика и информатика. М., 1991, вып. 32.
3. И. Б. Левонтина. Синонимический ряд «Раньше». М., 1995 (рукопись).
4. Т. А. Михайлова. Нечто о пространственной модели времени (на материале ирландского языка) // Семиотика и информатика. М., 1994, вып. 34.
5. М. Элиаде. Священное и мирское. М., 1994.
6. Е. О. Яковлева. Фрагменты русской языковой картины мира (модели пространства, времени и восприятия). М., 1994.

М. А. Кронгауз

ГЛАГОЛЬНАЯ ПРИСТАВКА, ИЛИ КООРДИНАТА ВРЕМЕНИ

Время и вид

Идея времени заключена во многих грамматических и неграмматических морфемах. Так, в русском языке она присутствует в таких грамматических глагольных категориях, как время и вид. Обе эти категории вводят глагольное действие (в широком смысле этого слова, т. е. действие, процесс, состояние и т. д.) в своего рода систему временных координат или по крайней мере задают определенную точку отсчета. Но если значения категории времени ориентируют действие относительно некоторой внешней точки отсчета, прежде всего относительно момента речи, независимого от действия и в общем случае не связанного с ним, то значения категории вида являются как бы «внутренней» системой координат.

Ю. С. Маслов утверждал, что «в отличие от категории глагольного времени, вид связан не с дейктической темпоральной (временной) локализацией времени, а с его внутренней „темпоральной структурой“» [5, 83], — и это семантическое противопоставление языковых категорий удивительным образом совпадает с двойственностью логического взгляда на время вообще, сформулированного, в частности, Г. фон Вригтом. Он выделил «две точки зрения, с которых логик изучает время» [1, 518]: первая сосредоточивает интерес на порядке темпоральных событий, вторая — на природе временной субстанции.

Если использовать метафору «внутренней системы координат», то следует понимать, что в большей степени это касается совершенного вида, структурирующего временную субстанцию действия и выделяющего либо некий внутренний и ключевой для протекания действия момент, либо различного рода ограничения протекания действия.

Для русского языка (и других славянских языков) существенно, что семантической процедуре структурирования времени соответствуют формальные словообразовательные процедуры, среди которых основной, хотя бы в чисто количественном отношении, является перфективация. С. Карцевский писал: «Игра видовых форм представляет собой лишь частный случай более широкой и более сложной игры форм, какой является глагольное словообразование

в целом» ([8], цитируется по: [2, 220]). Перфективация занимает особое место еще и потому, что даже и во вторичных имперфективах (если они возможны) присутствует изначальная идея приставки, т. е. временная субстанция действия структурирована. Несоввершенный вид во вторичных имперфективах не перечеркивает темпоральную структуру действия, а лишь привносит некую дополнительную идею (например, осмысление действия как «кванта» дополняется идеей «многократности» этого кванта и т. д.). Именно поэтому вторичные имперфективы не совпадают по значению с соответствующими бесприставочными глаголами. Для одной из эталонных «видовых» троек *жечь — сжечь — сжигать* это показала Жюли Гроэн (J. Groen), устное сообщение.

Таким образом, глагольная приставка в русском языке всегда привносит идею темпоральной структуры. Когда семантические различия между приставочным и бесприставочным глаголом по существу сводятся только к этому, говорят о том, что приставка выражает определенный способ действия.

Способы действия в русском языке

Понятие способа действия было введено С. Агреллем в 1908 году [7]. Точнее говоря, в этой работе было введено противопоставление между видом (*Aspekt*) и способом действия (*Aktionsart*). В отличие от грамматической категории вида способом действия С. Агрелль назвал «семантические функции приставочных глаголов, которые уточняют, как совершается действие, обозначают способ его осуществления» (цитируется по: [2, 36]). Позднее сфера определения этого термина расширилась: носителями способов действия стали признаваться не только приставки, но и некоторые суффиксы (например, суффикс *ну-* со значением однократности) или даже более сложные словообразовательные приемы.

В соответствии с «Русской грамматикой» в русском языке выделяются три группы способов действия: временные, количественно-временные и специально-результативные [6, 596–598]. Первую группу, т. е. чисто временные способы действия, составляют начинательный, ограничительный, длительно-ограничительный и финитивный.

Можно сказать, что речь идет об особой концептуализации глагольного действия. В действии выделяются два момента времени, являющиеся его границами: начало и конец данного действия. Фактически они выполняют функции своеобразных «внутренних»

точек отсчета. Начинательный способ действия означает выделение момента начала действия и рассмотрение относительно него либо всего действия, либо той фазы действия, которая примыкает к началу (следует после него): *Петруша нервно забежал по комнате* или *Кучер пискнул фальцетом — и лошади побежали*. Финитивный способ действия означает выделение момента конца действия и рассмотрение примыкающего к нему действия или его фазы (предшествующей концу): *Отзвенели песни нашего полка*. Оба ограничительных способа действия означают выделение двух ограничивающих действие моментов времени (начала и конца) и рассмотрение действия в заданной ими рамке. Различия между двумя ограничительными способами действия, как принято считать, возникают за счет дополнительного семантического компонента длительности действия, например, *Я простоял там целый час* и *Я простоял там всего один час* (пример Ю. С. Маслова, см.: [4]).

Как и в случае с категорией времени, возникает соблазнительно простая и красивая триада значений. С семантической точки зрения, отличие триады способов действия от триады грамматических времен состоит только в том, что используются две (а не одна) точки отсчета и эти точки отсчета «внутренние» (а не «внешние»), т. е. это моменты самого действия. Таким образом, происходит не локализация действия относительно каких-то других событий, а структурирование данного действия. С теоретической точки зрения, вся эта конструкция чрезвычайно привлекательна своей простотой и ясностью, тем более что носителями этих значений являются конкретные морфемы — глагольные приставки. В соответствии с «Русской грамматикой» начинательность выражается префиксами *за-*, *по-*, *вз-*, *воз-*, а также префиксами *раз-* и *вз-* в сочетании с постфиксом *-ся*; финитивность — префиксом *от-* (с постфиксом *-ся* или без него); а ограничительность — либо префиксом *по-* (ограничительный способ действия), либо префиксами *про-* и реже *пере-* (длительно-ограничительный способ действия) [6].

К сожалению, некоторые языковые факты заставляют усомниться в том, что это изящное описание глагольной и приставочной семантики отражает реальное положение дел.

Способы действия и значения приставок

Тот факт, что реальная семантическая ситуация сложнее, достаточно очевиден и по существу общепринят. Так, например, в «Русской грамматике» различаются две разновидности начина-

тельного способа действия: «приступ к действию, начальный фазис действия (*заходить*)» и «начало и продолжение действия в едином целом, которое не членится на фазисы (достижение результата в процессе возникновения действия): *пойти, вскричать*» [6, 596–597]. Более того, вообще каждая приставка, представляющая начинательный способ действия, имеет свои особенности и содержит специфические семантические нюансы. Что касается ограничительности, то здесь расхождение даже сильнее, поскольку говорится о двух разных способах действия: ограничительном и ограничительно-длительном [6].

В действительности, ситуация, по-видимому, еще более сложна, а представленные в «Русской грамматике» и других работах описания временных способов действия оказываются чрезмерным упрощением реального положения дел. Имеет смысл сосредоточиться на наименее описанном финитивном способе действия и отчасти на ограничительном. Начинательный способ действия в настоящей работе не рассматривается [6].

Одно из самых странных лингвистических заблуждений связано с приставкой *от-* и финитивным (или окончательным) способом действия. В таких примерах, как:

Отцвели уж давно хризантемы в саду;

Отговорила роща золотая;

Отмучался бедный старик;

Отревновав, отмучившись, отплавав, они уgomонятся и простят;

Ваш дядюшка отпрыгал ли свой век?

— нет собственно идеи прекращения действия. Речь идет о переходе субъекта в определенное состояние, в котором он уже не способен совершать данное действие. Эта невозможность может быть окончательной, как, например, в случае с *отмучиться* в значении 'умереть', или временной, существенной для данной фазы развития (например, *отцвести*). Окончателъность может подчеркиваться словом свое: *Этот мотор свое отработал* или *Я свое отлюбил*. В этих примерах речь идет о выработанности, истощенности изначально отведенных механизму или человеческой душе ресурсов. Таким образом, актуальное отсутствие действия является следствием невозможности его осуществления.

В ряде примеров другого типа:

Ну все, на сегодня отучились;

Отстрелялись и по домам!

— также сообщается не о простом прекращении действия, а о достижении или выполнении некоторой заданной нормы и отсутствии

необходимости продолжать действие. Вообще, идея заданной свыше и изначально нормы или обязанности характерна для приставки *от-* и во многих других употреблениях (ср., например: *После института я отработал три года на производстве* или *Я отработал этот долг*). Так что и здесь идея конца не представлена в чистом виде, скорее, она просто следствие «завершенности действия» — значения, выражаемого большинством глаголов совершенного вида, — а само завершение связано с более конкретными идеями, характерными для приставки *от-*.

Более того, приставка *от-*, как правило, не способна выражать идею прекращения или завершения актуального действия. Так, нельзя сказать **Он нервно заходил по комнате, а потом вдруг отходил* или **Когда вы откурите, возвращайтесь на рабочие места*. Иначе говоря, приставочные *от-*глаголы практически не бывают синонимичны сочетанию соответствующего простого глагола с глаголом *кончить*. Таким образом, нет никаких оснований говорить об особом финитивном способе действия, симметричном начинательному.

Что же касается ограничительного способа действия, то здесь различие между соответствующими значениями приставок *по-* и *про-* глубже, чем просто различие по длительности (см. об этом: [3]). Несколько упрощая описание, можно сказать, что для *про-*глаголов в фокусе внимания находится временной отрезок, который заполняется соответствующим действием (отсюда обязательность четкого задания данного отрезка и невозможность просьбы или приказа относительно самого действия: **Он проспал сколько-то* и **Проспи часа три*), а для *по-*глаголов — само действие, как правило, ограниченное другими действиями и оцениваемое как второстепенное, не важное: *Поспал, поел и опять поспал*. Различие между этими значениями *по-* и *про-* связано с более глубокими свойствами этих приставок, которые принципиально по-разному представляют и концептуализируют действие. Попытка их объединения приводит к появлению абстрактного лингвистического конструкта — понятия «ограниченности», — не обладающего ни объяснительной силой, ни какой-либо другой практической ценностью.

Заключение

Итак, традиционные способы глагольного действия — это обобщения значений конкретных приставок, причем обобщения достаточно высокого уровня, при котором часто теряются суще-

ственные семантические черты приставок. При более внимательном взгляде на русскую глагольную префиксацию становятся очевидными сложность и асимметричность соответствующей семантической картины. Простые априорные по отношению к русскому языку идеи в чистом виде (т. е. в качестве отдельных значений какой-либо приставки), по-видимому, практически не встречаются. Они всегда отягощены другими семантическими компонентами или встроены в сложную семантическую систему — концептуализацию действия, представляемую приставкой. Простота системы временных способов действия («магическая триада») оказывается не более, чем приятной иллюзией.

Тем не менее хочется надеяться, что в настоящей работе получен не только отрицательный результат. Возвращаясь к началу статьи, можно с большой уверенностью сказать, что значения глагольных приставок участвуют в формировании внутренней темпоральной структуры действия или, говоря словами логиков, в концептуализации временной субстанции действия, являясь тем самым для действия особого рода координатами времени.

ЛИТЕРАТУРА

1. Г. Х. Вригт. Время, изменение и противоречие // Г. Х. Вригт. Логико-философские исследования. Избранные труды. М., 1986, с. 513–538.
2. Вопросы глагольного вида. М., 1962.
3. М. А. Кронгауз. Приставки и глаголы: грамматика сочетаемости // Семиотика и информатика, 1995, вып. 34, с. 32–57.
4. Ю. С. Маслов. Вопросы глагольного вида в современном зарубежном языкознании // Вопросы глагольного вида. М., 1962, с. 7–32.
5. Ю. С. Маслов. Вид // Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990, с. 83–84.
6. Русская грамматика. М., 1980, т. 1.
7. S. Agrell. Aspektänderung und Aktionsartbildung beim polnischen Zeitworte. Ein Beitrag zum Studium der Indogermanischen Proverbia und ihrer Bedeutungsfunktionen. Lund, 1908. (Перевод фрагмента см.: [2, 35–36].)
8. S. Karcevski. Système du verbe russe. Essai de linguistique synchronique. Prague, 1927. (Перевод фрагмента см.: [2, 218–230].)

В. А. Плунгян

ВРЕМЯ И ВРЕМЕНА: К ВОПРОСУ О КАТЕГОРИИ ЧИСЛА

1. Вводные замечания

Знаменитое изречение Цицерона *O tempora, o mores!* (из его первой речи против Катилины) обычно переводится на русский язык так:

О времена, о нравы!

В контексте сказанного Цицероном этот перевод не совсем точен. Следовало бы перевести чуть менее буквально, а именно:

О время, о нравы!

Действительно, Цицерон имеет в виду современную ему эпоху, то время, в котором ему приходится жить и действовать, а такое понимание требует в русском языке скорее единственного, чем множественного числа лексемы *время* (ср. некоторую предпочтительность *О, наше время!* по сравнению с *?О, наши времена!*).

В чем здесь дело? Какой лингвистический эффект скрывается за этой грамматической неэквивалентностью двух языков (достаточно хорошо ощущаемой носителями, несмотря на возмущающий фактор длительной литературной традиции)? По-видимому, ответ следует искать на пересечении двух тем: грамматической семантики русского числа и лексической семантики слова *время*.

Вообще, параллелизм форм *время* и *времена* в целом ряде контекстов (при их очевидной невзаимозаменяемости в других) — достаточно любопытное явление лексикализации грамматического противопоставления по числу, семантического «разведения» сингулярных и плюральных форм. Для развития русской грамматической системы это очень характерная тенденция, действующая с удивительной последовательностью по крайней мере последние 200 лет. Многочисленные примеры такого рода можно найти в подробном описательном исследовании Д. И. Арбатского [1]; отметим также относящиеся к более близкому периоду времени наблюдения Л. Б. Лебедевой над парой *слово* — *слова*, демонстрирующей в целом тот же феномен [3].

Возможность взаимозамены сингулярных и плюральных форм без видимого изменения смысла — достаточно хороший критерий, диагностирующий нестандартную семантику множественного числа. Вместе с тем, нельзя согласиться с утверждением, высказывае-

мым, в частности, в «Грамматике русского языка» (1960) о полной синонимии этих форм у лексики *время* ([2, 112]; в качестве примера приводится пара *веселое время — веселые времена*).

На несимметричность форм *время* и *времена* недавно специально обратила внимание Е. С. Яковлева [5]. В ее книге подробно рассматриваются семантические свойства каждой из форм, причем особенно пристально анализируются отношения между элементами семантического ряда *время — пора — времена* и отмечается существенная семантическая и концептуальная близость между вторым и третьим элементом как выразителями прежде всего идеи «статического» и/или «циклического» времени, принадлежащего человеческой истории, но лишенного при этом субъективного компонента [5, 142–161]. Ниже мы постараемся в какой-то степени дополнить эти наблюдения и предложить такое объяснение полученных фактов, которое могло бы связать индивидуальные свойства данной лексики с некоторыми общими свойствами грамматической категории числа в русском языке; таким образом, наше исследование оказывается, в отличие от предыдущих, ориентированным не столько на анализ темпоральной лексики, сколько на чисто грамматическую проблематику.

2. Структура лексики *время*

Тем не менее, мы хотели бы начать именно с лексикографических замечаний. Лексеме *время* в толковых словарях обычно приписывается несколько различных значений (ср. в МАС: 'длительность', 'мера длительности', 'последовательная смена часов, дней, лет и т. п.', 'отрезок', 'определенный момент' и мн. др.). Такое описание оставляет ощущение известной неудовлетворенности, главным образом, по двум причинам. Во-первых, произвольное употребление лексики *время* в тексте бывает трудно соотнести с тем или иным значением: почему, например, *время* в контексте *время идет* относится в МАС к значению 1 (под общей шапкой 'длительность'), а в весьма сходном (если не сказать — аналогичном) контексте *время подошло к десяти* — уже к значению 3 (под общей шапкой 'определенный момент')? Ведь то, что «подошло к десяти» само никак не может быть «моментом», а является, по всей вероятности, той же «длительностью» (что бы под этим ни понимать). С этой первой трудностью тесно связана и вторая: конкретные толкования бывает весьма непросто соотнести с теми примерами, которые при них в самом же словаре даются; между лексикографическим определением слова и совокупностью его упот-

реблений не ощущается интуитивной связи, одно никак не предсказывает другое. В самом деле, если *время* (в одном из своих значений) — это «отрезок в последовательной смене...», то почему в качестве примера на это значение дается сочетание *терять время*? Неужели то, что мы в таких случаях теряем, является «отрезком», да еще к тому же «в последовательной смене»? Как кажется, с той же степенью логичности можно было бы считать, что мы теряем «длительность» или «момент». Точно так же, если *время* (уже в другом значении) — это просто «последовательная смена», то почему в качестве таковой оно (судя по примерам) обладает способностью *не ждать, тянуться* или, наоборот, *лететь*? Ведь между идеей «сменности» и идеей «движения» нет такой уж очевидной связи, а способность «последовательной смены» к ожиданию — вообще особый лексикографический феномен, который, будучи помещен в данный контекст, остается никак не объясненным.

Подобные замечания можно было бы привести во множестве, и та легкость, с которой это можно сделать, настораживает: если даже в таком тщательно составленном словаре, как МАС, лексема *время* явно не желает вписываться в принятые рамки лексикографических трактовок, то, скорее всего, есть что-то в ее природе, что этому очень активно сопротивляется. Действительно, про лексему *время* трудно сказать, что она «делится на значения»; более того, попытка описать хотя бы одно из этих «значений» с помощью принятой схемы толкований, содержащей отсылку к *genus proximum* и перечень *differentia specifica*, наталкивается на почти непреодолимые трудности. Как бы ни изопряслся лексикограф, отыскивая *genus proximum* для понятия 'время', он все равно будет поставлен в тупик необходимостью объяснить, почему определенное таким образом *время идет* и почему мы его *теряем* (и при этом, так сказать, одновременно: как-то неуклюже утверждать, что *время «проходит»* в одном своем значении, а «*теряем*» мы его — уже в другом).

Словари не виноваты — виновато время. Аналоги такому лексикографическому поведению среди других слов подобрать трудно¹.

¹ Разумеется, особенностью лексемы *время* является не то, что для описания ее семантической структуры плодотворно (как будет показано ниже) использование метафор разного рода. Время отличается от обширного класса метафорически интерпретируемых понятий (описанных в работах Н. Д. Арутюновой, В. А. Успенского, а позднее — у Дж. Лейкоффа и его последователей) прежде всего тем, что метафоры — вообще единственный способ описать его значение, поскольку в наивной картине мира для понятия «время» (в отличие от таких понятий, как «любовь», «радость» или «авторитет») не существует никакого естественного таксономического класса.

Все, что мы можем предложить в такой ситуации, — это отказаться от общепринятой схемы лексикографических дефиниций и, тем самым, от попытки найти для времени место в таксономической классификации. Взамен можно было бы описывать время как слово-хамелеон: его сущность определяется не тем, к какому классу оно может относиться, а тем, что оно может в каждом из своих употреблений напоминать носителю (русского) языка. Оказывается, что (по материалам достаточно представительной текстовой выборки) из всего многообразия контекстов употребления слова *время* можно выделить пять наиболее употребительных «метафорических блоков» (мы не решаемся называть их «значениями»); некоторые из этих блоков семантически близки, связь между другими не представляется столь же очевидной. Схематически их можно представить следующим образом:

1. Время-путник: «то, что движется» (*время идет; время проходит; время подходило к шести...*).
2. Время-агрессор: «то, что разрушает» (*почерневший от времени забор; время не пощадило эти статуи...*).
3. Время-субстанция: «то, количество чего можно измерить» (*осталось мало времени...*).
4. Время-контейнер: «то, что заключает в себе некоторое событие — длительное (отрезок) или мгновенное (точка)» (*во время работы; в это время...*).
5. Время-имущество: «то, чем обладают» (*терять время; тратить время; у меня сейчас нет времени...*).

Вообще говоря, можно было бы пытаться установить более тонкие внутренние связи между этими блоками. Так, например, идею субстанции можно было бы связать с идеей движения: бывает движущаяся субстанция — например, вода, и, между прочим, представление о времени как о текущей воде не чуждо русскому языковому сознанию, ср.: *с течением времени, много воды утекло* [= 'прошло много времени']; существует даже составной предлог *в течение*, вводящий как раз названия отрезков времени. При этом (движущуюся) субстанцию легко представить себе как количество, которое может быть измерено. С другой стороны, такой субстанции нетрудно приписать и свойство агрессивности, какое нередко бывает у стихии, и т. п. Однако мы предпочли бы не следовать по этому пути слишком далеко: как кажется, язык отнюдь не стремится создавать здесь стройную и непротиворечивую схему. Действительно, когда мы рассуждаем, например, о почерневшем от времени заборе, мы вряд ли представляем себе, что этот забор был

разрушен чем-то наподобие разбушевавшегося водного потока — вряд ли мы вообще представляем себе в этом случае нечто материальное. В таких употреблениях актуализируется именно идея «разрушителя», а все прочие представления остаются в лучшем случае в тени — потому-то мы и предпочитаем говорить о нескольких самостоятельных блоках употреблений.

Кроме того, следует иметь в виду, что за пределами перечисленных блоков остаются еще многие изолированные употребления лексемы *время* (например, *тянуть время*, *убивать время* или даже семантически гораздо менее яркие, но не менее загадочные *проводить время* или *через некоторое время* — действительно, почему, собственно, *через*? на какую метафору это опирается?). Мы полагаем, однако, что правомерность выделения именно данных пяти блоков в том и состоит, что каждый из них объединяет конгломерат близких употреблений, составляющих, вообще говоря, открытый класс: так, на основе метафоры движения могут возникать такие (не входящие ни в один словарь) сочетания, как *время плетется*, *тащится*, *мчится* и т. д., и т. п.; однако сочетание *убивать время* остается изолированным, оно не порождает «блока»: мы не можем сказать ни **умерщвлять время*, ни **приканчивать время*, ни чего-либо еще в том же роде. Тем самым, метафоры «время как жертва» в русском языке в некотором смысле не существует, она мертва; есть только одно идиоматическое выражение, эксплуатирующее эту идею.

Мы включили в статью это отступление лексикографического характера прежде всего для того, чтобы показать семантическую неоднородность лексемы *время*, которая проявляется в самых разных аспектах. В частности, то, что будет сказано ниже о противопоставлении форм *время* и *времена*, относится, как можно видеть, лишь к одному из выделенных нами блоков, а именно, к четвертому (идея времени как вместилища событий — один из самых распространенных типов употреблений). Именно в этих контекстах, где *время* понимается как 'время некоторого события', 'отрезок, являющийся вместилищем события или цепи событий', формы как единственного, так и множественного числа оказываются равно возможны (заметим, что в других блоках употребление формы множественного числа вообще недопустимо: нельзя сказать ни **осталось мало времен*, ни **времена идут*, ни **почерневший от времен*, ни, тем более, **терять времена*); при этом, подчеркнем еще раз, «равно возможны» отнюдь не означает «полностью синонимичны». О семантической разнице между той и другой формой и пойдет речь в следующем разделе.

3. О семантике формы *времена*

Возможность синонимической замены форм *время* и *времена* можно показать на следующих примерах (первой приводится та форма, которая реально употреблена в тексте²):

- (1) — В числе прочего я говорил, — рассказывал арестант, что всякая власть является насилием над людьми и что наступит *время* [~ наступит *времена*], когда не будет власти ни кесарей, ни какой-либо иной власти [ММ].
- (2) — Оно верно, *время*-то теперь ужасное [~ *времена*-то теперь ужасные]. Кого ещепустишь, неизвестно, а тут офицеры, в случае чего — защита-то и есть... [БГ].
- (3) У подъезда магазина стояла закопченная и развинченная мотоциклетка с лодочкой, и дверь на пружине поминутно хлопала, и каждый раз, как она открывалась, над ней звенел великолепный звоночек — бррынь-бррынь, напоминающий счастливые и недавние *времена* [~ счастливое и недавнее *время*] мадам Анжу [БГ].

С другой стороны, в таких примерах, как (4)–(6), замена форм друг на друга невозможна:

- (4) Полез по куче битого кирпича, а затем, как муха, по отвесной стене, вставляя ноги в такие норки, что в мирное *время* [*в мирные *времена*] не поместилась бы и копейка [БГ].
- (5) Я, надо сказать, маленький сотрудник газеты «Пароходство». Жил я в то *время* [*в те *времена*] в плохой, но отдельной комнате в седьмом этаже в районе Красных ворот у Хомутовского тупика [ТР].
- (6) Эх, эх... Болботун не может быть великий князь. Восемьсот тысяч войска не может быть, и миллиона тоже... Впрочем, туман. <...> Огонь на полу танцует. Ведь вот же были мирные *времена* [*было мирное *время*] и прекрасные страны. Например, Париж и Людовик с образками на шляпе <...> [БГ].

² Здесь и ниже, если специально не указано иное, используются примеры из прозы М. А. Булгакова. В скобках даются сокращенные названия произведений: БГ — «Белая гвардия», ММ — «Мастер и Маргарита», ТР — «Театральный роман».

Отметим попутно особую частотность лексемы *время* в романе «Белая гвардия», про который можно сказать, что время является его полноправным героем — столь значительное место оно занимает и в разговорах персонажей (особенно в их постоянных сетованиях на *тяжелое* или *ужасное* время), и в авторских ремарках.

(Обратим внимание на интересный контраст между примерами (4): *мирное время* и (6): *мирные времена*; в обоих случаях замена на противоположное число не допускается — объяснение этому обстоятельству будет дано ниже.)

В первом приближении можно сказать, что со всеми употребленными формы множественного числа связан некоторый общий семантический эффект, сводящийся к идее гетерогенности: денотат слова *времена* осмысляется как в том или ином отношении внутренне неоднородный, содержащий некоторые важные для говорящего различия. Существуют две основных контекстных реализации этой идеи гетерогенности: количественная (более редкая) и качественная (более распространенная).

При актуализации количественного компонента форма *времена* осмысляется наиболее стандартным для формы множественного числа образом: как обозначающая разные периоды времени. Характерным примером такого употребления является (6): сочетание *мирные времена* однозначно интерпретируется как 'различные периоды, называемые *мирное время*' (эта интерпретация поддерживается и непосредственно следующим множественным числом *прекрасные страны*³). Наиболее обычно количественное употребление в сопровождении какого-нибудь модификатора (типа *А-ые времена*); сочетание в целом обозначает совокупность всех отрезков времени («всех эпох»), обладающих свойством А. Именно таков контекст примера (6). Другие примеры того же рода:

(7) *О временах простых и грубых* (~ 'о всех таких эпохах')

Копыта конские твердят... (О. Э. Мандельштам).

(8) *Глагол времен* (~ 'всех/разных эпох'), *металла звон*

(Г. Р. Державин).

Разумеется, в таких контекстах замена формы *времена* на форму *время* невозможна без потери информации о количественной множественности, поэтому чаще всего такая замена просто

³ Аналогичный прием — закрепление количественной интерпретации формы *времена* за счет включения ее в один ряд с множественным числом простанственной лексемы — использован и в следующем предложении (из повести А. и Б. Стругацких «Пикник на обочине»), где, однако, данный параллелизм, в отличие от булгаковского текста, в большей степени производит впечатление сознательной стилистической игры авторов: «...Он силится вспомнить Кирилла, святого человека, его быстрые уверенные движения, его смех, его голос, обещающий небывалые и прекрасные места и времена...».

невозможна, а там, где она возможна, она ведет к существенному изменению смысла: так, если бы (7) начиналось со слов *О времени простом и грубом* (сама по себе эта конструкция вполне возможна), то интерпретация была бы 'об одной определенной эпохе с такими свойствами'.

Количественное понимание лежит в основе многих фразеологических выражений с участием формы *время*. Это, прежде всего, сочетание *на все времена* ('обладающий безусловной, «вневременной» ценностью», ср.: *он поэт на все времена*); кроме того, эта связь достаточно очевидна и для наречий *временами* и *по временам*, обозначающих итеративные ситуации⁴.

С другой стороны, та контекстная интерпретация формы *время*, которую мы называем качественной, возникает в ситуации, когда понимание 'несколько различных эпох' отчетливо исключено; ср. пример (3), а также (9)–(10):

(9) *Он был в странной форме: на голове светозарный шлем, а тело в кольчуге, и опирался он на меч, длинный, каких уже нет ни в одной армии со **времен** Крестовых походов [БГ].*

(10) *Господи... последние **времена** настали. Что ж это, режут людей?.. Да что ж это... [БГ].*

Собственно говоря, если заменить форму единственного числа на форму множественного в примерах (1) и (2), то мы получим также вполне приемлемые контексты того же рода, ср. (2а): *...времена-то теперь ужасные.*

В этом классе употреблений объяснить тонкую семантическую разницу между единственным и множественным числом оказывается труднее. С нашей точки зрения, она сводится к тому, что период человеческой истории, обозначаемый как *времена*, осмысливается как качественно неоднородный: это эпоха, в течение которой происходят слишком разные события, чтобы называть ее просто *временем*. То же самое можно сформулировать и иначе: взгляд на эпоху «изнутри» способствует употреблению множественного числа, взгляд «извне» (когда она вся целиком сравнивается с другими эпохами и говорящий не склонен обращать внимание

4 В русском языке значение итеративности (и/или континуальности) может передаваться следующими выражениями, в состав которых входит лексема *время* (в единственном или множественном числе): *временами*, *время от времени*, *всё время* и *по временам*. Полное семантическое описание этих единиц — очень интересная задача, которая, к сожалению, остается за рамками настоящих заметок. Некоторые интересные наблюдения на эту тему см.: [5, 299–304].

на ее внутреннее разнообразие) — употреблению единственного числа. Это, в частности, объясняет употребление единственного числа в контекстах типа (4): характеризуя некоторый период как «мирное время», говорящий противопоставляет его в целом другим периодам («не-мирным»); подчеркивание качественного разнообразия было бы здесь неуместно. Отметим в этой связи интересную корреляцию между близостью к моменту речи («эпохе говорящего») и единственным числом: в русском языке равно возможно *в те времена* (если речь идет о детальной характеристике некоторой отдаленной эпохи) и *в то время* (если говорящий просто противопоставляет один отдаленный временной период другому, ср. пример (5)), но показатели ближнего дейксиса сочетаются только с единственным числом: *в это время*, но не **в эти времена*; данной корреляцией объясняется и отмеченная в самом начале статьи предпочтительность сочетаний типа *в наше время* по сравнению с **в наши времена*: время говорящего оказывается слишком актуализовано и цельно, чтобы члениться на какие-то качественно неоднородные этапы.

Из сформулированного принципа (связь множественного числа и качественной неоднородности) есть одно очень важное прагматическое следствие, которое хорошо объясняет существенную часть всех плюральных употреблений. Разнообразие событий часто осмысливается как прежде всего оценочное разнообразие: 'разные' — значит, 'всякие', 'всякие' — значит, 'как хорошие, так и плохие', а это последнее естественным образом трансформируется в понимание 'в целом скорее плохие'. В употреблениях формы *времена* могут быть отражены разные стадии такого семантического скольжения (например, в (9) никакой отрицательной оценки не содержится), но все же употребление формы *времена* наиболее типично именно для обозначения «сложной», «превратной», «негладкой», «проблемной» эпохи. Проведенный нами опрос большого числа информантов подтверждает, что носители современного русского языка склонны употреблять прилагательные *плохой* и *хороший* в сочетании с единственным и множественным числом лексемы *время* в соответствии с этой же тенденцией, то есть преобладающим является противопоставление (11):

(11) *хорошее время* — *плохие времена*.

Разумеется, сочетания *хорошие времена* и *плохое время* вполне возможны, но в наиболее нейтральном контексте предпочтается принцип (11). Отрицательная оценка непосредственно взаимодействует здесь с качественной неоднородностью.

4. Значение гетерогенности и семантика множественного числа

Итак, мы рассмотрели разные контексты употребления формы *времена*. Было показано, что множественное число возможно только в одном из блоков употреблений лексики *время* — том, в котором она связана с идеей отрезка, вмещающего некоторую последовательность событий, т. е. предполагающем понимание времени как, условно говоря, «эпохи». Далее, внутри этого класса употреблений выбор формы множественного числа связан с дополнительным семантическим эффектом, который мы предложили называть гетерогенностью: речь идет либо о простом количественном разнообразии описываемых эпох (контексты типа *во все времена, когда...*), либо о более тонком случае качественного разнообразия одной описываемой эпохи; в этом последнем случае чаще всего, в силу прагматических факторов, речь идет о «негладком», «проблемном» или попросту «плохом» времени.

Теперь мы можем попытаться ответить на заключительный вопрос: что в поведении лексики *время* является проявлением ее индивидуальных особенностей, а что соответствует общим тенденциям числового поведения, наблюдаемым у русских субстантивных лексем?

Как мы уже отмечали, лексикализация множественного числа — продуктивная тенденция развития русской грамматической системы; однако можно сделать и более сильное утверждение. Есть основания считать, что выражение количественной множественности вообще не является доминирующим принципом употребления граммы множественного числа в русском языке (см. более подробное обоснование этого тезиса: [4]). Для русского множественного числа, в частности, характерны употребления, в которых плюральная форма соотносится с некоторым новым, качественно неоднородным единством, возникающим на основе обозначаемого сингулярной формой объекта (ср. формы типа: *клавиши, волосы, спички*, обозначающие особым образом организованные совокупности, для которых предлагается термин «набор», см.: [4]). Приведенная формулировка почти в точности соответствует принципу, регулирующему употребление формы множественного числа у лексики *время*. Однако тот тип «объекта», с которым соотносится форма *времена*, является все же для семантики русского множественного числа не вполне

стандартным. Действительно, *время* и *времена* соотносятся друг с другом не совсем так, как, например, *слово* и *слова* или (если оставаться в кругу слов темпоральной семантики) как *час* и *часы* (в последнем случае мы имеем в виду такие контексты, как *в часы одиночества; он мог говорить часами*, и т. п.). И *слова*, и *часы* — это (так же, как, допустим, *волосы* или *спички*) особые, сложно организованные объекты, но тем не менее, в конечном счете состоящие из того, что может быть названо соответствующей формой единственного числа: так, *слова* — это некоторый текст, т. е., в конечном счете, совокупность слов. Но *времена* в общем случае не являются чем-то, что можно определить как совокупность времен (= «эпох»): *времена* — это и есть *время*, только обладающее особыми характеристиками. Не слишком близка форма *времена* по своей семантике и к хрестоматийно известным образованиям типа *пески* и *снега*, поскольку в нашем случае идея количественной интенсивности в семантике плюральной формы не актуализована: ведь *времена* — это не «много времени, собранного в одном месте».

Есть ли вообще в русском языке другие примеры пар, в которых форма множественного числа (*Х-ы*) значит нечто вроде '*Х*, обладающий особыми свойствами'? Ближайшими кандидатами являются немногочисленные случаи типа *пары́* 'испарение жидкости, не являющейся водой' (т. е., в сущности, 'пар особого рода'); похожую семантику имеют формы *во́ды*, *основы* и некоторые другие. Трудным вопросом является то, входит ли в значение этих плюральных форм компонент гетерогенности, который составляет столь яркую особенность формы *времена*; такая трактовка представляется нам вполне возможной. {Как бы то ни было, слова типа *пары́* и *во́ды* остаются, в отношении числового поведения, наиболее близким аналогом слова *времена*, и это неожиданным образом напоминает о тех аналогиях между временем и веществом, которые так настойчиво возникали при рассмотрении структуры значений лексемы *время* в разделе 2.

ЛИТЕРАТУРА

1. Д. И. А р б а т с к и й. Значение форм множественного числа существительных в современном русском литературном языке. Дисс. ... канд. филол. наук. М., 1954.

2. Грамматика русского языка. М., 1960, т. 1.
3. Л. Б. Лебедева. Слово и слова // Логический анализ языка: Культурные концепты. М., 1991, с. 194–197.
4. В. А. Плунгян; Е. В. Рахилина. Семантические типы предметных имен: грамматика, лексика и когнитивная интерпретация // Диалог-95: Труды Международного семинара по компьютерной лингвистике и ее приложениям. Казань, 1995, с. 252–258.
5. Е. С. Яковлева. Фрагменты русской языковой картины мира (модели пространства, времени и восприятия). М., 1994.

О НОВОМ, ПЕРВОМ И ПОСЛЕДНЕМ

«Слова новизны» (*новое, новость, новинка, обновление, новова, новшество, новичок, новатор* и др.) а также образования с префиксами *ново-* и *нео-* (*нововведение, новобранец, неореализм* и т. п.) принадлежат вместе с рядом религиозных, социальных и аксиологических терминов к «действующим силам» языка. Они магически заряжены. Их «прикосновение» к денотату (будь то предмет, человек, идея или произведение искусства) тотчас вводит его в круг социального интереса. О новом говорят, новости сообщают, не слишком заботясь об их достоверности. Они составляют основной предмет массовой коммуникации. Новые спектакли спешат посмотреть, новые произведения искусства — прочесть, услышать, увидеть, новые анекдоты — рассказать первыми. Переставая быть новым, анекдот утрачивает силу. Старо — это приговор. Над старым смеются, но старое не смешит. «Знаете ли вы, господа, сколько значит, в обширной нашей столице, человек, имеющий у себя в запасе какую-нибудь новость, еще никому не известную?... По-моему, он почти великий человек; и уж бесспорно, иметь в запасе новость лучше, чем иметь капитал», — писал Достоевский в «Петербургской летописи» [6, т. 18, 18].

Встречаясь, знакомые спрашивают друг друга «Что нового?». И хотя англичане говорят «No news, good news», ответ «Ничего нового» или «Все то же» разочаровывает, а тот, у кого нет новостей, чувствует себя обездоленным. «А уж известно, — замечает Достоевский, — что после погоды, особенно когда она дурная, самый обидный вопрос в Петербурге — *что нового?* ... Действительно, полная безнадежность налегла на этот петербургский вопрос. Но всего оскорбительнее то, что часто спрашивает человек..., знающий заранее, что нет нового» [6, т. 18, 12–13].

Новое неизменно вызывает интерес. Журналы, теряющие читателей или возобновляющие издание, вводят в свое название знак новизны: «Литературное обозрение» превращается в «Новое литературное обозрение» («Литобоз» в «НЛО»), «Путь» — в «Новый путь». Многие журналы, общественные заведения, теории и пр.

изначально включают в свое название прилагательное *новый*: «Новый мир», «Новая жизнь», «Новый быт». Этим подчеркивается их обращенность к новым формам бытия и быта.

Новое манит и соблазняет, но его боятся. «Любопытно, чего люди больше всего боятся? Нового шага, нового собственного слова они больше всего боятся», — думает Раскольников. Его смущает *новизна шага*, а не нравственный запрет [6, т. 6, 6].

[Старое надежно. Оно проверено временем. В нем собраны опыт и мудрость прошлых поколений. Ему доверяют; новое же сомнительно и нередко вызывает подозрение. Старое устойчиво. Русское *старый* восходит к индоевр. *st(h)a* 'стоять' (ср. греч. *στάσις* 'кол', лат. *restaurare* 'восстанавливать'). Этому понятию могли сопутствовать такие коннотации, как *сильный, плотный, большой, упорный, гордый* и вместе с тем оно вызывало представления о *неподвижности, закоснелости, ослепенности*.

Когда циклическое представление о времени сменилось линейным, усилились ассоциации этого второго типа. Страх перед новым сменился требованием новизны. Оно стимулирует творческую активность. Человек не только ждет нового, он его создает, ибо «человек есть животное созидующее» [6, т. 4, 198]. Время приносит новое из будущего, человек привносит его в будущее.

Все изменения, происходящие в мире, подлежат оценке. Все новое оценивается. Оно задает особый — *новый* — параметр оценки, соперничающий с оценкой по истинности. Нужда в нем вызвана тем, что, наряду с новым, появилось псевдоновое. Производство нового стало своего рода «экономическим требованием современной культуры, которая вознаграждает только нарушение табу, разрыв с условностями, протест, критику и эстетическую инновацию. Создание нового является не выражением автономной человеческой свободы..., а подчинением требованиям современной культурной индустрии» [4, 115].

[Престиж нового неуклонно растет. Важность для человеческой жизни понятия нового подтверждается фактами языка. Новое требует маркировки; старое же (не в качественном значении) уже известно и обозначено. Оно помечается лишь в оппозитивном контексте, обычно в период борьбы с наступающим на его права новым, и его сопровождают отрицательные коннотации. В паре *новое — старое* первый компонент является маркированным членом оппозиции. Маркировка нового столь же необходима на фоне жизни, устремленной в будущее, как и на фоне стабильного существования. Возможно, даже в этом втором случае она делается более регулярно.] В словаре Ушакова зарегистрировано всего 31 слово с

элементом *ново-*, тогда как в словаре Даля, отражающем лексику устойчивой традиционной жизни, их 150. О *новом* в топонимике см. в [2]. В список Даля входят многие слова, обозначающие «циклически новое», т. е. первое в том или другом временном цикле, типа *новоплоды* — плоды этого года. Им неизменно сопутствуют позитивные коннотации. Напротив, *новое* новых веяний, связанное с линейным временем, нередко противостоит *доброму* (Все *новое*, да *новое*, а когда же будет *доброе*), *правому* (Все *по новому*, а когда же будет *по правому*), *хорошему* (Много *нового*, да мало *хорошего*), *прямому* (Все *новизна*, а когда же будет *прямизна?*; Много *новизны*, да мало *прямизны*). Новое линейного времени искривляет линию: *Что новизна, то и кривизна* [5, т. 2, 550–551]. Но сколь бы упорной ни была борьба традиционной жизни с новым, традиция всегда уступает: ее возобновление невозможно без обновления. С тех самых пор, когда образ идеального мира (рая, Эдема) переместился из прошлого человечества в его будущее (Царство Божие наступит в конце времен), именно *новое*, а не *старое*, *древнее*, *былое*, *прошлое*, *прошедшее*, *бывшее*, *давнее*, *стародавнее*, *минувшее* и *прежнее* постепенно стало выдвигаться в число активно действующих сил языка. О значении слов *старое*, *бывшее*, *прежнее* см. [8; 10; 3, 380–381]. Но мы не будем сейчас задерживаться на социологическом аспекте семантики новизны (мы к нему еще вернемся) и перейдем к выяснению самой ее специфики.

* * *

Семантика новизны представляет чрезвычайный интерес. Он определяется прежде всего тем, что «новое» характеризует бытие в его целостности. Новизна практически *универсальна*. Бытие определяется тремя основными параметрами: онтологическим, пространственным и временным. Первый касается природы бытующих предметов, второй — области их бытования, третий — темпоральных границ бытия. Все три параметра, хотя и в разной степени, релевантны для понятия новизны. Концепт новизны варьируется в зависимости от определяемого им объекта (ср. *новый дом* и *новая жизнь*), от пространства, в котором объект нов (ср. *Это наш новый сотрудник* и *Перед страной стоят новые трудности*), и от времени, определяющего границы новизны (*Мысль, новая вчера, сегодня не нова*).

Таким образом, семантика новизны рождается на стыке трех параметров бытия. Однако они не равноправны. Первичным и

ведущим является темпоральное значение. [Новое характеризует актуальное состояние мира. Оно определяет объекты по признаку времени их вхождения в бытие. Новым (в первом и основном значении этого слова) называют то, что вошло в существование в актуальном настоящем, недавнем прошлом или ожидается в перспективе будущего. Оно ориентировано на зону Теперь, тот момент, в котором находится следящий за состоянием мира наблюдатель.] Это подтверждается этимологическими данными индоевропейских языков: греч. *νέος*, лат. *novus* восходят к индоевр. праформе **ne* 'вот, здесь'. В этом смысле можно утверждать, что семантика новизны *экзистенциальна и прагматична*, то есть зависит от момента наблюдения, обычно совпадающего с моментом речи. Актуальное настоящее — это своего рода пропускной пункт бытия, поступающего из будущего и уходящего в прошлое. В нем одно «новое» сменяет другое «новое», которое перестает быть новым. Прагматическая зависимость нового отрывает признак новизны от предмета. Новизна составляет не только временную, но и временную характеристику объектов. Утрата новизны столь же неизбежна, сколь неизбежно течение времени. Она, однако, не предполагает с необходимостью исчезновения носителя новизны. Перестав быть новым, он может стать *вечным*. «Вечное» — основной контрагент нового и в то же время его преемник.

Наблюдатель сравнивает актуальное состояние мира с тем, которое ему предшествовало, и, замечая существующие между ними различия, констатирует факт новизны. Семантика новизны *компаративна и дифференциальна*. Этот последний признак непосредственно вытекает из темпорального значения новизны: время наблюдается лишь через те изменения, которые происходят в природе и жизни — физической, ментальной, социальной. Если в рамках циклической модели времени точное повторение события не мешало говорить о нем в терминах новизны (ср. *новая луна, новолуние*), то на фоне линейного времени следующее лишь тогда становится *новым*, когда оно отличается от предыдущего. Не говорят *Я купил новый батон хлеба, Я сделал новый шаг*. В таких случаях «история» заменяется арифметикой: *Я купил еще один батон*. Однако, если речь идет о шаге-поступке, не повторяющем в точности предыдущую попытку, высказывание *Я сделал новый шаг (к примирению)* вполне возможно. В предложении *Я бросил в автомат новую монету* прилагательное обычно понимается в качественном, а не количественном значении.

Итак, установление новизны есть итог наблюдений над модификациями, происходящими в разных сферах бытия. Новое

констатирует факт модификации, но его не описывает. Новое *не дескриптивно*. За ним не стоят конкретные признаки.]

Новое устанавливается методом сравнения, определяющим различия в состояниях мира — внешнего или внутреннего. Наличие дифференциальных черт предполагает существование общих признаков. Различия не могут существовать без сходства. Сходство в случае новизны не метафорично. Задача сравнения, устанавливающего факт новизны, состоит в выявлении различий в пределах одного — широкого или узкого — класса. Новизна, таким образом, — и это составляет важное свойство данного концепта — устанавливается относительно уже категоризованного мира. Новое не первично. Оно имеет прецедент в прошлом. Семантика новизны *относительна*. Новое наводит на мысль о старом или прежнем. Покажем это на простом примере: «...вот и переехал к нам в мезонин *новый жилец*. — Стало быть, был и *старый жилец*? — заметил я мимоходом. — Уж конечно, был, — отвечала Неточка, — ...Это был старичок» (Достоевский).

Новое смотрит в будущее с оглядкой на прошлое. Оно не только вносит в мир нечто ему ранее неизвестное, но и повторяет бывшее. Новое не бывает *абсолютно первым*. Оно скорее стремится занять позицию *последнего* в серии сменяющих друг друга состояний мира. *Новая* мода является в то же время *последней* модой, *новая книга* писателя может быть названа также его *последней* (на данный момент) книгой. Адам был *первым*, но не *новым* человеком, а Ева — *первой*, но не *новой* женщиной. Понятие *нового человека* появилось гораздо позднее, во времена раннего христианства. Оно возникало и в последующие периоды резких социальных и идеологических перемен. Достоевский, например, писал о «новом, еще неслыханном слое русской интеллигенции, уже понимающей народ и почву свою» [6, т. 25, 26]. Точно так же «новая женщина» была создана феминизмом, а не Творцом. Сколько бы ни говорили о совершенно новом, о принципиальной и кардинальной новизне, новое не утрачивает связи с уже существовавшим. Это становится очевидно тогда, когда речь идет об ограниченных сферах бытия. Тот, кто не писал книг раньше не может написать новой книги. Наречия *вновь* и *снова* указывают на повторность действия или события. Когда поэт говорит «Вновь я посетил сей уголок земли...», это значит, что он бывал в нем раньше.

Заметим попутно, что элемент *ново-* в составе многих сложных слов имеет чисто темпоральное значение и не относится к прецеденту; ср.: *новорожденный, новообращенный, новобрачный, новоиспеченный, новоявленный* и т. п. Элемент же *нео-* всегда относится к

прецеденту; ср.: *неореализм, неотомизм, неогегельянство, неокантианство, неоплатонизм* и др. Это согласуется с тем, что первый присоединяется к причастиям, второй — к названиям школ.

Тесная связь нового с таксономией объекта сказывается на синтаксической позиции прилагательного *новый*. Оно стремится занять место перед тем именем, которое указывает на категориальные признаки объекта. Естественней сказать «Это — наш новый ученик (сотрудник, преподаватель)», чем «Этот ученик (преподаватель, сотрудник) — новый».

Итак, новое предполагает наличие предыстории, соединяясь с которой, оно пишет новую главу, намечая линии развития. Оно выбирает предшественников и задает преемников. Новое завязывает связи. Вторгаясь в хаос событий, оно создает историю, будь то история мира, государства, отрасли знания или человеческой жизни. Семантика новизны *исторична*. Когда вновь открытый материк был назван *Новым светом*, стало возможно говорить о *Старом свете*. Старый свет — это прежде всего Европа, а не Африка или Австралия. Это та часть света, из которой пришли первопроезжцы и завоеватели. Новый свет выбрал себе предшественника. Так возникла преемственная связь между Европой и Америкой. Христианство, выросшее из иудаизма, в России пришло на смену язычеству, и именно ему был противопоставлен Новый завет. Новое представляет историю оптимистически, в развитии и движении вперед. В терминах новизны редко говорят о старении и упадке. Наступление старости не называют началом новой жизни. Эпоху застоя не называют новой эрой. Ею может стать сменивший депрессию период подъема. Таким образом, новое создает историю разных сущностей — предметных, событийных, эпистемических. Темпоральная организация квантов бытия необходимо дополняет их таксономию.

Подведем первые итоги. Концепт новизны обладает следующими признаками: универсальностью (в нем соединены темпоральный, онтологический и пространственный параметры мира), прагматической зависимостью, относительностью и компаративностью. Новизна дифференциальна, таксономически связана и исторична. Наконец, «новое» не дескриптивно. Этот последний признак подводит к специфике качественного значения «новизны».

Наличие в новом признаков, отличающих данное состояние мира или отдельного его объекта от ему предшествующего, порождает качественное значение новизны. Качественное значение, как отмечалось, не дескриптивно. За ним не стоят конкретные признаки. Однако, тогда, когда речь идет о новизне объектов —

природных или рукотворных, эти признаки могут быть без труда экстраполированы. Их подсказывает не только указание на начальную стадию природного цикла, но и таксономические характеристики объекта. Прилагательное *новый* прономинально.

Такие сочетания, как *новая луна*, *новые листочки*, *новая завязь*, вызывают представление о вполне определенных качествах. Качественное значение имен природных объектов. вводит прилагательное *новый* в синонимические отношения с такими прилагательными, как *молодой*, *свежий* (об овощах). Эти прилагательные также совмещают темпоральное значение с качественным. Дескриптивные признаки и в этом случае имеют своим источником свойства денотативных классов. В прилагательных этого типа темпоральное значение с трудом отделимо от характеризующего (качественного). Даже в таких сочетаниях, как *молодые* (о новобрачных) или *молодая пара* (в том же значении), сохраняется указание на возрастной признак, тогда как в слове *новобрачные* оно отодвигается в тень; *ново-* отсылает лишь ко времени заключения брачного союза.

Когда речь идет об артефактах, качественное значение *нового* легко отделяется от темпорального. Предмет, существующий давно, может сохранять свое прежнее качество: *Этот ковер был соткан сто лет назад, но он совсем новый*. Качественное значение компаративно. Когда о предмете, давно введенном в бытие, говорят, что он нов, его сравнивают с его первоначальным состоянием или состоянием аналогичных предметов и констатируют отсутствие качественных различий. В случае рассогласования темпорального и качественного значений высказывание исходит из пресуппозиции отсутствия темпоральной новизны и утверждает отсутствие качественных изменений. Это особенно хорошо видно в тех случаях, когда имплицитная компаративность высказывания становится явной: *Этот костюм совсем как новый*.

Интересно отметить, что интенсификатор *совсем*, регулярно сопровождающий качественное значение, сигнализирует об отсутствии темпоральной новизны: *совсем новыми* обычно бывают как раз *совсем не новые* (в темпоральном смысле) предметы. *Совсем* в таких случаях — наследие эмфатического компаратива (*совсем как новый*).

Когда речь идет о человеке (шире — живых организмах), то о сохранении прежнего облика при отсутствии «темпоральной новизны» говорят в терминах молодости: *Ты совсем как молодой; Я знал ее возраст и был поражен: передо мной стояла совсем молодая женщина*. Сочетание *совсем молодая женщина* в приведенном контексте сообщает об *отсутствии* изменений. Сочетание же

совсем новая женщина, напротив, обычно сообщает о наличии существенных изменений: *Увидев ее, он был поражен: перед ним стояла совершенно новая женщина*. Предполагаемые изменения столь велики, что позволяют говорить также и о *совсем другой женщине*. Приведенное предложение не содержит скрытого компаратива. В нем «новизна» маркирует смену объекта.

Свойство *молодости*, если оно рассогласовано с возрастом, может относиться к внешнему виду, поведению и психическим свойствам (духу). Первый случай обычно не эксплицируется, остальные требуют уточнения: *Она ведет себя, как молодая; Ему под 50, но он молод духом*. Когда же речь идет о свойстве *новизны*, обычно имеются в виду изменения, происшедшие во внутреннем человеке. О них можно говорить и в терминах «другого», и в терминах «нового». Например: «Пред ним (Тощким) сидела совершенно *другая женщина*, нисколько не похожая на ту, которую он знал доселе и оставил только в июле месяце в сельце Отрадном. Эта *новая женщина*, оказалось, во-первых, необыкновенно много знала и понимала...; во-вторых, это был совершенно не тот характер, как прежде... Нет. Тут хохотало перед ним и кололо его ядовитейшими сарказмами необыкновенное и неожиданное существо» (Достоевский). Далее речь идет о *новой женщине* и даже о *новой Настасье Филипповне*. Произошла как бы смена объекта. То же может относиться и к смене социального образа человека; ср. о Ставрогине после высказывания о нем губернаторши: *Объявлялось лицо новое, в котором все ошиблись, лицо почти с идеальной строгостью понятий...* Он презирает обиду, потому что оскорбител — бывший крепостной его человек... Тут главное состояло в том, что «*новый человек*», кроме того, что оказался «несомненным дворянином», был вдобавок и богатейшим землевладельцем губернии (Достоевский).

Прилагательное *другой* нарушает «связь времен». Его могут сопровождать как положительные, так и отрицательные коннотации. Прилагательное *новый* значит «не такой, как прежде». Оно не прерывает истории и обычно имеет положительные коннотации: «Мы любим и желаем новых женщин прежде всего в образе высокочеловечественном, а не в образе чего-то мечущегося и угорелого», — писал Достоевский, близко столкнувшийся с феминизмом [6, т. 24, 287].

Если прилагательное *новый* в его темпоральном значении тяготеет к атрибутивной (приименной) позиции, то, получая качественное значение, оно стремится перейти в позицию предиката; ср.: *Это новый дом и Этот дом новый; Этот дом совсем новый;*

Этот костюм еще совсем нов. Тогда, когда качественное значение не может реализоваться, *новый* редко употребляется без опоры на имя: **Этот муж у нее новый (нов); *Этот мой знакомый новый.* Правильно: *Это ее новый муж; Это мой новый знакомый.* Впрочем, допустимо: *У меня два друга. Один — новый, другой — старый.* Это объясняется тем, что контраст расширяет возможности употребления слов в позиции ремы (наблюдение Т. Е. Янко).

Хотя оба значения прилагательного *новый* — темпоральное и качественное — в принципе допускают градацию, его употребление в степенях сравнения имеет некоторую специфику. Темпоральное значение «новизны» избегает сравнения с временем появления других объектов. Не говорят **Эта модель намного (на два года) новее старой; Этот фасон нов. *Он намного новее прошлогоднего (старого); У нас два новых ученика: Коля и Вася. *Вася намного новее Коли.* Однако, чтобы подчеркнуть новизну и привлекательность нового, говорят: *Это наша самая новая (самая что ни на есть новая, новейшая) модель. Более новой вы не сыщете; ср.: «Я, может быть, совсем отсталый человек и ничего уж понимать не могу. ...Просветите новейшими началами» (Достоевский).* Такие формы эмфатичны. Отвергая всех возможных соперников, они усиливают значение нового как последнего в серии; ср. *самая последняя мода; самый что ни на есть последний крик моды.* Очевидно, что понятия «последнего» и «первого», не допускают градаций. Это не позволяет им употребляться в сравнительной степени, но не исключает превосходной. Это же относится к прилагательному *новый*. Дескриминационное отношение к степеням сравнения отчасти объясняется тем, что сравнительная степень, в отличие от превосходной, не используется в атрибутивной позиции, а именно она, как отмечалось, характерна для прилагательного *новый*. Последнее, впрочем, иногда встречается в аналитической форме сравнительной степени, допускающей приименное употребление: *Я не располагаю более новыми сведениями; На данный момент нет более новых теорий происхождения жизни.*

Однако, в предложения такого рода ни в коем случае не может быть введено указание на темпоральное различие (интервал) в возникновении объектов. Теория не может быть *на месяц более новой*, а информация *на час более новой*, сравнительно с той, которая ей предшествовала. Это отличает *новый* от близких к нему по значению прилагательных *молодой* и *старый*, для которых такое употребление в применении к одушевленным объектам, обладающим возрастным параметром, естественно; ср. *Петя на два года моложе (?младше, старше) Вани.* Интересно отметить, что

формы степеней сравнения позволили отделить собственно темпоральное (точнее, возрастное) значение этих прилагательных от их характеризующего значения. Присутствие в русском языке прилагательных *младший* и *старший* возвращает к моделям родового и иерархического общества. Любопытно также и то, что естественно сказать *Он на два года старше*, но *Он на два года моложе меня*, пользуясь в первом случае сравнительной степенью прилагательного *старший*, а во втором случае — прилагательного *молодой*. Это можно объяснить тем, что *моложе* сохраняет положительные коннотации, которых нет у *старее*. Предложения *Ты младше меня* и *Ты моложе меня* различаются не только по смыслу, но и по оценочным коннотациям: тот, кто *младше*, находится в проигрышной позиции, а тот, кто *моложе*, — скорее, в выигрышной.

В целом можно констатировать, что темпоральное значение прилагательного *новый* избегает сравнительной степени, но употребительно в превосходной, подчеркивающей значение «последний в серии».

Обращение к степеням сравнения позволило уточнить темпоральное значение прилагательного *новый*. Будучи, как отмечалось, *историческим*, оно указывает только на *последовательность* фаз, а не на собственно временные отношения. Его матрица — числовой ряд. Новое устанавливает связь времен. Через него «прошлое страстно глядится в грядущее» (Блок). Оно может указывать на начальную или последнюю на данный момент времени фазу. Это сближает прилагательное *новый* с такими прилагательными, как *первый* или *последний* в зависимости от того, на какую модель времени опирается его употребление.

Когда речь идет о природе и, соответственно, циклическом времени, то *новое* может синонимизироваться с *первым*; ср. *новые листочки* и *первые листочки*; ср. также *новина* — так назывался первый плод в году, новый урожай, первое зерно. «Новое» в рамках циклического времени имеет в качестве прецедента аналогичные объекты предшествующего цикла, «первое» же ограничивает временные рамки данным периодом времени — обычно годом. О следующих за начальной фазах развития в терминах новизны не говорят. Не используется также отрицательная форма: *?Листочки уже не новые*. Когда листочки утрачивают свежесть, они становятся *старыми*, *жухнут* и *вянут*.

Иначе обстоит дело, когда за основу принимается модель бесконечного развития. В этом случае *новый* может синонимизироваться с *последним*, но никак не с *первым*. При этом каждое след-ующее «по-след-нее», пока оно не утрачивает связи с момен-

том Теперь, одновременно бывает и *новым*; ср. *последние сведения* и *новые сведения*, *последний этап* и *новый этап*, *последняя мода* и *новая мода*. Практически каждое «*время*» (кроме, разве, застойного) может быть названо «новыми временами», каждый фасон и стиль проходит через стадию новизны. В таком контексте и возникает нужда в превосходной степени прилагательного: *новейший* значит «самый последний». Нужда эта особенно настоятельна тогда, когда прилагательное *новый* не отпадает с течением времени, а входит в номинацию того или иного этапа развития. За периодом *новой истории* следует эпоха *новейшей истории*. Употребительна также уменьшительная форма *новенький*. Она подчеркивает привлекательность нового и может иметь как темпоральное, так и качественное значение; ср.: *Костюм совсем новенький (только что с иголки)* и *Костюм совсем (как) новенький*. В применении к артефактам употребляется также форма *новехонький*: Даже *щегольская, новехонькая круглая шляпа* свидетельствовала об этой цели (Достоевский). Обе уменьшительные формы характеризуют артефакты. Любовь нового к эмфазе и аксиологическим нюансам связана с принадлежностью этого концепта к «магнетическим силам» языка.

Итак, в цикле *новое* связано с *первым*, а на линии — с *последним*. Иными словами, в рамках одного цикла *новое (молодое)* предшествует *старому*, а на линии следует за ним. В цикле *новое (молодое)* и *старое* образуют эквиполентную оппозицию. Их употребление взаимонезависимо. На линии новое маркировано, старое же отмечается тогда, когда появляется (или ожидается) новое. *Старое* образует синонимический ряд, из которого может быть сделан выбор (*старое, прежнее, древнее, бывшее, бывшее, минувшее, давнее, прошлое, предыдущее, предшествующее*). Новое лишено синонимов.

В цикле старое неизбежно следует за молодым (новым). То и другое образуют периоды эволюции конкретных объектов. Старение наступает закономерно и постепенно. Оно неизбежно и предсказуемо. На линии новое часто появляется внезапно. Оно не эволюционно, а революционно. Чем неожиданней новое, тем оно новее. Для прилагательного *новый* характерны такие партнеры как *неожиданный, небывалый, исключительный, непривычный, необъяснимый, неведомый, странный, непредвиденный, внезапный, незнакомый, особенный, оригинальный*. О старении не гадают. На линии новизна составляет основной сюжет гаданий и пророчеств. Неожиданность новизны не означает ее беспричинности. Необъяснимое ждет объяснения. Оно бывает рациональным и мифическим.

Новое знаменует собой смену объекта — конкретного или отвлеченного (*новое поколение, новая концепция*). В применении к индивиду *стать новым* означает «резко измениться». Такое употребление близко к метафорическому (см. примеры выше). Однако, когда говорят об *обновлении* конкретных объектов, часто имеют в виду не движение вперед, а скорее возвращение назад, к прежнему состоянию, «молодости» (ср. *обновить одежду, квартиру*). Иными словами, речь идет о *возрождении* объекта, и это сближает линейно новое с циклически новым (ср. *обновиться и помолодеть, посвежеть*).

Жизнь человека представляется двояко: и как цикл, и как линия. В терминах цикла говорят о жизни физического человека, каждый период земного существования которого имеет особое наименование: *младенчество, детство, отрочество, юность, зрелость, старость*. В отличие от природных объектов, эти периоды не мыслятся как повторяющиеся соответствующие фазы в жизни отцов. Жизнь человека «беспрецедентна». Поэтому прилагательное *новый* не прилагается к начальному периоду его существования. Внутренний человек, однако, развивается, скорее, по модели линейного (хотя и конечного) времени. Каждый следующий период его жизни (пока она не пошла под уклон) даже тогда, когда он связан с возрастными переменами, может быть обозначен как *новый*: *Теперь я расскажу одно странное приключение... резким переломом начавшее во мне новый возраст* (Достоевский). Здесь речь идет не столько о закономерной смене возрастных фаз, сколько о смене фаз внутреннего развития. Когда резко меняются обстоятельства, также принято говорить о начале нового периода жизни, или *новой жизни*. Например: *И вот вечером я вошла в другую семью, в другой дом, к новым людям. <...> Теперь начинается новая история. Новая жизнь моя* пошла так безмятежно и тихо, как будто я поселилась среди затворников (Достоевский). Она (Соня) сообщала, что к *новой жизни* своей он (Раскольников) отнесся очень прямо и просто... и ничему почти не удивлялся среди *новой окружающей его обстановки*, так мало похожей на что-нибудь прежнее (Достоевский).

Молодой человек живет в ожидании перемен. Он не боится *переломить* жизнь: Главное, главное в том, что все теперь пойдет *по-новому, переломится надвое* (Достоевский). Когда речь идет о *переломе*, понятие *жизни* сближается с понятием *участи*. Князь Мышкин говорит: *Может, моя участь переломится*, но это все не то и не главное. Главное в том, что уже *переменилась вся моя жизнь*. ...Я, может быть, ничего не знаю, но наступила *новая*

жизнь (Достоевский); см. также пример выше. «Новизна» делает линию жизни ломаной. Чем острее угол слома, тем определеннее понятие членимой на периоды «линейной» жизни сменяется понятием целостной судьбы.

Вернемся к жизни. В жизни людей может быть разное количество *новых жизней*, в жизни разных государств и наций — разное число *новых эр, эпох и периодов*, в истории разных искусств — разное число *новых стилей*, в названиях которых нередко сохраняется указание на новизну (ср. модернизм и постмодернизм, *art nouveau* и новый роман). Прожить несколько жизней не значит жить долго; это значит сменить несколько *образов* жизни (обстановок, видов и целей деятельности), несколько раз *вступить в новую жизнь*. «Новое» часто ассоциируется с обновлением, возрождением, воскресением. Оно приходит на смену упадка. Дмитрий Карамазов говорит Алеше: «Брат, я в себе в эти два последние месяца *нового человека* ощутил, *воскрес во мне новый человек!*» (Достоевский); Тут уж непременно захочется и «спасти», и образумить и *воскресить*, и призвать к *более благородным* целям, и *возродить к новой жизни и деятельности* (Достоевский), ...Но в этих больных и бледных лицах уже сияла заря *обновленного будущего, полного воскресения в новую жизнь* (Достоевский).

Мы остановились подробно на темпоральном аспекте понятия «нового» не потому только, что отнесенность к моменту Теперь занимает доминирующую позицию в семантике «новизны», но также потому, что отношение к времени формирует ту концептуальную (или когнитивную) матрицу, на фоне которой вырисовывается значение «новизны» и близкого ему круга слов. В ее основе лежит числовая последовательность, обнаруживающая принцип «исторического мышления». Темпоральный аспект значения объясняет также противоречивость употребления прилагательного *новый*, обусловленную отношением к разным моделям времени. О них см. [3; 2].

* * *

Пространственный аспект понятия нового менее плодотворен. Однако и он оказывает существенное воздействие на структуру концепта. Пространства «новизны» различаются прежде всего объемом. Новое определяется относительно того или иного поля наблюдения. Оно может быть приравнено к миру, вселенной, космосу, но оно может быть редуцировано к микромиру или его

ничтожной части; ср.: *В мире появилась новая звезда и В структуре молекулы была открыта новая элементарная частица*. Полем наблюдения может быть физический мир и мир ментальных (абстрактных и психологических) сущностей; ср. *новое платье, новые листочки, новое впечатление, новое чувство, новая мысль* и т. д. Различие в поле наблюдения (пространстве), как показывают приведенные примеры, имплицитно различия обитающих в нем объектов. Ими могут быть самые разные сущности: природные роды, артефакты, одушевленные предметы, абстрактные понятия, свойства и т. п. Важно лишь то, что новое входит в мир таксономически определимых и поименованных объектов.

Основное влияние пространственно-предметного аспекта бытия на понятие новизны связано не столько с возможностью существования разных пространств и бытующих в них предметов, сколько с тем, что пространство, в отличие от времени, непосредственно воспринимаемо: конкретное пространство — зрением, абстрактное — мыслью, внутреннее — ощущениями. Восприятие предполагает существование субъекта восприятия. Если темпоральный аспект соотносит понятие новизны с моментом *Теперь* и придает концепту прагматическую зависимость, то пространственный аспект связал новизну с субъектом наблюдения и тем придал ему субъективность. Новым оказывается не то (или не только то), что появилось (или существует) в том или другом пространстве, а то, что ново для данного субъекта, то, что было им замечено и отмечено, что вошло в поле его зрения. Следующий пример показывает, что сам факт включения объекта в кругозор позволяет говорить о нем в терминах новизны: *...я глядел ...на окрестные холмы, на реку, обтекавшую их и далеко, как только мог следить глаз, вьющуюся между новыми холмами и селами* (Достоевский). Новое может маркировать и то пространство, в которое включается человек. Оно не всегда для него ново. Важен сам факт смены пространств. Приближаясь к русской границе, Курбский восклицает: «Вот, вот она! ...Чужбины прах с презреньем отряхаю с моих одежд — *пью жадно воздух новый*: он мне родной [10, т. 7, 520]).

Человек делает «открытия для себя». Он открывает новые земли, материки и звезды, новые законы, новые химические элементы и новые элементарные частицы. Особенно ценно открытие того «нового», что существует в мире от века и соответствует его прообразу.

В продолжение жизни, особенно в ее начальную пору, человек постоянно узнает что-то новое, начинает понимать что-то новое,

видит что-то новое, ощущает что-то новое, в нем совершается что-то новое, перед ним встают все новые проблемы, новые трудности, новые задачи и дела. Концепт новизны порожден освоением мира и освоением самого себя — внешней и внутренней «робинзонадой». Л. Толстой пишет, что отрочество началось у него с «нового взгляда» (так называется 3-я глава «Отрочества»), повернувшего все вещи другой, неизвестной еще стороной. Новое в себе предстало как новое вовне. О роли принципа «нового взгляда» в художественном методе Толстого см. [12, 182 и сл.].

Новое для данного субъекта не ново для других. Новое для ребенка старо для его родителей; новое для ученика давно наскучило его учителям и наставникам. Новое есть неотъемлемая составляющая процесса познания жизни и мира. Новизна возникает вследствие изменения области бытия. Момент Теперь маркирует время включения объекта в ту или другую субъективную сферу. Иными словами, речь идет не столько о новизне объекта, сколько об обновлении того или другого пространства или вхождении в другую систему отношений. Например: «Этот *новый факт* (сообщение Груши о ее родстве с Ракитиным) оказался совершенною неожиданностью для всех» (Достоевский).

Субъективная новизна распространяется преимущественно на эпистемические, особенно информационные, объекты. Можно говорить о *новых сведениях, новой информации, новых данных, открытиях, проблемах и фактах*, даже если они касаются давнего прошлого. Но нельзя говорить в терминах новизны о *давних событиях и происшествиях*, даже если они недавно вошли в наше поле зрения. «Новизна» события ориентирована на то время, когда оно происходит, а «новизна» факта — на момент его вхождения в пространство субъективного знания; ср.: *Стали известны новые факты о событиях тех давних лет и Мы только, что узнали о новых событиях, происшедших этой ночью*. Событие принадлежит онтологическому, а факт — эпистемическому (информационному) пространству; о понятиях «факта» и «события» см. подробно: [1, 152–199]. Онтологическая новизна объективна, эпистемическая — субъективна. Она легко переходит из одного пространства в другое.

Что же касается психологического пространства, то новизна возникающих в нем эмоций, переживаний, ощущений и пр. оценивается по отношению к тому моменту, когда они происходят. Речь в этом случае идет о событиях, а не о фактах. Собственно эпистемическая сфера внутреннего человека отлична от психологической. Первая фактуальна, вторая событийна. Приведем несколько

примеров из текстов Достоевского, иллюстрирующих положение «нового» в психологическом пространстве: Он побледнел и как-будто *прозрел во что-то новое* в эту минуту; С ним совершалось что-то *совершенно ему незнакомое, новое, внезапное, и никогда не бывалое*; Он стал уставать от наплыва *новых впечатлений*, доселе ему неведомых. *Одно новое, непреодолимое ощущение* овладевало им все более и более почти с каждой минутой (Достоевский).

Когда речь идет об «эпистемических переживаниях», входящих в общий поток сознания, такие имена, как *вопрос, мысль, догадка, соображение* и т. п., получают событийное прочтение, и оценка по новизне ориентирована только на момент Теперь. Таков «новый взгляд» у Толстого (см. выше); ср. также следующий разговор Ставрогина с Кирилловым: «...и тут всегда какая-то *новая мысль*... „Один удар в висок и ничего не будет...“ — Вы называете, что это *новая мысль*? — проговорил Кириллов подумав. — Я не ...называю... Когда я подумал однажды, то *почувствовал совсем новую мысль*. — „Мысль почувствовали?“ — переговорил Кириллов. — Это хорошо. Есть много мыслей, которые всегда и которые *вдруг станут новые*. Это верно. Я много теперь *в первый раз вижу*» (Достоевский).

Из сказанного явствует, что когда в знании акцентируется информационный или чисто эпистемический аспект, его новизна в той или иной субъективной сфере совместима с давностью существования в «интернете», и факт новизны может отрицаться: *Твоя мысль не нова; То, что ты считаешь новым, давно известно*. Если же имеется в виду *зарождение* во внутреннем человеке *личностного знания (понимания), знания-переживания*, то его новизна оценивается только в рамках данного психологического пространства, и оно приравнивается к событию.

Что касается конкретных предметов, прежде всего, артефактов, то их новизна может определяться и появлением в мире и включением в частную сферу: *Это новый холодильник* и *Это наша новая мебель. Мы ее купили в антикварном магазине*. Оценка по новизне поэтому может оказаться амбивалентной. Высказывание *Это наш новый автомобиль* может относиться и к новой, и к недавно приобретенной машине, независимо от степени ее темпоральной новизны. Большей частью под *новыми* имеют в виду либо предметы, не бывшие в употреблении, заменяя темпоральное значение качественным, либо предметы, недавно приобретенные, заменяя время возникновения временем включения в личную сферу.

Остановимся теперь на другом вопросе, связанном с пространственным аспектом «новизны».

Входя в ту или другую область бытия, субъективную или объективную, «новое» может присоединяться к уже имеющимся однородным или изофункциональным объектам; ср.: *новый ученик, новый приятель, новый дом, новые поступления в библиотеку*. Новым может быть и то, что является последним в серии сменяющих друг друга однородных предметов, явлений или событий; ср.: *новый муж, мой новый дом, новая должность*. О «серийном» значении прилагательного *старый* см. [11]. Это значение может основываться как на циклическом, так и на линейном представлении о времени; ср.: *новые листочки, новый урожай и новая квартира, новый костюм*. В первом случае качественные различия устанавливаются по отношению к поздним фазам существования объекта, к его «старости». Во втором они определяются относительно непосредственно предшествующего объекта.

Описанные две возможности, соединяясь, создают ситуацию соревнования или дискуссии, характерную для нового в идеологии, политике, культуре, науке и моде. Новые школы, течения, мысли, идеи, концепции, стили и т. п., сосуществуя в течение некоторого времени, стремятся вытеснить своих соперников из исторического сериала. Новое всегда готово к борьбе не только со старым, но и с другим новым. Спор между разными «новыми» ведется, однако, не в терминах новизны, а в терминах истины, удаchi или «династических» преимуществ. Победа в конкурентной борьбе не всегда имеет рациональные основания. Капризность, присущая новизне, оборачивается историческими капризами.

Итак, обращение к пространственному аспекту значений «новизны» важно в следующих отношениях: 1) новизна характерна для всех типов пространств — онтологического (физического), психологического, эпистемического, информационного, событийного и др., 2) новизна субъективна, т. е. может определяться относительно момента вхождения в личную сферу, 3) новое может сосуществовать в одном пространстве со старым, 4) новое избегает сосуществования с другим новым тогда, когда через пространство новизны проходит линия исторического развития, 5) разная конфигурация пространства новизны позволяет отделить серийное («историческое») значение от собирательного (кумулятивного), значение типа «следующий» от значения типа «еще один».

Нам остается сказать несколько заключительных слов о тех категориях объектов, к которым применимо понятие новизны. Они, как отмечалось, соответствуют типам пространств. Новыми могут быть конкретные предметы — рукотворные (артефакты) и неру-

котворные (*новая рубашка, новый стол, новое дерево*), объекты эпистемической сферы (*новые сведения, новая мысль*), психологические объекты и состояния (*новое чувство, новое ощущение*), произведения, направления и феномены искусства (*новый роман, новый стиль*), периоды времени (*новый год, новая эпоха*), события, происходящие в мире (*новая мировая война*), его фрагменты (*новый акт террора*), социальной сфере (*новая конституция*), личной сфере (*новое замужество*), в зоне психики (*новое переживание*), в культурной жизни (*новый спектакль*), в разных сферах деятельности (*новое достижение, новое открытие*) и т. п. Все то, что развивается, образуя истории, все то, что входит в существование, все то, что повторяется, принимая другие облики, может квалифицироваться по новизне. Все же «новизна» не вполне универсальна.

Наибольшее ограничение на сочетаемость прилагательного *новый* налагают природные и, особенно, одушевленные объекты. С отходом от циклического представления о времени уменьшилось употребление сочетаний типа *новые овощи, новый картофель, новые цветочки и листочки*. О животных говорят в терминах новизны лишь тогда, когда они входят в то или иное пространство (*У нас теперь новая собака*). Новое в природе распространяется преимущественно на *сорта, породы, виды и роды: новый сорт картофеля, новая порода овец*.

В значении начального периода существования природных объектов (включая человека) используются особые слова: *молодой, юный, свежий* (об овощах). Отсылка к «новизне» сохранилась в слове *новорожденный (младенец)*, но его нельзя заменить словом *новый*. *Новый человек*, в сущности, миф или, по крайней мере, гипербола (см. об этом выше). В каких случаях все же о человеке говорят в терминах новизны? Основным условием для этого является включение человека в то или иное ограниченное (обычно социальное) пространство, сопровождающееся выделением в нем соответствующего аспекта; ср.: *У нас теперь новый профессор математики; На политической арене появилась новая фигура*. Человека же, только что получившего профессорское звание, *новым профессором* не назовут. Можно говорить о *новых друзьях, гостях, учениках, членах семьи, новых знакомых, новых покровителях, новых деятелях искусства, сослуживцах, лидерах, соседях* и т. п. Когда говорят «Я тут новый человек», опять же имеют в виду включение в некоторую сферу жизни, к которой еще не произошла адаптация. Здесь мы еще раз убеждаемся в том, сколь велика роль пространственных ограничений, релятивизирующих

понятие «нового», для его формирования и функционирования. Человек стремится замкнуть мир той или другой частной сферой, представленной не столько как физическое пространство, сколько как определенный «срез» жизни, характеризующийся специфическими видами деятельности, особыми целями и задачами, особыми системами отношений, и определять «новизну» человека через время его вхождения в такого рода «срезы». Итак, «новое» маркируется не столько «датой рождения», сколько временем вхождения в ту или иную частную область бытия — сферу жизни или ее «срез».

Можно встретить, однако, случаи расширения сферы «новизны» человека, причем индивида, до вселенной. Они редки и имеют своей целью подчеркнуть особую, вселенскую, значимость феномена рождения человека и особую значимость каждого *нового человека*. Приведем тому пример: — Тайна появления *нового существа*, великая тайна и необъяснимая... Было двое и вдруг третий человек, *новый дух*, цельный, законченный, как не бывает от рук человеческих, *новая мысль* и *новая любовь*, даже страшно... и нет ничего выше (Достоевский). Расширение пространства новизны повышает значимость нового.

* * *

Мы начали статью некоторыми наблюдениями над «действующими силами» языка. Мы хотим ее закончить возвращением к этой теме.

Выше говорилось о взаимодействии *нового, первого и последнего*. Теперь остановимся более подробно на диалектике отношений между этими понятиями.

Понятия нового и первого близки и различны. Их объединяет понятие начала; их различает характер начала: *первое* означает абсолютное (в рамках заданного периода времени) начало, *новое* — относительное. Его позиция срединна и подвижна. Позиция первого фиксирована и лишена левого фланга. Первое начинается с нуля. Оно неповторимо. Уходя в прошлое, оно остается первым и единственным, поскольку неповторимо его место в числовом ряду. Новое повторяется, хотя всякий раз под другой личиной. Первая любовь одна, и она *уникальна* (ср. лат. *unus* «один»), новых может быть несколько. Первое всегда остается первым, новое на то и новое, чтобы перестать им быть. Первое маркирует вехи на жизненном пути: *первые шаги, первый класс, первый звонок, первый*

урок, первый экзамен, первая встреча, первый взгляд, первая любовь, первый поцелуй, первое чувство, первое разочарование и т. п. Обычно именно таков круг непосредственных ассоциаций, вызываемых словом *первый*. Первое связано с временем исторически, новое — также и прагматически. Первое начинает историю, новое — ее продолжает. Первое может обойтись без нового: оно останется тогда первым и последним; новое не может обойтись без первого. Это очень хорошо понимают носители языка. А. Эткинд пишет: «В декабре 1933 г. Е. С. Булгакова отмечает в дневнике официальное сообщение о прибытии в Москву „нового американского посла“. ...В характеристике события Елена Сергеевна немного ошиблась: посол был первым, и о нем нельзя было сказать, что он „новый“» (А. Эткинд).

Однако и первое со своей стороны зависит от нового (последующего). Однолюб не станет говорить о первой любви. О первой жене говорят тогда, когда на ней не остановилась брачная жизнь. Первое, как и новое, стремится создать серию. Оно имеет прочное место в истории, тогда как место нового сомнительно. За первое идет борьба. Переставая быть новым, «новое» стремится стать первым или вечным. На вопрос о новом часто отвечают в терминах первого: Что *нового* содержит в себе данная концепция? — В ней *впервые* показано..., *в первый раз* установлено..., *впервые в истории* раскрыто (продемонстрировано)... и т. д. Продолжение выдает себя за начало, новое — за первое, новатор — за первопроходца или основоположника. Это можно понять. Первое содержательно богаче и необычнее нового, в котором отнюдь не все ново. Первое — это рождение, новое может быть лишь возрождением. В спорте рекорд регулярно представляет новое как первое. Установить *новый рекорд* значит завоевать *первенство*, стать *лидером*, быть *впереди других*, быть *первым*. Рекорд попадает в Книгу Гиннеса на правах первого. Вместе с тем рекорд — это *последнее* достижение, а установивший *последний* рекорд может быть назван *первым*, но не *последним* человеком в своей области. Сказать *последнее слово* в науке или технике значит сказать в ней *новое слово*, сделать что-либо *впервые* и быть в ней *первым*.

Место последнего в серии подвижно. Его релятивизирует непрерывность течения событий. Одно по-след-нее след-ует за другим по-след-ним. Но и первое не всегда абсолютно. Его дестабилизирует членение времени на периоды. Первым может считаться не абсолютное начало, а начало в пределах цикла или иного отрезка времени; ср.: *первый день нового года, первый снег, первый спек-*

такль сезона и др. Транзиторность ставит *первое* и *последнее* в один ряд с *новым*. Новое — это одновременно и *последний крик* времени и *первый лепет* нового его периода. *Первое, новое и последнее* приходят из грядущего и, вместе с тем, хронологически они развернуты в его сторону.

Магнетизм новизны совместим с ее временностью. Обаяние новизны в новизне. Притягательность первого и последнего может состоять не только в новизне. Их значимость возрастает, когда первое изначально, а последнее окончательно. Тогда они не только новы, но и единственны. Единственность абсолютизирует и индивидуализирует понятия. Новое также хочет быть единственным. Для этого оно должно оставить за собой *последнее* слово. Следующий пример показывает возможное концептуальное развитие «нового»: «...слова его... или *старая, дряхлая дребедень*... или совершенно *новое слово, последнее слово, единственное слово обновления и воскресения* (Достоевский). Заняв место в историческом сериале, новое стремится обрести свойство вечности. Для этого ему нужно обратить в свою пользу сравнение с *пред-новым, со-новым и пост-новым*.

Пока новое остается новым, оно предполагает продолжение сериала. Став последним и единственным, оно его закрывает. Человеческое мышление, особенно в сфере религии, идеологии и социологии, эсхатологично. Оно в большинстве случаев стремится к созданию завершенных моделей, подражая в этом природным циклам. Новое линейного времени, напротив, предполагает незавершенность. Оно зовет к продолжению. Любовь к новизне свидетельствует не только об ускорении темпа жизни, но и о возрастании роли нетерминального мышления, об интересе к построению открытых моделей, допускающих лакуны, неопределенность и противоречия. Эта тенденция очень заметна в сфере искусства. Незавершенность формы и неокончателность решений постепенно вошли в его эстетическую программу. Финал утратил былую значимость. Конец перестал быть венцом. Но это уже совсем другая тема.

Итак, *новое, первое и последнее* теснейшим образом связаны между собой. Любопытно отметить, что в «Русском ассоциативном словаре» ни в одной части статьи «новый» («от стимула к реакции» и «от реакции к стимулу») не фигурирует ни слово *первый*, ни слово *последний* [7, т. 1, 94; 7, т. 2, 193–194]. Отсылка к *последнему* есть в статье *новейший* [7, т. 1, 93]. В статье же «первый» есть отсылка к *последнему*, но не к *новому*. Между тем ассоциации *нового* и *первого* достаточно очевидны. Они особенно велики в рамках циклического представления о времени; ср.: *Новая*

новинка, первая первинка; первопахня и новопашка (см. также другие примеры выше). В Ассоциативном словаре *новое* и *первое* объединены только общностью положительной оценки. Она действительно достаточно стойка у этих понятий. Оба они принадлежат к числу «действующих сил» языка. Любопытно, что образование с элементами *перво-* и *ново-* обладают почти одинаковой степенью продуктивности. В Словаре Даля отмечено 150 слов с *ново-* и 157 — с *перво-*. При этом элемент *перво-* иногда вводится в слово с целью эмфазы: *первое* выдвигает на *первый* план; ср.: *первоначальный, первооснователь, первооткрыватель, первосущное дело* [5, т. 3, 30–32].

Оба понятия — «новое» и «первое» — заключают в себе ценностный потенциал и входят в телеологическое поле человека: «новое» и «первое» составляют важные характеристики целей человеческой активности. Они пробуждают в человеке стремление к творчеству. Сделать *первым* что-нибудь *новое* или *первое*, доселе не бывшее — нет более привлекательной цели для творца.

Ценностный потенциал *последнего* неоднозначен. С этим понятием связаны как положительные, так и отрицательные коннотации; ср.: *прийти к финишу последним, быть последним человеком, ругаться последними словами и последний крик моды, самые последние, самые свежие новости, последняя модель, самая последняя новинка*. Когда движение времени (шире — порядок, строй) представляется как направленное из прошлого в будущее, *быть последним* значит «отставать от времени, уступать первым, не соответствовать образцовой модели». «Последний» в этом случае получает отрицательные коннотации. Если же движение идет из будущего в прошлое, то *быть последним* значит в наибольшей степени соответствовать моменту Теперь, быть новым. «Последний» в этом случае получает положительные коннотации. Первая модель предполагает активность «движущегося объекта», вторая — его пассивность: его несет поток времени. Отрицательные коннотации «последнего», по-видимому, сильнее положительных, поскольку они связаны с более современными представлениями о времени. Взятое изолированно, слово *последний* не рождает положительных коннотаций. Оно не может их получать в сочетании с именами лиц, ибо строй людей устремлен из прошлого в будущее. Многие хотят быть *первыми* и *новыми*, но никто не хочет быть *последним*. Вопрос «Кто последний (в очереди)?» часто обижает. Положительные коннотации возникают при отрицании: *Он здесь не последний человек*. Слово *последний* может быть, поэтому, отнесено к «движущим силам» языка лишь в отрицательном смысле.

Итак, творческие усилия человека устремлены к «первому» и «новому».

Раскрывая замысел романа «Иосиф и его братья», Т. Манн писал: «Я рассказывал о *начале всех начал*, о времени, когда все, что ни происходило, происходило *впервые*. В том-то и заключалась прелесть *новизны*, по-своему забавлявшая меня необычность этой сюжетной задачи, что все происходило *впервые*, что на каждом шагу приходилось иметь дело с каким-нибудь *возникновением* — *возникновением* любви, зависти, ненависти, убийства и многого другого. Но эта всеобъемлющая *первичность* и небывалость является в то же время повторением, отражением, воспроизведением образца» (Т. Манн. Художник и общество. М., 1986, с. 123–124; курсив наш. — Н. А.). Т. Манн стремился проникнуть в тайну рождения индивидуального сознания. В этом смысле он как бы обращался к *первому* человеку. Его цель как писателя состояла в том, чтобы найти для этого художественные средства. В этом смысле его задача была *новой*. Его предмет — *первое* в контексте жизни, его цель — *новое* в контексте литературы.

Писатели любят обращаться к детству и юности, столь богатым «первым» и «новым»: первыми и новыми впечатлениями, ощущениями, чувствами, переживаниями, первыми и новыми радостями, горестями, надеждами и разочарованиями, трудностями и приключениями, первой дружбой и первой враждой, первыми мыслями, идеями, целями и планами. У Пушкина есть следующая запись: «Первый несчастный воздыхатель возбуждает чувствительность женщины, прочие или едва замечены или служат лишь ...Так в начале сражения первый раненый производит болезненное впечатление и истощает сострадание наше» [9, т. 7, 520]. Хотя *первое* не есть *новое*, то, что за ним следует часто воспринимается как *уже не новое*. Событийно новое оказывается психологически не новым. Новое событие не рождает нового переживания.

Маркированность первого и нового подтверждается их ролью в художественном творчестве. Не случайно слова *первый* и *новый* входят в названия многих художественных произведений; ср. «Первая любовь» Тургенева, «Первые радости» К. Федина, «Первый дебют» и «Первый любовник» Чехова, «Первые сказки» и «Первые слезы» А. Ремизова, «Первый класс» И. Бунина, «Первый соловей» и «Первый утренник» — стихотворения Бунина, «Первый снег» и «Первое свидание» — стихотворения в прозе Тургенева, «Первая борозда» и «Первый ландыш» — сти-

хотворения Фета, «Первая звездочка», «Первые встречи», «Первый меридиан», «Первый привет», «Первый снег» — стихотворения В. Брюсова, «Первый снег» Б. Пастернака, «Первая смерть» В. Шаламова, «Первый учитель» Ч. Айтматова, ср. также названия кинофильмов «Они были первыми», «Первая перчатка» и др. Интерес к первому побуждает писателей выбирать молодых, а не пожилых героев, причем далеко не всегда их жизнеописание доводится до его логического конца.

Названий, построенных на «новизне», по-видимому, меньше: «Новая жизнь» Данте, «Новая Элоиза» Руссо, «Новь» Тургенева, «Новый год», «Новая дорога», «Новый храм» — стихотворения И. Бунина, «Новый год» В. Ходасевича, «Новая Америка» А. Блока, «Новая сестра» и «Новый синтаксис» Брюсова, «Новая московская философия» В. Пьецуха, «Новые времена» — фильм Ч. Чаплина.

Очевидно, что «новые опыты» в сфере переживаний не столь выразительны, как первые. Зато к новизне и вместе с тем предметности апеллируют многие названия теоретических сочинений; ср.: «Новая Атлантида» и «Новый органон» Бэкона, «Новые опыты о человеческом разуме» Лейбница, «Новое учение о языке» Н. Я. Марра, вспомним серию «Новое в лингвистике» и др.

«Последнее», как говорилось, само по себе лишено позитивных коннотаций. Но оно значимо тогда, когда является заключением, выводом, итогом. Оно также сильно и печально отмечено, когда речь идет о человеческой жизни и истории, выстроенных в хронологическом порядке; ср. *первое слово* и *последнее слово*, *первая любовь* и *последняя любовь*, *первое сражение* и *последнее сражение*, *первый взгляд* и *последний взгляд* и т. п. Не случайно «последние слова» (слова, сказанные перед смертью) собираются в словари. В речевых актах первое, как и новое, ассоциируется с удивлением, а последнее с угрозой; ср. *Первый раз слышу. Вот это новость!* и *Это мое тебе последнее предупреждение*.

Для художника «последнее» не менее, если не более, притягательно, чем «первое». Ср.: «Последний из могикан» Ф. Купера, «Последний день приговоренного к смерти» В. Гюго и его же книга стихов «Последний сон», «Последний дюйм» Дж. Олдриджа, «Последний лист» О. Генри, «Последний Новик» И. Лагечникова, «Последняя жертва» А. Островского, «Последние» М. Горького, «Последнее свидание», «Последний колдун» — стихотворения в прозе Тургенева, «Последний поэт», «Последняя

смерть» Баратынского, «Последняя песня» Фета, «Последнее воспоминание» и «Последние сирени» И. Анненского, «Последнее напутствие», «Последний день», «Последний путь» Блока, «Последний гимн» Ходасевича, «Последнее желание», «Последнее счастье», «Последние думы», «Последние слова» «Последний пир», «Последний день», «Последний путь», «Последний спор», «Последняя война» Брюсова, «Последняя весна», «Последняя осень», «Последнее свидание», «Последний день» — новеллы И. Бунина, «Последние слезы», «Последний шмель», «Последняя гроза» — стихотворения Бунина, «Последний день последнего императора» — пьеса Э. Радзинского, «Последняя весна» — картина М. П. Клодта, «Последний день Помпеи» — полотно К. Брюллова и т. д.

Очевидно, что всякое последнее есть в то же время и новое. Всякое новое свидание может стать последним свиданием, всякий новый день — последним днем, и это придаст ему особый смысл. Итак, первое вуалирует «новизну», а последнее ее увеличивает. Или иначе: первое ущемляет значимость следующего, последнее ее обостряет и углубляет. Вместе с тем новое может таить в себе первое. Когда говорят о *новых впечатлениях (наблюдениях, ощущениях, стремлениях, увлечениях)*, речь идет о *новом* в пределах широкого класса, но о *первом* в рамках более узкого разряда. Итак, *новое* терпит ущерб от *первого* и поэтому хочет занять его место. Оно открывает возможность для продолжения, но чтобы обрести вечность и единственность, должно стать *последним*. Такова диалектика жизни и языка.

В заключение остановимся на аксиологических коннотациях слов *первый* и *последний*.

Числовой ряд является важнейшей когнитивной матрицей, регулирующей жизнь человека и ту систему ценностей, которая ее организует.] Обратимся к известному примеру из «Полтавы» Пушкина. Орлик говорит Кочубею: ...Я указую тебе последний долг: открой, Где клады, скрытые тобой? Кочубей ему отвечает: Так, не ошиблись вы: *три клада* В сей жизни были мне отрада. И *первый клад* мой честь была, Клад этот пытка отняла; *Другой* был *клад* невозвратимый Честь дочери моей любимой. Я день и ночь над ним дрожал: Мазепа этот клад украл. Но сохранил я *клад*

последний. Мой *третий клад*: святая месть. Ее готовлюсь Богу снести [10, т. 4, 278].

Натуральный ряд чисел лежит в основе шкалы приоритетов, объединяющей материальные и духовные блага, социальный престиж и другие ценности; ср.: *Первая честь, второй барыш* (пример из Словаря Даля). Человек руководствуется шкалой приоритетов при выборе жизненных целей; с ней согласует он дела, которые следует осуществить *в первую голову* и те, которые можно отложить *на последок*; по ней ранжируются роли, выполняемые людьми в том или другом социуме; наконец, по ней оценивается сам человек в зависимости от выполняемой им функции; ср.: *Петр — первый мужик на селе (первый парень на деревне) и Петр — последний на селе мужичонка*. Например: Поставьте какую-нибудь самую последнюю ничтожность у продажи каких-нибудь дрянных билетов на железную дорогу, и *эта ничтожность* тотчас же сочтет себя вправе смотреть на вас Юпитером (Достоевский).

А. Б. Пеньковский назвал такого рода оценку тимнологической (от греч. τὸ τιμώτατον 'самое важное, ценное, значительное') [9]. Росту отмечаемых на шкале количеств соответствует умаление значимости. Чем больше цифра, тем меньшую ценность она маркирует: быть на первых ролях значит быть важнее того, кто выполняет вторые, третьи и десятые роли, а играть последнюю роль значит быть последним человеком в театре или социуме. С последними не считаются, но до их номера нужно досчитаться. Не случайно, заканчивая перечень, англичане предупреждают: *Last, but not least*.

[Цифровой показатель, таким образом, обращен маркеру значимости. Шкала оценки основана на темпоральной модели Традиционного пути, в которой наибольший рейтинг получают предки, предшественники, первенцы, основоположники, старейшины и сенаторы.] Они возглавляют шествие, движущееся из будущего в прошлое. За ними идут потомки, эпигоны и подражатели [2]. Исключение составляет отнесение слова *последний* в «эсхатологическую» перспективу; ср.: *последние вопросы*, т. е. вопросы, касающиеся *последней истины* — природы мира и бытия Божия.

Тимнологической оценке сопутствуют другие виды оценки — оценка по качеству (*первый сорт, второй класс*) и этическая оценка. *Десятое* (по важности) дело становится *последним* делом на шкале этических показателей; ср. *Воровство — последнее ремесло; Заниматься воровством — последнее дело*. Переход от тимнологической оценки к этической может вызвать инверсию ценностей. На эсхатологическом пиру последние займут первые места, а первые станут последними.

Порядковое числительное *первый* переходит в разряд прилагательных градуированной семантики и развивает форму превосходной степени — *первейший*: Этот мир должен был открыться передо мною, и притом с *самой наилучшей стороны* — на вечеринке должны были быть *первейшие* представители литературы, *весь ее цвет* (М. Булгаков).

Ценностные коннотации вводят *первый* и *последний* в контакт с оценочными именами: *первый* — с именами положительной оценки (*первая красавица, первый смельчак*), *последний* — с именами отрицательной оценки (*последняя уродина, последний трус*). Например: Гетман сегодня позорно бросил нас всех, бежал! Бежал, как *последняя каналья и трус*! (М. Булгаков).

Последний (в оценочном значении) не сочетается с именами положительной оценки: **последняя красавица, *последний смельчак*. Можно было бы ожидать, что *первый* имеет запрет на сочетаемость с именами отрицательной оценки. Однако это верно не для всех контекстов. Есть случаи, когда *последний* не соединяется с именами отрицательной оценки, и как раз в этих контекстах его место занимает *первый*. Так, едва ли можно сказать *Петя последний лентяй среди лентяев* или *Из всех трусов (мошенников, воров) он последний трус (мошенник, вор)*. В таких случаях предпочтение отдается прилагательному *первый*: *Петя первый лентяй из всех лентяев; В нашем классе все бездельники, но Петя среди них первый*. Тем самым *первый* и *последний* четко противопоставлены в сочетании с именами нейтральной семантики (ср. *первый ученик* и *последний ученик*), но их оппозиция ослаблена в положении перед именами отрицательной оценки. Между тем прилагательное *последний* ни при каких условиях не может входить в позитивные контексты.

Чем можно объяснить асимметрию в употреблении этих прилагательных?

Напомним, что *первый* и *последний* отсылают соответственно к началу или концу оценочной шкалы. Оценка предваряется сравнением объектов, образующих некоторое множество. В результате сравнения объекты ранжируются. Матрицей шкалы оценок служит числовой ряд, на котором крайние позиции занимают объекты, получившие высокую положительную и отрицательную оценку. *Первый* и *последний*, подобно превосходной степени прилагательных, являются полярными термами [13, 72–78; 1, 251 и сл.] и в то же время допускают движение к пределу, сочетаясь с местоименным прилагательным *самый* (*самый последний негодяй*), а

первый, как упоминалось, имеет еще и форму превосходной степени — *первейший*.

Итак, *первый* и *последний* (в оценочном значении) выделяют объект из некоторого множества. Это подтверждается характерными для них контекстами; ср. *Петя в этой группе первый умница; Маша была в нашем городе первая красавица*. Предложения типа *Маша — первая умница* и *Вася — последний трус* ущербны, хотя и допустимы. Признак отношения к множеству очень важен при градуировании и усилении признаков. Так, сравнительная степень замыкает множество двумя объектами. Двучленное множество специфично. В нем не бывает «самых». Оно исключает поляризацию. В нем нет *первого* и *последнего* (если оставить в стороне анафорическое употребление этих слов). Быть красивее своей соперницы не значит быть *первой красавицей*. Второго (из двух) можно назвать *другим*, но не *последним*. Сравнительная степень не стремится к контрасту. Из двучленного множества можно выбирать, но не выделять. Превосходная степень предполагает более чем двучленное множество. В его рамках возможен контраст и выделение. Интенсифицирующие наречия градуируют признак безотносительно к какому-либо множеству; ср. некорректность предложений типа *Петя в этой группе очень (чрезвычайно) резвый ребенок* или *Вася среди нас большой лентяй*. В высказывании *Петя у нас большой умница* локализатор *у нас* не относит к множеству, а служит включению в сферу говорящего (ср. вопросы типа *Ну, какое у нас сегодня настроение?*). Фактор множества, таким образом, не безразличен для градуирования и поляризации значений.

Ниже будет показано, что асимметрия в употреблении прилагательных *первый* и *последний* связана именно с отношением к объему и составу того множества, из которого выделяется оцениваемый объект.

В предложениях типа *Петя в нашем классе первый (последний) ученик* речь идет об определении места данного ученика на общей шкале, охватывающей всех учеников класса — хороших и плохих. Они выстраиваются от плюсового полюса до минусового, от первого до последнего. Места на шкале соответствуют балансу плюсов и минусов и расположены в направлении убывания позитивных качеств и возрастания негативных. То же касается сочетаний прилагательного *последний* с именами отрицательной оценки. Можно сказать «Петя в нашем классе последний лентяй». Однако из этого предложения не следует,

что в классе нет прилежных учеников. Из предложения «Да он в нашем полку последний трус» не вытекает, что все прочие однопольчане трусы. Оцениваемый объект выделяется из числа всех прочих объектов, образующих множество. Прилагательное *последний* помещает объект на крайнем правом фланге аксиологической шкалы, и само получает сильные отрицательные коннотации. Оно, поэтому, может употребляться без явной отсылки к множеству, указывая на признак, устремленный к отрицательному пределу: *К кому вы обращаетесь? Это же последний негодяй.*

Последний негодяй, однако, может стать *первым негодяем*. Для этого необходимо провести конкурс негодяев. Тот, кто завоюет в таком конкурсе пальму первенства, станет из *последнего негодяя* (вора или мошенника) *первым негодяем* (вором или мошенником). Сочетаемость слова *первый* с оценочными именами, в том числе с именами отрицательной оценки, основана на конкурсном принципе. Конкурсу предшествует отсев. В нем принимают участие лишь носители высокой степени искомого свойства. Множество редуцируется. В конкурсе красоты участвуют лишь писанные красавицы. К конкурсу поэтов не допускаются рифмоплеты. Единая аксиологическая шкала распадается на позитивную и негативную части. Позитивная часть сохраняет прежний порядок и прежнюю направленность, а негативная инвертируется: последние (наихудшие) переходят в ее начало и становятся первыми.

Задача любого конкурса определить первых — лауреатов. Им предназначаются первые места. Победители помещаются на крайнем левом фланге, общем для единой шкалы и для шкалы, специально предназначенной для конкурсантов. Первая красавица в любом случае является красавицей номер один. *Первый* может относиться и к множеству всех объектов, и к множеству, ограниченному только носителями высокой степени позитивного признака; ср. *Маша в нашем классе первая красавица* и *Среди всех красотонок она первая*.

Иначе обстоит дело с конкурсом антигероев. По результатам такого конкурса победитель переходит с правого фланга единой оценочной шкалы на левый край шкалы антигероев. Так, в конкурсе воров первое место может занять тот, кого общество предпочло бы назвать не *первым*, а *последним вором*. Теперь же он может получить статус главного воровского авторитета или вора в законе. О нем будут говорить не с презрением, а с почтением. Конкурс заменяет этическую оценку профессиональной, взгляд

со стороны — взглядом изнутри. Стражи порядка склонны принимать взгляд изнутри и говорить на языке своих контрагентов. Сила и природа власти обнаруживает себя в языке. Власть либо заставляет подданных принять свой язык, либо сама усваивает язык определенных слоев общества.

Итак, *последний* в таких сочетаниях, как *последний вор* (*трус, враль, лентяй* и т.п.) выражает общую отрицательную оценку, ориентированную на некоторое множество объектов, оцениваемых позитивно и негативно. *Последний вор* противостоит не *первому вору*, а *честному человеку, последний дурак* — не *первому дураку*, а *умнице*. *Первый* в сочетании с именами отрицательной оценки маркирует левую позицию на шкале антигероев. Крайняя правая позиция на этой шкале не отмечается словом *последний*. Конкурс (и героев и антигероев) не позорит проигравших. Хотя все конкурсные места от первого до последнего нумеруются, цель конкурса, однако, состоит в том, чтобы определить победителей и чемпионов. Поэтому ту, которая заняла *последнее место* на конкурсе красоты, не называют *последней красавицей* и даже потерпевший неудачу на конкурсе воров не становится от этого *последним вором*. Противопоставление *первого* и *последнего* на конкурсной основе логически вполне возможно, но прагматика ограничивает эту оппозицию характеристикой конкурсных мест, не распространяя ее на занявших их лиц. Этому способствует и то обстоятельство, что конкурсных мест обычно бывает гораздо меньше, чем участников конкурса, и занять последнее место в этом случае не значит потерпеть неудачу: места распределяются между победителями.

Итак, различия между сочетаниями типа *первый лентяй* и *последний лентяй* определяются объемом и характером того множества, на фоне которого производится оценка.

ЛИТЕРАТУРА

1. Н. Д. Арутюнова. Типы языковых значений. Оценка. Событие. Факт., М., 1988.
2. Н. Д. Арутюнова. Время: модели и метафоры // Наст. сб., с. 51–61.
3. Т. В. Булыгина, А. Д. Шмелев. Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики). М., 1997.
4. Б. Гройс. О новом // Утопия и обмен. М., 1993.
5. В. И. Даль. Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1978–1980, т. 1–4.

6. Ф. М. Достоевский. Полное собрание сочинений в тридцати томах. Л., 1972–1990. Т. 4
7. Ю. Н. Караулов, Ю. А. Сорокин, Е. Ф. Тарасов, Н. В. Уфимцева, Г. А. Черкасова. Русский ассоциативный словарь. М., 1994, кн. 1–2.
8. М. А. Кронгауз. Время как семантическая характеристика имени // Семиотические исследования. М., 1989 (Вопросы кибернетики, вып. 159).
9. А. Б. Пеньковский. Тимиологические оценки и их выражение в целях уклоняющегося от истины умаления значимости // Логический анализ языка. Истина и истинность в культуре и языке. М., 1995.
10. А. С. Пушкин. Полное собрание сочинений в десяти томах. М., 1949.
11. Е. В. Рахилина. О старом // Наст. сб., с. 200–216.
12. А. А. Реформатский. Лингвистика и поэтика. М., 1987.
13. Э. Сэпир. Градуирование // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1985, вып. XVI.

Е. В. Рахилина

О СТАРОМ: АСПЕКТУАЛЬНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ПРЕДМЕТНЫХ ИМЕН

Как я люблю имена и знамена,
Волосы и голоса,
Старые вина и старые троны...

М. Цветаева

1. Вид как внутреннее время

Известно, что в языке не только глаголы, но и имена могут быть охарактеризованы по времени. Действительно, если грамматическое время глагола соотносит момент совершения действия с моментом речи (раньше, позже, одновременно), то совершенно так же могут быть охарактеризованы и некоторые имена, в том числе предметные, и среди них в первую очередь имена лиц. Этот эффект подробно описан в целом ряде исследований (ср., например: [13]; на русском материале: [6; 12; 4, 375]), где имена (по большей части — имена лиц) рассматриваются в контексте прилагательных *бывший*, *будущий* и под. Во всех этих работах речь идет о том, что сочетания типа *бывший чемпион* интерпретируются совершенно аналогично формам глаголов прошедшего времени: «время жизни» признака, который лежит в основе номинации соответствующего объекта, соотносится с моментом речи.

Между тем события и описывающие их глаголы имеют еще и так называемые «внутренние» временные характеристики, встроенные в значение лексемы. Их вполне можно назвать видовыми, так как именно благодаря виду ситуация оказывается как бы распределена во времени: она может быть сжата, растянута, повторена и т. д. Известной задачей в области семантики в связи с этим является построение классификации предикатов, которая бы отражала специфические различия между ситуациями, а именно: какого рода ситуацию описывает данный глагол — «склонную», подлежащую сжатию (или, например, повторению) или наоборот,

не допускающую этой и подобной ей операций: ср. в этой связи прежде всего пионерскую работу З. Вендлера [17], а на материале русского языка — [3]; из последних работ ср. [7], а также (в типологическом контексте) [8].

То, что аспектуальные характеристики присущи производным от глагола именам, можно, ссылаясь на пары типа *спаситель* — *спасатель*, считать общепризнанным (некоторые тонкие наблюдения на этот счет содержатся в работах Е. Я. Шмелевой, см. прежде всего [11]). Однако остается открытым вопрос, можно ли обнаружить коррелят глагольного вида (или — «внутреннего времени») в собственно предметной лексике и, опираясь на эти аспектуальные характеристики, построить ее классификацию. В связи с этой задачей рассматриваются употребления имен в атрибутивной конструкции с прилагательным *старый*¹.

Оговорим сразу, что предикатные употребления слова *старый* мы сознательно исключаем. Дело в том, что предикатные употребления вообще имеют особую семантику и, в отличие от атрибутивных, они не предполагают семантического согласования с именем, а как бы навязывают имени определенный признак. Это обстоятельство не раз отмечалось в литературе (ср. также ниже, раздел 5, Замечание); интересно, что в работах, написанных в рамках грамматики Монтегю, предлагается трактовка предикатного употребления как «экстенционального», а атрибутивного — как «интенционального» (см., в частности: [14, 10–11]; ср. также: [16, 7]).

2. Старые вещи

Для удобства изложения мы начнем с того материала, который касается неодушевленных объектов, и будем говорить преимущественно о «старых вещах», а не о «старых людях».

Среди контекстов употребления прилагательного *старый* с неодушевленными предметными именами можно выделить четыре интерпретации, которые, впрочем, часто сосуществуют, т. е. оказываются верны для одного и того же словосочетания.

Первая интерпретация: тип *старый лес*.

‘Давно возникший и существующий объект’.

Другие характерные примеры: *старый дуб, слон, гриб, мозоль* и т. п. Частым антонимом является в этих случаях *молодой*.

¹ Отметим, что прилагательное *новый* не является антонимом к *старый* в настоящем смысле этого слова; оно оказывается, в некотором роде, семантически более простым и подробно рассматриваться не будет.

Вторая интерпретация: тип *старая тряпка*.

‘Давно используемый и пришедший вследствие этого в ветхость и/или негодность объект’. Заметим, что эта интерпретация практически всегда сосуществует с какими-то другими, так что соответствующие примеры обычно оказываются многозначными.

Другие примеры: *старая одежда, лестница, дом, мебель* и т. п. Частым антонимом является в этих случаях *новый*.

Третья интерпретация: тип *старое русло*.

‘Не используемый в настоящее время объект’ (эта формулировка требует уточнений, см. ниже).

Другие примеры: *старое место, квартира, лыжня, пломба, повязка* и т. п. Частым антонимом является прилагательное *теперешний*; близким синонимом — прилагательное *прежний* (см. подробнее ниже).

Четвертая интерпретация: тип *старые монеты*.

‘Объект, созданный в прошлом и относящийся к прошлому’.

Другие примеры: *старые иконы, серебро, открытки*, ср. также: *старая Москва и старый город*. Частым антонимом является прилагательное *современный*; близким синонимом — прилагательное *старинный*.

Этим четырем интерпретациям, на наш взгляд, соответствуют следующие классы имен со своими особыми «внутривременными» характеристиками.

Имена первого класса (*старый лес*) можно сопоставить с глаголами типа градативов (термин из работы [7, 25–27]): *увеличиваться, уменьшаться, усиливаться* и под. Действительно, к этому классу относятся имена, которые обозначают природные объекты, изменяющиеся во времени (вообще, как мы увидим ниже, идея изменения во времени составляет существенный компонент инвариантного значения прилагательного *старый* и, таким образом, присутствует в семантике лексем всех типов, способных сочетаться с этим прилагательным). При этом оказывается, что, согласно языковой картине мира, далеко не все природные объекты изменяются, и, тем самым, не всякое имя природного объекта может сочетаться со словом *старый*: неизменными остаются солнце и огонь, небо и звезды (ср. **старое солнце*), со временем меняются деревья (но не цветы: увядший цветок просто перестает существовать), горы и утесы (но не холмы и ухабы), леса (за счет деревьев) — но не степь и тундра; одушевляемые звери, как бы сопоставимые с человеком (в том числе и по отпущенному им жизненному сроку), но не червяки и стрекозы (ср. **старая стрекоза/соловей*). «Стареют»

бес и ведьма (соответствующие имена с полным правом можно отнести в класс имен лиц), но не привидение, демон или чудовище.

«Глагольным» аналогом для имен второго класса (*старая тряпка*) могут служить делимитативы, описывающие ситуацию, строго ограниченную во времени: *прошел 5 километров, пропел песню* и под., потому что в этот класс попадают артефакты — имена, описывающие объекты, жизненный срок которых жестко фиксирован. *Старый* описывает в данном случае состояние объекта, в котором он находится, будучи в непосредственной близости от конца этого срока, причем все изменения, которые при этом возникают, однозначно воспринимаются как ухудшающие артефакт. Такой определенности не знают объекты первого класса: в отличие от *старой тряпки*, *старое дерево* не значит обязательно 'плохое' — оно изменилось по сравнению с прежним своим состоянием, но оно всего лишь обязательно другое, чем раньше. (В этом смысле имя *вино*, скорее, попадает в первый, а не во второй класс, то есть осмысливается не как артефакт, а как природный, живой объект с нежестким жизненным сроком: интерпретация сочетания *старое вино* ближе к интерпретации сочетания *старый дуб*, чем сочетания *старая шляпа*.)

Что касается имен третьего класса (*старое русло*), то в таксономии глаголов к ним, с нашей точки зрения, наиболее близки мультипликативы, называющие ситуации с повторением фаз: *прыгать, моргать, махать, кашлять, капать* и под. Обратим внимание, что во всех этих случаях следующая фаза вовсе не обязательно в точности повторяет предыдущую, более того, в нормальном случае эти фазы всегда нетождественны: если бы мы взялись аккуратно описывать множественную ситуацию, обозначенную глаголом *прыгать*, мы немедленно бы обнаружили, что следующая фаза (т. е. следующий прыжок) оказывается длиннее или, наоборот, короче предыдущего, резче или слабее, выше или ниже, и т. п. Но с точки зрения семантики глагола (а не описания его денотативной ситуации) это точно такая же фаза, как и предыдущая. Соответственно, в этот класс объединены имена, обозначающие, если так можно сказать, «сменные» объекты, которые обладают следующим свойством: на протяжении ситуации, в рамках которой эти объекты представлены в картине мира, возможна их смена; как только у одного кончается срок жизни, его место занимает такой же. Русло у реки есть всегда, но может настать момент, когда одно русло исчерпало себя, и тогда возникает новое; ср. также *старый картофель* ('прошлогоднего урожая'). Многочисленны в этом классе названия сменных частей

объекта (ср. *старая шина*, *старый кран*, и т. п.; разумеется, эти имена могут осмысляться и по второму классу — о проблеме множественной интерпретации см. ниже).

Во многом похожая картина обрисована в исследованиях [6; 12, 184–189; 4] применительно к контекстам с *прежний*: там речь также идет об одной и той же роли, которую могут брать на себя разные референты. Представляется, однако, что даже в этой узкой группе контекстов значение слова *старый* отличается от значений *прежний*: в первом четко прослеживается идея 'исчерпания ресурса', поскольку появление нового референта происходит по причине исчерпания ресурса предыдущего референта; играет роль и непрерывность этой смены. Конечно, это достаточно тонкие различия, в большинстве случаев они нейтрализуются и не видны, но в некоторых контекстах эта разница ощущается. Ср.: *В старой тюрьме было, пожалуй, получше* — так может сказать заключенный, если старое здание тюрьмы поставили на ремонт ('исчерпание ресурса'), но если человек сидел, потом был выпущен на свободу и через несколько лет опять попал в заключение, он скажет, скорее, *в прежней тюрьме*: смена объекта произошла после перерыва и по совсем другой причине.

В связи с этим свойством слова *старый* обратим внимание также на следующее обстоятельство.

Есть объекты, которые, ввиду особенностей их функционирования, можно было бы назвать даже не сменными, а «постоянно сменными», — к ним относятся, например, посуда для сервирования стола или скатерть. Между тем, предложение:

Положи мне второе в старую тарелку
оказывается в обычном случае (не имеющем в виду требование подать другой, старый сервиз) неприемлемым (следует сказать: *в ту же тарелку*).

Другой пример. Дама выбирает в магазине платье и примеряет по очереди два, после чего продавец вежливо рекомендует ей остановиться все же на первом, но он почему-то не может при этом посоветовать

— *Мадам, наденьте/купите/оставьте старое!*

хотя в этой ситуации очевидным образом происходила смена объектов.

В обоих случаях дело, на наш взгляд, в том, что при этой смене предыдущий объект не изменился или недостаточно изменился, и главное, не успел выработать своего ресурса, так что смена референта произошла по другой причине, чем завершение «жизненного цикла» объекта, а это нарушает условия употребления *старый*.

Наконец, к четвертому классу (*старые монеты*) относятся так называемые креативные имена, т. е. имена объектов, для которых маркирован момент возникновения, а часто и их автор, создатель². Такого рода объекты (к ним прежде всего относятся произведения искусства, архитектуры, литературы и т. п.) не стареют и не ветшают — они принадлежат к минувшей эпохе, связаны с ней и в каком-то смысле отражают ее. При этом легче всего креативная интерпретация возникает в случае генерического употребления (ср. также раздел, посвященный четвертому аспектуальному классу у имен лиц); так, в приводимых ниже парах к креативной интерпретации в большей степени тяготеет второй пример:

(i) *Не знаю, что делать с этими старыми книгами.*

(ii) *Открылся клуб любителей старой книги.*

(i) *В нашем старом доме не было лифта.*

(ii) *Старые дома строились иначе.*

Видимо, дело в том, что класс или множество объектов определенного типа связаны со своей эпохой прочнее, чем отдельный их представитель. Именно как отражение предыдущей эпохи они и существуют в настоящем. Это важнейшее свойство креативных имен; некоторым аналогом им в классификации глаголов можно было бы считать перфектные глаголы типа *вспомнить*: в ситуации, описываемой перфектным глаголом, собственно событие происходит давно и однажды (например, момент воспоминания), но затем это событие как бы сохраняет силу, так как неограниченно длящееся последующее состояние является его прямым результатом.

Вообще говоря, это очень небольшой, практически закрытый класс имен, однако можно считать, что в современном языке и современной действительности открылся мощный источник его пополнения за счет «морально устаревших» приборов, ср. в этом значении *старый телевизор/холодильник/компьютер* и т. д. Тем не менее, некоторое тонкое различие между, так сказать, «основными» представителями этого класса и его новейшим лексическим пополнением все же есть, и оно достаточно хорошо проявляется именно в сочетаниях с прилагательным *старый*: *старые картины/иконы/города* имеют в языке скорее положительную оценку, а *старый компьютер* или *холодильник* — отрицательную (интер-

² Интересно, что очень близкая группа имен выделяется при исследовании possessивности, в частности, контекстов с вопросительным *чей*. В отличие от обычных артефактов, предполагающих в ответе на такие вопросы владельца или пользователя вещи, вопросы с креативными именами предпочитают в качестве ответа имя создателя объекта (подробнее см. нашу работу: [9]).

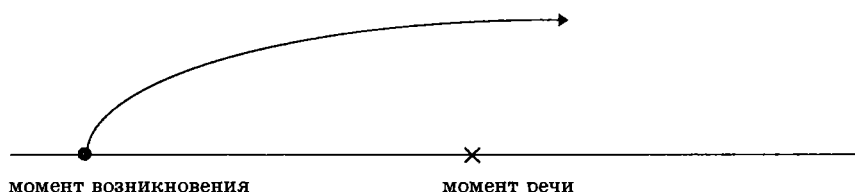
претация этого эффекта будет предложена в следующем разделе статьи).

3. Использование результатов аспектуальной классификации

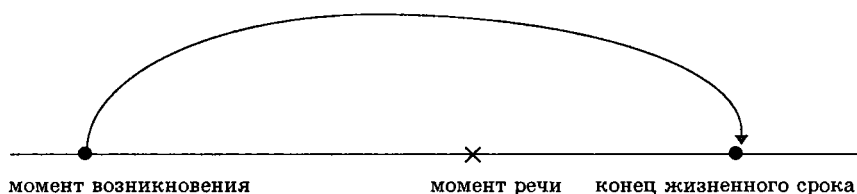
Таким образом, мы выделили четыре «аспектуальных» типа имен: природные объекты, артефакты с ограниченным сроком жизни, «сменные» и креативные объекты. Каждый из этих типов имеет свои встроенные временные параметры, причем, так же, как и в случае семантической классификации глаголов, нацеленной на описание видовых противопоставлений, эти параметры не навязываются лексеме синтаксическим или грамматическим описанием. Они естественным образом выделяются в ходе детального семантического анализа лексемы, причем такого семантического анализа, который предназначен отнюдь не только для установления ограничений на сочетаемость с временными операторами. Так, если мы описываем, например, лексему *дерево*, в этом описании должно быть обязательно сказано, что дерево — это природный (не созданный человеком) объект, что оно живое и растет, т. е. меняется с течением времени; если же мы описываем лексему *картина*, нам важно, что этот объект — произведение искусства, и, как произведение искусства, оно всегда является творением определенного человека, так что картина имеет не только имя и/или содержание, но и автора (авторов), и, так сказать, дату рождения. Как видно из этих примеров, все нужные нам аспектуальные характеристики имени легко выделить уже и в этих очень приблизительных с точки зрения лексикографа набросках. Другой вопрос — зачем нужно выделять эти аспектуальные характеристики из толкования и строить на этом основании именную классификацию.

Преимущество такого подхода к семантике имени проявляется, на наш взгляд, в частности, и при рассмотрении контекстов с прилагательным *старый* — ведь в таком случае *старый* представляется как временной оператор только с одним значением, которое можно было бы описать приблизительно как ‘возникший (начавший свое существование / созданный) давно относительно момента речи’. Что же касается различий в интерпретации конкретных употреблений, то они возникают в результате того, что в сочетании с именами того или иного типа это значение естественным образом уточняется.

Для имен первого класса (*старый лес*) — ‘возникший давно относительно момента речи и изменившийся за это время’:

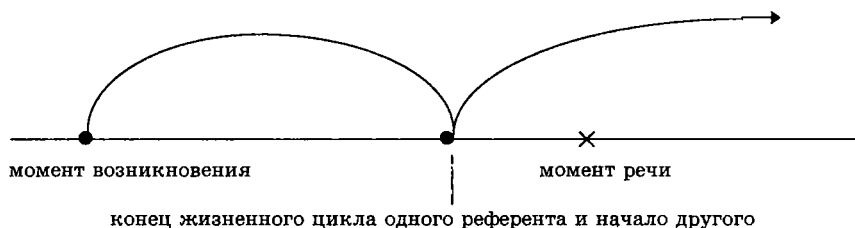

Для имен второго класса (*старая тряпка*) — ‘давно созданный’, причем это «давно» можно измерить: естественной мерой здесь служит фиксированный жизненный срок объекта (‘вещь, созданная так давно, что ее жизненный срок близок к концу’):

Именно это обстоятельство естественным образом объясняет возникающую в сочетаниях данных имен с прилагательным *старый* отрицательную оценку. Тем самым, оценка не является частью семантики *старый* (в русском языке *старый* ни в этом конкретном употреблении, ни вообще не значит ‘плохой’; см. ниже, где мы будем говорить о значении слова *старый* в контексте «креативных» имен), а возникает благодаря специфике имен этого аспектуального класса.

Для имен третьего класса (*старое русло*) мерой времени служит жизненный цикл одного референта, следовательно, в данном случае *старый* понимается как ‘возникший так давно, что жизненный цикл этого референта полностью завершился (и начался жизненный цикл следующего)’:

Для имен четвертого класса (*старые монеты*) — 'так давно, что прошла эпоха, с которой связаны эти вещи, и наступила другая'. Благоговейное отношение человечества к своему прошлому закреплено в языковой картине мира — не случайно ближайший синоним четвертого употребления *старый*, прилагательное *старинный*, имеет ярко выраженную положительную оценку. Точно так же, положительная оценка, как мы уже говорили, свойственна и сочетаниям с «основными» представителями этого класса (*старые картины* и др.). Что же касается группы имен — названий морально устаревших приборов, то в их оценочном поведении отражен тот факт, что они совмещают свойства имен четвертого и второго классов (артефактов с ограниченным сроком жизни). Действительно, все это вещи, которые человек специально сделал, чтобы их использовать в течение какого-то срока. Между тем, если с этой точки зрения рассматривать «основные» имена четвертого класса, то их использование — если вообще можно применительно к этим объектам говорить о чем-то подобном — в принципе другого рода и по крайней мере не предполагает срока истощения ресурса.

Отсюда отрицательная оценка в одном случае и ее отсутствие — в другом.

4. Об альтернативных решениях

В известных нам исследованиях задача описания семантики прилагательных не связывается прямо с построением семантической классификации существительных³.

Остановимся подробнее на работе Барбары Парти [15], в которой излагается классификация прилагательных (на материале английского языка) по семантическим типам. В частности, среди качественных прилагательных различаются тип *skillful* ('умелый'), тип *former* ('бывший') и тип *tall* ('высокий') — по способу интерпретации соответствующих сочетаний с существительными. Например, всякое множество *skillful N* оказывается подмножеством *N* (так, *skillful surgeon* 'опытный хирург' является элементом

³ Исключением является недавняя статья Дж. Р. Тейлора [16], в которой к анализу семантики английского прилагательного *old* применяются некоторые положения когнитивного подхода. Не имея возможности подробно разобрать здесь эту работу, отметим, что классификация английских существительных в ней в явном виде все же отсутствует, хотя автор указывает и на роль семантики имени в интерпретации конструкций с *old*, и на возможность постулирования у *old* единого значения.

множества хирургов вообще); однако прилагательное из класса *former* уже не удовлетворяет этому условию: *former senator* 'бывший сенатор' никак не может входить в множество сенаторов. С другой стороны, прилагательные типа *tall* характеризуются прежде всего тем, что они описывают контекстно зависимые признаки, интерпретация которых меняется в зависимости от объекта (ср. *высокий мальчик* и *высокий баскетболист*: значения размера, приписываемые в этих случаях, заведомо не совпадут). Поэтому возможны сочетания вида *tall for an East coast mountain* 'высокая для горы Восточного побережья', которые не встречаются у прилагательных других групп.

При таком подходе к семантике сочетаний прилагательных с именами средоточием всех различий оказывается не предметное имя, а прилагательное. Однако если бы мы при анализе нашего материала следовали такому подходу, то разные употребления *старый* должны были бы распределиться по разным семантическим типам прилагательных (ср. тип *former* — наша третья интерпретация сочетаний со словом *старый*, или тип *tall* — наша первая интерпретация). В свою очередь, это привело бы к неоправданному, на наш взгляд, нарушению целостности значения прилагательного — при том, что использование результатов аспектуальной классификации имен как раз позволяет избежать этого, ведь, несмотря на довольно обширные сочетаемостные возможности этого прилагательного, нам удастся во всех случаях обойтись одним значением слова *старый*.

В подтверждение этого тезиса мы позволим себе расширить зону рассматриваемых примеров и выйти за пределы неодушевленных объектов.

5. О старых людях

Действительно, оказывается, что если обратиться к именам лиц, которые мы вначале исключили из рассмотрения, то и в этой зоне картина будет очень близкой — в частности, имена лиц тоже делятся на четыре аспектуальных класса, во многом аналогичных рассмотренным ранее.

В **первый** класс попадают лица, с языковой точки зрения подверженные возрастным изменениям (ср. класс «природных объектов» типа *старый лес*): человек, бабушка, родители, негр, крестьянин, профессор, художник, мудрец и т. п. Это прежде всего имена национальностей, имена родства и имена некоторых профессий и

занятий. Что касается имен национальностей, то в данный класс они попадают все (за исключением, по-видимому, слова *русский* — возможно, по морфологическим причинам⁴). Между тем, далеко не все из имен родства могут быть охарактеризованы по возрасту, а только родственники старшего поколения: *тетя/дядя, отец/мать, бабушка/дедушка*. Любопытно, что ни братья и сестры, ни племянники, ни дети и внуки с языковой точки зрения как бы не имеют возраста, ср. сомнительность не только [?]*мой старый брат/племянник/внук/но* и [?]*мой пожилой/молодой внук/брат* и т. п.

Имена профессий и занятий в основном, как мы увидим, относятся к следующему классу, а в первый класс попадают только те, для которых менее всего значима профессиональная опытность. Это свойство, с одной стороны, творческих профессий, а с другой — занятий, не требующих специальных навыков. Так, например, мастерство писателя, в общем-то, не связано с тем, как долго он занимается литературным трудом; то же верно для лексем *музыкант, художник, ученый, няня, сиделка, волшебник, барин, бродяга, шут, палач, сторож, швейцар*, а также названий многих «должностей»: *инспектор, вождь, профессор, академик, адмирал, комендант* и др. Во всех этих случаях изменения, происходящие с течением времени (а это, как мы помним, важнейший компонент инвариантного значения слова *старый*), касаются не профессиональной характеристики лица, а лишь его возраста — отсюда «возрастная» интерпретация такого рода сочетаний с именами лиц.

Второй класс составляют имена лиц, выделяемые по некоторому признаку, такому, что этот признак сам способен попадать в сферу действия временного оператора, вытесняя из нее сему возраста человека: *старый друг* давно является другом (так сказать, «давно дружит»), и не важно, молодой он человек при этом или старый. Ср. также: *товарищ* («*Старый товарищ* бежать пособил...»), *воин* («Но отец твой — *старый воин*, закален в бою...»), *лгун, игрок, юрист, дипломат, разведчик* и мн. др. Легко видеть, что в этот список попадают в основном «настоящие» профессии, требующие обучения и навыка, а также свойства, набирающие силу со временем.

⁴ Обратим внимание, что встречающийся время от времени иронический неологизм *старые русские*, построенный как антоним к (кальке) *новые русские*, имеет другую интерпретацию и по нашей классификации, скорее, попадает в **четвертый** класс.

Вообще говоря, второй класс имен лиц похож на выделенный выше второй класс неодушевленных объектов, куда попали артефакты с ограниченным сроком жизни (*старая тряпка*), но сходство здесь только в акценте на функциональной составляющей. Никакой отрицательной оценки в классе имен лиц, в отличие от имен артефактов, не возникает — даже наоборот: старый солдат, конечно, отличается от молодого, но как раз за счет того, что он опытнее и, следовательно, «ценнее» его, так что в этом отношении данные контексты следует сближать уже не с артефактами, а с классом «природных объектов».

З а м е ч а н и е. Рассмотренные два класса имен лиц представляют с семантической точки зрения довольно сложную картину из правил и исключений. В особенности неясной представляется эта картина для первого, «возрастного», класса имен. Действительно, ведь всякое имя лица имеет, так сказать, право на возраст — и вдруг в языковой картине мира некоторым группам лексем в этом праве отказано. Можно еще понять, когда какое-то другое изменяющееся во времени свойство оказывается сильнее возрастной характеристики — именно так семантически может быть проинтерпретирован второй класс имен лиц, но почему целые группы имен вовсе не сочетаются с прилагательным *старый* и не принимают хотя бы «возрастной» интерпретации? Таковы прежде всего имена постоянных свойств, ср.: *личность, гений, лжец, двойник* и др. Аналогичным образом ведут себя и многие оценочные имена, ср.: *??старый хам/подлец/умница/лапочка/каса́тик* и др. Отметим здесь, что невозможны и сочетания этих имен с прилагательным *пожилой*, способным измерять исключительно возраст человека, ср.: **пожилой гений/лжец/хам/двойник/подлец* и т. п.

На наш взгляд, здесь можно усмотреть некоторую общую для естественного языка стратегию, и это единственное, что могло бы облегчить участь лексикографа, обреченного в противном случае лишь механически фиксировать поведение каждой лексемы в контексте прилагательного *старый*, — а именно, известный эффект семантического согласования в атрибутивных сочетаниях (ср., например: [5; 1, 13–15; 2] и др.), который в нашем случае можно было бы сформулировать так: если значение возрастной характеристики лица так или иначе встроено в семантику имени, то оно провоцирует «возрастную» интерпретацию сочетания в целом.

Что значит, что в семантику лексемы встроена возрастная характеристика? Во-первых, концепт лексемы может быть более или менее устойчиво связан с лицами определенного возраста, ср.: *академик, адмирал, профессор*, в отличие от значительно более неопределенных с точки зрения возраста должностей, как *чиновник, инструктор, руководитель, председатель* и т. д. Среди имен родства наиболее определены в отношении возраста как раз лица старшего поколения.

Во-вторых, признак, по которому осуществляется номинация, может так или иначе коррелировать с возрастом (усиливаться или ослабляться) — такого рода информация тоже составляет часть концепта имени, и сочетание интерпретируется как 'N вопреки или благодаря преклонным годам', ср.: *старый весельчак/ворчун/говорун* и т. д.

Наконец, общие имена лиц типа *человек, мужик, женщина* (сходную с общими именами семантическую структуру имеют, по-видимому, и имена национальностей) содержат переменную по возрастной характеристике — носитель языка понимает, что имя *человек* обозначает живое существо, которое не охарактеризовано, но может быть охарактеризовано по возрасту.

Во всех остальных случаях (в частности, когда имя названо по некоторому постоянному свойству) семантического согласования внутри атрибутивного сочетания не возникает, так как номинация имени не связана с возрастной характеристикой (ср. обсуждение сходных примеров в нашей статье [10]).

Третий класс имен лиц может быть очерчен достаточно ясно, и при этом он оказывается абсолютно аналогичен третьему классу неодушевленных объектов (типа *старое русло*) — это «сменные» должности и свойства: *директор, министр, декан, правитель* и под.

Четвертый класс оказывается самым малочисленным. Он тоже аналогичен четвертому классу собственно предметных имен, выступающих свидетелями своей эпохи (*старые монеты*); наиболее бесспорным представителем здесь является, на наш взгляд, слово *мастер*, ср.: *картины старых мастеров* — не 'пожилых', не 'опытных', не 'предыдущих', а тех, которые работали в старину ('старинных'); ср. также *старая интеллигенция, эмиграция, старые учителя* ('учителя старой школы'), *старые специалисты*. Так же, как для креативных имен важен момент их создания, для имен лиц, попадающих в четвертый класс, важно, чтобы характеризующее их свойство имело начало, точку отсчета, — мастером или интеллигентом (в отличие, скажем, от гения) можно в некоторый момент стать (чтобы потом им навсегда остаться), и это значит начать работать, как другие мастера (этой эпохи), или жить, как живет интеллигенция (этой эпохи). Отсюда, во-первых, невозможность в этом классе имен лиц, описывающих индивидуальные характеристики, — таких, как, например, лексема *герой*: героем можно стать, но при этом не происходит отождествления нового героя с его предшественниками-современниками; таким образом, именно благодаря сугубой индивидуальности

герой попадает не в четвертый класс, а, скорее, в класс лиц, описываемых постоянными свойствами и не допускающих при себе временного оператора *старый*. Во-вторых, из этого следует и «склонность» к генерическим употреблением, свойственная также креативным именам, ср. здесь допустимость интерпретации в смысле 'старинный, старых времен' таких сочетаний, как *старые офицеры/моряки/генералы/руководители* и мн. др., в единственном числе осмысляемых, как мы видели, по модели первого, второго или третьего аспектуального класса⁵. Как и в случае с неодушевленными креативными именами, этот класс употреблений допускает ярко выраженную положительную оценку.

6. О множественности именной классификации

Итак, каждый аспектуальный тип характеризует свою группу лексем и навязывает, в частности, сочетанию с прилагательным *старый* определенную интерпретацию, причем можно взять пару или даже группу близких по значению лексем и обнаружить, что за счет каких-то семантических различий они, тем не менее, попадают в разные аспектуальные классы. Например, в отличие от *старый букварь*, сочетание *старый учебник* понимается не столько как 'истрепанная книжка', но и как 'учебник предыдущего поколения', т. е. по типу *старое русло* (заметим, что допустима, в особенности во множественном числе, и четвертая интерпретация — 'старинные учебники'). Дело в том, что содержание букваря гораздо более неизменно, чем содержание учебника, и в учебнике, в отличие от букваря, меняется и устаревает не только форма — обложка, переплет и проч., но и способ изложения фактов (а может быть, и сами факты), поэтому учебник — имя *третьего* аспектуального класса, а букварь — *второго* (принципиальная возможность множественной интерпретации лексем обсуждается в настоящем разделе ниже).

⁵ В случае очевидных противопоставлений такого рода — практически минимальных пар — когда единственное число сочетания интерпретируется, скажем, по первому типу, а множественное по четвертому, становятся особенно заметны акцентные различия, сопровождающие разные типы употреблений наших сочетаний. Так, «возрастная» интерпретация предполагает, скорее, безударное *старый*, тогда как, при интерпретации по четвертому типу, *старый*, по-видимому, ударное. К сожалению, мы не имеем возможности остановиться на интонационной проблеме подробнее — это тема для отдельного и более специального исследования.

Имена лиц также предоставляют материал такого рода. Например, имя *грешник*, бесспорно, яркий представитель **второго** класса: с течением времени грехов становится больше, так что *старый грешник* — это много грешивший человек. Между тем *старый развратник* имеет только «возрастную» интерпретацию, — следовательно, количественные параметры (в отличие от случая с грешником) ничего не добавляют здесь к характеристике данного лица, — т. е., с точки зрения данного фрагмента языкового материала, как бы нельзя быть большим или меньшим развратником⁶. Что же касается способа семантического согласования в этом случае, то, на наш взгляд, здесь остается только одна из возможностей: 'N вопреки преклонным годам'. Любопытно, что сочетание **старый праведник* оказывается вовсе неприемлемым: имя *праведник* описывает постоянное свойство, не зависящее от возраста лица. Таким образом, *грешник* — это градуируемое, прогрессирующее со временем свойство (**второй** аспектуальный класс), *развратник* — постоянное свойство человека, но усугубляемое возрастом (**первый** аспектуальный класс), *праведник* — вне возраста и времени (подобные случаи фактически образуют отдельный, **пятый** аспектуальный класс).

Рассмотренные примеры призваны были убедить читателя, что даже небольшие семантические различия могут, вообще говоря, привести к тому, что похожие лексемы попадут в разные классы нашей классификации. Вместе с тем, чем больше общего в семантике двух лексем, тем, следовательно, больше вероятность их возможного объединения в один аспектуальный класс. Ну а если это одна и та же лексема? Может ли она относиться к разным классам, или это значит, что у нее необходимо различать более одного значения? Речь идет о примерах типа: «*Надень мои старые ботинки, они еще совсем новые*» (пример Д. Н. Шмелева), когда один и тот же объект (в данном случае — ботинки) осмысливается то как сменный, то как «стареющий» артефакт, и соответствующее имя должно, следовательно, попадать в разные аспектуальные классы. Примеров подобного рода очень много; в частности, как мы говорили, практически всякий раз интерпретации второго типа с неодушевленными артефактами сопутствует еще какая-то другая; ср. также только что разобранные примеры со словами *букварь* и *учебник*, где возникала возможность не только двоякой, но даже и троякой интерпретации сочетания.

⁶ Но ср.: *Не такой уж он большой развратник*.

На наш взгляд, множественная интерпретация имен естественна, потому что так устроена — по крайней мере в предметной зоне — и сама языковая классификация. Один и тот же предмет, вещь, лицо в языке отражается большой совокупностью разных свойств; эта совокупность имеет некоторую структуру, но вовсе не иерархическую — очень часто при описании предметной лексики трудно выделить безусловно доминирующую семантическую составляющую. Поэтому, даже будучи уже назван, объект может быть тем не менее воспринят по-разному, в зависимости от ситуации и контекста употребления имени, — т. е. в разных случаях могут выделяться разные свойства, и тогда имя может быть отнесено к разным семантическим типам одновременно. Ведь, например, *колодец* это одновременно (а не в разных своих значениях!) и емкость, и устройство. С точки зрения теории классификации это значит, что хорошую древовидную (таксономическую) классификацию на материале именной лексики построить нельзя: практически каждое имя будет «стремиться» в несколько классов одновременно, нарушая стройность картины, так что, видимо, лингвистически содержательная классификация имен должна быть фасетной.

Но сложность семантической структуры имени касается не только его таксономических характеристик — точно так же дело обстоит и с другими, в том числе, аспектуальными характеристиками. Что такое *игрушка*? Игрушка — это артефакт, игрушки могут ломаться, портиться и т. д., — у них есть свой срок жизни, поэтому когда мы говорим:

— *Давай починим старые игрушки!*

имеются в виду вещи, почти отслужившие свое время. Но с другой стороны, те же игрушки делаются в расчете на определенный возраст: погремушки, куклы, конструкторы — все это игрушки, предназначенные, чтобы сменять друг друга, поэтому в контексте:

Его старая любимая игрушка — бегающий мышонок — давно уступила место компьютеру —

имя *игрушка* обозначает сменный объект и должно быть отнесено к **третьему** классу. Наконец, те же игрушки придумывают, изобретают и изготавливают особые мастера, и используемые при этом способы и приемы, как это бывает при всякой творческой деятельности, оказываются характерными для своего времени, следовательно, во фразе типа:

В Париже прошла выставка старой игрушки —

оправдано ожидать интерпретации, при которой игрушка окажется в четвертом аспектуальном классе.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ю. Д. Апресян. Лексическая семантика. М., 1974.
2. Н. Д. Арутюнова. Семантическое согласование слов и интерпретация предложения // Грамматическое описание славянских языков. М., 1974.
3. Т. В. Булыгина. К построению типологии предикатов в русском языке // Семантические типы предикатов. М., 1982.
4. Т. В. Булыгина, А. Д. Шмелев. Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики). М., 1997.
5. В. Г. Гак. К проблеме семантической синтагматики // Проблемы структурной лингвистики 1971. М., 1972.
6. М. А. Кронгауз. Время как семантическая характеристика имени // Семиотические исследования. М., 1989 (Вопросы кибернетики, вып. 159).
7. Е. В. Падучева. Таксономические категории глагола и семантика видового противопоставления // Семиотика и информатика, 1994, вып. 34.
8. В. А. Плунгян. Вид и типология глагольных систем // Труды аспектологического семинара МГУ. М., 1996, вып. 1.
9. Е. В. Рахилина. Семантика посессивности и вопрос (о русской лексеме *чей*) // НТИ, сер. 2, 1996, № 4.
10. Е. В. Рахилина. Лексическое значение и коммуникативная структура // НТИ, сер. 2, 1992, № 6.
11. Е. Я. Шмелева. Названия производителя действия в современном русском языке (словообразовательно-семантический анализ). Дисс. ... канд. филол. наук. М., 1994.
12. Е. С. Яковлева. Фрагменты русской языковой картины мира (модели пространства, времени и восприятия). М., 1994.
13. Ö. Dahl. On points of reference // *Semantikos*, 1975, v. 1, No 1.
14. D. Lewis. General semantics // B. Partee (ed.). *Montague Grammar*. New York, 1976, 1–50.
15. B. Partee. Lexical semantics and compositionality // L. Cleitman, M. Liberman (eds). *Invitation to cognitive science, part 1: Language*. Cambridge (Mass.), 1995.
16. J. R. Taylor. Old problems: adjectives and Cognitive Grammar // *Cognitive Linguistics*, 1992, 3. 1, 1–35.
17. Z. Vendler. *Verbs and times* // Z. Vendler. *Linguistics and philosophy*. Ithaca, 1967.

О СЕМАНТИЧЕСКОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ВЫСКАЗЫВАНИЙ С ЧАСТИЦАМИ ЕЩЕ, ПОКА, УЖЕ

1. Семантическая интерпретация высказываний, в которых фигурируют лексемы *еще*, *пока*, *уже*, должна исходить из того, что описываемая ситуация рассматривается не сама по себе, а с учетом ее развития. *Еще* и *пока* вносят представление о нестабильности, временности рассматриваемой ситуации, а *уже* характеризует некоторое положение дел как новое, в его соотнесенности с тем, что ему предшествовало. При этом обычно используется два типа соотнесенных структур. Выражение исходной ситуации посредством конструкции *еще (пока) Р* предполагает, что конечная ситуация будет выражена конструкцией *уже не Р* (т. е. *еще (пока) Р → уже не Р*). И наоборот, противоположный способ описания чередования предусматривает другое соотношение: *еще (пока) не Р → уже Р*.

При исследовании конкретных употреблений рассматриваемых лексем целесообразно различать два типа контекстов: а) предложения, в которых так или иначе реализуется темпоральная валентность частицы (ср. [2]), обычно задающая временные координаты соответствующей эволюции; б) предложения, в которых темпоральная валентность не реализуется. В этом случае развитие ситуации, как правило, соотносится с временем речевого акта и, шире, с «временем говорящего» [1]. В данной работе будут рассматриваться только контексты второго типа.

Обычно выражение типа *еще (пока) Р* опирается на презумпцию перспективы прекращения текущей ситуации и констатирует ее сохранение в обсуждаемом временном интервале. Тогда *уже не Р*, опираясь на ту же презумпцию, вводит в поле зрения факт прекращения предшествующей ситуации. Выражение же типа *еще (пока) не Р* нормативно опирается на презумпцию перспективы наступления новой ситуации и констатирует, что в обсуждаемом временном интервале она не имеет места. *Уже Р*, опираясь на ту же презумпцию, вводит в поле зрения факт наступления ожидаемой ситуации Р.

В соотнесенных структурах нормативно должны употребляться одни и те же видо-временные формы Р. Ср.: *он еще спит (спал) → он уже не спит (не спал); он еще не спит (не*

спал) → *он уже спит (спал)*. Однако эта закономерность сохраняется только для Р-процессуальных предикатов и предикатов-состояний [3]. Для событийных предикатов в прошедшем времени тип соотнесенности *еще Р* → *уже не Р* становится невозможным. Ср.: *Он еще не приехал* → *Он уже приехал*, но **Он еще приехал* → **Он уже не приехал*. Причина этой аномальности объясняется противоречием, к которому приводит взаимодействие смысловых компонентов частиц и событийных предикатов. Действительно, частица *еще* в конструкции *еще Р (событ. прош.)* указывает на сохранение исходного положения дел, тогда как событийный предикат вводит в коммуникативный фокус наступление нового. В конструкции *уже не Р (событ. прош.)* частица *уже* имплицитно указывает на начало нового, а компонент *не Р (событ. прош.)* указывает на то, что новое положение дел не наступило. Таким образом, в левой и правой частях соотнесенных структур получается, что каждая из ситуаций одновременно существует и не существует, что и приводит к противоречию.

Отличительной особенностью структуры *еще не Р* (в противоположность *уже не Р*) является «неустойчивость» отрицания. Ср. в связи с этим пример из работы [5]: (1) *Ребенок еще не уснул* = 'Как известно, ожидалось, что ребенок уснет. То, что в настоящий момент он спит, неверно'. При этом имеется в виду, что ожидание того, что ребенок уснет, сохраняет свою правомерность: хоть в настоящий момент он и не спит, нет никаких оснований перестать считать, что он не уснет позже. В случаях же «обычного» отрицания нереализация так или иначе ожидаемого события Р свидетельствует о том, что данное предположение не оправдалось, — какое-либо ожидание осуществления Р в дальнейшем неправомочно (по крайней мере на временном отрезке, который говорящий считает релевантным с точки зрения описываемой ситуации — например, на интервале, входящем во время говорящего [1]).

Семантическое описание фраз с данными лексемами часто требует экспликации того эволюционного процесса, который ими маркируется. Для этого иногда нужно восстанавливать некоторое прототипическое высказывание, в котором эксплицируется реальная сфера действия этих слов. Ср. диалог: (2) *Уже Харьков?* — *Нет, еще Люботин*, где ответ является «сокращенным» выражением противопоставительного отрицания: 'Еще не Харьков, а Люботин'.

Иногда соотнесенные структуры ('еще Р' / 'уже не Р') могут быть «спрятаны» внутри значения слова. Ср. в этой связи утвердительные и отрицательные формы предиката *успевать*, употреб-

ляемые в настоящем и будущем времени — *х еще успевает (успевает) Р / х уже не успевает (не успеет) Р*: (3) *Он еще успевает (успевает) на поезд* = 'Временной ресурс, которым он располагает, еще достаточен (т. е. еще больше или равен временному ресурсу, нормативно необходимому), чтобы сесть в поезд'; (4) *Он уже не успевает (не успеет) на поезд* = 'Временной ресурс, которым он располагает, уже недостаточен (уже меньше временного ресурса, нормативно необходимого), чтобы сесть в поезд'. При этом (3) и (4) опираются на естественную презумпцию постоянного уменьшения временных запасов.

2. Следует подчеркнуть, что *еще* ориентировано на закономерность перехода от текущего «не Р» к Р (или наоборот), т. е. «не Р» должно раньше или позже уступить место Р. Если же у говорящего нет полной уверенности в необходимом наступлении Р, либо нет хотя бы приблизительного представления о времени наступления Р (пусть и необходимого), то предпочтительнее употребление частицы *пока*. Чтобы полнее уяснить соотношение *еще* и *пока*, рассмотрим конкретные примеры употребления конструкций *еще не Р*, *пока не Р*, *еще Р* и *пока Р*:

1) *еще не Р* — ср. (5) *Она еще не приехала* = 'Презумпция: Как известно, ожидается ее приезд. Ассерция: То, что в настоящий момент она находится здесь, неверно';

2) *пока не Р*. В отличие от *еще не Р*, конструкции *пока не Р* опираются на такую презумптивную идею о Р, которая допускает как необходимость, так и возможность наступления Р. В первом случае говорящий, констатируя в асертивной части, что Р не имеет места, дополнительно сообщает, что ему не известно точное время чередования «не Р → Р»:

пока не 1 Р — ср. (6а) *Она пока не приехала* = 'Презумпция: Как известно, она должна приехать. Ассерция: То, что в настоящий момент она находится здесь, неверно. Говорящий не располагает сведениями о том, когда она приедет'. Заметим, что употребление частицы *еще* в принципе безразлично к тому, знает или не знает говорящий, когда осуществится чередование «Р → не Р». Так, в (5) об этом ничего не сообщается. Поэтому (5) вполне применимо для описания той же ситуации, которая отражена в (6а) (при условии, что говорящий не располагает такими данными);

пока не 2 Р — ср. (6б) *Она пока не приехала* = 'Презумпция: Как известно, считается возможным, что она приедет. Ассерция: То, что в настоящий момент она находится здесь, неверно. У говорящего (по-прежнему) нет полной уверенности в том, что она приедет'.

Тот или другой тип интерпретации конструкции *пока не Р* во многом зависит от контекста, от взаимодействия частицы с семантикой *Р*. В связи с этим представляет интерес рассмотрение соотношения *еще не Р* и *пока не 2 Р* при описании ситуаций, которые рассматриваются как ступени некоторой иерархии, например, военной карьеры. Ввиду трудности достижения высших воинских званий, в высказываниях о том, что в обсуждаемом временном интервале некоторое лицо не достигло *n*-ного звания, употребление *пока не 2* становится тем предпочтительнее употребления *еще не* и *пока не 1*, чем более высокой ступени в данной иерархии соответствует звание *n*. Так, (7) *Он пока не генерал* (не в ироническом контексте) выглядит естественнее, чем (8) *Он еще не генерал*. (8) может быть сказано только об очень перспективном военном;

3) *еще Р* — ср. (9) *Она еще в Ростове* = 'Презумпция: Как известно, ранее она была в Ростове и со временем должна была покинуть Ростов. Ассерция: В настоящий момент она продолжает находиться в Ростове'. Заметим, что в зависимости от конкретных предтекстовых коммуникативных установок статус ассертивного компонента СемП (9) может интерпретироваться и как сообщение (см. выше), и как негативная оценка истинности: 'То, что она покинула Ростов, неверно' (например, если (9) является реакцией на только что высказанную слушающим уверенность в том, что она уже покинула Ростов);

4) *пока Р*. Отличительной особенностью данной структуры является отсутствие у нее ряда ограничений, свойственных только что рассмотренным конструкциям. Во-первых, *пока Р* (как и *пока не Р*) допускает градации модальностей (как необходимость, так и возможность наступления «не Р»). Во-вторых, идея о существовании *Р* может иметь статус как прагматической презумпции, так и семантической, допуская тем самым ассертивный режим введения соответствующего компонента. Благодаря этой особенности количество возможных интерпретаций *пока Р* возрастает:

пока 1 Р — ср. (10а) *Она пока в Ростове* = 'Презумпция: Как известно, ранее она находилась в Ростове, а спустя некоторое время должна была покинуть Ростов. Ассерция: В настоящий момент она продолжает находиться в Ростове. Говорящий не знает точно, когда она покинет Ростов';

пока 2 Р — ср. (10б) *Она пока в Ростове* = 'Презумпция: Как известно, ранее она находилась в Ростове. Можно было допускать, что спустя некоторое время она покинет Ростов. Ассерция: В настоящий момент она продолжает находиться в Ростове. У говоря-

щего (по-прежнему) нет полной уверенности в том, что она покинет Ростов'.

Значения *пока 3 Р* и *пока 4 Р* предусматривают отсутствие у соответствующих высказываний прагматических презумпций:

пока 3 Р — ср. (10г) *Она пока в Ростове* = 'В настоящий момент она находится в Ростове, а затем должна покинуть Ростов. У говорящего нет точных сведений о том, когда это произойдет'. Заметим, что именно такую интерпретацию (*пока 4 Р*) получает *пока* в распространенном предложении (11) *Она пока в Ростове, а потом должна ехать в Париж*, где дается конкретизация ситуации «не Р», в которую должна трансформироваться текущая неустойчивая ситуация Р. Ср. в связи с этим (12) *?Она еще в Ростове, а потом должна ехать в Париж*, где второе сочиненное предложение, будучи полноценным сообщением, воспринимается, тем не менее, как избыточное. Действительно, в прагматическую презумпцию высказываний типа *еще Р* входит указание о том, что ранее имело место заведомо нестабильное Р. При этом подразумевается, что слушающему либо известно, в какую ситуацию «не Р» должно трансформироваться Р, либо эта информация не является для него коммуникативно значимой. В то же время в (12) второе сочиненное предложение, конкретизирующее характер изменения, которое должно претерпеть текущее положение дел (ее пребывание в Ростове), подается как коммуникативно релевантная информация, вводимая впервые. Это противоречие и объясняет странность (12), подчеркивая тем самым еще одну грань противопоставления между *еще* и *пока*.

пока 4 Р — ср. (10в) *Она пока в Ростове* = 'В настоящий момент она находится в Ростове. Не исключено, что со временем она покинет Ростов'.

Рассмотренный материал позволяет также сформулировать правила использования «совместимых» форм *пока еще Р*, *пока еще не Р*. Такая форма может использоваться только тогда, когда условия употребления *пока* (*пока не*) оказываются совместимыми с условиями употребления *еще* (*еще не*). Как мы видели, *еще Р* нормативно опирается на презумпцию существования Р и его временности (точно так же, как *еще не Р* — на презумпцию существования и временности «не Р»). Такие условия заведомо не выполняются для *пока 3 Р* и *пока 4 Р*, которые предполагают асертивный режим введения представления о Р. Они также не выполняются для *пока 2 Р* и *пока не 2 Р*, которые допускают только возможность изменения текущей ситуации и не могут поручиться за ее однозначную нестабильность. Следовательно, совместимые

формы *пока еще Р* и *пока еще не Р* возможны только для употреблений *пока 1 Р* (*Она пока еще в Ростове*) и *пока не 1 Р* (*Она пока еще не приехала*). Как было отмечено выше, присутствующий в этих формах с *пока* компонент 'отсутствие у говорящего сведений о времени ожидаемого чередования' является нерелевантным для *еще* и поэтому никак не препятствует его совмещению с *пока*.

3. Высказывания типа *уже Р*, *уже не Р* констатируют осуществление соответствующего нормативного перехода и обычно опираются на прагматическую презумпцию закономерности данного чередования (от *Р* к «не *Р*» или наоборот). Если к моменту речевого акта эта презумпция у слушающего актуализована, то такие высказывания указывают на осуществление того, что ожидалось, неся характер подтверждения, и поэтому интерпретируются посредством положительной оценки истинности: (13а) *Ребенок уже не спит* = 'То, что ребенок уже не спит, верно = То, что ребенок еще спит, не верно, верно'. Заметим, что аналогичную функцию ассертивного подтверждения выполняет и адвербиальный предикатив *наконец(-то)*, с той лишь разницей, что он ориентирован только на схему чередования от «не *Р*» к *Р*, поскольку нормативно требует, чтобы *Р* выражалось предикатом в утвердительной форме: (14) *Он наконец приехал* = 'То, что он приехал, верно'. При этом в состав значения *наконец* входит актуализованная прагматическая презумпция длительного (существенно больше нормы) ожидания *Р*, которое, к тому же, положительно оценивается субъектом ожидания. Если же презумпция закономерного чередования исходной и последующей ситуаций у слушающего к моменту речевого акта не актуализована, то тогда высказывание *уже не Р* выполняет функцию опровержения сохранения прежнего положения вещей: (13б) *Ребенок уже не спит* = 'То, что ребенок еще спит, неверно'. Ср. также (15) *Он уже не майор, а подполковник*.

В то же время конструкция *уже не Р* в аналогичной функции может использоваться и тогда, когда у слушающего вообще нет презумпции закономерности перехода от *Р* к «не *Р*», либо даже если происшедшая смена ситуаций носит незакономерный, случайный характер: (16) *Он здесь уже не работает* = 'То, что он продолжает здесь работать, неверно'.

Важно подчеркнуть, что в высказываниях *еще Р* (*еще не Р*), *уже Р* (*уже не Р*) употребление *Р* в форме настоящего времени автоматически совмещает время существования описываемой ситуации со временем речевого акта. В этом случае при интер-

претации структур *уже Р* (*уже не Р*) происходит как бы переориентация временных координат говорящего: новая ситуация помещается во временной интервал, в котором мыслит себя говорящий, а прежняя ситуация «уходит» из него в интервал, непосредственно предшествующий времени говорящего. В этих условиях *уже не Р* становится квазисинонимичным конструкции *больше не Р*, ср. (17) *Он здесь больше не работает*. Общим компонентом в трактовке этих структур является указание о том, что во время говорящего входит новое положение дел — то, что его прежняя работа здесь прекращена. Но в отличие от *уже не Р*, *больше не Р* содержит еще и семантический компонент, указывающий, что «не Р» будет сохраняться и в сколь угодно отдаленном будущем, выходящем за пределы времени говорящего: (17) = 'То, что он продолжает здесь работать, неверно. Нет никаких оснований полагать, что он будет работать здесь когда-нибудь впредь' (т. е. и в том будущем, которое в силу его отдаленности не входит во время говорящего), ср. [2]. При этом, в отличие от *уже не Р*, конструкция *больше не Р* не является аксиологически нейтральной, содержа варьирующуюся (положительную или отрицательную) имплицитную оценку говорящим произошедшей перемены.

Если *уже не Р* маркирует нормативное перемещение вверх по произвольной шкале, то *больше не Р* может констатировать однонаправленное перемещение только по шкале чисто темпоральной, ср. (18) *Он больше не ребенок (не юноша)*, (где прекращение прежнего состояния сопровождается определенной аксиологической оценкой). В то же время применительно к иерархической шкале, перемещение по которой носит не безусловный, а вероятностный характер, *Х больше не Р* не может обозначать переход на последующую ступень, а констатирует вообще падение со шкалы. В этом случае имеется в виду, что *Х* не только перестал занимать ступень *Р*, но и не занимает на данной шкале уже никакой ступени (ни выше, ни ниже *Р*). Так, (19) *Он больше не генерал-майор* означает, что он вообще перестал быть военным: (19) = 'Его нынешний статус не есть военный в звании генерал-майора, а есть гражданский'. Для *уже не Р* аналогичный эффект наблюдается в случае, если *Р* обозначает высшую ступень в соответствующей иерархии, ср. (20) *Он уже не царь (не президент...)*.

4. Как видим, интерпретация высказываний с частицами *еще*, *пока*, *уже* не может осуществляться без учета взаимодействия значений частиц с такими свойствами предиката *Р*, которые так или иначе отражают степень устойчивости описываемой им ситуации. В большинстве рассмотренных выше примеров пропозиции,

выступающие семантическими актантами *еще* и *пока*, приобретают подобные свойства (ср. временность ее пребывания в Ростове) чисто контекстуально: оказываясь актантом частицы, пропозиция получает данное качество просто в силу отсутствия каких-либо «противопоказаний» к нему.

В то же время существует множество предикатов, которые содержат указания о временности описываемой ими ситуации независимо от контекста — на словарном или энциклопедическом уровне. Такие имманентные характеристики лексических единиц влияют на их сочетаемость с частицами. Примерами могут служить обозначения социально-возрастных категорий — «участков», на которые принято нормативно членить «временную ось» жизненного цикла человека, иногда и с учетом его социального положения, ср.: *ребенок, мальчик, подросток, юноша, молодой человек, зрелый человек, пожилой человек, старик; воспитанник детского сада, дошкольник, школьник, учащийся, студент, молодой специалист, служащий, пенсионер* и т. д. Следует указать на несовместимость подобных обозначений ситуации Р с *пока*, ср. (21) ?*Она пока школьница*; (22) ?*Он пока студент* на фоне абсолютно нормальных примеров (23) *Она еще школьница*; (24) *Он еще студент*. Действительно, употребления *пока* 2, *пока* 4 предполагают неоднозначность нестабильности Р. В то же время именные сказуемые *школьница, студент* однозначно указывают на временность обозначаемых ими состояний, что и объясняет странность (21–22). С другой стороны, если представить, что в (21–22) реализованы употребления *пока*, предполагающие отсутствие у говорящего точных сведений о времени чередования Р → «не Р» (если ситуация Р рассматривается как заведомо нестабильная), то тогда пришлось бы допустить, что говорящий не знает точно, каков предельный срок, в течение которого данному лицу осталось пребывать школьницей или студентом. Но это противоречит нормальным представлениям, так как подобные сведения нормативно составляют общий фонд знаний говорящего и слушающего.

Важно подчеркнуть, что в подобных высказываниях семантическая специфика частиц *еще, уже* проявляется особенно ярко. В таком контексте легко выявляется тот факт, что в сферу действия *еще* допускаются только такие ситуации, из которых в принципе возможен «выход» (в данном случае — переход в следующую возрастную или социально-возрастную категорию). В свою очередь в сфере действия *уже* допустимы лишь ситуации, нормативно имеющие «вход» (здесь — из более ранней возрастной группы). Поэтому, например, аномальны фразы типа (25) **Он уже*

младенец (ребенок), (26) **Он еще старик (пенсионер)*, ср.: [4, 55]. Действительно, возрастные категории *младенец, ребенок* маркируют самую первую стадию жизненного цикла, не имеющую, с точки зрения наивной картины мира, никакой предшествующей стадии. С другой стороны, обозначения *старик, пенсионер* соответствуют последнему участку жизненной шкалы, не имеющему выхода ни в какой другой участок той же шкалы. Если же какое-либо наименование соотносится с промежуточным этапом, нормативно имеющим и «вход» и «выход», то оно легко сочетается с *еще* и *уже*, ср. (27) *Он еще в детском саду / Он уже в детском саду*; (28) *Он еще школьник / Он уже школьник* и т. д.

Эти же свойства данных частиц проявляются в их сочетаниях с обозначениями ситуаций, не соотносимых с участками шкал. Примером может служить самое устойчивое из всех состояний, которое имеет вход, но не имеет выхода: (29) *Он уже мертв*, но (30) **Он еще мертв*. Противоположный эффект дает сочетание с частицами обозначения предшествующего состояния, у которого есть «выход», но отсутствует «вход»: (31) *Он еще жив*, но (32) **Он уже жив*.

Представляют интерес в этом плане также и наименования ситуаций, выход из которых, будучи в принципе возможным, нормативно нежелателен (при том, что они имеют вход). Так, нормальное восприятие фраз типа (33) *Она еще замужем*, (34) *Он еще женат* предполагает, что слушающий обладает существенно большей предварительной информацией, чем это требуется для понимания фраз (35) *Она уже замужем*, (36) *Он уже женат*.

В большинстве случаев коммуникативная структура высказываний, образуемых сочетанием частиц с данными обозначениями, получает несколько иную интерпретацию по сравнению с примерами типа (9), где предполагается, что слушающему известно, какая нестабильная ситуация ('она находилась в Ростове') имела место ранее. В принципе фразы типа (23–24) также могут быть проинтерпретированы по подобной схеме. В самом деле, в частном случае при их осмыслении слушающий может исходить из конкретных прагматических презумпций относительно конкретного лица. Так, произнося (37) *Иван еще студент*, говорящий может исходить из предварительной информированности слушающего о том, что Иван был студентом, а цель (37) состоит в сообщении того, что к моменту речевого акта он еще не закончил ВУЗ. Аналогично (38) *Иван уже студент* может быть ориентировано на предварительную осведомленность слушающего о намерении Ивана стать студентом, например, о сдаче им вступительных экзаменов. Тогда (38) сообщает, что Иван достиг своей цели.

Однако другое, более вероятное осмысление данных и многих других похожих примеров привязано к иной схеме: в этих ситуациях слушающий впервые узнает о том, на каком стадийном участке жизненного цикла находится лицо, ставшее предметом обсуждения. При этом ситуация Р, обозначенная наименованием текущего «этапа», как бы помещается в контекст развития некоторого воображаемого процесса, благодаря чему она начинает рассматриваться как участок определенной шкалы и получает ту или иную количественно-аксиологическую оценку «с точки зрения» данной шкалы. Тем самым *еще* и *уже* маркируют не чередование (или сохранение) определенных ситуаций, а эволюцию их количественной оценки ('еще мало' / 'уже много'). Выделяются, например, такие типы шкал: «возраст», «степень зрелости», «уровень возможностей», «степень достижений». Одна и та же ситуация может иногда рассматриваться как участок разных шкал и оцениваться по-разному.

Так, (39) *Он еще ребенок (в детском саду, школьник)* может интерпретироваться как 'Он ребенок (в детском саду, школьник), т. е. ему еще далеко до преклонного возраста' (абсолютная оценка «мало» по шкале возраста) и, с другой стороны, как 'Он ребенок (в детском саду, школьник, т. е. еще не достиг зрелости' (абсолютная оценка «мало» по шкале зрелости). Обратимся к дальнейшим примерам. (40) *Он уже старик (пенсионер)* = 'Он старик (пенсионер), т. е. уже достиг (близок к) преклонного возраста' (абсолютная оценка «много» по шкале возраста); (41) *Он уже в детском саду (школьник)* = 'Он в детском саду (школьник), т. е. уже достиг возраста большего, чем можно было ожидать' (относительная оценка «много» по шкале возраста);

В этом плане представляют интерес конструкции типа *ему под (за) X лет*, используемые для приблизительного указания на зрелый или поздний возраст, соответственно меньший, чем X (*под X*) или больший, чем X (*за X*), где X — число лет, кратное 10, и больше 20 (ср.: **Ему под (за) 10*, **ему под (за) 20*, но *ему под 30 (40, 50...)*, *ему за 30 (40, 50...)*).

Поскольку подобные структуры ориентированы на указание зрелого или преклонного возраста, в них естественно употребляется *уже*: (41) *Ему уже под (за) 30 (40, 50)* = 'Ему меньше (больше) 30 (40, 50) лет, т. е. он уже достиг зрелости' (абсолютная оценка «много» по шкале зрелости); (42) *Ему уже под (за) 60 (70, 80...)* = 'Ему меньше (больше) 60 (70, 80...) лет, т. е. он близок (или достиг) к преклонному возрасту' (абсолютная оценка «много» по шкале возраста).

По понятным причинам в данных конструкциях недопустимо употребление *еще* — ср. **Ему еще под (за) 30 (40, 50...)*. В то же время *еще* вполне употребимо в функционально схожих «приблизительных» конструкциях, которые, однако, не оценивают чей-то возраст как зрелый или преклонный. Здесь мы сталкиваемся со шкалой иного типа: (43) *Ему еще около 30 (40, 50) лет* = 'Ему около 30 (40, 50) лет, т. е. его возможности еще не исчерпаны (большие)' (абсолютная оценка «много» по шкале возможностей).

Еще один тип шкал представлен в примерах (44–45): (44) *Он уже студент (кандидат, доктор)* = 'Он студент (кандидат, доктор), т. е. уже достиг многого (с учетом возраста)' (относительная оценка «много» по шкале достижений); (45) *Он еще студент* = 'Он студент, т. е. еще не достиг многого' (абсолютная оценка «мало» по шкале достижений).

ЛИТЕРАТУРА

1. Ю. Д. Апресян. Дейксис в лексике и грамматике и наивная модель мира // Семиотика и информатика, вып. 28, М., 1986.
2. И. М. Богуславский. Сфера действия лексических единиц // Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук. М., 1993.
3. Т. В. Булыгина. К построению типологии предикатов в русском языке // Семантические типы предикатов, М., 1982.
4. Е. М. Вольф. Функциональная семантика оценки. М., 1985.
5. Е. В. Падучева. Высказывание и его соотносительность с действительностью. М., 1985.

Анна А. Зализняк, А. Д. Шмелев

ВРЕМЯ СУТОК И ВИДЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Обоим авторам статьи приходилось отмечать про себя некоторую неуместность приветствия «Доброе утро!», с которым многие западные слависты, даже хорошо знающие русский язык, обращаются к своему коллеге из России, встречая его на работе до полудня. Как мы постараемся показать, эта неуместность вызвана не просто различием в употреблении этикетных формул, но коренится непосредственно в значении слова *утро*.

Часто обращают внимание на то, что границы между временами суток не совпадают в представлении носителей разных языков. Так, для говорящих на английском или французском языке утро (*morning, matin*) — это часть суток от полуночи до полудня (ср. англ. *one in the morning*, франц. *une heure du matin*); для носителей русского языка время, непосредственно следующее за полуночью, — это ночь, а не утро, ср. *час ночи, два часа ночи*, но не: **час утра, *два часа утра*. Однако такого рода поверхностными различиями специфика представлений о времени не исчерпывается. Чрезвычайно важной, на наш взгляд, является та особенность русской языковой картины мира, что в ней языковое обозначение времени суток в значительной степени определяется деятельностью, которая его наполняет. Обоснованию этого тезиса и посвящена настоящая статья.

Данные русского языка позволяют восстановить соответствующий фрагмент языковой картины мира следующим образом. День заполнен деятельностью; утро начинает дневную деятельность, а вечер кончает; ночь — это как бы «провал», перерыв в деятельности. Ночью нормально человек спит; утро для человека наступает, когда он просыпается после ночного сна.

Если же человек ночью не спал, то утро наступает, когда просыпаются окружающие люди (или природа) и вокруг возобновляется жизнь.

Представление об утре как о начале дня (а о вечере как о конце) отражено в метафорах, связанных со словами *утро* и *вечер*. Так, в стихотворении Пушкина «Телега жизни» выражение *с утра* отсылает к молодости (началу жизни), а *под вечер* — к старости (концу):

...
С утра садимся мы в телегу;
Мы рады голову сломать
И, презирая лень и негу,
Кричим: пошел!.....

Но в полдень нет уж той отваги;
Порастрясло нас; нам страшней
И кособоры и овраги;
Кричим: полегче, дуралей!

Катит попрежнему телега;
Под вечер мы привыкли к ней
И дремля едем до ночлега —
А время гонит лошадей.

Впрочем, это представление не является специфичным для русского языка. Та же метафора использована, например, в знаменитой загадке, загаданной Сфинксом Эдипу: «Кто ходит утром на четырех ногах, днем на двух, а вечером — на трех?».

Связь утра с идеей начала, а вечера — с идеей конца проявляется в сочетаемости соответствующих слов русского языка. Мы говорим *рано утром*, *поздно вечером*, *поздно ночью*, но не говорим **рано днем*, **рано ночью*. По-видимому, дело в том, что параметры 'рано' и 'поздно' применяются к суткам в целом, а не к отрезкам, обозначаемым словами *утром*, *вечером*, *ночью*. Сами наречия *рано* и *поздно* имеют при этом особое значение: 'в начале' и 'в конце' — а не 'раньше нормы' и 'позже нормы', как при независимом употреблении (ср.: *Он рано начал говорить*, *поздно женился*, *рано умер*; *Он лег спать рано*, *а проснулся поздно* понимается как то, что он лег спать вечером раньше, чем обычно ложатся, а проснулся утром позже, чем обычно просыпаются). Итак, *рано утром* значит 'в самом начале (дня)', а *поздно вечером* и *поздно ночью* — 'в самом конце (дня или суток)'. Наоборот,

сочетания *рано вечером* и *поздно утром*, использованные, например, в стихотворении Л. Мартынова «Первый снег», звучат странно и находятся на грани допустимости:

Ушел он рано вечером,
Сказал: «Не жди. Дела...»

...
Вернулся поздно утром он
В двенадцатом часу...

Прилагательные *ранний* и *поздний* в этом же значении обладают более свободной сочетаемостью:

- (1) Я в этот день почти не обедал и с *раннего вечера* просидел у одного инженера (Дост., БАС).
- (2) *Поздним утром*, когда... над избами столбами поднимался лиловый дым, в деревню ворвались пять троек с колокольчиками (Гладк., БАС).

Прилагательные *ранний* и *поздний* имеют те же два значения, что и наречия *рано* и *поздно*: 'наступивший раньше/позже нормы' и 'начинающийся'/'приближающийся к концу'. При этом здесь имеется определенный параллелизм в обозначении трех типов временных циклов: сутки, год и человеческая жизнь. В первом значении ('наступивший раньше/позже нормы') прилагательные *ранний* и *поздний* сочетаются с обозначением любого события, приуроченного, в нормативной картине мира, к определенному времени суток, времени года или возрасту. Так, *поздний ужин* означает ужин, происходящий позже некоторого нормального для ужина времени дня, *ранние холода* — холода, наступившие в этом году раньше обычного, *ранний брак* — вступление в брак раньше того возраста, когда люди обычно женятся, и т. д. Прилагательные *ранний* и *поздний* в этом значении могут применяться также к временам года и к жизненным фазам, ср.: *ранняя старость* (старость, наступившая раньше положенного срока), *поздняя весна* и т. п. В сочетаниях типа *раннее прощанье* или *поздние слова* имеется в виду несоответствие некоторому предполагаемому или желаемому сроку (вместо нормы выступает соотношение с некоторым другим событием).

В значении 'начинающийся'/'приближающийся к концу' прилагательное *ранний* сочетается со словами *утро*, *весна*, *детство*, *молодость*, а *поздний* — со словами *вечер*, *ночь* и *осень* (о сочетаниях *ранний вечер* и *позднее утро* см. выше; вместо *поздняя*

старость по-русски говорят *глубокая старость*, а сочетания *глубокая ночь* и *глубокая осень* существуют наряду с *поздняя ночь* и *поздняя осень*). Слова *день*, *лето* и *зрелость* не сочетаются ни с тем, ни с другим прилагательным: во всех трех временных циклах этот срединный этап концептуализируется как «плато», т. е. как нечто статическое, неизменное на всем своем протяжении, неградуируемое — в отличие от «начальных» (утро, весна, молодость) и «конечных» (вечер, осень, старость) этапов.

Характерны также сочетания *с самого утра* (ср. *с самого начала*) и *до самого вечера, до самой ночи* (ср. *до самого конца*); *до самого утра* значит 'до начала следующего дня' — поскольку, как мы постараемся показать дальше, в бытовом представлении именно утром проходит граница между сутками.

Русский язык располагает средствами для весьма детализированного обозначения первой части суток — ср. выражения *утром, поутру, с утра, под утро, к утру, утречком, с утречка* (с *утреча*), выбор между которыми производится, в частности, в зависимости от того, чем человек занимался до и чем предполагает заниматься после наступления этого времени суток.

Утром является наиболее общим по смыслу выражением.

- (3) Я знаю, век уж мой измерен; // Но чтоб продлилась жизнь моя, // Я *утром* должен быть уверен, // Что с вами днем увижусь я (Пушкин).
- (4) Я объяснюсь с ним завтра *утром*, скажу, что люблю другого, и навсегда вернусь к тебе (Булгаков).
- (5) Шел бой. Каждый день он начинался *утром* при бледном свете снега, а кончался при желтом мигании пылкой лампы «молнии» (Булгаков).

Наречие *утречком* — близкий синоним к *утром*, отличающийся от последнего стилистической окраской: употребление слова *утречком* вносит в высказывание оттенок бодрости и имеет целью передать хорошее настроение говорящего¹. Ср. (6) и сомнительное (7):

- (6) Я *утречком* хотел бы сбегать на речку искупаться.
- (7) ??Завтра *утречком* я хотел бы подольше поспать.

¹ Употребление уменьшительно-ласкательного суффикса по отношению к *утру* означает готовность и желание приступить к дневной деятельности, началом которой является утро; отсюда — оттенок бодрости.

Остальные выражения разбиваются на две группы. Наречия *наутро*, *поутру* (в большинстве употреблений), *с утра* и *с утречка* используются при локализации во времени ситуаций, только что возникших или возобновившихся после перерыва на ночь. Наоборот, выражения *под утро* и *к утру* допустимы лишь когда речь идет о продолжении ситуации, которая занимала непосредственно предшествующий период времени, т. е. ночь. Например: *жара спала лишь под утро (к утру)*, но не **с утра*; *Вечером пили вино, а с утра — коньяк* (был перерыв; скорее всего, ложились спать), но: *Вечером пили вино, а под утро — коньяк* (пили без перерыва, или, во всяком случае, не ложились спать). Ср. также: *Вещи они собрали под утро* (собирали всю ночь) и *Вещи они собрали с утра* (начали и кончили собирать утром).

*С утра*² отличается от других выражений тем, что здесь наиболее отчетливо проступает семантический компонент 'начиная день'; ср:

- (8) *С утра*, свой тусклый образ брея, // глазами в зеркало уставясь, // я вижу скрытного еврея // и откровенную усталость (Губерман).
- (9) Ты поедешь на дачу *с утра*? — Нет, мне надо еще сначала приготовить обед.
- (10) Я, *с утра* угадав минуту, // Когда ты ко мне войдешь, // Ощущала в руках согнутых // Слабо колющую дрожь (Ахматова).
- (11) Она приходила ко мне каждый день, а ждать я ее начинал *с утра* (Булгаков).
- (12) Что за дом у нас такой! И этот *с утра* пьяный (Булгаков).

Соответственно, предложение *Он пришел с утра* не может быть понято как 'пришел домой': если человек приходит домой утром, то этим он не начинает новый день, а заканчивает предыдущий. С другой стороны, *Он пришел на работу (в гости) с утра* означает, что он начал день с того, что пришел на работу (в гости). По той же причине нельзя сказать **Он вернулся с утра*. Наоборот, *Он ушел с утра* понимается как 'ушел из дома', а не 'из гостей'.

² Следует отличать наречное выражение *с утра* от сочетания существительного с временным предлогом *с* (ср. *с пяти часов*, *с понедельника*); так, предложение *Он с утра ничего не ел* имеет два понимания: 'ничего не ел утром' (понимание *с* наречным выражением) и 'утром поел, а с тех пор ничего не ел' (существительное *с* предлогом, ср. *не видел его с октября прошлого года*). Выражение *с утра до вечера* содержит сочетание существительного с предлогом.

В указанном отношении с *утра* противопоставлено выражению *под утро*, в котором заключена идея 'заканчивая предшествующий день'. Поэтому *Иван пришел под утро* нормально понимается как сообщение о возвращении домой, причем одновременно указывается, что отсутствие Ивана дома затянулось на всю ночь. Надо сказать, что *пришел под утро* уже содержит некоторую негативную оценку, так как в нормативную картину мира входит представление о том, что ночью человек находится дома (и при этом спит). О человеке, приехавшем из командировки, — даже если это было в полшестого утра — странно было бы сказать *Он вернулся под утро*.

Как уже говорилось, в отличие от остальных выражений *под утро* и *к утру* употребляются при описании ситуации, продолжающей то, что длилось в течение ночи. Наречное выражение *к утру*, в общем, наследует значение свободного сочетания существительного с предлогом, ср. *к пяти часам*, *к первому сентября* и т. п.

(13) *К утру* буря утихла.

(14) ...всю ночь, беденькая, не спала и заснула только *к утру* (Писем., БАС).

(15) Мы все переломали ноги, и нас разбросало по склону. У меня, кажется, сломана только нога. *К утру* сползли к обломкам самолета восемь человек (Аксенов).

(16) Недели через две получил «Новый мир», среди дня распоряжение из ЦК: *к утру* представить ни много ни мало — 23 экземпляра повести (Солженицын).

(17) *Под утро*, когда устанут влюбленность и грусть и зависть, // и гости опохмелятся и выпьют воды со льдом (Галич).

(18) Заснул он *под утро*, а когда проснулся и вспомнил сцену с женой, быстро привел себя в порядок и, выпив чаю, поспешил уйти от неизбежного объяснения (Горький).

(19) А у меня — слеза, // жидкая бирюза, // просыхает *под утро* (Бродский).

Между *под утро* и *к утру* имеется, кроме того, различие в фокусе внимания: употребляя выражение *под утро*, говорящий рассматривает ситуацию в ее связи с предшествующим процессом, как завершающую этот процесс; у *к утру*, наоборот, в фокусе внимания находится результирующее состояние, влияющее на ход дальнейших событий. Ср. *Буря утихла только под утро* (важно, что продолжалась всю ночь), но *К утру туман рассеялся и вдали показались горы*. Именно поэтому *к утру*

может локализовать состояния и те события, результатом которых является некоторое состояние (ср.: *К утру он был совершенно трезв / знал уже все подробности этого происшествия*; см. также примеры (14), (15), но не **К утру произошло нападение*); это, однако, не может быть процесс: соответственно, предложение типа *Гости расходились к утру* имеет только узуальное прочтение. Наоборот, *под утро* может локализовать события и процессы (ср. *Гости разошлись/расходились под утро*), но не состояния (поскольку, как уже было сказано, *под утро* фиксирует внимание на предшествующем процессе): нельзя сказать **Под утро он был мрачен* (надо — *стал* или *сделался*).

Наречие *наутро* отличается от других выражений тем, что содержит отсылку к некоторой ситуации, имевшей место ранее: *наутро* означает 'утром следующего дня (после ночного перерыва)'. Употребление слова *наутро* бывает уместно только если в поле зрения участников коммуникации находятся события предшествующего дня (например, упоминаются в тексте). Ср.:

- (20) Как я пишу легко и мудро! // Как сочен звук у строк тугих! // Какая жалость, что *наутро* // я перечитываю их! (Губерман).
- (21) *Наутро* больному стало лучше [т. е. либо после сна, либо после перерыва в наблюдении].
- (22) А *наутро* она уж улыбалась // Перед окошком своим, как всегда (песня).
- (23) К ночи они достигли подножия западных склонов и здесь разбили лагерь. [...] *Наутро*, впервые после того, как они оставили Четвуд, они увидели тропу (Стругацкие).

По той же причине *наутро* нормально не употребляется для обозначения утра сегодняшнего дня; ср. (24) и (25):

- (24) Как-то раз мы поздно сидели и громко разговаривали, а *наутро* соседка сделала мне реприманд.
- (25) Вчера мы сидели и разговаривали, а сегодня утром (**сегодня наутро*) соседка сделала мне реприманд.

Однако, при смене режима повествования это ограничение снимается: *Сидим мы вчера, разговариваем, а наутро встречаю я соседку*, и т. д.

Слово *поутру* имеет два класса употреблений. Чаще всего оно выступает как синоним *наутро*, т. е. значит 'утром следующего дня'. Например:

- (26) Разбудив казака довольно невежливым толчком, я побранил его, посердился, а делать было нечего! И не смешно ли было жаловаться начальству, что слепой мальчик меня обокрал, а восемнадцатилетняя девушка чуть-чуть не утопила. Слава богу, *поутру* явилась возможность ехать, и я оставил Тамань (Лермонтов).
- (27) А *поутру*, когда всходило солнце, // В приморском кабаке в углу матрос рыдал (песня) [имеется в виду: на следующее утро после только что описанных событий].
- (28) А *поутру* они проснулись: // Вокруг примятая трава (городской романс).
- (29) А *поутру* пред эскадроном // Я снова буду трезв и прям, // Отсалютую эскадроном, // Как будто вовсе не был пьян (песня).
- Однако для слова *поутру* возможно, особенно в поэтическом тексте, и более широкое значение 'утром'; в этом значении *поутру* имеет разговорную или архаическую окраску. Ср:
- (30) А однажды *поутру* // Прискакала кенгуру (К. Чуковский).
- (31) А гадость пьют из экономии, // Хоть *поутру*, да на свои (Высоцкий).
- (32) И сам не знает *поутру*, куда поедет ввечеру (Пушкин).

В разных языках, а также в разных подсистемах внутри одного языка границы между временами суток проводятся по-разному; различным может быть также момент, который считается началом новых суток.

Так, началом новых суток может считаться:

- 1) заход солнца (библейское представление);
- 2) наступление полуночи (официально-юридическое);
- 3) момент пробуждения человека после ночного сна (бытовое).

Официальная граница суток используется, например, при указании времени отправления поезда; при переводе на бытовой язык эта граница естественным образом сдвигается. Так, если на билете указано время отправления поезда, например, 10 августа, ноль часов тридцать минут, то 9-го числа мы говорим: «Я уезжаю сегодня в половине первого ночи», — или, если речь идет о более отдаленном будущем: «...в ночь с девятого на десятое». Официальная граница суток используется в быту только отдельными педантами, которые настаивают, что после полуночи вместо «завтра вечером» следует говорить «сегодня вечером».

Библейское представление о границе суток (сутки начинаются с захода солнца) регулирует порядок богослужений, при этом в бытовой речи оно практически не используется. Даже священник, объявляя расписание богослужений, говорит: «В субботу вечером мы будем служить воскресную всенощную». С расхождением между бытовым и библейским представлением о границе суток связано недоразумение, случившееся с сыном одного из авторов, которого звали в гости *в субботу вечером*, что, как выяснилось впоследствии, для хозяев, ортодоксальных евреев, означало временной интервал, который бытовым языком обозначается как *вечером в пятницу*.

Обозначение времени суток в русской языковой картине мира, как уже упоминалось, зависит от того, какой деятельностью оно заполнено, — в отличие от западноевропейской модели, где, скорее, наоборот, характер деятельности, которой надлежит заниматься, детерминирован временем суток. «*Jetzt wird gefrühstückt: jedes Ding hat seine Zeit*»³, — говорит героиня оперы «Кавалер Роз» в ответ на порыв страсти, охвативший утром ее юного любовника.

Соответственно, в большинстве европейских стран день структурируется «обеденным перерывом», который носит универсальный характер и расположен в интервале от 12-ти до 2-х. Время суток до этого перерыва (т. е. от полуночи до полудня) называется «утро». Часть времени после этого перерыва и приблизительно до конца рабочего дня имеет специальное название, точного эквивалента которому в русском языке нет: франц. *après-midi*, англ. *afternoon*, нем. *Nachmittag*, итал. *pomeriggio*. В некоторых контекстах это слово может быть переведено как *после полудня*, *послеполуденный*; в других наиболее близким переводным эквивалентом здесь является просто слово *день*; ср.: *Ci vediamo domani nel pomeriggio* и *Давай встретимся завтра днем*, но: *Il a dormi tout l'après-midi* не равно *Он проспал весь день*. Днем по-русски означает промежуток времени с неотчетливыми границами: не с самого утра, но до наступления вечера («утро» — это время начала человеческой дневной деятельности, а «вечер» — это время, когда дневную деятельность пора заканчивать). Иногда европейскому «послеполудню» соответствует русское *вечер*, ср. объявление в поликлинике *Хирург принимает по четным числам утром, по нечетным — вечером*

³ «Сейчас мы будем завтракать (букв.: сейчас завтракается): каждой вещи свое время».

(при этом «утренний» прием может продолжаться с 10-ти до 2-х, а «вечерний» — с 2-х до 6-ти); на конференции *séance du matin* соответствует *утреннему заседанию*, а *séance de l'après-midi* — *вечернему заседанию*.

Ночь в русском языковом сознании — это «провал», перерыв в деятельности, время, когда люди спят (поэтому, например, выражение *провести ночь с кем-то* имеет скабрезный оттенок: о человеке, засидевшемся в гостях до утра, не говорят, что он провел ночь с хозяевами). Если по тем или иным причинам человек не ложился спать, то в некотором смысле у него не было ночи. Ночь в таком случае как бы выпадает из суточного цикла, а утро наступает непосредственно после вечера. Ср. следующие примеры:

- (33) По вечерам у нас были рабочие совещания, которые продолжались до пяти утра.
- (34) Ей никуда не хотелось уходить, хотя и было, по ее расчетам, уже поздно. Судя по всему, время подходило к шести утра (Булгаков).

Вечер — это конец дня. При этом семантика конца, заключенная в значении слова *вечер*, нетривиальным образом взаимодействует с семантикой *начала*, присутствующей в выражении *с вечера* (параллельном выражению *с утра*). *С вечера* означает 'начиная накануне вечером деятельность, основная часть которой запланирована на следующий день', ср.: *собрать вещи с вечера*, *приготовить обед с вечера*. Если деятельность, произведенная вечером, не имела релевантного продолжения на следующий день, выражение *с вечера* употребить нельзя, ср. **поел с вечера*, **лег спать с вечера*. Ср, однако: *Он как залег с вечера, так и проспал весь следующий день*: выражение *с вечера* здесь возможно, потому что означает 'вечером накануне (того дня, когда происходила основная часть процесса сна)'.

Итак, возвращаясь к началу: неуместность обращения «Доброе утро!» к коллеге на работе (каковое может быть воспринято как намек на то, что человек имеет невыспавшийся вид) вызвана тем, что утро в русском языковом сознании начинает день и дневную деятельность человека. Соответственно, приветствие «Доброе утро!» представляет собой нечто вроде поздравления с пробуждением и пожелания, чтобы то, что ждет человека после пробуждения, было приятным. С этим приветст-

вием можно обратиться к человеку лишь сразу после того, как он проснулся и еще ничего не успел сделать: тем самым оно уместно, вообще говоря, лишь между людьми, которые проснулись в одной квартире (доме, палатке). Если же человек находится утром на работе, это означает, как минимум, что он туда пришел (или приехал), а перед этим, по-видимому, умылся, оделся и, скорее всего, позавтракал, т. е. его дневная деятельность уже давно началась. В ситуации конференции, школы, экспедиции, дома творчества и т. д. люди, живущие в разных комнатах одной гостиницы или общежития, встречаясь утром на общем завтраке, также обычно приветствуют друг друга словами «Доброе утро!», так как завтрак представляет собой начало их дневной деятельности. Соответственно, человек может в порядке своего рода возражения или отклонения этого приветствия ответить, например, что вообще-то он с шести утра сидит работает или уже совершил двухчасовую прогулку по окрестностям.

Аналогичное приветствие в западноевропейских языках (в тех, где оно есть, т. е., например, в немецком и в английском — в отличие от французского и итальянского) не содержит указанного ограничения, связанного с началом деятельности: слова «*Good morning!*» или «*Guten Morgen!*» уместны в любой момент времени с утра до обеденного перерыва. С другой стороны, если человек, по тем или иным причинам, пробудился от ночного сна лишь в два часа пополудни, по-русски приветствие «Доброе утро!» по отношению к нему будет вполне уместно (хотя и звучит несколько иронично) — что вряд ли можно сказать про английский или немецкий язык.

Тем самым, если для русской модели времени суток структурно значимыми являются моменты пробуждения, начала и конца дневной деятельности, то для западноевропейской модели — полночь и полдень (и связанный с полуднем обеденный перерыв). В некоторых языках с полуднем связано обозначение не только послеобеденного, но также и утреннего времени: например, в немецком наряду с *Morgen* существует *Vormittag* (по аналогии с *Nachmittag*).

Своеобразная комбинация двух упомянутых моделей времени суток отражена в пьесе Б. Шоу «Другой остров Джона Буля». Персонаж, выдающий себя за ирландца, приветствует англичанина словами «Доброе утро» — хотя дело происходит после полудня — и в ответ на недоумение англичанина говорит, что для него утро продолжается, пока человек не пообедал, букв. «ничего

не ел после завтрака». Как мы видим, этот подход сходен с русским тем, что выбор обозначения времени суток определяется не столько астрономическим временем, сколько деятельностью человека, а с западноевропейским — тем, что в основу кладется не время пробуждения, а время принятия пищи.

Анализ предложенного языкового материала, как кажется, подтверждает расхожее представление о том, что русские в целом более свободно обращаются со временем, чем жители Западной Европы: сами обозначения временных интервалов основаны не на астрономическом времени, а релятивизованы относительно человеческой деятельности, в них заключенной.

НАРЕЧИЕ СЕЙЧАС (ЯДРО И ПРОТОТИПЫ)

1. Двухкомпонентная структура языкового значения. Описание инвариантного компонента значения на языке семантических примитивов

В статье на примере анализа значения вокабулы *сейчас* иллюстрируется структура языкового значения Ядро — Прототип(ы) и два вида описания ядра (инварианта): внутреннее (на языке семантических примитивов) и внешнее (на языке первичных концептов).

1.1. Структура языкового значения. В [2, 91–132] на примерах анализа конкретных языковых значений было показано, что значение языковой единицы, в частности, слова, может быть представлено в следующем виде: Ядро — Прототип(ы), где ядро — это инвариантная компонента значения, отражающая характеристические свойства всех его прямых референтов, а прототипы — это типизированные значения, отражающие свойства типичных употреблений (контекстов) или типичных классов референтов слова. Такая структура обусловлена двумя различными семантическими функциями слова: а) референциальной, используемой говорящим при языковом описании действительности (образование референции слова, т. е. соотнесение его ядра с референтом) и б) коммуникативной, используемой слушающим при восприятии и осмыслении слова в тексте, когда слушающий, не зная стоящей за текстом действительности, выбирает подходящий в данном контексте прототип слова). Прототипы — это поверхностный уровень семантики слова. Они отражают внешние, часто наглядные черты референтной ситуации. По сути дела хорошие толковые словари в идеале описывают именно прототипические значения. Ядро же — объект, недоступный непосредственному осмыслению. Оно отражает внутренние черты референтной ситуации, проявляющиеся либо косвенно, либо вообще не имеющие внешних манифестантов. Поэтому ядро — по существу задает интерпретацию референта, т. е. приписывает ему некоторые

гипотетические, не идентифицируемые непосредственно свойства. Ядро выявляется в результате специального (референциального) анализа слова и, как правило, имеет более искусственный и неудобоваримый для неспециалиста вид.

Пример¹. И словари Ожегова и МАС [6; 4], и лингвисты в своих недавних работах [5, 55–79; 7, 271 и сл.] в целом сходным образом выделяют и описывают лексические значения слова *сейчас*. Мы здесь будем опираться, главным образом, на упомянутую работу И. А. Мельчука [5], в которой дан детальный анализ этого слова, в результате которого было выделено четыре его значения (лексемы). Приведем пока только первые три из них.

Сейчас1 = 'В момент речи (или период, включающий момент речи)'.

(1) *Сейчас-то ты лучше помолчи* (момент речи).

(2) *В Канаде инфляция сейчас не так уж высока* (период, включающий момент речи).

Сейчас2 = 'В ближайший момент после момента речи'.

(3) *Сейчас как дам в морду!*

Сейчас3 = 'В ближайший момент перед моментом речи'.

(4) *Коля сейчас заходил.*

Почти все эти (и многие последующие) примеры взяты из книги Мельчука [5].

В словарях [4; 6] и в книге Е. В. Падучевой [7] также отмечаются значения 1–3. Сходство взглядов разных лексикографов свидетельствует о том, что приведенные описания адекватно отражают представления носителя русского языка о семантике этого слова. Мы хотим показать, что *Сейчас1* — *Сейчас3* фактически являются прототипами в том смысле, что каждое из них порождается некоторым ядерным значением путем наложения на него типичных (прототипических) свойств контекста.

В качестве первого приближения к ядру можно предложить такое описание:

(5) *Сейчас X* \approx 'Событие X имеет место (локализовано) в ближайшей окрестности момента речи'.

¹ Приводимый ниже анализ значения слова *сейчас* представляет собой переработанный вариант раздела 9 из «Московского лингвистического альманаха», см.: [2, 179–184].

В этом определении фактически утверждается, что главное воздействие оператора *сейчас* на временную ось — это сужение окрестности момента речи, в которой происходит событие. Глагольное время и другие семантические элементы высказывания локализуют событие относительно момента речи (до / после / в момент речи) в рамках этой «ближайшей окрестности», порождая прототипические значения *сейчас* 1 — *сейчас* 3.

В самом деле, если в примерах (1)–(4) опустить *сейчас*, то конкретная локализация описываемого события относительно момента речи (до / после / синхронно моменту речи) не изменится (а это значит, что не *сейчас* задает эту локализацию). Сохранится и интуитивно ощущаемая окрестность, заключающая событие. Правда, эта окрестность станет гораздо шире «ближайшей» (условимся называть ее «панорамной окрестностью»). Ср.: *К Мише нельзя: он сейчас с дамой* (ближайшая окрестность) и *К Мише нельзя: он с дамой* (панорамная окрестность); *Сейчас по радио объявили о повышении цен* и *По радио объявили о повышении цен*. Следовательно, исходно локализацию события на оси времени задают в высказывании две характеристики: а) (по умолчанию) некоторая («панорамная») окрестность момента речи и б) (явно) указатели положения события в этой окрестности относительно момента речи (вид и время). Наречие же *сейчас* задает дополнительную локализацию события — выделяет в панорамной окрестности ее наиболее актуальную для говорящего часть — «ближайшую» окрестность. Тем самым указывается, что событие (действие) происходит не в широкой панорамной окрестности, а в ее более узкой и более значимой для говорящего части.

С особой отчетливостью это проявляется при анализе референций. Высказывание *Иван, мы пойдем смотреть слона* вполне корректно, если «момент речи» — утро, а событие X «пойдем смотреть слона» запланировано на вечер. (Если это событие запланировано на завтра, то высказывание без указателя *завтра* выглядит несколько странно. По умолчанию («панорамная окрестность») предполагается, что X осуществится сегодня.) Однако высказывание *Иван, мы сейчас пойдем смотреть слона* уже будет не корректно не только в этой ситуации, но даже если событие «пойдем смотреть слона» ожидается во второй половине дня. В то же время оно будет корректным, если это событие ожидается, скажем, через полчаса после «момента речи» («ближайшая окрестность»).

Как мы видим, референтом слова *сейчас* можно считать отрезок оси времени, содержащий момент речи и событие X. Рефе-

речения будет некорректной, если ближайшая окрестность момента речи не охватывает событие X.

Итак, имеем: Ядро (*Сейчас*) — Прототипы (*Сейчас 1*, *Сейчас 2*, *Сейчас 3*). Прототипы возникают (генезис) в результате соединения (в следствие многократных употреблений слова *сейчас*) ядра с видо-временным контекстом и последующего разграничения (на уровне поверхностного сознания) трех прагматически важных типов локализации события X: до / после / синхронно моменту речи. Следует подчеркнуть, что выявление ядра ни в коей мере не отменяет прототипы. Они явно представлены в сознании носителей языка и поэтому должны фигурировать в толковом словаре (ядро в него, конечно же, помещать не следует).

2. Описание инварианта (ядра) вокабулы *сейчас* на языке первичных концептов

2.1. Метафора человекоподобного робота. При формировании семантических описаний полезно иметь в виду и явно оговаривать их адресат (для кого или чего они предназначены). В зависимости от адресата (обычного толкового словаря, модели «Смысл ↔ Текст» и т. д.) описания могут естественным образом весьма сильно различаться. Один из адресатов наших описаний — человекоподобный робот, обладающий телом, перцептивным аппаратом и представлением действительности, подобным человеческому, но не обладающим естественным языком. Наша цель: строить описания, которые были бы «понятны» такому роботу, т. е. непосредственно соотносились бы с его дискретным представлением действительности. Конечно, эту цель не следует понимать буквально. Человекоподобный робот — это, скорее, метафора, использование которой помогает осознать актуальность описания семантики внеязыковыми средствами, обеспечивающими более полную экспликацию значения.

Ориентация на человекоподобного робота предполагает отказ от языка семантических примитивов — «неопределяемых слов, не допускающих дальнейшей семантической редукции» [1, 468], т. е. слов естественного языка, поскольку, в отличие от человека, наш робот их не понимает. Здесь необходимо использовать другой язык, а именно: язык первичных концептов — значимых для языка обобщений элементов модели мира робота (= имеющегося в его «мозгу» дискретного представления о мире). Эти обобщения естественно называть языковыми концептами, поскольку они

выражают индуцированную языком классификацию (концептуализацию) уже имеющейся у робота доязыковой картины (модели) действительности.

Вернемся к ядру (5). Основная трудность заключается в том, чтобы сделать понятным (= соотнести с концептом) выражение «ближайшая окрестность». Действительно, во-первых, окрестности событий *Сейчас как дам в морду!; О чем это вы сейчас говорили?* и событий *Я сейчас прекрасно пообедал; Мария сейчас вымоет пол* — весьма различны, что не мешает высказываниям быть корректными. В других же случаях увеличение окрестности делает высказывание некорректным. Ср.: *Миша был сейчас с Машей у начальника / в буфете* (окрестность небольшая) и *Миша был сейчас с Машей *в театре / *в Подмоскovie* (окрестность больше).

Для более детального объяснения семы «ближайшая окрестность» и замены ее соответствующим концептом нам понадобится ввести в рассмотрение три вида референциального времени (подробнее о них см.: [2, 169–179]).

2.2. Референциальные типы глагольного времени. Опираясь на анализ глагольных референций, удастся выделить три разномасштабных временных оси, или три значения референциального времени глагола: текущее (*Собака пьет воду, Иван машет нам рукой*), актуальное (*Иван пьет чай, Солнце заходит*) и фоновое время (*Мария пьет микстуру уже второй месяц, Дерево растет*).

Текущий процесс разворачивается буквально на глазах говорящего. Соотнесенное с ним высказывание описывает изменения, синхронные моменту наблюдения и распознаваемые на весьма малом (соизмеримом с моментом речи) интервале времени микро-Т. Пример: *Смотри, Иван идет*. Референция корректна, если в момент речи имеет место непосредственно наблюдаемый (текущий) процесс-референт «идет». Например, референция *Когда я вошел, Иван читал книгу*, в которой глагол *читал* употреблен в текущем значении, будет некорректной, если в момент речи Иван сидел перед раскрытой книгой и глядел в окно.

Актуальный процесс разворачивается на существенно большем, чем микро-Т, интервале миди-Т (ограниченном сверху одним днем, поскольку переход человека ко сну, по-видимому, заканчивает все актуальные процессы), ср. *Иван весь вечер читает «Войну и мир»*. Актуальный процесс-референт представлен наблюдателю в виде более или менее регулярной последовательности текущих процессов «читает», перемежающихся иногда паузами (продолжительными и не очень), во время которых Иван смотрит

в окно, говорит по телефону и т. д. Но несмотря на такую внешнюю прерывистость, эта последовательность воспринимается как целостный, непрерывно длящийся на миди-Т процесс «читает». Именно поэтому говорящий вполне может осуществить указанную референцию даже в момент, когда Иван не читает, а, скажем, смотрит в окно.

Фоновый процесс разворачивается на существенно большем, чем миди-Т, интервале макро-Т (его протяженность может исчисляться днями, неделями, месяцами и т. д.). Примеры: *Иван уже несколько дней читает «Войну и мир»*, *Иван строит дачу*, *Как быстро растет эта яблоня!* *Иван стареет* и др. Подобно актуальным, фоновые процессы распадаются на процессы более или менее непрерывные (естественной природы: *растет*, *стареет*) и прерывистые (связанные с целенаправленной деятельностью: *читает*, *строит*).

Проиллюстрируем кратко все три значения на примере глагола *ехать*. Текущее значение реализуется в высказывании *Иван едет к перекрестку*, отнесенном к Ивану, едущему в момент речи. Актуальное — в высказывании *Иван едет домой* (с работы), отнесенном к Ивану, остановившемуся в момент речи у газетного киоска/табачного ларька и т. п. И наконец, фоновое значение реализуется в высказывании *Иван едет домой из отпуска*, отнесенном к Ивану, который остановился в кемпинге и в момент речи, скажем, собирается лечь спать.

З а м е ч а н и е. Различение трех масштабов времени носит более общий характер и не ограничивается только процессными глаголами. Оно релевантно также для глаголов состояния и свойства и, как кажется, задает классификацию типов референциального времени не только глагола, но и любой динамической ситуации, воспринимаемой человеком. В самом деле, мы убедились, что процессы разных типов требуют для своей идентификации минимальные интервалы времени разной протяженности: микро-Т — для текущего, миди-Т — для актуального и макро-Т — для фонового процесса. Соответственно, на этих же интервалах задается и истинность глагольного высказывания. Например, корректное актуальное высказывание *Иван читает «Войну и мир»* (истинное на миди-Т) может быть ложным на микро-Т (в момент речи Иван смотрит в окно) и на макро-Т (Иван начал читать, но быстро потерял интерес к роману). Однако этот факт имеет место и для непроецессных глагольных референций. Рассмотрим пример: *Иван имеет три фишки* (игра в рулетку) / *лишнюю пешку* (игра в шахматы) / *загородный дом*. Интервал истинности каждого высказывания задается скоростью изменения референтной ситуации и не связан, как видим, с процессным значением глагола. Первое высказывание — пример текущей референции — сохраняет истинность на протяжении нескольких секунд (один сеанс игры в рулетку), второе — пример актуальной референции — может сохранять истинность на протяжении нескольких минут или десятков минут, третье — пример фоновой референции — сохраняет истинность на протяжении значительного времени.

Проделанные рассуждения позволяют высказать следующую гипотезу: при осуществлении глагольной референции говорящий осуществляет выбор одного из трех возможных типов (масштабов) времени: текущего, актуального или фонового.

2.3. Концепт «фокусная окрестность». Для успешного изучения референциальной функции значения необходимо, прежде всего, найти для описания такую ситуацию действительности, которая одинаково хорошо известна как автору, так и читателю. Мы в качестве такой ситуации будем использовать ситуацию рассказа спортивного комментатора о футбольном матче, полагая, что, по крайней мере, многим она известна в деталях. Покажем на примере ее анализа, что искомое концептуальное описание ядра может быть представлено в следующем виде:

(6) *Сейчас X* \approx 'Событие X имеет место (локализовано) в фокусном интервале говорящего'.

Здесь концепт «фокусный интервал» — это актуализированный в сознании говорящего интервал времени, в котором группируются наиболее важные для него события, т. е. на котором непосредственно сосредоточено внимание говорящего. (Концепт «фокусный интервал» повидимому следует отнести к числу первичных, поскольку это концептуализированные языком характеристика человеческого восприятия действительности.)

Описание (6) базируется на следующей когнитивной гипотезе: при восприятии (и описании) ситуации действительности в сознании человека формируются два плана: первый, содержащий наиболее важные для говорящего события (из всех событий, воспринятых к данному моменту) и второй, содержащий менее важные, вторичные события. Первый план формируется в достаточно узком интервале времени (его мы и называем фокусным), а вторичный — в более широком (панорамном) интервале. Высказывание *сейчас X* указывает, что событие X локализовано в фокусном интервале говорящего, т. е. что оно а) является важным для говорящего и б) принадлежит сравнительно узкому интервалу.

Рассмотрим следующий комментарий:

(7) *Соперник сделал неточный пас. Иван перехватил мяч и (*сейчас) мчится к воротам.*

Почему нельзя употребить *Сейчас 1*? Ведь событие X происходит в момент речи. Представим сходную ситуацию. Комментатор

отвлёкся, рассказывая какую-то историю. Увидев, что на поле возникает опасный момент, он возвращается к матчу.

(8) *Вернемся к игре. Иван перехватил мяч и сейчас мчится к воротам.*

Теперь высказывание вполне корректно. Различие в том, что в случае (7) и так ясно, что Х находится в фокусном интервале (важнейшее событие), поэтому употребление *сейчас* тавтологично. В случае (8) это не так. До последнего момента в фокусе комментатора были другие события. Высказывание *Иван перехватил мяч* также могло идти вторым планом. Поэтому здесь *сейчас* уместно. Оно указывает на принадлежность Х-а первому плану.

Рассмотрим другой пример речи комментатора. *А на беговой дорожке (сейчас) разминается запасной вратарь.* Высказывание с указателем *сейчас* вполне уместно. Оно включает событие «разминается запасной вратарь» в фокусный интервал (выдвигает его на первый план). Представим теперь, что в перерыве матча на беговой дорожке готовится старт спринтеров и все внимание привлечено к ним. В этом случае вполне нормально сказать *На первой дорожке разминается американец Джон Льюис* и плохо **На первой дорожке разминается сейчас американец Джон Льюис*, поскольку это событие и так в центре внимания. Ср. также: *Иван мчится к воротам. Вратарь гостей (*сейчас) застыл, готовясь к броску. А на другой половине поля наш вратарь (сейчас) стоит со скужающим видом.*

До сих пор мы рассматривали события, синхронные моменту речи, поэтому малая величина фокусного интервала не проявлялась (все эти события ему принадлежали). Рассмотрим теперь не-синхронные события. Начнем с текущих процессов. Высказывание *Иван сейчас забил гол* корректно только если гол забит не более трех-пяти минут назад. Высказывание *Иван забил гол* таких ограничений не несет. Аналогично, высказывания *Сейчас прозвучит финальный свисток*, *Сейчас судья остановит игру* корректны, если говорящий ожидает указанных событий в ближайшие три-пять минут. Из этих примеров следует, что текущий фокусный интервал составляет всего несколько минут. Ср. также: *Иван сейчас заходил, Иван сейчас даст ему по физиономии.*

Перейдем теперь к рассмотрению ситуации в актуальном времени. Представим себе бригаду колхозников, которая в течение дня выполняет последовательно несколько видов работ: сначала косит, затем стогует, затем грузит и т. п. Высказывание (отчет бригадира по телефону) *Мы сейчас закончим косить и начнем*

стоговать корректно даже в случае, если окончание события «косить» ожидается через час или даже два часа после момента речи. Аналогичная ситуация и с высказыванием *Мы сейчас закончили косить и начали стоговать*. И здесь окончание события «косить» могло произойти достаточно давно. Итак, в актуальном времени фокусный интервал гораздо больше, чем в текущем времени. Однако и здесь он вполне ограничен. Рассмотренные примеры утратят корректность, если окончание события «косить» удалено от момента речи на несколько часов. Ср. также: *Миша был сейчас с Машей у начальника / в коридоре / в буфете* (все события могут трактоваться как краткие) и *Миша был сейчас с Машей *в театре / *в ресторане / *в Подмоскowie* (все события не могут трактоваться как краткие). По этой же причине некорректен и пример *К Мише нас не пустили: он был *сейчас с дамой*. (Некорректность этого примера, см.: [5, 60] объясняется противоречивостью прошедшего времени (был) и значением *сейчас 1* «в момент речи». Но, как мы показали, значение *сейчас 1* не имеет независимого от контекста статуса.)

Аналогично для будущего актуального: *Я сейчас поджарю яичницу / попью чаю / вымою пол / пришью пуговицу*, и *Я сейчас *сошью тебе рубашку / *свяжу свитер*. В то же время высказывание *Я сейчас буду шить тебе рубашку* вполне корректно, поскольку продолжающееся действие «шить» (референт глагола несовершенного вида *шить*) укладывается в правую часть актуального фокусного интервала.

Рассмотрим теперь референцию *сейчас* к актуальному процессу настоящего времени. Представим такую ситуацию. Подъехал председатель с бригадиром к большому полю и, видя копошащихся вдали людей, спросил: «Что они там делают?» — «Они (*сейчас) дергают свеклу» — ответил бригадир. Указатель *сейчас* здесь неуместен, поскольку и так ясно, что данное событие, пусть и не вполне определенное, находится в фокусном интервале обоих наблюдателей. Ср. продолжение диалога: — А что делает бригада Ивана? — Они (*сейчас*) грузят сено у реки. Здесь указатель *сейчас* уместен, т. к. свидетельствует о локализации данного события в фокусном интервале бригадира. Что же касается последовательности актуальных событий, то, ввиду их гораздо большей длительности (по сравнению с текущими), здесь принадлежность второго события первому плану не столь очевидна, поэтому *сейчас* почти всегда можно употребить: *Иван приехал к Петру, пообедал и (сейчас) лег отдохнуть*. Ср.: *Иван подбежал к Петру, поскользнулся и (*сейчас) упал*.

В фоновом времени фокусный интервал, по-видимому, не намного больше, чем в актуальном. Об этом свидетельствует тот факт, что в фоновом времени некорректны несинхронные моменту речи сейчас-события (их длительность слишком велика, чтобы они могли целиком поместиться в фокусном интервале). Здесь корректна только локализация события «в момент речи». Ср.: *Иван сейчас строит дачу* и **Иван сейчас строил (построил) / будет строить (построит) дачу*. Прошедшее и будущее возможны лишь в выделенной теме: *А сейчас я на эти деньги построил / построю дачу (сшил / сошью пальто)*.

В то же время аналогичная локализация в актуальном и текущем времени вполне корректна, ср.: *Мальчик сейчас строил (построил) / будет строить (построит) снежную крепость* [актуальное время] и *Мальчик сейчас строил (построил) / будет строить (построит) пирамиду из кубиков* [текущее время].

З а м е ч а н и е. Обсуждая соответствие «Смысл → Предложение» в частной беседе летом 1996 года, И. А. Мельчук сказал примерно следующее: «именно это и есть язык, поскольку именно этому нужно учить иностранца, желающего овладеть другим языком». Проведенный выше анализ показывает, что указанное соответствие не исчерпывает язык (в таком понимании). Соответствию «Смысл → Референт», выражающему референциальную функцию языка, также нужно учить иностранца, желающего овладеть другим языком.

Проиллюстрируем теперь языковую значимость фокусного интервала, точнее, его свойства включать важнейшие события. В соответствии с этим свойством, длина фокусного интервала может увеличиваться с увеличением значимости для говорящего описываемого события. Иначе говоря, фокусный интервал может охватывать не ближайшие события, если они важны (сохранили актуальность) для говорящего. Рассмотрим два примера: *Сейчас по радио передали прогноз погоды. Ничего нового* и *Сейчас по радио передали о всеобщей мобилизации*. Если сообщение по радио было сделано, скажем 1–2 часа назад, то первый пример некорректен, а второй — корректен, так как он (очевидно) сохранил актуальность для говорящего. Аналогичная ситуация и с примером *Сейчас мы уже отчитались перед банком*. Предположим, что отчет был сделан два дня назад. Если это (отчет) — рутинная еженедельная операция, то высказывание некорректно (хотя возникшее в результате состояние «наличествует в настоящем»), если же это — плод огромных усилий, спасший предприятие от ликвидации, то высказывание наоборот — вполне корректно. Таким образом, значимо не только наличие в настоящем результата, или результирующего состояния (как отмечается в книге Мельчука

[5, 61]), но и его важность для говорящего, то есть принадлежность фокусному интервалу.

В центре «фокусного интервала» находится не сема «момент речи», а микроинтервал «текущий момент восприятия». В подавляющем большинстве случаев он практически совпадает с «моментом речи», но иногда может и не совпадать с ним. Рассмотрим для примера выделенное Мельчуком значение [5, 65]:

*Сейчас*⁴ = 'В данный момент, имевший место в прошлом, но представляемый говорящим как момент речи'.

Примеры:

Сейчас Иван нес ведро с краской.

...Только *сейчас* он был уже не воздушный, а обыкновенный, плотный (Булгаков. «Мастер и Маргарита»).

На наш взгляд, отличие этого значения от рассмотренных выше только в том, что здесь фокусный интервал сдвинут в прошлое относительно момента речи. Это, в частности, свидетельствует о нерелевантности признака «момент речи». Он, конечно, удобен, ввиду своей объективности и наглядности, но является, по существу, внешним маркером, замещающим релевантный элемент — концепт «текущий момент восприятия». Поскольку наиболее часто внимание говорящего сфокусировано на настоящем, текущий момент восприятия практически совпадает с моментом речи и поэтому указанное замещение носит неявный характер (для носителя языка, который и без толкования знает значение слова *сейчас*). Но бывают случаи, когда роль текущего момента восприятия становится явной, а именно: когда он сдвинут относительно момента речи, как в только что приведенном примере. Здесь реальное восприятие как бы отключается и вместо него воспринимается (вспоминается) ранее воспринятая ситуация. Ср. также: *Великий комбинатор готовился всю зиму... Сейчас он нес на себе семнадцать массивных портсигаров...* (Ильф и Петров. «Золотой теленок»).

Рассмотрим еще один пример такого рода: *Он ясно понимал/понял, что сейчас* [= в момент понимания] *от него требовалось только одно*. Заметим, что в этом прошлом может быть свое прошлое, настоящее и будущее, ср. *Он ясно понимал/понял, что сейчас* [= в момент понимания] *от него требовалось/требуется/потребуется только одно*, т. е. оно, кроме ретроспективной точки зрения, ничем не отличается от настоящего *Сейчас* 1.

З а м е ч а н и е. Сравним описание (5), опирающееся на семантический примитив «ближайшая окрестность момента речи» и описание (6), опирающееся на первичный концепт «фокусный интервал». Первое описание — внутреннее, исполь-

зующее тот же естественный язык. Второе — внешнее, использующее обобщенный языком концепт — фрагмент модели восприятия действительности, содержащийся в сознании человека, а, стало быть, и в сознании человекоподобного робота. Этот концепт имеет внеязыковой статус, следовательно, он в идеале интернационален, т. е. может быть одинаково понят носителями разных языков.

Используя описание (6), можно порождать прототипические значения *сейчас* 1 — *сейчас* 3, комбинируя тип фокусного интервала (текущий, актуальный или фоновый) и время события (прошедшее, настоящее или будущее) и проверяя каждый раз реальность комбинации из этих двух составляющих. Конечно, порожденные таким комбинаторным способом «значения» нельзя считать реальными прототипическими значениями, непосредственно осознаваемыми носителем языка. Употребляясь в различных контекстах, они изменяются и требуют специального лингвистического описания, например, такого, которое дано в книге Мельчука [5, 55–76].

Конечно анализ одного значения не может служить достаточной иллюстрацией высказанных в статье общих тезисов. Ряд других примеров подобного анализа содержится в нашей работе, см.: [2]; в другой работе аналогичным образом проанализировано ядерное значение глагола *догонять* [3].

ЛИТЕРАТУРА

1. Ю. Д. Апресян. Избранные труды, т. 2. Интегральное описание языка и системная лексикография. М., 1995.
2. А. Д. Кошелев. Референциальный подход к анализу языковых значений // Московский лингвистический альманах, 1996, вып. 1.
3. А. Д. Кошелев. О структуре языкового знака, семантических примитивах и первичных концептах // Диалог-97. Труды международного семинара по компьютерной лингвистике и ее приложениям. (В печати.)
4. Словарь русского языка, М., 1983, т. 1–4.
5. И. А. Мельчук. Русский язык в модели Смысл — Текст. Москва; Вена, 1995.
6. С. И. Ожегов. Словарь русского языка. М., 1970.
7. Е. В. Падучева. Семантические исследования. Семантика времени и вида. Семантика нарратива. М., 1996.

Е. В. Падучева

ДАВНО И ДОЛГО

Я давно питаю к ней нежные чувства.
Из частного письма

Словари различают у слова *давно* два значения — *давно1*, 'в момент, далеко отстоящий от настоящего', и *давно2*, в течение долгого времени, долго' (в Русско-английском словаре под ред. А. И. Смирницкого для *давно* дается даже два перевода — *long ago* и *for a long time*). Можно сказать, что — *давно1* это обстоятельство времени, а *давно2* — обстоятельство длительности. Так, во фразе (1) реализуется значение *давно1*, а во фразе (2) — *давно2*:

- (1) Он умер *давно*, больше столетия тому назад;
(2) Мы живем здесь *давно*, третий год.

Остается, однако, несколько недоумений.

Во-первых, *давно2*, все-таки, не то же, что *долго*; так, в контексте нашего эпиграфа *давно* нельзя заменить на *долго*:

- (3) *Я *долго* питаю к ней нежные чувства.

Ср. также пример (4); в (4а), с настоящим временем глагола, *долго* невозможно; а в (4б), где глагол в прошедшем времени, *долго* не синонимично *давно*; между тем *давно* возможно независимо от времени:

- (4) а. *Квартира *долго* пользуется странной репутацией;
б. Квартира *долго* пользовалась странной репутацией;
в. Квартира *давно* пользовалась/пользуется странной репутацией.

Значит, *долго* и *давно2* в чем-то различны.

Во-вторых, обращает на себя внимание уникальное сочетание в одном слове *давно* значений обстоятельства времени и длительности. В современном русском языке эти два временных показателя обычно различаются по форме. Так, например, в *воскресенье* — обстоятельство времени, а *все воскресенье* — длительности.

Желательно, таким образом, представить значение *давно* так, чтобы это совмещение двух значений в одном слове получило объяснение. Ниже рассматриваются обе эти проблемы — различие между *давно* и *долго* и связь между двумя значениями самого *давно*.

1. Дейктичность *давно*

Разница между *давно* и *долго* состоит в том, что *долго* — это временной показатель с обычным — замкнутым — референциальным интервалом, а *давно* — с открытым (это различие временных показателей обосновано в нашей работе, см.: [6]). Остановимся на этом противопоставлении более подробно.

Для начала исключим из рассмотрения план будущего (т. е. контекст глагола в будущем времени). Тогда «обычные» обстоятельства длительности имеют замкнутый интервал, т. е. обозначают длительность уже закончившейся ситуации. Так, *Он гулял два часа* означает, при речевом режиме интерпретации, что сейчас он уже не гуляет; т. е. обстоятельство длительности *два часа* предполагает прош. время. Если оно употребляется с глаголом НСВ настоящего времени — *Он гуляет два часа*, — то видо-временная форма не может быть понята в актуальном значении: либо видовое значение узуальное, либо время не наст. речевое, а наст. историческое. Именно к таким принадлежит *долго*. Его неуместность в контексте предложения (3) объясняется тем, что оно предполагает закончившуюся ситуацию, которая должна была бы выражаться глаголом в прош. времени; а в (3) время настоящее. Наоборот, во фразе

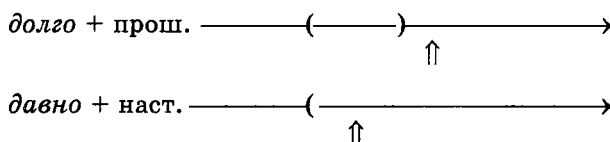
(5) Она *долго* смотрела ему вслед,

с глаголом в прош. времени, *долго* уместно: прош. время интерпретируется, в речевом режиме, как выражающее предшествование моменту речи. Наст. в этом контексте (*долго смотрит*) не могло бы быть понято в актуальном значении: *долго* диагностирует это наст. как наст. историческое.

Временные показатели с открытым, т. е. неистекшим, интервалом пока не привлекали к себе внимания, хотя их довольно много — как среди показателей времени (*сейчас, на этой неделе*), так и среди показателей длительности: *с тех пор, со вчерашнего дня, шестой год, последние дни* (не первые!), *до сих пор, все это время, вот уже два дня* и под.

Различие между открытыми и замкнутыми интервалами можно представить как различие в положении точки отсчета по Рейхенбаху, или во временной позиции наблюдателя (о наблюдателе см. [2]): обычному временному показателю соответствует внешний наблюдатель, при прошедшем времени — ретроспективный, для которого ситуация уже закончилась (при будущем времени — проспективный); а временной показатель с незамкнутым интервалом предполагает наблюдателя с синхронной временной позицией. Иными словами, показатель длительности с незамкнутым интервалом предполагает свидетеля ситуации, который констатирует, что ситуация, уже продлившись определенное время, еще продолжает иметь место. Ясно, что *давно2* фиксирует именно эту синхронную позицию наблюдателя, т. е. предполагает незакончившееся состояние или процесс. Отсюда связь *давно2* с настоящим временем; это и отличает *давно* от *долго*, которое тяготеет к прош. времени, ср. пример (3) с эпиграфом¹. Разумеется, *давно2* уместно также и в прош. нарративном (*Он давно питал к ней нежные чувства*): позиция наблюдателя при этом тоже синхронная.

Различие между *давно* и *долго* можно продемонстрировать на следующих схемах (стрелка \uparrow обозначает временную позицию наблюдателя):

Ретроспекция, входящая в семантику слова *долго*, дает о себе знать разными способами. Например, из

(6) Ехали мы *долго*

семантически следует, в речевом режиме, 'сейчас не едем'. Иначе говоря, у *долго* имеется импликация: *долго* (S) \supset 'S прекратилось'. А в

(6') Ехали мы уже *давно*

прошедшее время может быть понято только как прошедшее нарративное и влечет 'Мы и сейчас — в текущий момент текстового времени — едем'.

¹ Впрочем, *давно2* в контексте прошедшего времени не вовсе исключено, но об этом ниже.

Возможны употребления, где импликация конца ситуации, связанная с *долго*, подавляется, т. е. ретроспективная позиция наблюдателя заменяется на синхронную. Но эта замена требует «мощного» контекста; так, в (8) «синхронизатором» является *уже*:

(7) Я жду его *уже* довольно *долго*.

Менее ясно, что служит синхронизатором в (8):

(8) Что-то *долго* он гуляет.

Однако снятие прагматических обертонов в (8), делает скорее всего, синхронную позицию наблюдателя и понимание настоящего как настоящего речевого невозможным.

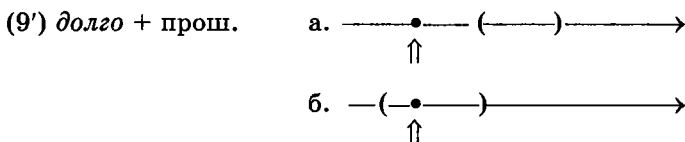
Обратимся теперь к контексту будущего времени. Различие между *давно* и *долго* сохраняется: по-прежнему у *долго* замкнутый интервал, см. (9), а у *давно* — открытый, см. (10):

(9) а. — Я поеду к матери. — Ты *долго* у нее пробудешь?

б. И *долго* буду тем любезен я народу <...> (Пушкин. «Памятник»).

(10) К этому времени он *давно* уже будет где-нибудь за границей.

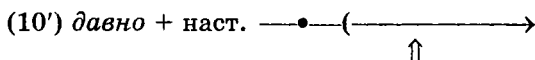
В (9а) позиция наблюдателя проспективная, в (9б) — синхронная. Это различие представлено на схемах (* обозначает момент речи):

Позиция наблюдателя в данном случае совпадает с моментом речи; но в принципе интервал, занимаемый словом *долго*, может вообще не соотноситься с моментом речи:

(11) Каждый раз дойдя до поворота, она *долго* смотрит назад.

Между тем у *давно* в норме позиция наблюдателя определяется моментом речи (т. е. *давно* дейктично), и употребление *давно* с будущим временем требует мощного контекста, который сдвигает наблюдателя с момента речи и переносит в будущее; тем самым обеспечивается синхронная позиция наблюдателя, см. схему (10'):

Итак, мы заключаем. Различие между *долго* и *давно2* состоит в том, что *давно2*, в нейтральном контексте, фиксирует синхронную позицию наблюдателя; а при *долго* наблюдатель в норме либо ретроспективный, либо проспективный, так что без специального контекста *долго* с наст. временем в речевом режиме не сочетается, см. пример (3). Совместить *долго* с синхронным наблюдателем может *уже*, пример (7), а также будущее время и подразумеваемое *еще*, пример (9). Для *давно* предпочтительно совпадение точки отсчета с моментом речи, поскольку оно в своих употреблениях дейктивно, а для *долго* это не обязательно.

2. Два значения или одно?

Обратимся теперь к соотношению значений *давно1* и *давно2*. Действительно ли это разные значения? Толкования для *давно1* и *давно2* во многом сходны: различие в существенной степени определяется таксономической категорией глагола, который составляет сферу действия *давно*: *давно1* возникает в событийном контексте (*Дождь давно кончился*), а *давно2* — в стативном (*Он давно спит*). Толкования:

давно1 (S) =

- а) в момент *t* произошло событие E, результатом которого является состояние S;
- б) момент *t* далеко в прошлом по отношению к точке отсчета;
- в) состояние S длится в точке отсчета.

давно2 (S) =

- а) В момент *t* наступило состояние S;
- б) момент *t* далеко в прошлом по отношению к точке отсчета;
- в) состояние S длится в точке отсчета.

В принципе, толкование для *давно2* можно свести к толкованию для *давно1*, считая, что E = 'наступило S'. Однако в этом есть некоторая искусственность; в любом случае, раздельное рассмотрение двух употреблений *давно* более наглядно.

Рассмотрим по отдельности три контекста употребления *давно1*.

1) Значение *давно1* наиболее полно реализуется в контексте глагола совершенного вида²:

² Приводимые ниже литературные примеры взяты, в основном, из трех источников: И. Бунин. Рассказы — обозначение (Б); Б. Пастернак. «Доктор Живаго» — обозначение (ДЖ); М. Булгаков. «Мастер и Маргарита» — обозначение (ММ). Остальные источники указываются полностью.

(1) Давно *настала* зима. Стояли трескучие морозы (ДЖ).

Грозовые тучи давно *разошлись* (ДЖ).

Он ведь не раз бывал в подобных положениях, продумал все возможности и давно *признал* эти планы спасения непригодными (ДЖ).

О, Тоня, бедная девочка моя! Жива ли ты? Где ты? Господи, да ведь она должна была *родить* давно! (ДЖ).

Приближается час, которого я не люблю, потому что давно уже *потерял* сон (Б).

<...> он уже давно *заметил*, что есть в нем еще кто-то — глупей его (Б).

<...> давно *прошло* то время, когда он с наивной гордостью верил, что и впрямь до самого Афона дошли слухи о нем (Б).

<...> узнали, что давно *сошла* с ума — от несчастной любви — и тетя Тоня (Б).

<...> сам *окоченел* уж давно (Б).

<...> картуз-то уж давно *свалился* (Б).

<...> я тебя давно *полюбил* (Б).

<...> уже давно *стемнело* (Б).

Давно *потонула* в черном бархате долго переливавшаяся алмазами цепь огней Коломбо (Б).

Большинство нашего населения сознательно и давно *перестало* верить сказкам о боге (ММ).

Рассказчик указывал рукою куда-то в сторону луны, которая давно уже *ушла* с балкона (ММ).

Давно уже *начало мести* с севера, и метет и метет, не перестает (Булгаков. «Белая гвардия»).

В контексте причастий и др. отглагольных образований с перфектным значением, типа *подано, готово*, событие Е, служащее началом состояния S, легко усматривается — это событие выражается тем глаголом, от которого образовано данное причастие (*подать, приготовить*):

(2) Лыжи, мешок с сухарями и все нужное для побега *было* давно *запасено* у него (ДЖ).

То место, где стояла луневская усадьба, *было* уже давно *распахано* и *засеяно* (Б). Все давно *скошено* (Б).

<...> теперь уже давно *обжитого* (Б).

Компонент в) в толковании *давно* 1 обосновывается примерами типа

(3) *Он давно пришел, а потом ушел.

Надо сказать: *приходил какое-то время назад, а потом ушел*. Т. е. *давно I* усиливает перфектный компонент, входящий в семантику СВ.

2) Однако *давно I* может быть употреблено также в контексте глагола НСВ общефактического, и в этом случае компонент в) отсутствует:

(4) Я *виделся* с ней *давно*;

Мы *обедали* *давно*.

При этом позиция *давно* в коммуникативной структуре обязательно рематическая, в иной позиции *давно* невозможно:

*Мы *давно обедали* \,

*Я *давно с ней виделся* \.

Чтобы сохранить коммуникативную структуру, надо сказать *давно увиделся, давно пообедали*. Впрочем, запрет может возникать и при СВ: *Он *давно постарел*.

Еще примеры *давно* в контексте НСВ общефактического:

(4') *Покупал* их [стенные часы] отец *давно*, когда женщины носили смешные пузырчатые у плеч рукава (Булгаков. «Белая гвардия»).

— Как у вас нынче сады? — *Цвели* *давно*, ваше преподобие, но ветер, господь с ним, всю завязь обил (Б).

К коммуникативным аспектам слова *давно* мы вернемся в разделе III.

3) Отдельно следует выделить контекст глаголов *видеть*, *слышать*, при которых, несмотря на несов. вид глагола, толкование *давно I* реализуется полностью:

(5) а. <...> объявила, что она *давно* уже *слышала* очень многое об его дочерях и *давно* уже привыкла глубоко и искренно уважать их (Достоевский. «Идиот»).

б. О посягательствах некоей Madame Alice, проживающей с детьми под фамилией Живаго в Париже, я *слышал* *давно* (ДЖ).

Эти глаголы — остаток древнего неразличения видов. С синхронной точки зрения *видеть*, *слышать* трактуются как формы несовершенного вида в общефактическом значении; однако они имеют перфектное значение: *слышал* — значит слышал и знаю; *видел* ≈ 'увидел' (хотя сказать *увидел* нельзя), и значение *давно* здесь такое же, как в примерах (1), (2), а не как в (4). Например,

давно не обязано занимать в контексте глаголов *видеть*, *слышать* рематическую позицию, см. (5а). Но время должно быть прошедшим; так, в (6), в контексте наст. времени, не *давно1*, а *давно2*:

(6) *да в н о слышу я*, Горизонтов, о причудах твоих (Б).

Теперь обратимся к *давно2*. Для *давно2* самое характерное употребление — в контексте глагола НСВ, обозначающего состояние (в широком смысле, т. е. включая диспозицию, процесс, деятельность и проч.), наступление которого, вообще говоря, может быть и не связано ни с каким событием. Например:

(7) *Я жду его давно* =

- а) В момент *t* наступило состояние S «Я жду»;
- б) момент *t* далеко в прошлом по отношению к точке отсчета;
- в) состояние S длится в точке отсчета.

Основная видо-временная форма для *давно2* — НСВ настоящего времени:

(8) О каком хлебе речь, когда его *давно нет* в природе? (ДЖ).

Один командир знал, что эта пара нанята Ллойдом играть в любовь за хорошие деньги и уже *давно плавает* то на одном, то на другом корабле (Б).

Гаврила Ардалионович Иволгин, которого она знает и у себя принимает, *давно уже любит* ее всею силой страсти (Достоевский. «Идиот»).

<...> он знал, что его уже *давно зовут* Тугоногим ...нет человека без прозвища! (Б).

Форма НСВ прош. времени в контексте *давно2* интерпретируется, как правило, в нарративном режиме:

(9) Половина *давно уже храпела* по углам вповалку (ДЖ).

Семьи партизан *давно следовали* на телегах за общим войском (ДЖ).

Надо сказать, что квартира эта — № 50 — *давно уже пользовалась* если не плохой, то, во всяком случае, странной репутацией (ММ).

<...> *давно ездил* он по этой дороге (Б).

Он спрашивал меня о том, кто я таков и откуда я взялся, *давно ли пишу* (ММ).

<...> следя за тремя стервятниками, *давно уже плававшими* в вышине большими кругами (Б).

<...> бараний тулуп его *служил* так *давно*, что весь пошел лысынами (Б).

<...> осиновые бревна, *давно лежавшие* на дворе за окном, ослепительно белели при вспышках (надо — *лежащие!*) (ДЖ).

Часы идут медленно. Надя уже встала и *давно уже гуляла* в саду, а все еще тянется утро (Чехов. «Невеста»).

В (10) между 1-й и 2-й фразой происходит сдвиг текстового времени, так что в первой позиция наблюдателя синхронная:

(10) Настасья Петровна *давно собиралась* погостить к знакомым в город. И наконец собралась и уехала (Б).

Есть, однако, два специальных контекста, где допустимо употребление *давно 2* с глаголом НСВ в прош. времени речевого режима.

Один такой контекст составляют глаголы внутреннего состояния — *хотеть, желать, ждать, подозревать* сочетаются с *давно* в прош. времени речевого режима. Прошедшее время здесь денотативно тождественно настоящему. Так, в (11а) вместо прошедшего можно было бы употребить настоящее время, поскольку состояние имеет место и «сейчас»; а в ситуации, стоящей за примером (11б), напротив, можно было бы, вместо настоящего, употребить прошедшее время:

(11) а. Она призналась, что сама *давно желала* спросить дружеского совета (Достоевский. «Идиот»).

Расскажите, как вас расстригали. Я *давно хотел* спросить.

Небось перетрухнули? Анафеме вас предавали? А? (Б).

б. Я *давно уже чувствую*, что случилось что-то роковое и непоправимое в его жизни (Б).

Нельзя сказать, что в контексте этих глаголов наст. и прош. синонимичны; тем не менее, форма прошедшего времени здесь не значит, что ситуация прекратилась (*давно чувствовал* не значит, что сейчас не чувствую), а форма наст. — что она длится, ср. *Я целый час вас жду* (≈ 'ждал', сейчас, очевидно, ожидавшийся уже пришел).

Второй контекст, в котором *давно 2* сочетается с глаголом НСВ прош. времени речевого режима, — это контекст отрицания. Здесь компонент в) толкования *давно 2* заменяется на в') — 'состояние S длилось непосредственно до настоящего момента; не утверждается, что в наст. момент оно прекратилось':

Я *давно ему не писал* =

а) В момент *t* наступило состояние S «не пишу»;

б) момент *t* далеко в прошлом по отношению к точке отсчета;

в') состояние S длилось непосредственно до точки отсчета; не утверждается, что в точке отсчета оно прекратилось.

В результате, *Я давно ему не писал* значит приблизительно то же, что *долго не писал*. Но при *долго* интервал, занимаемый состоянием, может находиться на любом расстоянии от точки отсчета, а при *давно* он примыкает к ней. Так что синхронную точку отсчета (неистекший временной интервал) можно считать вариантом для всех употреблений *давно*.

Настоящее и прошедшее время в контексте *давно не* не синонимичны. Различие в следующем. Наст. выражает продолжающееся состояние ненаступления или неповторения некоторого должествующего наступить / повторяться события; а прош. означает, что «сейчас» состояние может измениться (ср. *я давно не моюсь и я давно не мылся*) или уже изменилось. При прошедшем состоянии 'ни разу не СВ' рассматривается как казус; а при настоящем ситуация 'узуально не СВ' имеет место в порядке вещей. Ср. (12), с прошедшем временем, и (13) — с настоящим:

(12) К группе читавших подошел исхудалый, *давно не мывшийся* и оттого казавшийся смуглым человек одичалого вида с котомкой за плечами и палкой (ДЖ).

<...> во втором [зале] было несколько евреев, с утра до ночи игравших в карты, да какой-то *давно не бритый*, нищий актер (Б).

<...> *давно уже не озарялось* оно [лицо] такою добротою, такою старчески-детскою радостью (Б).

(13) <...> лежал в своем темном доме уже *давно не встающий* с постели, седовласый, распухший, с заплывшими мрачными глазами о. Кир (Б).

<...> и в зеркале, помещавшемся в передней, *давно не вытираемом* ленивой Груней (ММ).

Она жаловалась, что вы *давно уже не даете* ей отпуска (ММ).

То же различие демонстрирует пример (14). Фраза (14а) предполагает, что «сейчас» по тропе либо прошли, либо пройдут, и состояние кончится, а в (14б) такой импликации нет:

(14) а. Видно было, что по ней <тропинке> *давно уже не ходили* люди.

б. Видно, что по ней <тропинке> *давно уже не ходят* люди.

Интересно, что состояние несовершенства действия при *давно* и *долго* разные: *долго* предполагает однократное несовершенство, а *давно* — несовершенство действия, которому естественно повторяться многократно; поэтому *долго не отвечал* нормально, а *давно не отвечал* — странно. В результате, легко объясняется изысканная

квазисинонимия: *давно не звонил* \approx *звонил давно*. Между тем *долго не звонил* не предполагает, что перед этим звонил, ср.: *Я попросил его позвонить. Он долго не звонил*.

Отметим, что отрицательный глагол СВ с *давно* не сочетается вовсе (ср. [1]) — в семантике глагола должно быть состояние; так, примеры в (15) звучат странно:

(15) Какое забвение своих собственных предначертаний и мероприятий, *давно не оставивших* в жизни камня на камне! (ДЖ).

Это дает ощущение, *давно не испытанное*, ощущение чистоты и юношеской свежести (Б).

Пример (16) с глаголом *остаться* свидетельствует об особых свойствах этого глагола:

(16) В душе его уже давным-давно *не осталось* ни даже горчичного семени каких-либо так называемых мистических чувств (Б).

Глаголы СВ, в семантику которых не входит переход в новое состояние, тоже должны плохо сочетаться с *давно*. И в самом деле:

*Мы *давно поболтали*, *Плещ *давно защитил* меня от дождя.

Итак, наше толкование обслуживает обе таксономические категории глаголов, которые могут составлять сферу действия *давно*: состояния и события. В контексте состояний выступает стативное значение *давно2*; в контексте событий — событийное *давно1*; при этом ретроспективно наблюдаемое состояние, например, *цвели* в примере (4'), трактуется как событие, а несовершение действия на некотором интервале — как состояние.

Если контекст таков, что позволяет реализовать все компоненты толкования *давно*, то *давно1* и *давно2* неразличимы. Рассмотрим типичный глагол перехода в новое состояние — *приехать*. В контексте такого глагола *давно* можно истолковать и как обстоятельство времени (событие произошло давно), и как обстоятельство длительности (состояние, возникшее как следствие события, длится долго):

(17) Он приехал *давно*.

В соответствии с нашими толкованиями следовало бы считать, что в одном случае будет *давно1*, а в другом — *давно2*; однако в предложении (17) нет никакой неоднозначности: контекст таких глаголов — это позиция нейтрализации, когда различие между пониманиями *давно1* и *давно2* вообще стирается.

Ср. также пример (18):

(18) Юра *давно обещал* им статью о Блоке (ДЖ).

Понимание *давно1* и *давно2* здесь неразличимы: давно произошло событие «пообещал» или долго длится состояние «обещает»? Возможно и наст. *давно обещаю*, поскольку глагол *обещать* может иметь значение перфектного состояния (см. [4]): 'пообещал, и это актуально в текущий момент'.

В контексте глагола СВ, который не имеет событийного значения, а только перфектное, не может быть *давно1* — только *давно2*:

(19) Слова, которые произносил Гинц, *давно навязли* у них в ушах (ДЖ).

Одно замечание о дейктичности *давно*. В словарных толкованиях *давно* обычно фигурирует настоящий момент. Следует уточнить, что наст. момент — это не момент речи, а точка отсчета; совпадение с моментом речи для нее желательно, но не обязательно. Так, *давно* может интерпретироваться в нарративном режиме, и точкой отсчета будет текущий момент текстового времени. Да и в речевом режиме точка отсчета может задаваться не моментом речи, а референциальным моментом обстоятельства времени, как в (20); или моментом, фиксированным подчиняющим предикатом пропозициональной установки, как в (21):

(20) *К этому моменту* он *давно* уже *будет* вне досягаемости.

(21) Юра *не знал*, что отец *давно бросил* их, ездит по разным городам Сибири и заграницы, кутит и распутничает, и что он *давно* просадил и развеял по ветру их миллионное состояние (ДЖ).

Шкловскому приписывается (свидетельство Вяч. Вс. Иванова) фраза *В мои годы Толстой давно уже умер*. Здесь за точку отсчета следует принять тот — никогда не существовавший — момент в жизни Толстого, когда ему было столько лет, сколько Шкловскому, когда он делал это высказывание.

3. Коммуникативная структура

И последний круг проблем, связанных с *давно*, — это коммуникативная структура предложения.

Различаются следующие коммуникативные позиции, которые в принципе может занимать наречие времени — *ре м а т и ч е с к а я*,

пример (1а), и две тематических — обычная тема, или кулиса (она может быть контрастной), (1б), и подавленная тема, (1в):

(1) а. Он приходил *вчера* \;

б. *Вчера* приходил Иван \; *Вчера* / он приходил \;

в. Он *вчера* приходил \.

Наиболее характерна для *давно2* позиция подавленной темы, как в примере (8) из раздела 2. Ремагическая позиция тоже возможна:

(2) Косматый, рваный дым костров, скрип шагов и визг полозьев способствовали впечатлению, будто они *едут* уже Бог знает как *давно* и заехали в какую-то ужасающую даль (ДЖ).

Они *разговаривали* уже *давно*, несколько битых часов, как разговаривают одни только русские люди в России (ДЖ).

Между тем в контексте НСВ общефактического позиция подавленной темы для *давно1* невозможна³ — сочетание допустимо лишь при ремагической позиции наречия, объяснения для которого не найдено, ср. *Они обедали давно* и **Они давно обедали*; *Он мылся давно* и **Он давно мылся*; см. пример (4) из раздела 2.

Определенные ограничения связаны и с другими коммуникативными позициями; так, *давно1*, в отличие от большинства других обстоятельств времени, неспособно занимать в предложении позицию обычной темы⁴. В (3б), в позиции подавленной темы, в контексте настоящего времени глагола, *давно* возможно; а в (3а), в контексте прошедшего времени, — нет:

(3) а. Давным-давно (**давно*) они *жили* в Стрелецке [прошедшее речевое; *давно1*].

б. Они *давно* (давным-давно) *живут* в Стрелецке [настоящее речевое; *давно2*].

Следующий пример (4) демонстрирует различие между *давно* и *недавно*:

(4) *Недавно* (**давно*) к нам приехал знакомый из Болгарии [5, 22].

³ При наличии отрицания сочетание *давно* с глаголом несов. вида допустимо (ср. *Он давно не мылся*); но здесь ситуация продолжается в момент речи, и значение несовершенного вида не общефактическое.

⁴ О коммуникативном своеобразии *давным-давно* см. [3].

Тематическое *недавно* сочетается с НСВ прошедшим (т. е. допускает синхронный взгляд на ситуацию, обозначенную глаголом в прошедшем времени и не имеющую места в настоящем):

(5) Еще *недавно*/ мы гуляли с ним по этим лесам;

<...>божился что *недавно*/ под сельцом Басовым катилось в сумерки тележное колесо;

иду *недавно* ∪ по ярмарке \.

В принципе, от толкования естественно требовать, чтобы оно предсказывало роль слова в коммуникативной структуре предложения. В данном случае эта цель не была достигнута.

ЛИТЕРАТУРА

1. Т. Г. Акимова. Значение и употребление наречия *давно* // Функциональный анализ языковых единиц. М., 1989.
2. Ю. Д. Апресян. Дейксис в лексике и грамматике и наивная модель мира // Семиотика и информатика, вып. 28, М., 1986, с. 5–33.
3. Ю. Д. Апресян. Типы коммуникативной информации для толкового словаря // Язык: система и функционирование. М., 1988.
4. Г. И. Кустова, Е. В. Падучева. Перформативные глаголы в неперформативных употреблении // Логический анализ языка. Ментальные действия. М., 1994.
5. Е. В. Падучева. К интонационной транскрипции для предложений произвольной синтаксической сложности // Вопросы кибернетики. Семиотические исследования. М., 1989.
6. Е. В. Падучева. К сочетаемости обстоятельства времени с видом и временем глагола: точка отсчета // Научно-техническая информация, серия 2, 1992, № 3.

ЧАС В СИСТЕМЕ РУССКИХ НАЗВАНИЙ ВРЕМЕНИ

0. Мы будем рассматривать *час* в аспекте качественной спецификации времени, которое мыслится как вместилище событий, как «другое название для жизни» [3, 113]. Подобное описание в применении к слову *час* предполагает рассмотрение двух ассоциативных линий: лингвистическую (п. 1) и культурно-историческую (п. 2).

В (п. 1) мы сравним *час* с такими показателями «качества», как *минута* (бытовое время повседневности, ограниченное горизонтом частного существования), *мгновение*, *миг* (надбытовое время исключительного, эмоционально напряженного, незабываемого)¹. Кроме того, *час* мы сопоставим с *порой* — называющей фазу космологического цикла. Со всеми перечисленными словами *час* коррелирует либо в плане внутриязыковом, синхронном (*час* vs. *минута*), либо в плане межъязыковом. Мы имеем в виду различную судьбу *часа* в славянских языках: в сербско-хорватском *час* — это и ‘час’, и ‘мгновение’, в западных языках *час* значит ‘время’ и ‘погода’. Эти межъязыковые соотношения актуализируют в русском *часе* его диахронию.

В (п. 2) мы рассмотрим корреляции *часа* и *дня*, восходящие к библейскому пониманию этих слов, их месту в общей системе названий времени в Ветхом и Новом Завете. Поскольку первому из названных вопросов посвящена отдельная работа [7], где на большом корпусе материала выявляется и описывается место *часа* в русской языковой картине времени, здесь мы лишь наметим эту линию тезисно, сосредоточившись в основном на втором круге сопоставлений.

Рассматривать мы будем только форму единственного числа — *час*, поскольку именно она является модельнообразующей: по сравнению с формой мн. числа *час* обладает неким потенциалом неопределенности и возможностью к обобщению, типологизации описываемого временного отрезка. Так, можно говорить о *часе* (а не о *часах*!) *возмужания/становления личности*, о *часе* (а не о *часах*) *прозрения нации*.

Работа выполнена при финансовой поддержке Международного научного фонда.

¹ Подробнее об этих словах как качественных спецификаторах времени-жизни см.: [6].

1.1. Начнем с наиболее очевидной языковой ассоциации: *час/минута*. Рассмотрим пример: *К минуте мщенья приближаясь, / Онегин, втайне усмехаясь, / Подходит к Ольге...* (А. Пушкин). *Минута* выступает здесь как манифестант времени «срочного», т. е. сигнализирует о том, что *мщение* *запланировано* Онегиным. Но это срочное время мыслится, сообщает *минута*, как бытовое, обыденное, что, в свою очередь, и *мщению* задает соответствующий масштаб — некоей повседневной, ничего не значащей акции. Иное дело *час мщения*: он поднимается над повседневностью, отмечая судьбозначимые события.

То, что *минута* ограничена рамками «частного существования» и уровнем повседневности, а *час* способен подниматься до описания общезначимого и отмечать переломы в судьбе человека (общества), позволяет нам противопоставить эти слова по линии «душевное» (*минута*) / «духовное» (*час*). Ср. у ап. Павла: «...сеется тело душевное, восстает тело духовное» (1 Кор. 15, 44). *Час* и отмечает некие вехи на пути становления духовного человека.

Чтобы обосновать этот тезис, обратимся к примерам: [Из поэмы Н. Коржавина «Ленин в Горках»] *Но все проходит. Снова жизнь как жизнь / И зло как зло. И, в общем, все как было. / Но тех, кто не жалел себя и нас, / Пытаясь вырваться из плена буден, / В час отрезвленья, в страшный, горький час / Вы все равно не проклинайте, люди.* Нетрудно заметить, что «в связке» с *часом* «отрезвление» понимается в совершенно определенном — духовном, — а не, скажем, психофизическом, смысле: утро Степы Лиходеева, к примеру, никак нельзя назвать *часом отрезвения* (*час* этот приходит к Степе несколько позже). Равно как и к слову *протрезвление* — в силу более узкой и конкретной семантики — *час* не приложимо.

Выстраивается ряд: *час потери* (но не *утери, пропажи*), *час обретения* (но не *приобретения*), *час постижения* (но не *уразумения, уяснения*). Во всех этих и подобных случаях *час* выбирает имена событий, способных пополнить духовный багаж, отмечая тем самым этапы роста личности или общества, но общества, заметим, понимаемого по аналогии с личностью, а не, скажем, в экономическом, общеисторическом планах, к которым понятие «часа» не приложимо.

Духовное время направлено (это, действительно, «путь»). Поэтому каждый отдельный *час X-а* мыслится не изолированно, но в некоей перспективе: он закономерен в плане «роста». Понятно поэтому, что с именами, однозначно называющими ду-

ховное, а не душевное, *минута* не сочетается, ср.: *час покаяния*, но *минута раскаяния*.

Поскольку душевные состояния в принципе хаотичны, не отмечены какой-либо «путеводной» заданностью, *минуты* могут быть «хорошими» и «дурными», «злыми» и «добрыми». Сказанное справедливо и для нейтрального слова *время*, обладающего к тому же и более широкими, по сравнению с *минутой* и *часом*, возможностями описания. При *часе* же *X*-ами не могут быть названия событий, ситуаций, исключающих осмысление в перспективе «пути», «духовного роста». Ср. в связи со сказанным следующие ряды противопоставлений: *час смирения*, но не *упрямства*, не *своеволия*, не *гордыни*, не *тщеславия*, не *суесловия*; *час прощения*, но не *осуждения*; *час верности*, *мужества*, но не *час предательства*; может быть *час сомнения*, но не *час малодушия*; *час беспамятства*, но все же не *час оупения*, *одурения*. Мы видим, что *часом* не могут быть отмечены события, либо исключающие возможность будущей просветленности, либо прямо ведущие к духовной гибели. Ср. между тем корректность сочетаний типа *минута малодушия*, *время гордыни* и *суесловия*; *минута упрямства* и *время всеобщего одурения*.

Духовному времени чужды и разного рода утилитарные понятия, поэтому может быть *время* (а не *час*!) *здорового смысла*, *торжества практицизма*, *бережливости*, *осмотрительности*.

1. 2. Следующая коррелятивная линия: *час* / *миг*, *мгновение*. *Миг* описывает уникальное, неповторимое, единичное, а *час* — типологизированное, обобщенное, поэтому *миг осознания* единичен, конкретно-референтен, неожиданен, редок, а *час осознания* всеобщ и закономерен.

Оба временных показателя описывают нечто, поднятое над повседневностью, особо важное с точки зрения говорящего, но *миг* внепланов, неожиданен, всегда нов; *час* же мыслится, скорее, в терминах неотвратимости и предрешенности: событие, отмеченное *часом*, не случайно. Пример: *Онегин, помните ль тот час, / Когда в саду, в аллее нас / Судьба свела...*

В указанном плане весьма показательно одно словоупотребление В. В. Розанова: описывая событие трагическое, переломное в жизни писателя (речь идет о Гоголе), он осмыслил его в терминах *мига*, а не *часа*. Пример: *Помешательство — минус души, а не плюс. Но с Гоголем никак не было неинтересно в миг сожжения рукописи...* Говоря *миг*, а не *час сожжения*, В. В. Розанов отдает должное исключительности этого события, но все же не включает его в разряд судьбозначимых, а следовательно — неизбежных,

предопределенных. *Миг* свидетельствует, что, с точки зрения Розанова, «сожжение рукописи» не необходимый этап в судьбе писателя («Помешательство — минус души, а не плюс...»).

Противопоставленность *мига* и *часа* по указанному признаку подтверждается и эпитетами: *час* — *урочный, определенный, должный, заветный, неизбежный*, т. е. такой, каким *миг* быть не может.

Мы сказали об «истинности» *часа* в плане его справедливости, непреложности, но она проявляется и в том, что *час* непреходящ, его результат неотменим. *Миг* же удержать невозможно, ср. бальмонтовскую грусть по поводу того, что *Миг встречи душ уходит безвозвратно*. Заметим, что *час встречи душ* остался бы; и не просто воспоминанием, но неким результатом, определяющим дальнейшую судьбу этих «душ».

Миг как мельчайшая частица онтологического времени воспринимается непосредственно и поэтому может описываться в терминах первичного восприятия, ср.: *О, запах пламенных духов! / О, шелестящий миг!* (А. Блок); *С душою миг познав медвяный, / Еще другой ищу души* (К. Бальмонт). *Час* не может быть ни шелестящим, ни медвяным.

Элементарный *миг* схватывается непосредственным восприятием, и эпитеты отражают эти первичные ощущения *мига* (вкусовые, звуковые, тактильные); обобщенный же *час* предполагает и некоторое осмысление описываемого, рефлексия. Становится понятно, почему у символистов «позвякивали» именно *миги*, а не, скажем, *часы*.

Противопоставленность *мига* и *часа* по признаку отсутствие / наличие духовной рефлексии хорошо видна в следующем словопотреблении: *Но в час, когда последняя граната / Уже занесена в твоей руке / И в краткий миг припомнить надо / Все, что осталось вдалеке...* (К. Симонов). *Миг* и *час* здесь относятся, по существу, к одному и тому же отрезку временной (= жизненной) оси, но интерпретируют его по-разному: *час*, манифестант времени духовного, квалифицирует этот отрезок как решающий, судьбоначимый, *час* здесь — это время выбора, определяющего личность; *миг* же, являясь неким «растяжением самой души» (дефиниция времени переживаемого, данная Бл. Августином), охватывает во внутреннем созерцании всю жизнь. Можно сказать и так: *час* — это взгляд на описываемое «с высоты» духовного опыта, прожитой жизни, а *миг* — это спонтанное восприятие, не сверенное с духовным опытом (и шире — шкалой, системой ценностей).

И наконец, использование *часа* и *мига* относительно таких понятий, как «жизнь», «творчество», «рождение», «создание», позволяет заметить явную личностную ориентацию *часа*, его персонцентричность: *часом* могут быть отмечены «жизнь», «рождение», «смерть» человека, личности, либо же феномена, который мыслится по аналогии с человеком, наделяется личностным началом.

Миг же свободно описывает любые природные проявления, в каких-то случаях являясь «естественным», природным аналогом *часа*, ср.: *И в куколке, до мига воплощенья, / Всю зиму мотылек лелеет плоть* (К. Бальмонт) — *час воплощенья* так или иначе «персонцентричен».

1.3. Несмотря на историческую общность — первоначально *час* и *пора* описывали время активное, деятельностное (по пословице, *Час придет и пору приведет*), — эти слова, даже если отвлечься от очевидной количественной разницы, сопоставимы лишь отчасти. Отметим всего одну особенность: *час* в принципе не может мыслиться как прошедший, ср.: *Прошла пора сомнений и надежд* при невозможности **Прошел час осознания*.

Таким образом, *час* и *пора* сопоставимы только в тех случаях, когда речь идет о чем-либо наступающем или наступившем, но не прошедшем. Это примеры типа: *Пришла твоя пора; Мой час настал* (тривиальные аналогии между *часом* и *порой* при обозначении времени суток — *вечерняя пора/вечерний час* — мы, разумеется, оставляем без внимания). В данной, общей для *часа* и *поры*, области они описывают нечто, близкое смыслу 'своевременность'. Однако у каждого из слов свои основания для утверждения этой своевременности. Они-то, по нашему мнению, и являются смысловым стержнем противопоставления *часа* и *поры*. В пояснение сравним примеры: *Пришел твой час / Пришла твоя пора. Пора* сообщает о наступлении, в силу накопления необходимых признаков, нового периода в развитии ситуации — времени, благоприятного для действий, активных проявлений; эта «вызревшая» *пора* как бы и открывает следующую временную (= деятельностную) перспективу. *Час* же, прежде всего, не «вызревает», не «накапливается» (предшествующим ходом вещей); выражение *час настал* может описывать наступление события в полном отрыве от каких-либо аспектов ситуации (т. е. не мотивируемое внешним развитием), ср. блоковское: *Но час настал. И Ты ушла из дому...*

Час, пробивший, наступивший, пришедший, не обязательно предполагает открытие новой деятельностной перспективы — он может быть и последним во временном (= жизненном) ряду; *пора* же,

наступившая, пришедшая, в принципе не может быть последней, она не может быть заключительной точкой развития, разрешающим итогом.

Тяготение *часа* к описанию духовной, ментальной, а не, скажем, физиологической сферы, сферы природных ритмов и закономерностей, хорошо видно из сопоставления возможностей таких сочетаний, как *пора возмужания* и *час возмужания*. Понятно, что в отличие от *поры*, *час* может быть и «несвоевременным» с точки зрения «естественного» роста: *час возмужания* может постигнуть и ребенка, и духовно недозревшего взрослого. При этом, говоря о *часе возмужания нации*, мы имеем в виду «воспитание духа путем прохождения через трудности», говоря же о *поре возмужания нации*, мы, скорее, подразумеваем всесторонний расцвет. И подчеркнем, дело здесь не в масштабе: *часом* для русской нации можно, по-видимому, считать период ига, а *порой* — скажем, XVIII в. или же начало XIX (победу над Наполеоном и под.).

Такие характеристики *часа*, как «духовность», «судьбозначимость», «неизбежность», заставляют нас вспомнить о *часе* библейском, *часе* Нового Завета. И здесь мы с необходимостью выходим за рамки языковых сопоставлений и включаемся в ряды культурных ассоциаций.

2. Бог в Библии разговаривает с человеком на языке времени активного: посылая на землю *дни бедствий*, *годину искушения* и под. Понимать «знамения времен» — значит понимать смысл происходящего. В Ветхом Завете сроки свершения земных судеб предсказываются в терминах *дней*, *времени*, *лет*, *времен*, но окончательным, всеразрешающим, сроком является День Господень — Судный День, День Страшного Суда, Второго Пришествия.

Новый Завет несет идею нового срока — *часа*, часа Иисуса. И *час* этот становится как бы естественной частью ранее предсказанного *дня*.

Несколько слов о библейском *дне*. *День*, принадлежащий, по выражению Ф. И. Буслаева, к «нижнему», «глубинному слою языка» — мифологическому, языческому [2, 270], — в Библии может обозначать как известную часть времени от захода до захода солнца, так и время вообще; *день* это и орудие в руках Господа (единица макрокосма), и синоним человеческой жизни, самая естественная, органичная единица человеческого микрокосма: В Твоей руке *дни мои* (Пс. 30, 16); ...И умер Иов, насыщенный *днями* (Иов 42, 17); Всех же *дней* Мафусаила было девятьсот шестьдесят девять лет; и он умер (Быт. 5, 27); *Дней наших* — семьдесят лет (Пс. 90 (89), 10); Я сказал: Боже мой! не

восхити меня в половине *дней* моих (Пс. 102 (101), 25) — все это традиционные библейские формулы использования *дня*.

Понятно, что изоморфизм *дня* определяется тем, что именно это слово задает ассоциацию с неким жизненным целым, предполагающим «восход», «зенит», «закат». Однако, в свете обсуждаемой темы, не менее важно и то, что *день* — это непосредственный слепок с жизни, которая движется восходами и заходами солнца. В этом смысле время *дня* (или *дней*) — это время внешнего пространства бытия, данного в непосредственном восприятии, неминуемого и общего для всех: по слову поэта, *Я брошен в жизнь, в потоке дней / Катящую потоки рода. У часа же нет этих космологических ассоциаций — диктующих выход во внешнее жизненное пространство. Поэтому с появлением часа открывается возможность описания времени внутреннего созерцания, времени индивидуальности и личности, времени как духовной категории.*

Весьма показательно, между прочим, и то, что в Ветхом Завете в терминах *дней* описываются реалии, которые позже, с развитием системы временных обозначений в сторону уменьшения масштаба (и тем самым — проекцией на внутренний микрокосм!) стали интерпретироваться с помощью «душевных» *минут*, эмоциональных *мгновений* и под., ср.: *И ныне изливается душа моя во мне: дни скорби объяли меня* (Иов 30. 16).

З а м е ч а н и е. Подчеркнем: *час* Нового Завета — это не лингвистическое нововведение, следствие языка, на котором написаны Евангелия. В древнееврейском языке был «час» (*шаа*) как обозначение части суток, и это слово встречается в Книге Пророка Даниила в значении момента («точки») и в количественном значении.

Как кажется, выбор в Новом Завете именно *часа* (а не, скажем, *времени* или *дня*) для описания определенного круга ситуаций и реконструкция на основе этого выбора нового типа времени относятся к области мировоззренческих проблем. Последовательность и регулярность перевода новозаветного *ώρα* в Евангелиях на вульгате, церковнославянском и русском (здесь мы опираемся на сопоставление параллельных текстов Евангелия от Матфея [3]) — позволяет усмотреть в этом слове некую терминологическую значимость — соотнесенность с общей системой языка времени в Библии ².

² Нужно сказать, что практика современных переводов Библии далеко не так щепетильно относится к этой строгости библейских времен и сроков. Так, к примеру, в симфониях «модернизированных» англоязычных Библий «час» отсутствует, и соответствующий новозаветный прототип расплывается в переводах через *time*, *moment* и под. Сказанное в какой-то степени относится и к переводам библейского *дня*: в современных версиях *день* перестает восприниматься как базовая единица библейского времени-жизни, ср. переводы традиционных библейских формул: *...И умер Иов, насыщенный днями* (Иов. 42. 16) — *And then he died at a very great age* [3, 537]; *...число дней твоих очень велико* (Иов. 38. 21) — *...you're so old* [3, 533]; *...дни скорби объяли меня* (Иов 30. 16) — *there is no relief for my suffering* [3, 527].

Впервые мы о *часе* слышим на брачном пиру в Кане Галилейской: «И как недоставало вина, то Мать Иисуса говорит Ему: вина нет у них. Иисус же говорит Ей: что Мне и Тебе, Жено? *еще не пришел час мой*» (Ин. 2. 3–4).

Час этот мыслится как некий тайный срок, который не зависит ни от воли отдельных лиц, ни от внешних событийных поворотов (мы идем дальше по тексту Евангелия от Иоанна): *И искали схватить Его; но никто не наложил на Него руки, потому что еще не пришел час Его* (7. 30).

Час Нового Завета задает перспективу нового времени. Наметим тезисно его отличительные черты.

1. «Персоноцентричность». Если *день*, движимый восходами и заходами солнца, является носителем родо-временной перспективы (выражение В. Н. Топорова), то *час* «движется» поступками людей и задает перспективу личностную: наступление или ненаступление «часа» определяется духовными человеческими проявлениями: ...*вот, приблизился час, и Сын Человеческий предается в руки грешников* <...>: *вот приблизился предающий Меня* (Мф. 26. 46)³. Этот пример хорошо показывает, как изменение, условно говоря, «масштаба» в названии сокровенного срока (от *дня* к *часу*) задает новое зрение, ведь деталями, по которым можно судить о приближающемся «часе», являются именно поступки отдельных людей, их душевные проявления, а не, скажем, какие-то природные знамения (которые могли бы сигнализировать о приближении «дня»). Отсутствие стойкости учеников, их колебания тоже служат своего рода «знаком» приближения *часа*: *Вот, наступает час, и наступил уже, что вы рассеетесь каждый в свою сторону и Меня оставите одного...* (Ин. 16. 31–32). Заметим, что этот *час* именно ощущается, прозревается, угадывается — так, как *день* угадываться не может.

2. Духовность, в основании которой лежит крестная жертва самого Иисуса. *Час* манифестирует время, испытывающее; Иисус (это повторяется во всех синоптических Евангелиях) говорит ученикам: *Когда же будут предавать вас, не заботьтесь, как или что сказать; ибо в тот час дано будет вам, что сказать* (Мф. 10. 19). Мы видим, что путь учеников мыслится как повторение «часа» Учителя, прохождение через «час». Таким образом, испытание является необходимым условием обретения этой новой временной ментальности.

³ В оригинале относительно «часа» и относительно «предающего» используется один и тот же глагол ᾔγγιχεν.

3. *Час Иисуса* основывается на свободе выбора, наличии «воли выбирающей», которая предполагает не природное стремление, но свободное решение, т. е. относится к категории личности. Отцу Г. Флоровскому принадлежат слова: «...Христос есть потрясение для природного порядка и ритмов» [4, 323]. Таким «потрясением» и является *час Иисуса*, *час* времени Нового Завета, описывающий перелом, слом привычного порядка, выход за пределы возможностей ветхого человека. Мы помним, как проходило Гефсиманское бореие, но в итоге мы слышим: *Кончено; пришел час; вот, предается Сын Человеческий в руки грешников* (Мк. 14. 41). *Часа* можно избежать, *час* может миновать человека (в отличие от *дня*, который мыслится как некая «пядь»⁴ жизненного пространства, пройденного или подлежащего, неминуемого и всеобщего), ср.: *И, отойдя немного, пал на землю и молился, чтобы, если возможно, миновал Его час сей* (Мк. 14. 35).

4. Отмеченные особенности новозаветного *часа* подводят нас к мысли, что *час* открывает возможности трансцендентного понимания времени.

Во-первых, время *часа* не связано условиями масштаба, протяженности жизненного пространства. В подтверждение приведем отрывок из речи В. О. Ключевского о преп. Сергии Радонежском, хорошо иллюстрирующий такую временную ментальность: *Одним из отличительных признаков великого народа служит его способность подниматься на ноги после падения. Как бы ни было тяжело его унижение, но пробьет урочный час, он соберет свои рассеянные нравственные силы и воплотит их в одном великом человеке или в нескольких великих людях, которые и выведут его на покинутую им временно прямую историческую дорогу. Понятно, что событие, о котором говорит историк, не поддается иной временной локализации — скажем, в терминах *дней* или *лет*.*

Во-вторых, *час* может мыслиться вне какой-либо последовательности, между тем как *день*, явно или неявно, несет идею места на календарной (= жизненной) оси, места, которое подразумевает некое «до» и некое «после»: *день* может быть *предстоящим, предстоящим, последующим*, к *дню* можно *идти*; о *чase* же можно сказать «теперь» и «всегда» (...и чей-нибудь уж близок час...) ⁵.

⁴ Ср.: «Вот, Ты дал мне дни, как пяди, и век мой, как ничто пред Тобою» (Пс. 39 (38) 6).

⁵ В применении к библейской тематике можно было бы, по-видимому, говорить, что «идеология» *дня* и *часа* диктует разное ожидание Парусии: *день* задает понимание 'в скором времени' в смысле календарного срока, а *час* — в смысле того, что всегда «при дверях».

Приведем пример, хорошо отражающий эту особенность *часа*: Мы *держаем молитвенно звать: «ей, гряди, Господи Иисусе» и внимать Его ответному обетованию: «ей, гряду скоро!» во всякое время, когда слышит Его сердце и призывает Его час истории* (о. С. Булгаков). Заметим, что *час* и в *истории* открывает свое, не поверхностно-событийное содержание: при всей необычности сочетания *час* (а не, скажем, *момент, период*) *истории* в описываемой ситуации оно, по-видимому, единственно возможное.

Подчеркнем: невозможность поляризации некоторых событий *часа* на ось дней, условно говоря календарную, связана не с отсутствием какой-то более «точной» информации о них (их распыленностью, рассеянностью в жизненном пространстве), но именно с принципиально иной сферой их обитания, реализации: события *дня* реализуются «здесь», а события *часа* могут реализоваться и «там», *за гранью дней*, за пределами видимой физической реальности, ведь и День Судный мыслился в духе хилиастического осуществления «здесь», между тем как *час* (*час последний*)⁶ задает перспективу перехода и тем самым связи временного и вечного, ср.: *Перед праздником Пасхи Иисус, зная, что пришел час Его перейти от мира сего к Отцу, явил делом, что, возлюбив Своих сущих в мире, до конца возлюбил их* (Ин. 13, 1).

Быть может, и в идее *последнего дня* (*extrema/summa dies*) носителей дохристианского сознания акцентировался момент расставания с этим миром, а понятие *последнего часа* несло новую идею — встречи в мире том, а значит ответственности, жизненного счета, итога. И быть может, это традиционное соединение *дня* и *часа* в проклятиях и прославлениях каких-либо жизненных моментов тоже несет следы различных ориентаций, ср. у А. Ахматовой: *Пусть миру этот день запомнится навеки, / Пусть будет вечности завещан этот час..* Во всяком случае язык Нового Завета весьма чувствителен к этой противопоставленности *часа* и *дня* по линии трансцендентного и реалистического понимания времени. В подтверждение приведем отрывок, в котором говорится о наступлении суда Божиего, но так как суд этот вершится в Откровении, в воображаемом пространстве пророческого прозрения, в тексте мы видим *час*, а не *день*: *...и говорил он [Ангел] громким голосом: убийтесь Бога и воздайте Ему славу, ибо*

⁶ Заметим, что современное сознание последний жизненный срок осмысляет скорее в терминах *часа* (*час смертный/последний*), между тем как для ветхозаветного сознания естественным является осмысление в терминах *дня*, так в Книге Иова мы встречаем выражение *до моего смертного дня*.

наступил час суда Его; и поклонитесь Сотворившему небо и землю, и море, и источники вод (Откр. 14, 7).

З а м е ч а н и е. Относительно этого примера можно сказать и так: выбор *часа* подчеркивает, что речь идет не о суде Божиим (который еще не наступил), а о прообразе этого суда, т. е. *час* в сочетании *час суда* подчеркивает неканоничность использования имени события. Аналогичное применение *часа* можно найти у М. Волошина в «Хвале Богоматери», где понятия Спасения, Воскресения, Суда прилагаются к Богородице, а не к Сыну, и *час* выступает как необходимая замена каноническому *дню* (Судному, Второго пришествия), ср.: *В грозный час, когда над нами, / Над забытыми гробами / Протрубит труба, / В час великий, в час возмездья, / В горький час, когда созвездья с неба упадут, / И земля между мирами, / Извергаясь пламенами, / Предстанет на Суд, / В час последний в тьме крошечной / Над своей землею грешной / Ты расстелешь плат...*

Час с необходимостью заменяет *день* (несущий ветхозаветные ассоциации) и в поэме К. Бальмонта «Воскресение», где описывается сотворение мира, но не по библейскому, а по индуистскому канону — сотворение всего живого (и *час* здесь — это время великих сроков): *В час, когда я строил небо, / Без стирпил и без подпорок... В час, когда зерно возникло... В час, когда в деревьях, в травах, / Силой духа волевого, / Сокровенно заиграли / Чары тайного огня...*

Тезис о реалистичности *дня* и умозрительности *часа* находится в полном согласии с этимологией этих слов: исходно *день* связан со зрительным образом (многие этимологи возводят *день* к **di-* 'сиять, излучать свет'), *день* описывает некое пространственно-временное единство (как кажется, именно пространственность определяет «здесьнюю» область реализации событий *дня*); *час* же, обозначающий время активное, «срочное», свободен от какой-либо пространственности и поэтому способен описывать внутреннее созерцание, задавать область локализации событий как «здесь», так и «там».

Противопоставленность *дня* и *часа* по линии наличия/отсутствия «пространственности» — оппозиции, которая является, по сути, другим названием кантовских категорий внешнего и внутреннего созерцания, — видна из сопоставления простейших примеров: о *дне* мы говорим *длинный / короткий*, а о *часе* — *долгий / краткий* (т. е. такой, который показался *долгим* или *кратким*). *День* можно *видеть*, т. е. воспринимать непосредственно, быть его *свидетелем*, ср.: *В те дни — а вы их видели / И помните, в какие, — / Я был из ряда выделен / Волной самой стихии* (Б. Пастернак); [о похоронах Пастернака] *Перед ним плелась ненужная машина. Под ним была скорбная неписательская толпа — приехавшие и местные жители, свидетели и соседи его дней, зареванные студенты, героини его стихов* (А. Вознесенский); *час* же скорее «слышится», а не «видится», воспринимается внутренним зрением, прозревается (совсем не случайно

идиоматизация звучащего часа), ср.: *...сердце его стало качаться, как медная тарелка, но вдруг он застегнулся на все пуговицы и почувствовал: час пришел* (Ю. Тынянов).

Различие же сфер локализации событий *дня* и *часа* хорошо видно из сравнения примеров, в одном из которых с необходимостью употреблен *день*, манифестирующий начало библейской истории, а в другом — *час*, задающий выход в некое трансцендентное время, события которого если и локализуются, то в каких-то иных, не физических, измерениях: (1) *Настоящая история Откровения начинается в тот день, когда некий семит-кочевник из окрестностей Ура Халдейского услышал зов и повиновался повелению свыше*; (2) *Библия в обеих своих частях есть... повествование... о действии Бога в мире от самого начала времен и до того часа, когда перед кончиной одного из апостолов слово Откровения было вручено на хранение Церкви Христовой* (примеры взяты из предисловия академика Даниеля-Ропса к брюссельскому изданию Библии [1]).

3. Итак, начав эту работу с лингвистических сопоставлений *часа* и его межъязыковых коррелянтов (*миг, пора...*), мы, не без влияния библейского словоупотребления, ведомые уже культурными, а не языковыми, ассоциациями, перешли к сравнению возможностей *часа* и *дня* — слов, заведомо различных, не имеющих общей лингвистической основы. У этого сравнения были две причины.

Первая. *Час* и *день* задают две различные проекции описания жизни в терминах времени, и граница, условно говоря, проходит именно между этими временными показателями, а именно — *час* (а также *мгновение, минута, миг*) проецируют события на внутренний мир: душевный, духовный, представляемый; в системе временных спецификаторов именно они предназначены для описания ментального плана жизни; *день* же (как и *дни, времена, век, эпоха, годы, лета...*) описывает мир внешний: социальный, возрастной, природный, культурно-исторический аспекты; слова этого последнего ряда являются выразителями некоего «вещного» плана жизни. В огрубленном виде можно сказать, что слова типа *час* — это темпоральные спецификаторы качества времени (= события), а слова типа *день* — это названия отрезков жизненного пространства, отмеченного событием, это вместилища событий, ср.: *эпоха плаката, век кино...* И таким образом переход от *дня* к *часу* для нас знаменовал смену мировоззрений: восприятие жизни как локализованной вовне, сменяется или, лучше сказать, дополняется восприятием жизни в категориях внутреннего созерцания, которое с необходимостью предполагает личностную ориентацию.

Библейский же *день* в этом плане интересен тем, что может использоваться и по типу спецификатора, являясь своего рода темпоральной прокладкой при имени события, ср.: *Коня приготовляют на день битвы*, / *Но победа — от Господа* (Притчи 21. 31) или *Блажен, кто помышляет о бедном (нищем)! / В день бедствия избавит его Господь* (Пс. 41 (40)). Именно в силу указанной причины в современных англоязычных переводах *день* в подобных контекстах отсутствует, и событие называется непосредственно, ср.: *You can get horses ready for battle...; <...> the Lord will help them when they are in trouble...* (примеры взяты из [8]).

Второй причиной сопоставления *дня* и *часа* было отчетливое ощущение переключки между этими словами при обозначении жизненно важных сроков, навеянное культурными ассоциациями, ср.: *Онегин, помните ль тот час...* и (из Е. Баратынского) *...Забуду ль о счастливом дне*, / *Когда приятельской рукою / Пожал Давыдов руку мне!*; (из «Дневника» Е. С. Булгаковой) *Настал день, когда истина открылась Шиловскому и Настал час, когда истина открылась ему*.

В обоих случаях мы видим идею реализации жизненного пути, на котором *день* и *час* отмечают «вехи», при этом *день* акцентирует в этом «пути» внешнее, быть может, публичное (*день всеобщего торжества, день признания, славы*), а *час* — внутреннее, интимное (*час прозрения, постижения*). Именно *час* способен к описанию «тайных сроков», указывающих на осуществление события в пространстве внутреннего созерцания, ср.: *И час настал. Свой плащ скрутило время, / И меч блеснул, и стены разошлись. / И я пошел с толпой — туда, за всеми, / В туманную и злую высь* (А. Блок). И это понятно, ведь русский *час* в существенной степени наследует специфику *часа* Нового Завета, являясь манифестантом того типа «трудного» пути, который связан с искуплением. А поскольку новозаветное понимание *часа* актуализирует в нем идеи личности и духовности, то и «вехами» для *часа* могут быть далеко не всякие события, ср.: *Он давно хотел испытать себя. Наконец, этот час настал и Он давно хотел отведать мороженого. Наконец, этот *час (нужно: день) настал*.

В качестве итогового приведем пример (из М. Лермонтова), в котором одно и то же событие описывается сначала с внешней точки зрения (требующей использование *дня*), а потом — с точки зрения внутренней (и тут на смену *дню* приходит *час*): *Настанет день — и миром осужденный, / Чужой в родном краю, / На месте казни — гордый и презренный — / Я кончу жизнь мою...*

Виновный пред людьми, не пред тобою, / Я твердо жду тот час; / Что смерть? — лишь ты не изменись душою — / Смерть не разрознит нас.

ЛИТЕРАТУРА

1. Библия. 2-е изд., Брюссель, 1983.
2. Ф. И. Б у с л а е в. Преподавание отечественного языка. М., 1992.
3. В. Н. М у р а в ь е в. Философские заметки и афоризмы // Вопросы философии, 1992, № 1.
4. Новый Завет. Евангелие от Матфея на греческом, церковнославянском, латинском и русском языках с историческими и текстологическими приложениями. М., 1993.
5. Г. В. Ф л о р о в с к и й. Пути русского богословия. Париж, 1937; репринт. Вильнюс, 1991.
6. Е. С. Я к о в л е в а. Фрагменты русской языковой картины мира (модели пространства, времени и восприятия). М., 1994.
7. Е. С. Я к о в л е в а. Час в русской языковой картине времени // Вопросы языкознания, 1995, № 6.
8. Good News Bible. Today's English Version. The Bible Societies. Collins Bible, 1982.

ОБСТОЯТЕЛЬСТВА ВРЕМЕНИ В КОММУНИКАТИВНОЙ СТРУКТУРЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ

При анализе коммуникативной структуры предложений с обстоятельствами времени бросается в глаза, что некоторые из них могут выступать как в роли тем, так и рем, например, обстоятельства *завтра* или *в 1943 году* — *Завтра у нас будет заседание* vs *Заседание назначено на завтра*; *В 1943 году наши войска освободили Орел* vs *Наши войска освободили Орел в 1943 году*; а коммуникативная функция других ограничена. Так, наречия *теперь, порой, сначала, поначалу* и *наконец* могут быть только темами или парентезами: *Он долго вел бродячую жизнь, играл на свадьбах, в трактирах, на ярмарках и наконец попал в оркестр*. Наречие *редко* обычно бывает только ремой, ср. [12, 21]: *Черными эти земли зовут потому, что снег там выпадает редко*; *Там редко выпадает снег*. Просторечные *намедни, вчерась, теперича (таперича)* и устаревшее *давеча* бывают только парентезами, т. е. обычно занимают во фразе срединную коммуникативно наименее релевантную позицию и не могут служить ответом на вопрос *с когда*: *Номерки теперича по ногам хлопают*.

1. Коммуникативные роли составляющих

Чтобы исследовать ограничения на коммуникативные роли и связь таких ограничений с семантикой слов и выражений, введем понятие коммуникативной роли составляющей. Для повествовательного предложения мы выделяем четыре коммуникативных роли — тема, рема, да-нет рема (она же модальная, или верификативная рема) и парентеза. Возможна и более дробная классификация коммуникативных ролей — с учетом переходных случаев. Примером переходной роли служит заударная (ослабленная) тема *назавтра* в предложении *Большой назавтра пришел в себя*.

Итак, в примере *Марья Ивановна — красавица* составляющая *Марья Ивановна* служит темой, а составляющая *красавица* ремой.

Примером да-нет ремы служит ответная реплика *красавица* в примере — *Марья Ивановна — красавица? — Красавица*. Это рема истинностной оценки, и она соответствует семантике слова *да*. Роль парентезы играет слово *вероятно* в предложении *Марья Ивановна, вероятно, все такая же красавица*.

Все четыре коммуникативные роли в рассмотренных примерах характеризуются различными фразовыми ударениями. Тема реализуется с повышением основного тона или в беглой речи вообще не выделяется никаким фразовым акцентом. В норме она располагается в начале предложения. Рема характеризуется выделительным акцентом и обычно располагается в конце русского предложения. Да-нет рема характеризуется более энергичным акцентным выделением, чем просто рема.

Парентеза характеризуется, прежде всего, безударностью (с точки зрения фразовых ударений), ускоренным темпом произнесения, ровным пониженным тоном, а также приверженностью к заударной — срединной позиции (после темы перед ремой) — или к концу предложения — после собственно ремы. Вводные (парентетические) слова необязательно играют роль парентез. Роль темы для многих из них тоже весьма характерна: *Во-первых, Марья Ивановна — красавица, а во-вторых, она очень умная женщина*.

2. Коммуникативные функции наречий *сейчас и теперь*

Ограничения на коммуникативные роли наречий *сейчас* и *теперь* отмечаются в [9, 265–271; 10, 59]. И. А. Мельчук выделяет четыре значения *сейчас*: 1) 'момент речи' (*Он сейчас занят*), 2) 'ближайшее будущее после момента речи' (*Сейчас приду*), 3) 'ближайшее прошлое перед моментом речи' (*Он сейчас где-то тут был*) и 4) *сейчас* нарративное (*Сейчас он внушал жалость*), ср. также [6; 11; 16].

Для всех значений слова *сейчас* роль ремы нехарактерна, но возможна: — *На какое время назначен визит Васи? — Вася у меня сейчас*. Здесь перед нами *сейчас*¹ в соответствии с классификацией И. А. Мельчука.

Заметим, что при анализе единиц с фиксированной коммуникативной функцией, например тематической или парентетической (мы называем эти коммуникативные роли слабыми, причем парентеза слабее темы), оказывается, что явление контраста повышает коммуникативную подвижность единиц с, казалось бы,

неподвижной коммуникативной функцией. Ибо, попадая в фокус контраста, единицы с фиксированной тематической ролью могут стать контрастными темами и ремами. Так, дательный субъекта, который, вообще говоря, чужд рематической роли, при контрасте может стать т. н. контрастной ремой: *Плохо без семьи — детям.* Здесь составляющая *детям* служит контрастной ремой, т. е. употребляется в контексте, где дети противопоставлены взрослым.

Контраст может служить диагностическим контекстом для единиц с ограниченной коммуникативной функцией, потому что, если рематическая просодия и особый порядок слов однозначно сообщают употреблению некоей единицы значение контрастной ремы, то это значит, что нормальной ремой она быть не может, т. е. обычно выступает только в роли темы.

Семантические особенности контрастной ремы (а также и контрастной темы) состоят в том, что 1) она содержит в себе отрицание (*'именно детям, а не взрослым'*) и 2) активизирует в сознании слушающего множество, ассоциированное с денотатом контрастной ремы (темы). Это множество парадигматически связано с исходной единицей, т. е. имеет с ней общий признак.

Для наречия *теперь* мы не знаем такого контекста, в котором оно бы было неконтрастной ремой. В примере *Вместо того чтобы сделать раньше, приходится делать это теперь* рема *теперь* — контрастная.

Итак, в нашу задачу входит выявить слова с той или иной коммуникативной «полярностью» и найти семантические инварианты ограничений коммуникативных функций.

Одно из предположений касательно ограничений коммуникативной роли можно пояснить так. Тема предложения, как известно, хоть и не всегда бывает данной или известной, но, несомненно, часто. Поэтому лексемы и синтаксические конструкции со значением известного склонны выступать в роли темы. Так, для местоимения *я* нехарактерна роль ремы: в предложении *Пришел я* рема *я* — контрастная, а в предложении *Пришла Марья Ивановна* рема *Марья Ивановна* — нормальная. Хотя рематическая роль для личных местоимений нехарактерна, но все же не невозможна. Так, в следующих предложениях местоимение *я* играет роль не-контрастной ремы: *Командовать парадом буду я; Мадам Бовари это я; За старшего останусь я; Сторожем здесь я; Это я.*

Другое подобное слово — наречие *сейчас*. Для него характерно служить отправной точкой высказывания, и в роли ремы оно часто приобретает семантику контраста: *Надо сделать это сейчас, <а не завтра>.*

И. А. Мельчук показал, что наречие *теперь* обозначает время события в сопоставлении с некоторым событием в прошлом. Между тем, одно из основных средств выражения отношения сопоставления — коммуникативная структура предложения. Аргументы отношения сопоставления — это коммуникативно охарактеризованные компоненты предложений — темы и ремы [7–8; 17]: *Толя — пел, а Борис — молчал.*

Таким образом, *сейчас* показывает время абсолютного события, а *теперь* — в соотношении с другим событием, которое как бы «замещало» актуальное событие в прошлом: *Там, где две недели назад был брод, теперь омут.* Есть и другие релятивные (логические) наречия: *Раньше они были друзьями* [12, 22]; *Давал три бала ежегодно и промотался наконец.* Приведу также и английские примеры с «тематическими» словами: *Latterly he was unable to speak; Nowadays that is very expensive.* Эти слова не встречаются в рематической позиции и не отвечают на вопрос с *когда*, ибо нельзя спросить *когда?* и получить ответ *наконец*, или спросить *when?* и услышать *nowadays*.

Как уже говорилось, аргументами отношения сопоставления служат коммуникативно охарактеризованные компоненты высказывания — темы и ремы сложносочиненного предложения. Как показать, что при сопоставлении положений дел в два момента времени — в актуальное время говорящего и в прошлом, обозначение времени принимается за исходную точку — тему — и на роль ремы не претендует? Вопреки этимологии слова *теперь* (из *то първо*), *теперь* — всегда второе, потому что служит противопоставлению актуального положения дел тому, что было. Между тем, две коммуникативные роли высказывания — тема и рема — как раз противопоставлены друг другу как относительное абсолютному, ибо рема служит абсолютной цели сообщать новую информацию, а тема — для связи с другими фрагментами текста и экстралингвистической конситуацией. Ответственность за такую контекстную связь в плане времени возлагается на наречие *теперь*.

Итак, *теперь* 1) обозначает период времени, включающий момент речи, т. е. время говорящего, что согласуется с его «тематической полярностью», и 2) включено в отношение сопоставления, т. е. идея «относительного» времени, которую передает наречие *теперь*, согласуется с относительностью коммуникативной роли темы.

В качестве инварианта значений, которые выделил И. А. Мельчук для *сейчас*, можно считать неразобценность с моментом речевого акта: *сейчас* — это личное время говорящего. А *теперь* указывает на момент речи только в связи с аналогичным моментом в

прошлом. Поэтому основная функция *теперь* не дейктическая, как у *сейчас*, а текстовая. Наречие *теперь*, подобно союзу *А*, обозначает отношение сопоставления, т. е. в *теперь* заключены результаты логических экзерсисов говорящего.

2.1. *Сейчас* в значении ближайшего будущего.

Просторечные и устаревшие наречия, функционирующие в роли парентез

Сейчас в значении ближайшего будущего может быть только темой, в частности, заударной темой: *Ты, брат, не горюй. Мы тебя сейчас удавим* (Хармс). В просторечии *сейчас* в значении ближайшего будущего может заменяться на *ща*: *Ща как дам в морду!* — *Ты идешь?* — *Ща*; *Он ща придет*. В других значениях слова *сейчас* такая замена невозможна. — *Когда Васька придет?* — **Да он у меня тут ща*; **Он тут ща в карты режется*; **Он где-то тут ща был*.

В значении ближайшего будущего *сейчас* по своей коммуникативной функции смыкается с другими просторечными или устаревшими наречиями времени *давеча*, *теперича* (*таперича*), *намедни*, *завсегда* и *вчера*: *Собрались мы тут вчера в баню*; *Номерки теперича по ногам хлопают*. Важное свойство этих наречий состоит в том, что они не отвечают на вопрос с «когда?».

Почему употребление парентетических обстоятельств времени ограничено просторечием? Возможно, дело здесь в том, что парентеза — это статус многих клишированных выражений, а клише особенно характерны для просторечия. К разряду клише можно отнести и устаревшие формы вроде *давеча*, которые утратили связь с продуктивными морфемами и моделями.

Фиксированная коммуникативная роль, парентетическая в особенности, это свидетельство идиоматизации лексем, конструкций и даже структурных схем предложений, шаг на пути перехода в междометия и частицы. Перед нами готовое клише, которое не порождается согласно уровневому представлению о структуре языка, а хранится в готовом виде — в «упаковке», известной заранее.

Т. В. Булыгина обращает внимание на стилистически нейтральное выражение *все время*, «(обычно выступающее в предложении в «аллеговой» безударной форме)» и «указывающее (несколько гиперболически) на частоту отдельных «квантов» положения дел» [2, 49–50]. В нашей терминологии *все время* — это обстоятельство с фиксированной парентетической ролью.

Способность обстоятельств выступать в роли ответных реплик заслуживает отдельного обсуждения. Очевидно, что ответные реп-

лики должны иметь либо статус рем (— *Когда придет Вася? — Завтра*), либо да-нет рем (— *Вася придет? — Придет; — Вася действительно придет? — Действительно*), см. [5]. Поэтому слова с фиксированной слабой функцией — тематической и парентетической — как будто бы не должны выступать в качестве ответных реплик. Однако в действительности это не всегда так.

Наречия с парентетической коммуникативной функцией — это часто внеструктурные компоненты предложения. Они выражают вероятностные, эмоциональные, истинностные и другие оценки говорящего. Они могут соответствовать фоновому знанию, которое говорящий упоминает как бы вскользь в порядке напоминания или оценки. Они могут обозначать сопутствующие обстоятельства, которые говорящий полагает не самыми важными. Единицы только с парентетической коммуникативной ролью не бывают ответными репликами. К таким, например, относятся *правда сказать, чего доброго, теперича, давеча* и др. Между тем единицы с тематической коммуникативной ролью, а также те, которые могут играть и тематическую, и парентетическую роль и которые сохранили синтаксические связи с другими компонентами предложения, могут служить краткими (эллиптическими) ответами: — *Он заходит? — Изредка; — Он придет? — Возможно*. Если опущенные при эллипсисе элементы восстановить, фразовое ударение (рематическое) окажется на восстановленных компонентах: — *Он заходит? — Изредка заходит* (ср. — *Он заходит? — Изредка*); — *Он придет? — Возможно, придет* (ср. — *Он придет? — Возможно*). В последних примерах рематическое ударение в ответных репликах на словах *заходит* и *придет* соответственно, а эллиптические варианты состоят из «безударных» единиц *изредка* и *возможно*. (Жирным шрифтом мы обозначили здесь слово-носитель ударения в рематической составляющей.) Таким образом, явление эллипсиса «разрешает ставить под фразовое ударение» элементы, в обычных условиях «безударные».

3. Коммуникативные особенности наречия *давно*

В работе Е. В. Падучевой [14] замечен уникальный факт коммуникативного поведения *давно*: в сочетании с глаголом в общефактическом значении *давно* может быть только ремой: *Я обедал давно; Гланды мне вырезали давно*. В этой же работе поставлена задача объяснить такую особенность.

Будем различать два значения слова *давно*: *давно*₁ — для ситуаций, которые имели место некоторое длительное время тому назад и кончились, как в *это было давно*, и *давно*₂ для ситуаций или состояний, которые возникли некоторое время тому назад и сохраняются или результат их сохраняется в точке отсчета, например в настоящее время, как в *давно спит, давно пришел*.

Оказывается, что так же, как и *давно*, в контексте общефактического значения ведут себя другие обстоятельства времени, например *неизвестно когда*. В сочетании с общефактическим значением они тоже могут занимать только позицию ремы: *Я пекла такой пирог неизвестно когда / сто лет назад*. Мы не останавливаемся на определении общефактического значения глагола и отсылаем читателя к работам [4, 116–144; 13, 19–23, 43–47, 61–65; 14, 321–333].

Обратим внимание на две особенности сочетания общефактического с *давно* и указанными обстоятельствами времени. Предложение в общефактическом значении не значит, что результат действия или состояния, начавшегося некоторое время тому назад, имеет место и в настоящем. Так, *давно встретился с Машей* может значить, что он и сейчас водит с ней знакомство, а *встречался с Машей давно* значит, что сейчас они в разлуке. Таким образом, предложения типа *встречался с Машей давно* значат, что некоторое событие имело место неопределенное время тому назад безотносительно к результату, который мог бы быть в настоящее время. И другая особенность состоит в том, что события произошли в такое время, которое очень далеко от говорящего. *Недавно*, в отличие от *давно*, свободно употребляется в роли темы [14]. Это легко объяснимо, так как *недавно* обозначает время, близкое говорящему и хорошо им освоенное, свежее в сознании: *Недавно // я встретился с Машей* (ср. **Давно // я встретился с Машей*, здесь знак // обозначает паузу, которая может отделять тему от ремы).

В разделе 2 мы заметили, что контекст контраста нарушает поведение слов с фиксированной коммуникативной функцией. *Давно* тоже не исключение. Здесь важным возмущающим контекстом служит да-нет значение (да-нет рема), которое представляет собой частный случай контраста. Релевантное множество здесь состоит из двух элементов — «да» и «нет». Выражается да-нет значение энергичным акцентным выделением глагола, и наречие тогда безударно. Оно входит в составляющую, которая целиком служит да-нет ремой: — *Ты только посмотри, что он пишет. — Да читала я это уже давно / Я это давно читала*.

3.1. *Давно* в сочетании с видовременными формами

Покажем, что значение действия или состояния, завершившегося задолго до точки отсчета, может быть не только в контексте общефактического. Для этого рассмотрим сочетание *давно* с видовременными формами глагола.

Давно + настоящее время (*давно тебя жду; давно ее люблю; он давно не приходит*) значит, что некоторое состояние или процесс начались в момент времени раньше момента речи и продолжают в момент речи. *Это давно2*.

Давно + совершенный вид в прошедшем времени может значить, 1) что в момент времени раньше момента речи (или момента в тексте) произошло событие, которое привело к состоянию, имеющему место и в момент речи или в момент в тексте: *Он давно умер*. Такое значение глагола мы по традиции называем перфектным. Кроме того, 2) в контексте *давно* глаголы совершенного вида могут иметь и аористическое значение, а некоторые — только аористическое: *Эта история случилась/приключилась/произошла с одним моим знакомым давно*. Под аористическим значением мы понимаем обозначение события, которое состоялось в прошлом, закончилось и ушло в небытие. Аористическое значение, которое обозначает ситуацию в прошлом, противопоставлено перфектному значению, которое совмещает два временных плана — прошедшее, когда имела место ситуация, и настоящее — ее последствия. Аористическое значение сочетается с *давно1*. Глаголы *умер* и *встретился* могут иметь оба значения — перфектное и аористическое, а *произошел, случился, приключился (со мной случай)* только аористическое.

Давно + несовершенный вид прошедшего времени в утвердительном предложении значит 1) что в момент времени, раньше определенного момента в тексте, в течение некоторого времени происходило событие, которое привело к состоянию, имеющему место и в момент в тексте (*Я в твои годы давно полком командовал*). *Это давно2*. 2) *Давно1* при этом сочетании глагольных характеристик тоже может быть: *На свадьбу дочери он ездил давно; Это было давно; Это происходило в московском окружном суде давно*. Последнее значение назовем имперфектом. Здесь действие длилось некоторое время и завершилось в прошлом, и о его результатах в точке отсчета ничего не сообщается. 3) *Давно* + глагол в общефактическом значении (*Я пекла этот пирог давно*) значит, что имело место некоторое событие, которое понимается как некоторый

факт, как опыт или как тип события. Из факта осуществления события можно делать выводы и умозаключения [13, 63]. Глагол в общефактическом значении называет ситуацию, разобобщенную с точкой отсчета.

Давно + несовершенный вид с отрицанием (*Я давно не пекла такой пирог*) имеет то же толкование, что и *давно* + настоящее время.

Анализ сочетаемости *давно* с видовременными формами глагола показывает, что в сочетании с настоящим временем, перфектом и в контексте отрицания представлено *давно2*, а в сочетании с общефактическим, имперфектом и аористом — *давно1*. Иначе говоря, в контексте видовременных форм, поддерживающих связь «прошлое-настоящее», реализуется *давно2*, а где связь времен прервалась — *давно1*. Отсюда можно предположить, что 1) когда *давно* (а также гиперболическое *сто лет назад* и *неизвестно когда*) относится к событию, закончившемуся в прошлом и не имеющему связи с настоящим, оно играет роль ремы и 2) различие в значении между *давно1* и *давно2* можно отнести за счет значения глагола. (Заметим, что возмущающее действие да-нет значения в контексте аориста и имперфекта сохраняется: *Что должно было произойти / случиться — давно случилось / произошло*.)

Известно, что далекое от говорящего — новое, необычное, уникальное, странное, неизвестное, неопределенное, отличное от нормы — склонно образовывать рематическую составляющую. Приведем примеры с прилагательными *новый*, *странный* и др.: *Новый тип офтальмоскопа разработали недавно югославские врачи; Новую партию игрушек выпустила кунцевская деревообрабатывающая фабрика; Уникальный контрольно-пропускной пункт открылся на чешско-венгерской границе; Какая-то мнительность мешала ему ладить с людьми; Странная мнительность мешала ему ладить с людьми*. Поэтому рематичность *давно* в контексте отсутствия связи с точкой отсчета не вызывает удивления — давнее, далекое, странное, чужое склонно к роли ремы: *Эта история произошла с Васей давно — Эта история произошла недавно с Васей — *Эта история произошла давно с Васей; Он был у нас давно — Он недавно был у нас — *Он давно был у нас; Все это происходило в одном уездном городе давно — Все это недавно происходило в одном уездном городе — *Все это давно происходило в одном уездном городе*.

Особый сюжет представляет собой сочетаемость *давно* с будущим временем. *Давно* + будущее время выражает вторичный дейксис — точка отсчета переносится в будущее (у будущего без

давно точка отсчета — момент речи). Суть этого значения прекрасно выразил Пастернак: «Я вижу... // Всю будущую жизнь насквозь. // Все до мельчайшей доли сотой // в ней оправдалось и сбылось». Будущее в сочетании с *давно* выражает ситуацию предсказания, предвидения, предчувствия, ожидания, переноса в умоглядный мир: *Завтра я в это время давно буду дома*. Другой контекст — будущее нарративное: *Вскоре семья переедет в Москву. Здесь он пойдет в школу. Война к этому моменту давно кончится*. Поскольку точка отсчета в таких контекстах не простая, а сдвинутая, она играет особую роль в конструкции с *давно*. Поэтому здесь релевантны только те ситуации, которые сохраняются в точке отсчета. Как нам представляется, значения *давно*¹ здесь не возникает. Если требуется выразить значение, которое имеется у *давно*¹, используется конструкция с недейктическим *зادолго до*: *Здесь он пойдет в школу. Революция произойдет задолго до этого*. *Давно* в подобном контексте возникает только в да-нет значении: *Все, что должно случиться, давно произойдет — погибнут в лагерях родители — старые революционеры, потеряет работу старший брат*. Можно заключить, что рематическое *давно* практически не употребляется в контексте будущего времени — специализированные примеры представляются странными: *К этому моменту он будет бодрствовать уже давно и устанет — тогда на него будет легко напасть*.

Мы исходим из единства лексемы *давно*, а различие между традиционными *давно*¹ и *давно*² относим на счет значения глагола. В предложениях с наречием *давно* имеется подвижный компонент толкования — сохранение в точке отсчета состояния или результата действия, которое имело место или началось ранее точки отсчета. Этот компонент связывает далекое прошлое с точкой отсчета, поддерживая связь времен. Так точка отсчета, например настоящее время, включается во время события, начавшегося задолго до момента речи. Если значение глагола исключает этот компонент, наречие далекого от говорящего времени *давно* может занимать только рематическую позицию. Не следует, однако, думать, что если *давно* — рема, то связь с точкой отсчета всегда отсутствует: в настоящем времени и в перфекте точка отсчета — настоящее время — входит в видовременное значение и не уничтожается, даже если *давно* служит ремой: *Он живет здесь давно; Он приехал давно*. Наша импликация формулируется таким образом, что если связь с точкой отсчета отсутствует, *давно* может быть только ремой. А глагольные значения, которые поддерживают связь времен, сочетаются как с «рематическим»,

так и с «тематическим» *давно* в зависимости от целей говорящего и направляющей роли контекста.

Итак, у наречия *давно* две коммуникативные особенности: оно не бывает нормальной темой, а только заударной, и в контексте аориста, имперфекта и общефактического может быть только ремой. Первую особенность мы объясняем тем, что *давно* по причине удаленности от говорящего — плохое начало. А свойство обязательной рематичности *давно* в условиях отсутствия связи с точкой отсчета — это проявление той же семантической особенности, только поддержанное контекстом глагольного времени.

3.2. Коммуникативная асимметрия синонимов и антонимов

Чтобы показать, что рематичность *давно* в контексте прошедших времен не является случайной, приведем примеры других слов с рематической полярностью. Подобно паре *давно* и *недавно*, различие по степени удаленности от говорящего демонстрирует пара *далеко* и *недалеко*, что подтверждает нашу гипотезу о связи семантики удаленности от говорящего, чуждости, а также странности, неожиданности и несоответствия норме, с ролью ремы. Среди примеров с *далеко* и *недалеко* можно найти минимальные пары, в которых *далеко* может быть только ремой, а *недалеко* — и темой, и ремой. Видовременная форма глагола, естественно, роли не играет, так как здесь речь идет не о времени, а о пространстве: *Вася недалеко ушел от Пети* — *Вася далеко ушел от Пети* — **Вася далеко ушел от Пети*.

Сравним также *много* и *мало*: *Он принес много книг* — *Он принес мало книг* (см. [3], а также [19] о рематичности французского *peu*, которое противопоставлено «безударному» *un peu*). В первом предложении составляющая *принес много книг* может целиком служить ремой, тогда ударение фиксируется на словоформе *книг*: *Он принес много книг*. Во втором случае ремой может быть только *мало*. Оно выражает более существенное отклонение от нормы, чем *много*. Аналогичную картину можно наблюдать и при сравнении *часто* и *редко* (или *нечасто*). *Часто* более нормально, чем *редко* и *нечасто*, если судить по предрасположенности к роли ремы.

Почему различны коммуникативные функции у синонимов *давно* и *давным давно*? И вообще, следует ли считать, что коммуникативное поведение лексем полностью определяется их семантикой? По-видимому, связь между лексическими значениями и связанными с ними коммуникативными ролями не всегда

однозначна. Так, сравнение *давно* с *давным давно* (ср. [1]) говорит о специальной интродуктивной функции, которая есть у *давным давно* и которой нет у *давно*. Отличие от стандарта, неосвоенность сознанием говорящего, отступление от нормы, неизвестность, странность, удаленность провоцирует рематичность соответствующей составляющей, но не всегда стопроцентно предсказывают ее, так как в значение лексемы могут входить другие значения, которые меняют коммуникативную полярность лексемы. Так, у *давным давно* есть интродуктивный компонент значения, ср. также *как-то раз, когда-то, когда-то давно, в стародавние времена, once upon a time*. Семантика слова *редко* (а также слов *нечасто* и, скажем, *нерегулярно*) запрещает ему употребляться в роли темы — если что-то бывает редко, это вопиюще нарушает норму, не так, как часто, а гораздо серьезнее. Поэтому *редко* употребляется только в роли ремы. Между тем, у слова *изредка* та же семантика, что и у *редко*, плюс некоторое дополнительное значение, которое «смягчает» отступление от нормы. Это делает *изредка* «тематическим» коррелятом «рематического» *редко*: *Изредка приходит Вася; Он изредка заходит*.

Мы показали, что коммуникативная «асимметрия» синонимов, таких, как *давно* и *давным давно*, *редко* и *изредка*, возникает за счет того, что у одного из них может быть специально наведенная ему коммуникативная семантика, погашающая рематизирующий эффект лексического значения, в котором заключена удаленность от говорящего или от нормы. Коммуникативная асимметрия антонимов, таких, как *много* и *мало*, *редко* и *часто*, происходит из заключенных в языке представлений о том, что превышение нормы, которое в некотором смысле гарантирует соответствие ей, меньше выходит за рамки стандарта, чем отклонение от нормы в сторону недостачи. Коммуникативная асимметрия пар антонимов *давно* и *недавно*, *далеко* и *недалеко* основана на оценке дистанции, которая существует между говорящим и тем, о чем он говорит, — все, что далеко, ведет себя в коммуникативном отношении не так, как то, что близко. Близкое может быть и темой, и ремой, а далекое имеет рематическую полярность. Для анализа наречий, заключающих в себе сравнение с нормой, Н. Д. Арутюнова предложила мне (в частной беседе) использовать преобразование с союзом *но*: *Принес книги, но мало* — **Принес книги, но много*; *Приходит, но редко* — **Приходит, но часто*. Из примеров с *но* видно, что *редко* и *мало* нарушают норму, а *часто* и *много* нет. Для анализа наречий, чья рематичность объясняется не сравнением с нормой, а временной или пространственной

удаленностью, тест с *но* не годится: *ушел, но недалеко* — **ушел, но далеко*.

И последнее замечание касается коммуникативных и семантических особенностей наречия *недавно*. Во-первых, оно не сочетается с глаголом плюс отрицание подобно *давно*, потому что *не приходит* и *не приходил* — это уже значит, что *давно*. Значит, *недавно* здесь неуместно. Кроме того, его сочетаемость с настоящим временем тоже сильно ограничена. Так, нельзя сказать *Он недавно спит* или *Он спит недавно* (ср. *Он давно спит*). А в сочетании *Он живет здесь недавно* и *работает у нас недавно* наречие занимает рематическую позицию. Между тем, *давно*, наоборот, в таком контексте может быть и в роли заударной темы: *Он давно здесь живет*; *Он давно у нас работает*. Значит, в таком контексте тенденция к рематизации направлена в противоположную сторону по сравнению с контекстами прошедших (без следа) времен: здесь рематично *недавно*, а не *давно*. Эту особенность мы связываем с отношением к норме. В данном контексте более нормально жить и работать долгое время, а не короткое, ср. *Он у нас работает, но недавно* (**но давно*). Рематичность *недавно* в контексте глаголов, обозначающих развитие событий в долгих интервалах, связано с отношением к норме, которую нарушает семантика *недавно*, сокращая сверхдолгий интервал.

3.3. Контексты, снимающие запреты

При обсуждении запретов на коммуникативные роли лексем мы упомянули о некоторых явлениях, которые снимают запреты, чтобы читатель не рассматривал примеры, которые по ходу дела могут у него возникнуть, как опровергающие основную гипотезу. Существуют другие, не упомянутые выше контексты. Важный тип предложений, который «возмущает» поведение рематических слов, таких, как *давно* (в отсутствии связи с точкой отсчета), *редко*, *далеко* и *нечасто*, — это предложения нерасчлененной коммуникативной структуры. Здесь слова с рематической полярностью входят в состав предложений, которые сами целиком служат ремой. В таких предложениях *давно*, *редко* и *нечасто* безударны (с точки зрения фразового ударения): — *<Ты почему такой грустный?>* — *Обедал давно / Маша редко приходит / Маша к нам нечасто заглядывает / Маша далеко живет / Маша мало занимается*. Здесь рематичность предложения в целом маркируется ударностью словоформы, которая выбирается в соответствии с определенными правилами [18]. Поэтому в таких предложениях лексемы с «рематической» полярностью и, соответственно,

ударные, могут утратить свой обычный акцент, т. к. в соответствии с вышеупомянутыми правилами носителем фразового акцента, формирующего все предложение в целом как единую некусусную составляющую, служит не наречие.

И последнее замечание, которое тут следует сделать, касается не содержательной, а формальной стороны дела, однако оно может прояснить многие недоумения, связанные с коммуникативной структурой предложений с рассмотренными наречиями. Существует правило расстановки фразовых акцентов, применяемое к рематической составляющей, которая состоит из более чем одной группы — двух именных групп или группы наречия плюс именная группа или из двух или более сочиненных групп. В примерах ниже такая сложная в синтаксическом отношении рема выделена курсивной разрядкой: *Подстерег — монах девуку; Они сфотографировались в Москве на Арбате.* В такой синтаксически сложной реме неконечные группы несут на себе восходящий (т. е. нехарактерный для ремы) акцент, и только конечная группа имеет «рематический» акцент. Если в подобное скопление независимых групп попадает наречие, пусть даже с рематической полярностью, оно получает нехарактерное восходящее ударение: *Это было давно и неправда; Это происходило давно в одном уездном городе; Наведывался он сюда редко в одну соседскую семью.* Об интонировании сложных в синтаксическом отношении коммуникативных составляющих см. также [5, 184].

* * *

Мы рассмотрели обстоятельства времени с дефектной коммуникативной парадигмой и установили некоторые связи семантики лексем с их коммуникативной ролью: тематическая роль связана с личностью говорящего, идеей временной и пространственной близости к говорящему и с отношением сопоставления; парентетическая — выражает позицию говорящего по отношению к сообщаемым фактам и соотносится с образованием диалогических клише. В яркий «рематический» оттенок окрашены слова, фиксирующие дальность, чуждость, неизвестность, неожиданность, новизну, отступление от стандарта в сторону недостатка. Содержащаяся в них информация не освоена говорящим — неизвестна, невероятна, забыта, далека. Для таких слов нехарактерно служить темой — исходной точкой высказывания. Выясненные коммуни-

кативные особенности высвечивают представления о мире, пространстве, человеке и времени, воплощенные в русском и, быть может, не только в русском языке. Язык по-разному представляет то, что было давно и уже забылось, и то, что было недавно и свежо в памяти, что далеко и что близко, что странно и что нормально, что превышает норму и что недотягивает до стандарта. Коммуникативная асимметрия пар *часто* и *редко*, *много* и *мало*, *давно* и *недавно*, *далеко* и *недалеко* поражает.

Единицы с одинаковым пропозициональным базисом, но различной субъективно-логической надстройкой могут объединяться в коррелятивные пары: *теперь* — *сейчас*, *наконец* — *под конец*, *редко* — *изредка*, *часто* — *зачастую (частенько)*, *давно* — *давненько*, *давно* — *давным давно*, *всегда* — *завсегда*, *вчера* — *вчерась*, англ. *nowadays* — *now*, *latterly* — *at the end*, *seldom* — *rare (rarely)*.

Явления, которые возмущают поведение единиц с фиксированной коммуникативной функцией и снимают некоторые запреты, сводятся к следующему: сопоставление, контраст, в частности да-нет значение, эллипсис, включение в состав других составляющих с известным коммуникативным статусом, в частности, в состав предложений, которые целиком служат ремой (или темой), синтаксическая сложность рематической составляющей, которая может соответствовать не одной синтаксической составляющей, а нескольким.

И наконец, на примере анализа текстовой роли наречий *сейчас* и *теперь* мы надеялись лишний раз показать, что рема предложения представляет собой абсолютную и независимую ценность, а роль темы — относительна. Тема связана с предтекстом, т. е. обращена в прошлое, и одновременно содержит в себе ожидание ремы, т. е. смотрит в будущее и несет ответственность за связь времен.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ю. Д. Апресян. Типы коммуникативной информации для толкового словаря // Язык: система и функционирование. М., 1988, с. 10–21.
2. Т. В. Булыгина. К построению типологии предикатов в русском языке // Семантические типы предикатов. М., 1982.
3. Т. В. Булыгина, А. Д. Шмелев. Несколько замечаний о словах типа *несколько* // Язык: система и функционирование. М., 1988.

4. М. Я. Г л о в и н с к а я. Семантические типы видовых противопоставлений русского глагола. М., 1982.
5. С. В. К о д з а с о в. Интонация предложений с дискурсными словами. Группы: едва, действительно, вообще, совсем, прямо // Путеводитель по дискурсным словам русского языка. М., 1993.
6. А. Д. К о ш е л е в. Наречие *сейчас* (ядро и прототипы) // Наст. сб., с. 241–252.
7. Г. Е. К р е й д л и н, Е. В. П а д у ч е в а. Значение и синтаксические свойства союза *а* // Научно-техническая информация. Сер. 2, 1974, № 9.
8. Г. Е. К р е й д л и н, Е. В. П а д у ч е в а. Взаимодействие ассоциативных связей и актуального членения в предложениях с союзом *а* // Научно-техническая информация. Сер. 2, 1974, № 10.
9. И. М е л ь ч у к. Семантические этюды. I. 'Сейчас' и 'теперь' в русском языке // Russian linguistics, 1985, vol. 9, nos 2–3.
10. И. М е л ь ч у к. Русский язык в модели «Смысл — Текст». Москва; Вена, 1995 (Wiener Slawistischer Almanach, Sonderband 39).
11. М. А. К р о н г а у з. Время как семантическая категория имени // Вопросы кибернетики. Семиотические исследования. М., 1989.
12. Е. В. П а д у ч е в а. К интонационной транскрипции для предложений произвольной синтаксической сложности // Вопросы кибернетики. Семиотические исследования. М., 1989.
13. Е. В. П а д у ч е в а. Семантические исследования. Семантика времени и вида в русском языке. Семантика нарратива. М., 1996.
14. Е. В. П а д у ч е в а. *Давно и долго* // Наст. сб., с. 253–266.
15. И. В. Ш а т у н о в с к и й. Семантика предложения и нерелевантные слова. М., 1996.
16. Е. С. Я к о в л е в а. Фрагменты русской языковой картины мира (модели пространства, времени и восприятия). М., 1994.
17. Т. Е. Я н к о. Еще раз о союзах *а* и *но* // Логический анализ языка. Противоречивость и аномальность текста. М., 1990.
18. Т. Е. Я н к о. Коммуникативная структура с неингерентной темой // Научно-техническая информация. Сер. 2, 1991, № 7.
19. O. D u c r o t. French *peu* and *un peu*. A semantic study // Generative Grammar in Europe. Dordrecht, 1973.

В. П. Григорьев

«ГДЕ ВРЕМЯ ЦВЕТЕТ, КАК ЧЕРЕМУХА...»

В пространств<е> мы не видим
затылком, во времени <—> лбом.

Хлебников

Время было такое...

Крылатая фраза.
Самооправдание

Если попытаться представить уже сейчас общие контуры статьи ВРЕМЯ в будущем словаре языка русской поэзии XX века «Самовитое слово» [2], то обнаружится резкая асимметрия в источниках с контекстами — «претендентами на вхождение» в такую статью. (Разумеется, асимметрию могут существенно скорректировать полные конкордансы ко всему наличному наследию поэтов, но подобная коррекция трудно осуществима.) Так поразительно «беден временем» Анненский. Кроме раннего: «...это летит хищная, властная птица, / *Время* ту птицу зовут <...>», — других претендентов на вхождение в словарную статью ВРЕМЯ мы у него едва ли обнаружим. Кроме *волн времени*, мало что обращает здесь внимание и у Блока и А. Белого. Полемику Мандельштама с символистами, в частности, характеризует снижение обычной у них рифменной пары *время — бремя до время — тема* (хотя не исчезает и первая); ср. у него еще группу поздних эпитетов типа *времен растущих* и *немеющего времени* (1937). Зацитированные строчки Пастернака о *вечности заложнике* замечательны как афоризм и потенциальный эпиграф, но и они как будто не претендуют на глубинное вторжение в онтологию и гносеологию времени. В «Песенке о времени» Заболоцкого (1933) с временем ведётся «полуобэриутская» игра, предметом серьезной и систематической

рефлексии время не становится и у него (ср. особо настойчивый «мотив времени» у Введенского [3]).

В этом контексте творчество Хлебникова уникально. Хлебниковское учение о времени пронизало все его творчество от первых известных нам текстов (ср. уже в «автоэпитафии» 1904 г.: *он связал время с пространством*) до пафоса заключительных обращений к *миру времени* и свету как *временосцу Вселенной*. Настойчивая *осада времени* и убеждение в том, что *время — мера мира*, увенчались формулировкой декабря 1920 г.: *Время — логарифм пространства*, но уже в статье о метабиозе (1910) была осуществлена «перестановка времени и пространства в их свойствах». Этот «новый угол зрения» насытил листы «Досок судьбы» россыпью высказываний и тематических формул типа: *Язык как пространство, язык как время* (РГАЛИ, ф. 527, оп. 1, ед. хр. 77, л. 54; далее — указывается по схеме: ед. хр. и л. — 77: 54), *начало множественности времен* (120: 9), *Заря будущего мирно пасётся рядом с тенями прошлого* (118: 22), *Времена суть логарифмы вещей, или, вернее, их судеб* (87: 97), *вращение времени* (89: 29), *Пространство = время нулевой степени* (82: 65 об.), «Собственно ни одну величину нельзя назвать ни временем, ни пространством. Но вещественный корень уравнения степени [так] будет время, а три мнимых корня — пространство» (89: 42) и др. Пожалуй, главная задача, которую преследовал Хлебников, — это открыть глаза «грубо пространственному люду» (1916) на то, что *время / Доныне крепостной пространства* (1922).

По существу, принимая такие свойства времени, как линейность и цикличность, Хлебников лишил свое «воображаемое время» качеств необратимости и непрерывности. Ср. его «Мирско'нца», мысли о «действии будущего на прошлое» (1912), «звоне прерывных времён» (1916) и разрыве русла времён (1920). Его убеждение в «небездырности» времени — постоянно (62: 26 об., 82: 4 об. и др.). По-иному радикально включение времени в один ряд с судьбой (роком) и числом (ср. «Дети Выдры» и «Зангези»). Именно число окказывается *провоолокой мира*, поэтому важны «числа времени», «двойцовые» и «тройцовые» времена, а нейтрального времени, независимого от событий, как бы и не существует (см. «Взлом Вселенной»). На первый план выходят более общие категории: отношения, асимметрии, колебания, пронизывающие (во взаимодействии с категориями воображения и преобразования) всё мироздание, все формы движения «бывающего» — духа и материи. Число же идет и на смену верам, позволяя зрелому человечеству обратиться из подобия «весов» в подобие «часов», верить в самого себя (см. «Наша основа») и

даже, заключив «войну в мышеловку», сконструировать «спички судьбы» (намёк на этот образ 1921 г. ощутим уже в «Детях Выдры»).

Образные коннотации у «слов времени», извлеченных из его текстов, по-видимому, не имеют аналогов в мировой культуре XX в. Кроме всего прочего, существенно и то, что слова типа *период, эпоха, эра* у будетлянина почти запретны как «западные». Их смыслы принимают на себя слова *время, столетие, пора, годы, века* и др.; ср. редкий образ «часов столетий» из стихотворения «Курган» (1915). При этом в основном противопоставлении прошлого (или «старого»; сюда же *вчера, тогда, последние*), настоящего (ср. заглавие поэмы 1921 г. и «Современность» в сверхпоэме «Азы из Узы» и *ныне, сегодня, теперь*) и будущего (ср. *завтра* и обилие императивов) поэта, дорожащего и *пылинкою времени*, особо занимают «миги» (ср. *былых столетий миги*) как местовременные точки, обладающие наглядной собственной (и) эстетической ценностью, но прежде всего помогающие «понимать века, как быстрого хохота зубы» (1912). Ср. также конструкции типа *Мы стоим, хранили тишь* (1915).

«Вечности <...> вино» (1908) и ее «дыхание» (1919) не перестали опьянять поэта, но их образные функции перенимает «профессионал»: это — *мельник времен, старец времен*, или просто «Старик» (в поэме «Горе и Смех»). Специфична «влажная» образность времени. В целом и она сохраняется: с временем до конца контактируют *море, прибой, река, ручей* (сюда и *осока*). Наиболее активно время в генитивных конструкциях, где у него появляется множество различных «атрибутов»: *башня, Бог, воины, воля, государство, граждане, законы* (которые «смогут решить задачу равенства во власти»), *камень, кувшины и балакири, лицо, лыжи, материк, общины, орел, ось, (железные) палки, (черные) паруса, печь, прапор, рот, рука, сеть, степи, (строгие) столбы, (общий) строй, уравнение, храмы, цвет, (основная мелкая) ячейка*; а у «времён» (NB: рифма *врем[’о]на — плем[’о]на*) — *ладья, невеста, останки, поток*, (также) *рука, цепи, часы* (ср. «столетий потроха» — 1912). Время можно *перерезать* и *похитить, обмануть*; оно *непрозрачно*; из него можно сделать *латы*, оно *не любит удил* (образ коня у Хлебникова больше связан с судьбой, чем непосредственно со временем), способно *онеметь*.

Время и множество его коррелятов — важнейшие основы смысла в словотворчестве Хлебникова. Здесь жесткое размежевание образного и понятийного в идиостиле практически возможно лишь для отдельных неологизмов, ряды которых росли от ранних полуиронических *времяклювой цапли, прошлоекрылого селезня и будуще-*

главой ясавицы, сутконогих кобылиц, вечностяных сапожков и времowego теса, вместе с врематыми мужем и избушкой (1908), до *времяписи судеб* (82: 54 об.). Они включают в себя такие слова, как *вечниканша, временель, времиши-камыши, времири, времыня, векыня, времеса, будеса, времянин, будесники, времяука, времена-угледовы, прошлецы, всегдава и иногдава, Никогдавлъ*. Размышления над спором поколений и тем, «что остается», если «косу любимой девушки заменить, напр<имер>, временем» (1909), связали с этими рядами и некоторые другие, отчасти более поздние: *юноста, сынечество, раньшеевик, а затем судьбопашество, судьбоделение, судьбоплавание* и др.

Призывая из современного «зверинца», где «орлы сидят подобно вечности», но «жизнь страны» «движется ровно направо и налево» (1909), в страну, где никому, как древнеегипетскому Ка, *нет застав во времени*, а само время *цветет, как черемуха* (1916), поэт вскоре отдал и *времени советской волны* (1921). Возлагая на неё большие надежды, он тем не менее быстро разглядел в «могучем и жестоком» лице Ленина *образ новый, время, твой!* (1920). Уповать осталось на веру в то, что всё-таки «время громкого суда / Узнают истины купцы», на призыв «чертить не мелом, а любовью / Того, что будет, чертежи» и на надежду ускорить *полёт стрижей будущего* (1916), привлекая внимание людей к доступным всем *колам-кольям, письмам и утесам из будущего*, где *господствует илийство*, т. е. *равнечество*, а неравенство просит: «И мне дайте равенство» (91: 4).

Как (должно быть) устроено «государство времени», противостоящее нашим «государствам пространств», — это тема специального исследования. Идеологию своего «надгосударства звезды» Хлебников лишь наметил. Вот ряд дорогих для него понятий, очень интенсивно пополнявшийся с 1915 г. (Почти за каждым из них стоит цитата, но прибегать к кавычкам и курсиву будем лишь в отдельных случаях.) По существу, это три ряда:

1. Всемирный труд. *Трудомир*. Ср. в «Ладомире»: «Люблю весь мир я». Не приказной, а вдохновенный строй. Братство, свобода и равенство в удовлетворении основных потребностей: «Всем всё всегда и везде!», — но на основе самоограничения, а не в погоне за привилегиями. *Nabeas animam act*, который предполагает, кроме декларации прав, декларацию обязанностей как матрицу совершенствования души каждого. (Согласно одному из следствий «Досок судьбы», душа — это отношение ко Всему. Наши же нынешние души обычно «жестоки, как грабли».)

2. Это — государство изобретателей, *творян*, а не *торгашей*. «Замок цен» строится в нём «из камней ударов сердца», противостоя

«замкам мирового торга», «неравенству и горам денег», «зорким сбалазнам выгоды», как «союз стекольщиков и железников Урала» противостоит «союзу алчности и глупости». Хотя начинать придётся, используя идею «товарищества на паях», а право собственности в каком-то виде — по крайней мере на «площадку в доме-остове» (см. «Мы и дома» и «Город будущего») — сохранится. Власть — это «старший каменщик страны», а не «властное ничто». В Правительство земного шара делегируются люди класса Нансена, но не Ленина, это ведь надгосударственный совет, а не Лига наций, даже не ООН (ср. заключительный *Совет* в «Детях Выдры» и перифразу *дни Носаря* в «Ладомире»; сложнее дело с *советствагом*, см.: [4]).

3. НТР, научные и творческие общины, общины-задрузи на пути к единой общине земного шара, где «вес власти разлит на несравненно более широкую площадь носителей власти» (см. «Лебедия будущего» и «Радио будущего»). *Мировое здоровье*. Экология и коэволюция. Красота. Пенье, «Песня песней». Богоматерь, Поэт и Русалка. «Единая книга». Зардешт, Лао-цзы, Христос, Цзонкаба..., Гайавата..., Леонардо, Моцарт, Воронихин, Хokusай, Пушкин, Мусоргский, Уитмен... Останется сложнейшая задача: найти и решить *уравнение человеческого счастья*.

Пока же можно повторить вместе с Хлебниковым: «До сей поры не знаем, кто мы — / Святое Я, рука иль вещь», читая в его архиве: «Мы времякопы в толпе нехотаяев» (43: 6 об.; 1921) — «собак вчерашнего». Всё ещё никак не «вылиняем из перьев дурацкого сегодня» (1916). Вместе с тем Иосифу Бродскому, утверждавшему, что единственное свойство, которого нет у времени, — это красота [1], Хлебников, надо полагать, решительно бы возражал. (Подтема «Хлебников и современность» предложена автором в сборник статей к 60-летию М. Л. Гаспарова.)

ЛИТЕРАТУРА

1. И. Бродский. *Fondamenta degli incurabili* // Октябрь, 1992, № 4, с. 187.
2. В. П. Григорьев. Самовитое слово и его словарное представление // Известия РАН. Серия литературы и языка, 1994, т. 53. № 4.
3. М. Мейлах. «Что такое есть потец?» // А. И. Введенский. Полное собр. произведений в 2 томах. М., 1993, т. 2.
4. Н. Перцова. Словарь неологизмов Велимира Хлебникова / Предисловие Х. Барана. Wien; Moskau, 1995, с. 335.

М. А. Дмитриовская

«ЗАГАДКА ВРЕМЕНИ»: А. ПЛАТОНОВ И О. ШПЕНГЛЕР

В Шпенглере — океан мысли, и каждую мало понять, но надо всосать в себя, перевести в эмоцию и перестрадать, выжить ее из себя.

А. Платонов. Симфония сознания

Настоящая статья посвящена рассмотрению вопроса о влиянии О. Шпенглера на А. Платонова в области представлений о времени. Анализируется, как эти представления отразились в произведениях писателя зрелого периода творчества (вторая половина 20-х — середина 30-х гг.). Исследованию подвергается идейно-тематическая и образная система произведений, а также особенности платоновского языка и стиля.

Знакомство А. Платонова с книгой О. Шпенглера «Закат Европы» состоялось в 1923 г. — сразу же после выхода книги в переводе на русский язык. Она произвела на начинающего писателя большое впечатление, и он предпринял попытку откликнуться на нее статьей «Симфония сознания», которая, однако, по редакторским соображениям не была опубликована. Позже, в 1926–1927 гг., Платонов хотел в слегка видоизмененном виде включить эту статью под названием «Песни Аюны» в повесть «Эфирный тракт», но и вторая попытка оказалась неудачной — рукой редактора эта часть повести была вычеркнута [5, 254–255, 257–259].

Статья «Симфония сознания» состоит из двух частей. В первой части А. Платонов излагает шпенглеровскую теорию гибели культур, вторая часть представляет собой изложение взглядов немецкого философа на пространство и время. А. Платонов делает акцент на последовательно проводимом О. Шпенглером противопоставлении истории и природы. История есть будущее время, природа же есть время ставшее, застывшее пространством. Дихотомия истории и природы, времени и пространства усилена у О. Шпенглера оппозицией движения и неподвижности (ставшего), жизни и омертвелого, направления и протяженности, органического и механического [13, 260]. В указанном русле движется мысль и в статье А. Платонова.

Взгляды О. Шпенглера на время и пространство, историю и природу позднее составили органическую часть мирозерцания

А. Платонова. Это начинает ощущаться уже в повести «Сокровенный человек» (1926) и касается восприятия природы как протяженной в пространстве и косной. Остановка внутреннего ощущения времени для героя повести Пухова сопровождается ощущением гипертрофированной пространственности природы, ср. «*Время кругом него стояло, как светопреставление, где шевелилась людская живность и грузно ползли объемистые виды природы. А надо всем лежал чад смутного отчаяния и терпеливой грусти*» [8, 64]. Противопоставление природы как мертвой, косной в противоположность человеку как воплощению жизни очень сильно выражено в повести «Котлован» (1929–1930) и связано в первую очередь с образом инженера Прушевского.

В концепции истории О. Шпенглера примечательно то, что за точку отсчета он берет время индивидуальной жизни и говорит «о сфере жизни, судьбы, живого, исторического времени» (курсив наш. — М. Д.) [13, 280]. Время создается стремлением человека вперед, к своему будущему. Время совпадает с человеческой судьбой. Время истории и время человеческой жизни оказываются однопорядковыми явлениями.

Шпенглер проводит различие между внутренним ощущением длительности у человека (назовем это субъективным временем) и внешним, объективным, физическим временем. Истинным временем является только первое: «...сами мы, поскольку мы живем, является временем» [13, 278]. О. Шпенглер видит в различной продолжительности жизни и темпе развития разных организмов факт почти мистического значения [13, 268]. Эта мысль находит свое отражение у А. Платонова. В повести «Эфирный тракт (1926–1927)» писатель говорит о разном времени жизни живых существ как источнике их отъединения друг от друга: «Это страшное разнообразие времен жизни для различных категорий существ суть причина трагедии природы. Одно существо век чувствует, как целую эру, другое — как миг. Это „множество времен“ — самая толстая и несокрушимая стена меж живыми...» [6, 352] (об этом см. также: [12, 240, особенно сноски 30]). Время, по А. Платонову, рождается в каждом существе («дети — это время, созревающее в свежем теле» — К., 841)¹, и

¹ В настоящей статье ссылки на роман А. Платонова «Чевенгур» (Ч.) и повесть «Котлован» (К.) даются в круглых скобках по изданию [7], на роман «Счастливая Москва» (Сч. М.) — по изданию [9], на повесть «Джан» и рассказ «Река Потудань» (Р. П.) — по изданию [6].

Пользуясь случаем, выражаю глубокую благодарность В. А. Дмитровскому за помощь в компьютерной обработке текстов А. Платонова.

каждый организм живет «своим временем», ср.: «травы уже наклонились к смертному праху, не принимая больше света и тепла, значит, они жили не только солнцем, но и *своим временем*» (Ч., 521). Средством указания на совмещенность времени и жизни человека служит ряд языковых приемов: указание на время определенного периода жизни (например, детства) и употребление со словом «время» притяжательных местоимений, ср. «*в свое детское погубленное время*» (Ч., 317), «*в то восходящее время*» [о детстве Копенкина] (Ч., 370), «*в гораздо более раннее время своей жизни*» (Ч., 434). В романе «Чевенгур» Дванов спешит к Копенкину, «чтобы быть с ним *в его грустное время*» (Ч., 541). В повести «Котлован» Чиклин и Сафронов выходят из барака подышать перед сном и стоят там «*свое время*» (К., 107), а Воцев думает о том, что он «умрет *в свое время* неразлучно с людьми» (К., 93). Показательным является также встречающееся у Платонова словосочетание *время жизни*.

Согласно О. Шпенглеру, время определяется направлением [13, 232, 277–278, 329–330, 335]. Время есть направленность жизни вперед. Время и время жизни (что одно и то же) характеризуются как вектор, чистое стремление. У А. Платонова мы тоже встречаем явный случай подчеркивания направленности времени, ср. в повести «Котлован»: устало *длилось* терпенье на свете, точно все живущее находилось где-то *посредине времени и своего движения: начало его всеми забыто и конец неизвестен, осталось лишь направление* (131). Направленность человеческой жизни вперед интерпретируется Шпенглером как стремление человека вдаль: «Но даль — это вместе с тем и *историческое* ощущение. В дали пространство становится временем. Горизонт означает будущее» (курсив автора. — М. Д.) [13, 415]. В произведениях А. Платонова зрелого периода творчества представление о будущей жизни человека как о пространственной дали встречается очень часто. В языковом плане этому соответствует совмещение в одном контексте понятий «жизнь», «будущее» и «пространство», ср.: «Ворота депо были открыты в вечернее *пространство* лета — в смуглое *будущее, в жизнь...*» (Ч., 218). Выражению того же смысла служат такие конструкции, как *жить в даль/вдаль, даль жизни*. «Будущее» и «даль» тоже контаминируются у Платонова. Переживание жизни как имеющей направление порождает у А. Платонова представление о жизни как дороге, пути. Этот мотив одинаково часто звучит как по отношению к героям, пребывающим на одном месте, так и по отношению к героям-странникам (в этом случае наглядность образа увеличивается), подробнее см.: [4].

Для переживающего свою жизнь человека времени не существует, оно создается только деятельностью рассудка. Сущностное различие субъективного и объективного (физического) времени порождает у человека ощущение неуловимости времени. О. Шпенглер говорит о «мучительной внутренней загадке» и «зловещей, мнящей, неразрешимой *загадке времени*» (курсив автора. — М. Д.) [13, 279]. Эта загадка, неуловимость времени мучает и многих героев А. Платонова. Так, о Захаре Павловиче, герое романа «Чевенгур», мы узнаем, что он «ни разу... *не ощутил времени*, как встречной твердой вещи, оно существовало для него лишь *загадкой* в механизме будильника» (220). Почувствовать время ему удастся только тогда, когда он представляет его как пространственное движение *вдаль*: в виде «*движения* горя» и «*путешествия* Прошки от матери в чужие города» (223) (т. е. в полном соответствии с концепцией О. Шпенглера).

Загадочность времени заключается не только в направленности жизни вперед, но и в постоянном превращении живого времени в отмершее, ставшее. Здесь направленность времени вперед и его необратимость встречаются с противоположенным движением: время неумолимо уходит назад: так, в Чевенгуре «*время безнадежно уходило обратно жизни*» (452).

Платонов подчеркивает неумолимость хода объективного времени. Этой цели служит, в частности, такой языковой прием, как буквальное прочтение следующих метафор: *время течет/течение времени/текущее время; время идет/ход времени; время вышло, время уходит*. В стандартном языке идея материального движения времени в этих выражениях не просматривается. Платонов разворачивает названные метафоры в яркие зрительные образы путем дополнительного подчеркивания идеи физического движения. Так, например, ход времени («время вышло») может сравниваться с движением человека: «*День окончился, словно вышел из комнаты человек — собеседник*, и ногам Дванова стало холодно» (Ч., 490). Американский исследователь А. Платонова Т. Сейфрид, отмечая такую важную для платоновского языка особенность, как «колебание между полюсами конкретного и абстрактного», в подтверждение своей мысли приводит несколько примеров буквализации «мертвых» метафор, в том числе во фразе: «*Текущее время тихо шло* в полночном мраке колхоза...» (К., 137). Как отмечает Т. Сейфрид, эта фраза представляет сплав бюрократического клише «текущее время!» и обычного выражения «время идет» [10, 312–313]. Здесь, однако, надо отметить важное значение подчеркивания физических признаков движения: «*тихо шло*», а

также слабую проявленность «бюрократического» компонента в сочетании «текущее время»: основным в этом и других подобных случаях является идея непрерывного, неумолимого, постоянного, текучего хода времени. В сочетании «текущее время» слово *текущее* является скорее причастием, чем прилагательным, в нем подчеркнута идея движения (ср. также примеры со словосочетанием *течение времени*: «— Как будто опять потеплел, — обнаруживал Воцев *по течению времени*» (К., 147); «...он долго не мог уснуть, считая *течение времени*» (Джан, 587)). У А. Платонова в качестве показателя хода времени может выступать движение небесных светил, времени суток (вечера, ночи) и даже времен года, ср: «...*время мира, как обычно, шло вдалеке вослед солнцу*» (Р. П., 126–127); «...был уже вечер, *луна быстро, как время, всходила на небо за стенами учреждения, точно отмечая ежеминутную истекающую молодость*» (Сч. М., 40); «*Слабая ночь шла над ними...*» (Джан 637); «...*шло большое звездное время*» (Джан, 601); «...*идет ночь по краю мира* в виде остатка вечерней зари» (Сч. М., 18); «Сторож, отделавшись, еще стоял у паперти, *наблюдая ход лета*»... (Ч., 196). Усиление осязаемости хода времени достигается также путем подчеркивания звукового фона, часто присутствующего в платоновских описаниях, ср: «Сербинов и Софья Александровна находились под старым деревом; его листья *равномерно шумели* в потоке постоянного высокого ветра, *словно время стало слышимым на своем ходу и уносилось над ними*» (Ч., 515).

Стремление А. Платонова «ощутить время» находит свое отражение в других часто встречающихся у него случаях материализации, «овеществления» времени. Это достигается за счет ряда языковых приемов, в основе которых лежит избыточное с точки зрения стандартного языка употребление слова *время* в конструкциях, указывающих на временной отрезок. Здесь, в первую очередь, надо указать на генитивные конструкции со словом *время* в качестве ключевого и наименований времен суток и времен года (и их эквивалентов) в качестве зависимых. В стандартном языке в подобных случаях слово *время* должно было бы быть опущено, ср: *в вечернее время, во время вечера* [= по вечерам]; *ночное время* [ночь]; *в ночное время, во время ночной тьмы, во время тьмы, в невидимое время* [= ночью]; *в зимнее время* [= зимой]. Другой, сходный прием — употребление Платоновым вместо наречий или наречных сочетаний атрибутивных оборотов со словом *время*, ср: *в следующее время* [= затем, вскоре]; *в старое время* [= раньше]; *в прошлое время* [= раньше, в прошлом]; *в раннее время* [= рано]; *в недавнее время* [= недавно]; *на долгое время* [= надолго]; *долгое время*

[= долго]; *на будущее время* [= на будущее]; *в скорое время* [= скоро]; *в обыкновенное время* [= обычно]; *в недавнее время* [= недавно]; *в дальнейшем времени* [= в дальнейшем] и т. д. Такие конструкции у А. Платонова значительно разнообразнее, чем в стандартном языке (*в былое время, в скором времени*). Той же цели «овеществления» времени служит у А. Платонова употребление генитивных конструкций со словом *время* вместо придаточных времени, ср.: «Выждав *время всеобщего сна*, Никита встал и осмотрел сначала Копенкина» (Ч., 274) [= когда все уснули]; «...он [Чепурный] знал, что природе давно известно о коммунизме в городе и она не мочит его *в ненужное время*» (Ч., 544–545) [= когда не нужно] и т. д. Используя отмеченные приемы материализации времени, А. Платонов тяготеет к восстановлению более ранней, архаичной стадии развития языка. Это подтверждает сравнение платоновских конструкций с данными древнерусского языка, где широкое распространение имели обороты со словом *время*, вместо которых в современном языке используются указания на конкретный временной отрезок или придаточные времени, ср.: *въ врѣмѣ зимы, в стоудено время, время зимно; в вешнек время; въ врѣмѣ жатвы, въ жатвное врѣмѣ; врѣмѣ покосно; въ врѣмѣ съзрѣнья ихъ, въ время плода; въ врѣмѣ старости; время бѣи масоупустъ; предъ временемъ пасхы* [11, т. 1, 495].

Еще одним средством преодоления «загадки» времени и его неуловимости служит у А. Платонова подчеркивание счета времени. В разработке этой темы А. Платонов следует О. Шпенглеру, который отмечал отличие по признаку «счетности» субъективного и объективного, физического времени. Становление, как подчеркивает вслед за А. Бергсоном О. Шпенглер, «лишено числа» [13, 251], поэтому переживание направленности жизни вперед «не поддается никакому числовому определению» [там же, 333]. Счет и числа господствуют в пространственно-понятийном мире, там, где уже произошел переход от становления к ставшему. Считать можно только объективное время. У А. Платонова счет времени его героями — важная характеристика понятия времени, ср. следующие примеры: «Он [Дванов] прохаживался и возвращался обратно, слушая тьму и *считая медленное время*» (327); «Но Чепурный не знал сегодняшнего месяца и числа — в Чевенгуре он забыл *считать прожитое время...*» (Ч., 430); «...от нетерпения сердца он [Чагатаев] долго не мог уснуть, *считая течение времени*» (Джан, 587); «Яков Титыч от времени до времени очищал дом от травяных куч, чтобы через окна шел свет и он мог *считать проходящие дни*» (Ч., 487); «...будильник его [сторожа] запутался в мно-

голетнем *счете времени*» (Ч., 196). Счет характеризует время ставшее, мертвое, исчезающее из жизни. У А. Платонова признак отмирания времени выражен эксплицитно, ср: «продолжается одно и то же, только зря *портится время*» (Ч., 400); «детское *погубленное время*» (Ч., 317); «шло большое звездное время, что безвозвратно проходит, считая свои *отмирающие части*» (Джан, 601). Художественный образ отмирающего времени А. Платонов тоже мог заимствовать у О. Шпенглера, в книге которого встречается следующее рассуждение: «В нем [пространстве] властвует длительность, обломок *отмершего времени* <...> (курсив наш. — М. Д.) [13, 336].

Важность счета времени отражается у Платонова в часто встречающемся в его произведениях образе часов (о важности этого образа у А. Платонова см. также: [12, 244–245, примеч. 36]). Значимость часов для новоевропейской культуры неоднократно подчеркивалась О. Шпенглером [13, 290, 292, 336]). Часы «овнешняют» время, делают его наглядным, — именно поэтому для платоновского героя Захара Павловича загадка времени первоначально сводилась к загадке часового механизма. В повести «Котлован» упоминается о сельских часах, на которых изображен розовый цветок, «чтобы утешать всякого, кто *видит время*» (К., 88). А. Платонов вслед за О. Шпенглером показывает связь между неумолимым ходом часов и конечностью человеческой жизни. О. Шпенглер говорит об этой связи как следствии нашей объективации времени: «...поскольку мы сами опознаем себя существующими в этом пространстве, то нам известно и о *собственной нашей длительности* с ее границами, о которых нескончаемо напоминают нам *стрелки наших часов*» (курсив наш. — М. Д.) [13, 336]. У А. Платонова часы или заменяющий их колокол «*сокращают*» время (Ч., 196), а маятники «*сгоняют накапливающееся время*» (Сч. М., 49). Часы, идущие вперед, отсчитывают ход жизни, начиная с момента рождения человека, ср: «Ребенок курьерши то плакал, то утешался, *часы-ходики шли над ним вперед...*» (Сч. М., 51). Именно поэтому у человека возникает желание победить ход часов: «Будильник работал на обеденном столе, и Шумилин про себя завидовал ему: *часы всегда трудятся*, а он прерывает свою жизнь на сон. А Дванов времени не завидовал — он чувствовал свою жизнь в запасе и знал, что *успеет обогнать ход часов*» (Ч., 338). Мерный и постоянный звук маятника или часового механизма представляет собой самое наглядное выражение счета времени. Эту же идею выражают те мерные гукающие звуки, которые слышит в пустыне Чагатаев, а также постоянное

биение человеческого сердца. Сердце само отсчитывает время жизни, см.: [12, 241–242].

Переход времени из настоящего в прошлое, его исчезновение является одной из сторон загадки времени. О. Шпенглер пишет: «Чем-то совершенно непостижимым предстает то, что превращает будущее в прошедшее, и это сообщает времени — в противоположность пространству — ту полную противоречий зловещность и гнетущую двусмысленность» [13, 232–233]. Тайна прошедшего времени тревожит мысль и чувство платоновских героев, ср. «*Навсегда потерянное время* вызывало в нем [Пашинцеве] яростные воспоминания...» (Ч., 313); «Все слушатели вздохнули с искренним сожалением о том, что *ушло и не остановилось*» (Ч., 277). О. Шпенглер говорит о времени как первооснове трагичности жизни: «*Время и есть самое трагическое. <...> Наша трагичность возникла из чувства неумолимой логики становления* (курсив автора. — М. Д.) [13, 288]. Понимание трагичности и безысходности, связанных с неумолимым движением времени, заставляет платоновских героев желать остановки времени, его прекращения. Так, Воцев в повести «Котлован» смотрит «в мертвую массовую муть Млечного Пути» и ожидает, «когда же там будет вынесена резолюция *о прекращении вечности времени, об искуплении томительности жизни*» (135). Центральное место проблема прекращения хода времени получает в романе «Чевенгур» (1929–1929) в связи с особым характером организации чевенгурской коммуны.

Исследователи платоновского творчества В. Варшавский и Х. Гюнтер установили сходство между устройством чевенгурской коммуны и средневековыми движениями хилиастов. Было отмечено, что в основе чевенгурской коммуны лежит милленаристско-эсхатологическая модель: чевенгурские большевики — это апокалиптики, ждущие конца света [1; 2; 3]. Однако необходимо отметить, что в Чевенгуре жаждут не просто конца света, а собственно прекращения *истории*, которая понимается как неумолимый ход времени индивидуальной человеческой жизни. Как мы уже отмечали, сопряжение этих понятий образует фундамент философии истории О. Шпенглера. В романе «Чевенгур» носителями аналогичных взглядов являются несколько персонажей: Сербинов, Александр Дванов и идеолог чевенгурского коммунизма Чепурный. О причине установления коммунизма в Чевенгуре, которая заключается в борьбе с постоянно отмирающим и исчезающим временем человеческой жизни, писатель говорит через восприятие Александра Дванова: «Дванов почувствовал *тоску по прошедшему времени: оно постоянно сбивается и исчезает*, а человек остается

на одном месте со своей надеждой на будущее; и Дванов догадался, почему Чепурный и большевики-чевенгурцы так желают коммунизма: он есть *конец истории, конец времени, время же идет только в природе, а в человеке стоит тоска*» (495). Здесь словом «время» назван объективированный ход физического времени, которое обладает качественно иными свойствами, чем субъективное время, совпадающее с направленностью жизни вперед, «надеждой на будущее». (Употребление А. Платоновым слова «время» в разных смыслах — для обозначения «природного» и «человеческого» времени — было отмечено Е. Толстой-Сегал [12, 242].)

Дванов верно подметил особенности чевенгурской коммуны: чевенгурские большевики в лице их идеолога Чепурного действительно желают прекратить ход времени. Безостановочность хода времени и невозможность для человека достичь в этом движении конечной цели сопровождаются ощущением тоски. О. Шпенглер говорит о тоске как о глубинном прачувстве, связанном с идеей времени и судьбы [13, 232, 273]. Прачувство тоски связано с ощущением долготы времени, его бесконечности. Целью Чепурного как раз и является уничтожение долготы времени, и, следовательно, долготы истории: Чепурный *«прекратил долготу истории срочным устройством коммунизма в Чевенгуре»* (470), и *«долгое время истории кончилось»* (419). Слово «будущее», имеющее для человека роковое значение [13, 232], перестает для чевенгурцев быть таковым. Будущее время становится вечным настоящим: в Чевенгуре *«наступило будущее время и был начисто сделан коммунизм»* (Ч., 482).

В романе «Чевенгур» А. Платонов не ставил перед собой цель показать формирование или подробную аргументацию воззрений своих героев на историю и время, он просто вложил в их уста те взгляды, которые глубоко волновали его самого. В отношении Чепурного эта лакуна ощущается наиболее явственно. А. Платонов заполняет ее следующим образом: он описывает восприятие времени Чепурным в тех же терминах, в которых раньше говорил о Захаре Павловиче. В отношении Чепурного «загадка времени» превращается в «тайну времени» (470), а осязаемая картина времени в виде *«путешествия Прошки от матери в чужие города»* и *«движения горя»*, которую представляет себе Захар Павлович, дублируется у Чепурного желанием *«положить конец движению несчастья в жизни»* «всех мучеников земли» (Ч., 420).

А. Платонов настолько глубоко прочувствовал и отразил в романе «Чевенгур» взгляды О. Шпенглера, что использовал и развернул в зрительно наглядный образ метафору, лежащую в основе

названия книги — «Закат Европы». Закат отмечает окончание дня, вечер. В словах закат и вечер присутствует идея завершения времени. Описывая чувство прибывшего в Чевенгур Александра Дванова, А. Платонов называет наступившее послереволюционное время *«вечером истории»*. Оно совпадает у героя с ощущением «вечера» своей жизни. Таким образом, время истории и человеческой жизни совпадают: *«Революция прошла, как день. <...> В мире было как вечером, и Дванов почувствовал, что и в нем наступает вечер, время зрелости, время счастья или сожаления. В такой же, свой вечер жизни отец Дванова навсегда скрылся в глубине озера Мутево, желая раньше времени увидеть будущее утро. Теперь начинался иной вечер — быть может, уже был прожит тот день, утро которого хотел видеть рыбак Дванов, и сын его снова переживал вечер»* (Ч., 470). *«Кончается моя молодость, — думал Дванов, — во мне тихо и во всей истории происходит вечер»* (Ч., 471). Наступивший вечер и знаменует конец истории, конец времени. В разговоре с Двановым Чепурный связывает эти понятия вечера и конца истории (времени):

«— *История грустна, потому что она время* и знает, что ее забудут, — сказал Дванов Чепурному.

— Это верно, — удивился Чепурный. — Как я сам не заметил! Поэтому *вечером* и птицы не поют — одни сверчки: какая ж у них песня! Вот у нас — постоянно сверчки поют, а птиц мало, — то у нас *история кончилась*! Скажи пожалуйста — мы примет не знали!» (Ч., 471).

«Окончание истории» в Чевенгуре не может не быть связанным с окончанием времени жизни населяющих город людей. Действительно, все они, кроме Прокофия Дванова, погибают под ударами неизвестного врага, а для Александра Дванова его «вечер жизни» заканчивается в материнских водах озера Мутево. Увидеть утро следующего дня ему не удастся.

В романе «Счастливая Москва» (1933–1926) проблема связи времени жизни человека с историческим временем получает новое освещение. Писателя интересует причина всемирной истории, «долготы» исторического времени, устремленного в бесконечность. Происхождение исторического времени (а следовательно, и времени вообще) А. Платонов усматривает в наличии у человека сознания. Именно сознание отличает человека от животного и выделяет из общего потока природной жизни. Время рождается человеческим разумом. Здесь А. Платонов полностью следует О. Шпенглеру, который указывал: «Для первобытного человека слово „время“ лишено значения. <...> Он имеет время, но ничего о нем

не знает. <...> «Время» ... есть *открытие*, совершаемое нами лишь в мыслительном акте; мы создаем его как представление или понятие...» (курсив автора. — М. Д.) [13, 278]. (Ср. описание в романе «Чевенгур» восприятие времени Чепурным: «время прошло скоро, потому что *время это ум, а не чувство*, и потому что Чепурный *ничего не думал в уме*» (433).) Рассмотрим, как эта проблема представлена в романе «Счастливая Москва».

Герои этого произведения А. Платонова бьются над загадкой человеческой души. Самбикин в разговоре с Сарториусом в качестве «основной тайны жизни» (32) сначала называет двойственность человеческого сознания, но потом в травестийном духе настаивает на том, что душа находится в пустоте кишок. Показательно, что в обоих случаях Самбикин связывает понятие души со всемирной историей: «То, что человек способен *думать вдвойне* по каждому вопросу, сделало его лучшим животным на земле... <...> здесь разница в пустяке, хотя пустяк этот решил *всемирную историю*» (32); «Эта *пустота в кишках* всасывает в себя все человечество и движет *всемирную историю*» (34). Собеседник Самбикина Сарториус не принимает этого травестийного снижения: причина истории, по его мнению, заключается не в пустоте кишок, а в наличии у человека высокоразвитого мозга: «Если бы страсть жизни средоточилась лишь в темноте кишок, *всемирная история не была так долга и почти бесплодна* <...>» (39). Надежды на решение проблемы души Сарториус и другие герои романа возлагают на социализм. Они грезят о «высшем человеке», в котором будет побеждена раздробленность человеческого существования. Это греза о Предвечном Человеке, Адаме Кадмоне. Это также тайная мечта о прекращении истории и одновременно о решении проблемы человеческой судьбы в связи с полным исчезновением времени. Платоновский Сарториус, будучи одним из «рациональных практиков», знает «о *протяженности истории, о долготе будущего времени*» (23), но мечтает о победе человека над ними. Ему, в частности, снится сон о том, что «составлен весь *арифметический расчет будущего исторического времени*, дабы *судьба* стала безопасна и *никогда не пришла в упор отчаяния*» (32). Идея направленности человеческой жизни вперед как судьбы принадлежит О. Шпенглеру, и соединение А. Платоновым понятия исторического времени и человеческой судьбы еще раз выдает его пристрастие к концепции немецкого философа.

Увлечение А. Платонова идеями О. Шпенглера не носило чисто умозрительного характера. Взгляды О. Шпенглера были активно усвоены А. Платоновым, пропущены им сквозь себя и отразились

в художественной системе писателя. А. Платонов, так много размышлявший о «загадке времени» и пытавшийся вслед за О. Шпенглером «заклясть» время, победить его непреложность, достиг этого своими бессмертными творениями и величием творческого гения.

ЛИТЕРАТУРА

1. В. Варшавский. «Чевенгур» и «Новый Град» // Новый журнал. Нью-Йорк, 1976, кн. 122.
2. Х. Гюнтер. Жанровые проблемы утопии и «Чевенгур» А. Платонова // Утопия и утопическое мышление: Антология зарубежной литературы. М., 1991.
3. Х. Гюнтер. О некоторых источниках миллениаризма в романе «Чевенгур» // «Страна философов» Андрея Платонова: проблемы творчества. М., 1994.
4. М. А. Дмитриовская. Миросозерцательные истоки мифологемы «жизнь-путь» у А. Платонова // Семантика русского языка в диахронии. Калининград, 1994.
5. Н. В. Корниенко. «Эфирный тракт»: (К истории текста повести) // Russian Literature, 1992, vol. 22, No 3.
6. А. П. Платонов. Избранные произведения: Рассказы, повести. М., 1984.
7. А. П. Платонов. Ювенильное море: Повести, роман. М., 1988.
8. А. П. Платонов. Вся жизнь. М., 1991.
9. А. П. Платонов. Счастливая Москва // Новый мир, 1991, № 9.
10. Т. Сейфрид. Писать против материи: о языке «Котлована» Андрея Платонова // Андрей Платонов: Мир творчества. М., 1994.
11. Словарь древнерусского языка XI–XIV вв. М., 1988, т. 1–4.
12. Е. Толстая-Сегал. Натурфилософские темы в прозе Платонова 20–30-х гг. // Slavica Hierosolymitana. Jerusalem, 1979, vol. 4.
13. О. Шпенглер. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. Т. I: Гештальт и действительность. М., 1993.

«НАМ ВРЕМЯ УСТРОИЛИ С ЦЕЛЬЮ ГИПНОЗА...»

Тема настоящих заметок — весьма своеобразная концепция времени в творчестве современного русского поэта Алексея Цветкова. Цветков был лидером поэтической группы «Московское время», в которую входили Бахыт Кенжеев, Александр Сопровский, Сергей Гандлевский, а также ныне известный преимущественно своими шовинистическими выступлениями Александр Казинцев. Во второй половине семидесятых годов Цветков уехал в Америку. В «Ардисе» вышли три его поэтических сборника: «Сборник пьес для жизни соло» (1978), «Состояние сна» (1981) и «Эдем» (1985). Сейчас Цветков живет в Европе.

Его поэзия — богатый материал для лингвистических исследований, потому что сама она глубоко лингвистична. Это проявляется не только в постоянном экспериментировании над языком, но и в том, что драматический роман поэта с языком составляет ее основной сюжет. Преодоление «гипноза» языка (*Умом помыкают слова*) — нерв этой поэзии.

Частью борьбы с навязанными извне — прежде всего языком — концептуализациями и представлениями является для Цветкова борьба с линейностью, однонаправленностью, необратимостью и альтернативностью времени. (О различных концепциях времени в языке и философии см. [4].) Из его произведений можно составить своего рода «Критику»: Цветков методично, один за другим опровергает эти, с его точки зрения, предрассудки.

Время идет вперед — такова первая навязанная языком идея. Хорошо известно, что язык не вполне последователен в этом отношении, ср. хотя бы почти противоположные по смыслу слова *предстоящий* и *предыдущий*; однако в целом именно такое представление о времени закреплено в языковой картине мира. В полемическом задоре поэт предлагает самые экстравагантные направления этого движения; ср. *И время потекло назад и вверх; Минута текла поперек*. Но, конечно, наиболее частый случай — это движение назад, в направлении, обратном привычному (здесь, как это часто бывает, новаторство оборачивается архаикой): *Попятное движение времен; Скоро времени вода повернет к истокам; о опои меня своим фреоном назад*. Соответственно назад движется и жизнь, и любовь:

лишь бы поступью обратной
 проступала на траве
 в сланце рыбой аккуратной
 четкой мухой в янтаре

Можно привести здесь и менее декларативный, а потому еще более интересный пример:

сколько мне лет спрашивал старших
 они отвечали четыре с половиной
 примерял этот возраст как дивное платье
 сравнивать было не с чем

 четырех с половиной уже не доставало
 хотелось быть всегда

Заметим, что желаемое время отсчитывается здесь назад, тогда как в обычном языке фраза *Хотелось быть всегда* понималась бы в смысле отсчета времени вперед.

Однако Цветков не удовлетворяется поправкой в направлении движения времени. Он оспаривает и саму идею о том, что время вообще «идет», движется (впрочем, это тоже легкая добыча: в языке легко *останавливается* все, что *движется*, а выражение *время остановилось* тем более вполне стандартно). У Цветкова время не всегда *течет*, может и застывать — здесь переосмысливается традиционная метафора времени как воды:

но в замерзшем времени нет вреда
 для растений звезд и зверей
 потому что слеп известковый мозг
 потому что мир этот горный воск
 застывающий без труда
 и в колодезном круге верней чем ты
 навсегда отразились его черты
 эта каменная вода

Для Цветкова очень характерны эти разрывы в ткани времени (*напрячься и времени больше не бу*), когда прошлое вдруг перестает исчезать (*навсегда* — вообще одно из его любимых слов), а будущее не наступает: *Как будто воздух намертво врисован, / а на лице — разлуки борозда, / где сквозь меня на бляющих рессорах / трамвайные несутся поезда; или облако, как сизый хвост жеребий, / сотни лет полощется в воде. / По утрам перегрызаем вены, но и кровь не покидает вен; Там нож упал и в землю не вонзится*. Ср. также:

Что это, Господи — прорванный край —
 дырка во времени — Кант зашивает.
 Прошлое с будущим сводит игла.

Отсюда и апология «состояния сна» (так называется второй сборник Цветкова) с его обратной временной перспективой. Сон для него — возможность вырваться из гипнотического плена навязанных представлений. (Впрочем, Цветков предлагает и другие возможности: алкоголь, нембутал или ангина — все, что дает так называемые «измененные состояния сознания».)

Представление Цветкова о времени сна перекликается с идеями П. А. Флоренского, см.: [3, 82–89]. Человек видит сон, в котором развитие событий заканчивается выстрелом, а проснувшись, обнаруживает, что его разбудил звук хлопнувшей двери, который он и принял за выстрел. Конец сна совпадает с началом бодрствования — этот парадокс Флоренский объясняет тем, что «в сновидении время бежит <...> навстречу настоящему, против движения времени бодрственного сознания. Оно вывернуто через себя, и, значит, вместе с ним вывернуты и все его конкретные образы» [3, 87].

Интересно, что с более реалистическим, но менее поэтическим объяснением Б. А. Успенского концепция Цветкова не пересекается [2, 14]: во сне мы видим смутные, аморфные, не связанные друг с другом образы, а при пробуждении под влиянием внешнего импульса прочитываем их определенным образом. «Итак, события мгновенно организуются, выстраиваясь в линейный ряд: мы видим их сразу как бы озаренными внезапной вспышкой прожектора».

Впрочем, в своем третьем сборнике «Эдем» Цветков уже не нуждается во внешних оправданиях отказа от традиционных схем:

безвыходен сон как душевная поза
уловка в ночную страду
нам время устроили с целью гипноза
события видеть в строю

А их не нужно видеть в строю. Раз время то останавливается, то рвется, то сворачивает в сторону — нельзя вычертить временную ось и намертво закрепить на ней события. Каждое событие тогда будет свободно плавать в воде времени:

все события в ней отразились врозь
хоть рояль на соседа с балкона сбрось
он как новенький невредим

Но если так, то естественно, что синхронизация событий произвольна. Все со всем может существовать одновременно. Нарочитое смешение временных пластов — один из излюбленных приемов Цветкова. Ср., например (такого рода примеров можно привести огромное количество):

но пульс не собьется с пунктира
покуда стоит Вавилон
покуда на стогах Путивля
Иштар раздирает нейлон

Другая глобальная концептуальная претензия Цветкова к общепринятому представлению о времени связана с идеей его альтернативности. Цветков никак не хочет согласиться, что после некоторого момента произошло либо то, либо другое, и если одно случилось, значит другого не было. Он моделирует свое, ветвящееся время, как бы продлевая до бесконечности тот момент, когда выбор еще не сделан:

Ситуация А. Человек возвратился с попойки
.....
Он посмотрит в окно, где свинцовые звезды навыйлет,
Сigaretу зажжет, бельевою веревку намылит,
И неловко повиснет, скрипя потолочной скобой.
Ситуация Б. Соблюдая отцовский обычай,
Он пройдет до конца по тропе орденов и отличий.
.....
Что он выиграл, бедный, с нетронутой болью в лице?
Ситуация А. Ситуация Б. Ситуация С.

Обратим внимание на употребление местоимения «он». Очевидно, что, настаивая на одновременном существовании разных версий развития событий, мы неизбежно сталкиваемся не только с хорошо известной в логике проблемой отождествления объектов в разных возможных мирах, но еще и с проблемой взаимоотношений между объектами разных миров. Однако Цветкова это не пугает, а, напротив, увлекает. В последнем сборнике «Эдем» он даже делает объектом этого эксперимента себя. «Из чтения собранных здесь фрагментов и некоторых стихотворений легко заключить, что все они написаны Цветковым, одним из действующих лиц. Автор пытается создать впечатление, что сам он впоследствии покинул место действия и уехал в Америку. <...> Истины ради следует пояснить, что в действительности Цветков благополучно прописан в черте города на площади родителей. <...> По выходе из наркологической клиники Цветков начисто избавился от симптомов навязчивого бреда, слишком естественных в его состоянии. Его душевное здоровье теперь вне опасности, в связи с чем он восстановлен в должности диспетчера стекольного завода. Любопытно, что сам он начисто отрицает приписываемое ему авторство» («Эдем»).

Цветков, конечно, уехал в Америку. Но Цветков остался жить в Городе. От имени второго написано стихотворение, обращенное

к первому: «Пишу тебе из общего давно»: / <...> *помнишь Розку / из горного? мать прочила ее / тебе в невесты, ты уехал — я / женат на ней. / <...> Помнишь, у тебя / (у нас, пожалуй) был такой прием / самооценки <...>*. Пока речь идет как будто о двух разных людях (*наш июль / совместный* и т. п.). И далее:

...Не позволения приподнять завесу
 моей взаимной тайны, не раздела
 загробной репутации твоей
 я требую. Из Андерсена мне
 играть не надо. <...>
 Я — прежний ты, твой изоним, привоим
 Приноровленный к мертвому стволу.

 Я был тобой. Не предавай меня.

Если я был тобой, то это «мы» или «я»?; ср. сочетание слов *мой и взаимный*.

В поэзии Цветкова ясно ощущим научный субстрат. Однако в отличие от науки, которая может лишь объяснить мир, поэзия способна создать мир — не более иллюзорный, чем тот, который мы считаем настоящим.

Самый верный способ выступить в роли Творца — это *окунуть свою память* в прошлое. Поэтому огромное место в поэтическом мире Цветкова занимает воспоминание — и как процесс, и как результат. «Вспоминая, мы сочиняем время заново, и оно не хуже и не лучше «настоящего», оно так же иллюзорно. Можно назвать его как-нибудь иначе — «фремя» или «хремя» (А. Цветков. «Просто голос» // «Знамя», 1992, № 8).

Модус воспоминания открывает для Цветкова неограниченные возможности реализации его модели времени. Погружение в память делает естественным и обратный ход времени, и его остановку, как в стоп-кадре (*а отец в своей новой дюралевой лодке / обожженный первым апрельским солнцем / горбится над упрямым мотором / в безветренном дрейфе времени*).

Один из главных мотивов, связанных с возвращением прошлого (или в прошлое), — это для Цветкова все, что связано с фотографией. Ему все кажется, что сквозь *слепающую прорезь картона* старой фотографии он может заглянуть в тот мир и увидеть его в обратной перспективе: *нас в кадре росы ненароком свело / биенье немецкой пружинки / из туч левенгук наставляет стекло / на тщетные наши ужимки / в теснине проспекта удобно видна / оставшихся дней небольшая длина*. Цветков придумывает как бы специальный вид оптики, что-то вроде подзорной трубы,

которую можно направить в прошлое и увидеть его — конечно, каждый раз по-разному: *так я игоря вижу подзорно / позитива прозябшие зерна / пруд придумая в снулой плоть / обуздать не сумею вполне <...> только резкость наводится плохо / в окуляре зрачков недолет / видно гибели год недалек.*

Но увидеть — не значит вернуться, да и увидеть удастся не всегда: *Там зеркало, в котором отразиться / Всем напряженьем кожи не могу. / Прильну зрачком к трубе тридцатикратной, / У зрения отторгнуты права. / Где ближние мои? где дом? где брат мой? / Где город мой? Где ветер и трава? / Стропила дней подрублены отъездом.*

И все же поэт снова и снова наводит на прошлое свой объектив:

подросшее рябью морщин убирая лицо
в озерном проеме с уроном любительской стрижки
таким я вернусь в незапамятный свет фотовспышки
где набело белось и жить получалось легко
.....
отставшую жизнь безуспешно вдали обождем
в стволе объектива в обнимку с забытой наташкой
в упор в георгинах под залпами оптики тяжелой
и магнием мощным в лицо навсегда обожжен

Обратим здесь внимание на *забытую наташку*. Феномен отказа от прописных букв, так же как и от знаков препинания, хорошо изучен в лингвистической поэтике и связывается с имитацией внутренней речи. Для Цветкова *наташки, светки, данченки* и даже *брежнев*ы очень характерны потому, что при воссоздании мира несколько по-иному при каждом акте воспоминания возникает проблема различения и отождествления объектов. Получается своеобразный эффект смазанного изображения. Любая *светка* в этом случае — это и одна и та же Светка из разных возможных миров, и все Светки и Наташки из каждого мира. Так же, как объекты, плохо индивидуализируемы и моменты времени.

Этот эффект можно рассмотреть на следующем примере: *так и ко мне некоторые питали слабость / фреоницица с пельменносборочного / часто заходила в редакцию знакомиться.* Первое наиболее очевидное прочтение — в смысле указания на неадекватное поведение фреоницицы. Однако в контексте всей поэзии Цветкова неочевидно, одна и та же это девушка или разные и один и тот же это возможный мир или нет. В этом смысле неясно, каким образом квантифицирует время слово *часто*.

Особенно заметны смещения в употреблении временных слов в тех произведениях, где Цветков заставляет снова и снова про-

исходить одно и то же историческое событие, и каждый раз не по тексту: ср. только один пример: *Не везло в этот раз Ахиллесу, / Совершенно ему не везло, / И копьё, как помешанный дятел, / Избегало искомым пустот. / То ли силу былую утратил, / То ли Гектор попался не тот.* Так, отобрав у читателя подпорки привычных представлений, Цветков погружает его в свое обезумевшее время.

Поэзия Цветкова, к сожалению, пока очень мало публиковалась на родине. Но она, несомненно, скоро будет издана и станет объектом пристального внимания лингвистов (пока, насколько нам известно, существуют всего две литературоведческие работы, посвященных этому поэту: [1; 5]). Конечно, в этих кратких заметках отмечена лишь малая часть особенностей поэтического языка Цветкова.

Закончить хотелось бы рассуждением самого Цветкова на любимую им тему устройства времени: «И если есть Бог, а теперь считают, что непременно есть, надо спросить его, куда девается то, что проходит? Может быть, прошедшее — это все равно что никогда не бывшее. Есть только то, что есть сейчас, а того, что было, сейчас нет. Был город, были в нем какие-то жители, но теперь остается полагаться на память, потому что нельзя уже протянуть руку и сказать: вот!»

ЛИТЕРАТУРА

1. А. З о р и н. Изгнанник букваря // Новое литературное обозрение, 1996, № 19.
2. Б. А. У с п е н с к и й. История и семиотика // Б. А. У с п е н с к и й. Избранные труды. М., 1994, т. 1.
3. П. Ф л о р е н с к и й. Иконостас // Богословские труды. М., 1972, вып. IX.
4. Е. С. Я к о в л е в а. Фрагменты русской языковой картины мира (модели пространства, времени и восприятия). М., 1994.
5. G. S. Smith. Tsvetkov's Lost Paradise // Slavic and East European Journal, 1986, v. 30, No 4.

ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ВРЕМЕНИ

Несмотря на то, что проблема интертекста в настоящее время находится в центре внимания лингвопоэтики, вопрос о смещении и совмещении временных отношений при построении конструкций «текст в тексте» и «текст о тексте» до сих пор всерьез не обсуждался. Безусловно, в других терминах этот вопрос становился предметом исследования самих художников слова при обсуждении ими природы творческого процесса. В частности, в «Разговоре о Данте» О. Мандельштам говорит об изменении «структуры времени» при «соединении несоединимого»: Дант «вынужден был пойти на глоссолалию фактов, на синхронизм разорванных веками событий, имен и преданий именно потому, что слышал обертона времени» [4, 251]¹. Эти слова с не меньшей правомочностью можно отнести к поэзии и прозе «серебряного века», особенно с учетом ее осознанной проекции на «золотой век» русской литературы, ее пушкинскую эпоху.

Соотнесенность начала XX и начала XIX вв. представляла собой одно из «колец возврата» символистской идеи «вечного возвращения». При этом сама пушкинская эпоха соотносилась в сознании символизма и постсимволизма, во-первых, с Древней Грецией и Римом, во-вторых, в связи с генеалогическими корнями Пушкина — с античной Александрией и Египтом. Кроме того люди «серебряного века» жили в атмосфере постоянного «соприсутствия» в их жизни и других веков и культур, что получило отражение как в их творчестве, так и жизнетворчестве, которые часто скрещивались и проецировались друг на друга. Причем временная соотнесенность (возвратность) материализовалась прежде всего в пространственных символах «культурной топографии».

Так, Петербург начала XX в. проецируется, с одной стороны, на «пушкинский Петербург» с доминантной идеей топоса «смерти поэта», с другой — приобретает «египетские черты», и в связи с идеей «умирания» русской культуры возникает образ Петербурга как египетского города мертвых — некрополя, см.: [5; 8]. Обе эти проекции обнаруживаются в «Египетской марке» (1927) Мандельштама, поэта, который в своем жизне-, а точнее смерте-творчестве повторил печальный опыт Пушкина, см.: [9]. Одним из основных

Работа выполнена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (проект № 96-04-06341).

¹ Произведения О. Мандельштама и Б. Пастернака цитируются по изданиям, указанным в списке литературы.

«адресов» «петербургского текста» становится Медный всадник, благодаря поэме Пушкина оказавшийся символом роковой судьбы как поэта, так и России, и соотносимый с всадником Откровения «имя которому смерть» (Откр. 6, 8). «Медный всадник» является и скрепляющим лейтмотивом романа А. Белого «Петербург» (1916, 1922), главный герой которого Николай Аполлонович Аблеухов в эпилоге попадает из Петербурга в Египет, и, читая «Книгу Мертвых», «в двадцатом столетии он провидит Египет; культура, — трухлявая голова: в ней все умерло; ничего не осталось; будет взрыв: все сметется» [1, 326]. В «Египетской марке» Медный всадник, наряду с Александровской колонной, станет главным местом встречи сумасшедших, у которых на всем остается «привкус меди во рту» (Только сумасшедшие набивались на randevu у Медного всадника или у Александровской колонны [4, 64]). А «Страшная каменная дама в ботинках Петра Великого ходит по улицам и говорит: — Мусор на площади... Самум... Арабы... Просеменил Семен в просеминарий»... Петербург, ты отвечаешь за бедного твоего сына!» [4, 78]. Так, «пушкинские цитатные реалии» [6, 19–51] через век оживают, определяя «синхронизм», точнее «анахронизм» «разорванных... событий».

Все эти «кольца возврата» особым образом реализуются и в определенных явлениях поэтического языка, которые позволяют нейтрализовать семантические аномалии при смещении и совмещении временных пластов. Мы остановимся на четырех из них:

1) Использование семантической емкости языковых символов, уходящих корнями в древнюю мифологию и библейские тексты (например, *солнце, море, корабль (лодка), конь и всадник*) и приобретающих приращения смысла в новой литературной эпохе (ср. у А. Белого: *Время — конь без упряжи — оно бежит, бежит, бежит вперед*); одновременно все эти слова являются иносказательными символами поэтического творчества.

У Мандельштама это явление получило название «эллинизма слова», свертывающего и развертывающего во времени свои «пучки смыслов»: «Эллинизм — это система в бергсоновском смысле слова, которую человек развертывает вокруг себя как веер явлений, освобожденных от временной зависимости, соподчиненных внутренней связи через человеческое «Я» [4, 182]. Так, согласно иносказательному коду Мандельштама само «слово» уподобляется «египетской ладье мертвых», в которой — «припасено все для жизни» («О природе слова» [4, 187]). Видимо, и заглавие «Египетская марка» также отражает исповедуемую Мандельштамом «эллинистическую природу слова»: «Наконец, эллинизм — это могильная ладья египетских

покойников, в которую кладется все нужное для продолжения земного странствия человека» [4, 182]. И такой «хрупкая ладья человеческого слова» попадает «в море грядущего» [4, 186], когда «отшумит век» и «уснет культура». Символ «слово-ладья мертвых» коррелирует с общей мандельштамовской идеей жизни, источником и целью которой является смерть. Мандельштам [4, 318] писал, что «ткани нашего мира обновляются смертью» и «если сорвать покров смерти с этой творческой жизни (имеется в виду Пушкин. — Н. Ф.), она будет свободно вытекать из своей причины — смерти, располагаясь вокруг нее, как вокруг своего солнца, и поглощая его свет». Следовательно, символы-концепты «солнца» и «похоронного обряда» образуют у поэта постоянную функциональную зависимость точно так же, как древние «мертвые» цивилизации Греции, Рима и Египта, т. е. всего «средиземноморья», были как-то своеобразно переплетены с миром Пушкина.

2) Расширение функций и области действия имен собственных, что дает возможность проецировать различные культурно-исторические срезы и разные жизненные и литературно-текстовые ситуации друг на друга и на «Вечные тексты», тем самым выходя за рамки единого временного пространства.

Так, комбинацию 1) и 2) мы видим в случае наложения друг на друга символического образа солнца и имени Александр, что ведет и к наложению трех временных срезов. Первый срез — эпоха Александра Македонского, который осознавался в Египте как «сын Ра», бога солнца; второй — эпоха Александра I и одновременно Александра Пушкина (последний в некрологе В. Одоевского был назван «солнцем русской поэзии»; сам же Пушкин называл поэта «жрецом Аполлона» («Поэт»), знаком которого в поздней греческой мифологии также было солнце). Соотношение этих двух срезов порождает образ мандельштамовского солнца Александра, ставшего ночным солнцем², которое положили в гроб и похоронили в Петербурге («Ночью положили солнце в гроб, и в январскую стужу проскрипели полозя саней, увозивших для отпевания прах поэта» [4, 157]).

² Ночное солнце стихотворения «В Петербурге мы сойдемся снова, / Словно солнце мы похоронили в нем...» (Что ж, гаси, пожалуй, наши свечи / В черном бархате всемирной пустоты / Все поют блаженных жен крутые плечи, / А ночного солнца не заметишь ты) дает соотношение «черного» и «желтого» цветов, которое связывается в сознании поэта как с гибелью Ерусалима, так и Российской Империи, см.: [2], и символизирует гибель памяти культуры вообще. Это соотношение, которое дается отчасти через цветочные прилагательные, отчасти метонимически через сущности, имеющие черный или желтый цвет, у Мандельштама прежде всего связано с Пушкиным и Петербургом, где к «зловещему дегтю подмешан желток».

Поэтому в известной строке *И вчерашнее солнце на черных носилках несут* (1920) прилагательное *вчерашнее* и настоящее время глагола *несут* не вступают в семантическое противоречие, а вполне вписываются в «древнеегипетский» похоронный обряд.

Третий временной срез «солнца Александра» обнаруживается у Ахматовой в стихотворении, посвященном смерти поэта «серебряного века» — Александра Блока: *Принесли пресвятой Богородице На руках во гробе серебряном Наше солнце, в муке погасшее, Александра, лебедя чистого* (1921), см. также: [6].

3) Вынесение формообразований 1) и 2) в позицию обращения, когда непосредственная адресация при воображаемой диалогической ситуации сближает друг с другом разорванные во времени и культурном пространстве реалии. Ср. в стихотворении Мандельштама «Я не искал в цветущие мгновенья...» (1917), обращенном к Ахматовой: *Больная, тихая Кассандра, Я больше не могу — зачем Сияло солнце Александра, Сто лет назад сияло всем?* Как мы знаем, Кассандра — вещая дочь Приама, царя Трои; она была обречена предсказывать одни беды и не находить веры своим предсказаниям. Обращение к ней в стихотворении Мандельштама помещено в контекст пушкинского «Пира во время чумы» (в одном из вариантов: *Но, если жизнь — необходимость бреда, И корабельный лес — высокие дома, — Лети, безрукая победа — Гиперборейская чума!*) и не содержит надежды на «выздоровление», как и более позднее стихотворение «Фаэтонщик» (1931), имеющее ту же ситуативно-концептуальную пушкинскую проекцию. По контрасту с этим стихотворением, «Лето» (1930) Пастернака книги с символическим названием «Второе рождение» обращено к Диотиме, женщине-пророчице, которая на 10 лет отсрочила приход чумы в Афины. Сам же пушкинский «Пир во время чумы» скрещен во «времени» с платоновским «Пиром», где Сократ ведет диалог с Диотимой и речь идет о любви и творчестве, которые даруют исцеление и бессмертие. Ср. у Пастернака: *И осень, дотоле вопившая вилью, Прочистила горло; и поняли мы, Что мы на пиру в вековом прототипе — На пире Платона во время чумы. Откуда же эта печаль, Диотима? Каким увереньем прервать забытьё? По улицам сердца из тьмы нелюдимо! Дверь настезь! За дружбу, спасенье мое! И хотя далее в книге следует стихотворение «Смерть поэта», своим заглавием соотносящее через век смерть поэта Пушкина и поэта Маяковского³*

³ В свете диалога поэтов и писателей XX в. интересно замечание Пастернака о Маяковском в «Охранной грамоте» [7, 217], где тоже дается сочетание «желтого» и «черного» цветов: «Таким же обманчивым был и механизм его *желтой кофты*».

(ранее в «Охранной грамоте» смерть Пушкина была определена Пастернаком как своеобразное «самоубийство»), Пастернаку ближе пушкинский «Пророк», дарующий поэту «второе рождение» в «аравийской пустыне». И это неслучайно: день рождения Пастернака совпадает с днем смерти Пушкина (29 января по старому стилю), а одним из первых прозаических героев Пастернака был поэт и музыкант с «говорящей» фамилией Шести(о)крылов, соотносимый с шестикрылым серафимом «Пророка». Обращение к пушкинской «свободной стихии» моря и есть залог бессмертия Пастернака: *И это ли происки Мэри-арфистки, Что рока игрою ей под руки лег И арфой шумит ураган аравийский, Бессмертья, быть может, последний залог.* Тут вспоминается и «Осень» (1833) самого Пушкина, отмечающая «время» отплытия его «корабля» в море поэзии: *Громада двинулась и рассекает волны. Плышет. Куда ж нам плыть?...*

4) Использование паронимической аттракции, которая благодаря звуковым возвратам наряду с новой ритмической композицией создает и временную перекомпозицию. Так, в поэтической системе Мандельштама снимается оппозиция между понятием «эллинизма слова» и воскрешением мира мифов древней Эллады, ср.: *Помнишь, в греческом доме: любимая всеми жена — не Елена — другая — как долго она вышивала? Золотое руно, где же ты, золотое руно? Всю дорогу шумели морские тяжелые волны, И, покинув корабль, натрудивший в морях полотно, Одиссей возвратился, пространством и временем полный.* Здесь на переразложении и смещении различных древнегреческих мифов рождается новая языковая модель мира, где неназываемый субъект-адресат — *Пенелопа* — складывается, как в «вышивании», из пересечений звуковых нитей слов: *Помнишь — Не Елена — полотно — полный.* Словесные построения, вписанные в текст и дешифрующие имя рукодельницы, которая на самом деле не вышивала, а вязала и ткала, распуская ночью свои полотна, вплетаются в структурную основу других мифов «греческого дома», в результате чего образуется словесная ткань, возвращающая в мир поэта XX в. «пространством и временем полное» слово.

В связи с последним отметим, что общим для поэтов XX в., чьи имена связываются с течениями модернизма и авангарда, является сначала «квантование» поэтической материи до «мельчайших делений слов», получающих статус определенных «поэтических признаков», а затем скрепление этих «делений-признаков» специфической

Он боролся с ее помощью вовсе не с мешанскими пиджаками, а с *тем черным бархатом таланта в самом себе, приторно-чернобровые* формы которого стали возмущать его раньше, чем это бывает с людьми менее одаренными».

композиционной техникой, отражающей концепцию строения мира у данного автора. Причем, сам выбор признаков и принцип их скрепления в тексте имеют у одного и того же автора единую концептуальную установку. В основе любой такой установки лежит общее стремление схватить все неисчислимое множество связей и отношений (в какой-то мере освобожденных от временной зависимости), существующих между понятиями, явлениями и предметами в мире.

Типологически можно выделить две полярных тенденции подобного «преломления» и «скрепления» поэтических признаков. Первая тенденция ориентируется на футуристическую поэтику, где на первый план выступает звуковая игра и игра с квазиморфемами, ведущая к стиранию границ между отдельными формообразованиями: звуками, морфемами, словами, строками, периодами. Эту тенденцию в «ранней» своей форме мы и наблюдали в стихотворении «Золотистого меда струя из бутылки текла...» (1917) Мандельштама.

Вторая тенденция ориентируется на поэтику акмеизма, где в сильную позицию попадают «кванты» предшествующих текстов («своих» и «чужих») и при этом происходит, с одной стороны, напряжение всех детерминант памяти этих «цитатных атомов» [10, 124], с другой, — монтаж этих квантованных предтекстов осуществляется так, что отдаленные предтексты, не связанные друг с другом до этого момента, вступают друг с другом в связь, в свою очередь порождая все новые ряды молниеносно множащихся связей. Именно так создается мандельштамовская *На языке цикад пленительная смесь Из грусти пушкинской и средиземной спеси* («Ариост», 1933), где «цитата есть цикада» [4, 218]. Причем, эта «смесь» создается и в поэзии и в прозе, и постепенно в ней все сильнее будет доминировать идея «разрыва», проходящая через все явления жизни, но прежде всего разрыва «века» и «времени».

«Провал», образовавшийся между поэтом и «веком», по словам Мандельштама, напоминает «ров, наполненный шумящим временем, место, отведенное для семьи и домашнего архива» [4, 41]. Он же для него знак «цезуры» между двумя этапами его стихотворческой деятельности: на месте этой «цезуры» как раз оказывается его проза — «Шум времени» и «Египетская марка», где поэт хочет найти свое «новое начало» — «второе Я», которого не хватает в поэзии. Сама структура «Египетской марки», рассказывающая историю «бедного», «больного сына» XX в. как бы манифестирует собой распадение времени: текст членится на мелкие абзацы, доходящие до одной строки, средняя длина абзаца — 3, 4 прозаические строки. И Мандельштам подчеркивает нарочитую фрагментарность «ткани» своего произведения, образующуюся методом «склеивания» «текстовых квантов» раз-

ного стиля и происхождения, при котором остаются «следы» *клея и ножниц*. В «Египетской марке» такая фрагментарность иконически представлена в виде текста, разделенного на отдельные строки [4, 75]:

Я не боюсь бессвязности и разрывов.
Стригу бумагу длинными ножницами.
Подклеиваю ленточки бахромкой.
Не боюсь швов и желтизны клея.
Портняжу, бездельничаю.

Одновременно идея «кройки и шитья» и «сшивания белыми нитками» эксплуатируется на композиционном уровне, где шьющаяся Парноку «визитка» все более «сбивается» на «сюртук» Евгения из «Медного всадника» и «шинель» гоголевского героя из одноименной повести. «Швы памяти» автора и героя образуют и несколько внешних «перегородок», «оклеенных картинками». Эти «перегородки» как бы обнажают метод создания «текста в тексте»: «текстовые атомы» вводятся в новую структуру текста «в нарочито фрагментарном виде. <...> Предполагается, что читатель развернет эти зерна других структурных конструкций в тексты. Подобные включения могут читаться и как однородные с окружающим их текстом, и как разнородные с ним» [3, 113]. Ср. в «Египетской марке» [4, 62]:

«Парнок стоял один, забытый портным Мервисом и его семейством. Взгляд его упал на перегородку, за которой гудело тягучим еврейским медом женское контральто. Эта перегородка, оклеенная картинками, представляла собой довольно странный иконостас.

Тут был Пушкин с кривым лицом, в меховой шубе, которого какие-то господа, похожие на факельщиков, выносили из узкой, как караульная будка, кареты и, не обращая внимания на удивленного кучера в митрополичьей шапке, собирались швырнуть в подъезд. Рядом старомодный пилот девятнадцатого века Сантос Дюмон в двубортном пиджаке с брелоками, — выброшенный игрой стихий из корзины воздушного шара, висел на веревке, озираясь на парящего кондора. Дальше изображены были голландцы на ходулях, жураалиным маршем пробегающие свою маленькую страну».

Все эти «наклеенные» на перегородку «картинки» склеиваются «тягучим еврейским медом женского контральто», которое, согласно метонимии «еврейка» — «время, память» («Время — <...> молодая еврейка...», «Память — это большая девушка-еврейка, убегающая ночью тайком от родителей...»), становится для Мандельштама «голосом времени». Так в отрывке о «перегородках» соединяются прошлые и будущие произведения поэта: «господа, похожие на факельщиков» и «кучер в митрополичьей шапке» соединяют тексты стихотворений «На развальнях, уложенных соломой...» (1916) и «Фазтонщик» (1931), пронизанные пушкинскими реминисценциями «самозванцев», которых «везут без шапки», и «пира

во время чумы». «Тяжелая шапка Мономаха», по аналогии с «визиткой», попадает на головы «кучеров», везущих умирающего поэта. При этом птица-кондор, питающаяся падалью, вызывает в памяти и притчу Пугачева. «Пилот», «выброшенный игрой стихий», ведет к «Стихам о неизвестном солдате» (1937), где поэт не знает, *«Как мне с этой воздушной могилою Без руля и крыла совладать»*. Глагол *висеть (на веревке)* у Мандельштама скорее всего связан с «висельницей» (в том числе и на полях пушкинских черновиков, где изображены повешенные декабристы): в стихотворении 1931 г. он недаром памятью рифмы свяжется с глаголом *умереть*: *Нам с музыкой-голубою Не страшно умереть, Там хоть вороньей шубою На вешалке висеть*.

При этом сам композиционный прием «наклеенных картинок» заимствован Мандельштамом из «Станционного смотрителя» Пушкина: там «картинки» рассказывают историю «блудного сына». В «Египетской марке» поэт XX в. рассказывает нам историю «бедного сына» Петербурга, который «был жертвой заранее созданных концепций о том, как должен протекать роман» [4, 66]. И как и его герой Парнок, Мандельштам в реальной истории XX в. оказался «жертвой» более 100 лет назад созданной концепции «смерти поэта».

ЛИТЕРАТУРА

1. А. Белый. Петербург. М., 1978.
2. И. Волгин. «Не удостоенные света». Булгаков и Мандельштам: опыт синхронизации // Октябрь, 1992, № 7.
3. Ю. М. Лотман. Культура и взрыв. М., 1992.
4. О. Мандельштам. Собрание сочинений. В 2-х т., М., 1990, т. 2.
5. З. Г. Минц и др. «Петербургский текст» и русский символизм // Труды по знаковым системам. XVIII. Тарту, 1984.
6. И. Паперно. Пушкин в жизни человека серебряного века // Cultural Mythologies of Russian Modernism. California Slavic Studies XV / Ed. by B. Gasparov et al. Berkeley, 1992.
7. Б. Л. Пастернак. Собрание сочинений. В 5-ти т., М., 1990, т. 4.
8. В. Н. Топоров. Петербург и «петербургский текст» русской литературы // Труды по знаковым системам. XVIII, Тарту, 1984.
9. Г. Фрейдин. «Сидя на санях»: Осип Мандельштам и харизматическая традиция русского модернизма // Вопросы литературы, 1991, № 1.
10. D. Oraić. Цитатность // Russian Literature, XXIII, 1988.

Е. К. Войшвилло, О. В. Попов

ПРОБЛЕМА ИСТИННОСТНОГО ЗНАЧЕНИЯ СТАТУСА ВЫСКАЗЫВАНИЙ О СЛУЧАЙНЫХ БУДУЩИХ СОБЫТИЯХ (ФАТАЛИСТИЧЕСКИЙ АРГУМЕНТ АРИСТОТЕЛЯ)

Речь идет об известной проблеме, выдвинутой Аристотелем в девятой главе трактата «Об истолковании» [1]. Аристотель показывает, что попытка оценки высказывания вида «будет так, что произойдет событие P в момент времени t » (символически « $F Pt$ », где « F » — оператор будущего «будет так, что...», P — высказывание, описывающее событие, t — время события), где P — случайно, не детерминировано в момент утверждения, как истинных или ложных приводит к фатализму, к представлению о том, что все будущее предопределено и в мире нет ничего случайного. Точнее, его мысль состоит в том, что невозможно рассуждать применительно к такого рода высказываниям в соответствии с законом исключенного третьего, по крайней мере, в соответствии с его семантической формой: истинно, что $F Pt$, или истинно, что не $F Pt$ ($Tr F Pt \vee Tr \neg F Pt$).

Пусть « $F Pt$ » есть высказывание «Завтра будет морское сражение» (знаменитый пример Аристотеля). Рассуждение по случаям согласно закону $Tr F Pt$ или $Tr \neg F Pt$ приводит к выводу о необходимости $F Pt$ (так как не может не быть $F Pt$) либо, в противном случае, к необходимости $\neg F Pt$.

Есть расхождения относительно того, к каким выводам приходит сам Аристотель при попытках разрешить эту трудность. Нам представляется, что его вывод состоит в том, что к высказываниям рассматриваемого вида закон исключенного третьего, по крайней мере, в семантической форме, которую следует отличать от синтаксической, не применим.

Надо отметить, что существуют философы и логики, придерживающиеся так называемой статической концепции времени, находящие, что в данной ситуации нет ничего парадоксального: да, все предопределено; будущее существует так же, как прошлое и настоящее, наряду с ними.

Заметим, однако, что большинство философов и логиков считает, что с точки зрения здравого смысла и повседневного опыта приемлемой является именно динамическая концепция, она является предпочтительной и, при этом, отнюдь не все события детерминированы. Те, кто стоит на такой позиции и считает рассуждение Аристотеля логически правильным (а были и неудачные попытки найти некорректность в его рассуждении) обычно видят две возможности. Первая из них состоит в отказе рассматривать «закон исключенного третьего» именно как закон. Это, однако, существенно подрывает основы логики. Другая возможность: сохранить закон исключенного третьего за счет какого-то его ограничения. Сводится это обычно к попытке отделить синтаксическую форму закона от семантической и сформулировать такую систему рассуждений, при которой приемлема была бы первая ($A \dot{\vee} \neg A$) и неприемлема вторая (истинно A или истинно не- A).

Первым поиск в этом направлении предпринял в статье, опубликованной в 1930 г. Ян Лукасевич, см. [2; 3]. Семантическую форму закона исключенного третьего — «истинно A или истинно не- A » (сокращенно $\text{Tr } A \dot{\vee} \text{Tr } \neg A$) — Лукасевич, как замечает фон Вригт, называет «законом бивалентности». В этом случае задача формулируется так: сохранить закон исключенного третьего ($A \dot{\vee} \neg A$), отказавшись от «закона бивалентности ($\text{Tr } A \dot{\vee} \text{Tr } \neg A$)».

Здесь заметим еще следующее. Некоторые авторы «законом бивалентности» называют другую форму: «Для любого высказывания A верно, что истинно A или ложно A » (сокращенно: $\text{Tr } A \dot{\vee} \text{Fl } A$). Некоторые считают даже, что именно это положение должно быть отброшено, а семантическая форма закона исключенного третьего ($\text{Tr } A \dot{\vee} \text{Tr } \neg A$) безобидна. Здесь явно скрывается недоразумение! При классическом понимании истины $\text{Tr } A \dot{\vee} \text{Tr } \neg A$ неявным образом указывает на наличие двух значений. Ибо в случае отсутствия значения $\text{Tr } A$ и, следовательно, наличия этого значения у $\neg A$ у A имеется другое, отличное от Tr значение. При этом для $\text{Tr } \neg A$ можно ввести новое название — $\text{Fl } A$. Таким образом, при классическом понимании $\text{Tr } A \dot{\vee} \text{Tr } \neg A$ и $\text{Tr } A \dot{\vee} \text{Fl } A$ эквивалентны и различаются лишь тем, что вводится новый термин — «ложь». Но главное: исключение формы $\text{Tr } A \dot{\vee} \text{Fl } A$ при сохранении $\text{Tr } A \dot{\vee} \text{Tr } \neg A$ не может привести к устранению описан-

ных фаталистических выводов, если $\text{Tr } A$ понимается классически, в соответствии со схемой Тарского. При наличии этой схемы синтаксическая и семантическая формы закона исключенного третьего эквивалентны, а форма $\text{Tr } A \dot{\vee} \text{Fl } A$ эквивалентна им обоим при добавлении определения ложности. Таким образом, вообще, по существу, разграничение синтаксической и семантической форм закона исключенного третьего означает отказ от классического понятия истины¹.

Что касается Лукасевича, то он наряду с двумя значениями вводит третье (формально «1/2» наряду с «1» («истина») и «0» («ложь»). Это третье значение трактуется как «неопределенность». Точный смысл, однако, не вполне ясен. Интерпретация этой (по нашему мнению, онтологической) неопределенности (которую часто смешивают с гносеологической) оказалась связанной с большими трудностями. Более того, в построенной Лукасевичем системе не проходит не только семантическая, но и синтаксическая форма закона исключенного третьего, и даже закон непротиворечия. Таким образом, построение данной системы не привело к желаемой цели.

Другим авторам как будто удалось осуществить задуманное. В так называемой квази-истинностно-функциональной системе Решера общезначима формула $A \dot{\vee} \neg A$, хотя $\text{Tr } A \dot{\vee} \text{Tr } \neg A$ в качестве закона не принимается, см.: [6]. Достигается это, однако, не только за счет отказа от классического понятия истины (вообще неясно, каково понятие истины в этой системе), но и в результате неправильной трактовки «неопределенного» истинностного значения выражений типа «будет P в момент t » ($F Pt$) и «будет не- P в момент t » ($F \neg Pt$). Оно трактуется автором как гносеологическая неопределенность. Какое-то из этих высказываний объективно уже (!) истинно, другое, соответственно, ложно: нам просто неизвестно, какой из этих случаев в действительности имеет место. Значение дизъюнкции двух высказываний A и B , каждое из которых имеет «неопределенное» значение, в общем случае также является «неопределенным». Но есть выделенный случай, именно, когда $A \dot{\vee} B = A \dot{\vee} \neg A$. Такая дизъюнкция всегда принимает значение «1» (в чем легко убедиться, если иметь в виду «гносеологическую» трактовку неопределеннос-

¹ Фон Вригт считает, что может быть принято утверждение вида $\text{Tr } (F Pt \dot{\vee} \neg F Pt)$ (Истинно, что будет P в момент t или не будет P в момент t), но нельзя проносить оператор Tr через дизъюнкцию, что как раз и приводит к семантической форме закона исключенного третьего — $\text{Tr } F Pt \dot{\vee} \text{Tr } \neg F Pt$. Затем здесь, что этот запрет относится Вригтом лишь к классическому понятию истины. Наряду с ним Вригт вводит другое понятие истины, для которого операция по раскрытию скобок приемлема, см.: [2].

ти). Но такая логика не годится для будущих случайных событий — их «неопределенность», как будет показано, является онтологической, а не гносеологической! Это относится и к системе ван Фраассена, с ее «истинно-значными провалами», которая, согласно самому автору, является усовершенствованием решеровской системы и имеет также толкование «неопределенности». Сам ван Фраассен показывает, что его понятие истины не соответствует схеме Тарского [4]².

И наконец, из заслуживающих внимание систем отметим систему временной логики, построенную Прайором (с добавлением Томасона). Здесь вообще нет неопределенностей. Справедливы и синтаксическая, и семантическая формы закона исключенного третьего, но с упоминавшимся ранее неклассическим понятием истины. Используется представление Прайора о «ветвящемся времени» [5]³. С учетом возможности случайностей допускаются различные линии развития от настоящего к будущему. Среди этих «ветвей», по Томасону, выделяется ветвь «актуального развития», и истинность (ложность) высказывания $F P t$ в момент t_0 определяется в зависимости от того, возникает ли событие P в момент t на линии «актуального развития» от t_0 к t . В случае высказываний будущего времени неметричного характера $F P t$ истинно, если на линии «актуального развития» существует момент t такой, что P имеет место в момент времени t [7]. Однако это понятие истины неудовлетворительно ни с философской, ни с методологической, ни с практической точки зрения. Согласно ему, например, чтобы оценить истинность утверждения конструктора моста, что последний выдержит предполагаемую нагрузку, надо выстроить этот мост и нагрузить его соответствующим образом. Утверждение

² А. С. Карпенко считает, что в рассуждении ван Фраассена по этому поводу содержится «порочный круг», а его понятие истины является классическим, см. [3, III, § 7]. Нам представляется, что в данном вопросе А. С. Карпенко заблуждается. «Порочный круг» не есть ситуация, при которой (объективно) из каких-то A и B следует C , а из A и C — следует B . То, что A можно (в принципе) обосновать, опираясь на B , а B — на A , не означает само по себе наличия «круга» в обосновании $A \equiv B$. Круг появится лишь в том случае, если в конкретном процессе аргументации, обосновывая, например, тезис C , будут опираться на A и B , для доказательства которых, в свою очередь, в качестве аргумента будут использовать C . Кроме того, даже если «порочный круг» действительно имеет место в обосновании какого-то положения, то само по себе это не означает, что доказано обратное положение.

³ Заметим, что в сущности «ветвится» здесь не время, а процесс развития событий (при сохранении единой временной шкалы). Речь идет, таким образом, о том, что одно и то же событие может быть в определенный момент при одном ходе событий, но не быть при другом.

конструктора истинно или ложно в зависимости от того, рухнет мост или не рухнет.

Очевидно, что согласно принятому в науке понятию истинности, вопрос оценки такого рода утверждений (вопрос об их соответствии или несоответствии действительности) должен решаться именно в рамках «настоящего», в рамках действительности, в которой утверждение выдвигается. И, конечно, имеется в виду утверждение $F Pt$ («будет P в t »), а не его часть — Pt . Таким образом, классическое понятие истины как раз является «темпоральным» (ср. с терминологией Вригта [2]): истинностный статус высказываний зависит от времени их утверждения — « $F Pt$ » может быть не истинно сегодня, стать истинным завтра, а после t превратиться в бессмысленное.

Нам теперь остается рассмотреть вопрос о статусе истинностных значений интересующих нас высказываний, имея в виду именно данное, классическое, понятие истины. Для его экспликации Тарским, как известно, предложена схема, которая в упрощенном виде может быть представлена следующим образом:

$$Tr A \equiv A,$$

что означает: истинно A , если и только если ситуация A имеет место в действительности.

Для выяснения того, в чем именно состоит истинностная неопределенность высказываний о будущих случайных событиях, данную схему нужно уточнить. Само понятие действительного мира нуждается в уточнении.

Во-первых, если даже иметь в виду только реальный мир, то надо учитывать, что он изменчив, и ситуация, о которой идет речь, имея место в одно время, может отсутствовать в другое. Эта трудность, конечно, снимается, если само описание события включает указание времени, но естественнее рассматривать различные временные срезы реальной действительности как различные миры. Таким образом, мы можем различать, например, мир Ледникового периода, мир Древней Греции, Средневековый мир и т. д.

К тому же можно выделять миры чисел, идеальных геометрических фигур, миры той или иной мифологии, сказочные миры, к которым могут относиться наши суждения. Не случайно в логике появилось понятие «возможных миров». Учитывая это, можно конкретизировать приведенную выше схему следующим образом:

$$Tr A / \alpha \equiv A \in \alpha,$$

т. е. истинно A в α , если и только если ситуация A содержится в этом мире⁴.

При таком уточнении, в частности, становится очевидным, что утверждение о том, что некоторое событие произойдет в будущем, рассматривается как относящееся наряду с другими к нашему миру. При различении временных срезов, например, «сегодня» и «завтра», мы гарантируем себя от смешения мира, в котором делается утверждение и в котором оно оценивается, и мира, в котором, как утверждается, произойдет некое событие.

Имея в виду высказывания о будущих событиях, следует уточнить еще один момент. Не все высказывания описывают наличную ситуацию. Так, утверждения модального характера нельзя трактовать таким образом. В связи с этим можно говорить о том, что A истинно в мире α , если α таков, что вынуждает признать истинность A . Это вынуждение можно было бы рассматривать как экспликацию Лейбницевского понятия «достаточного основания». Тогда схема Тарского приводится к следующему виду: $Tg A / \alpha \equiv \alpha \vdash A$, т. е. истинно A в α , если и только если α вынуждает A .

В частном случае, когда A описывает наличную ситуацию $\alpha \vdash A$ означает просто $A \in \alpha$, но в случае высказывания о будущих событиях ее следует трактовать по другому, а именно: в настоящем, действительном, мире (в момент t_0 имеются основания утверждать, что событие P наступит в момент времени (промежутки времени) t). Если, например, высказывание $FPT \equiv$ «через 100 лет будет солнечное затмение», то правая часть схемы могла бы выглядеть так: $T, \Gamma_1, \Gamma_2 \vdash P$ в t , где T — некоторая теория («небесная механика»), Γ_1 — множество фактических положений дел, имеющих место в t_0 («сейчас»), относительно которых есть уверенность, что они сохраняются в промежутке t_0-t (направление движения небесных тел, их масса и т. п.), Γ_2 — множество изменяющихся факторов, приводящих в конце концов к P .

Таким образом, правая часть схемы для высказывания о будущих событиях означает, что существует теория и множество положений дел такие, что согласно им, в момент t неминуемо наступит P . Если же мы хотим перейти из «гносеологического» плана

⁴ Заметим, что при таком уточнении устраняется определенная некорректность схемы Тарского, состоящая в том, что левая и правая часть ее относятся к различным языковым уровням: левая часть относится к метаязыковому уровню, а правая — к уровню объектного языка. Результатом этого оказывается, например, что из схемы Тарского выводимы принципы логики, что нельзя признать нормальным, поскольку ненормально, если логические принципы выводимы из гносеологических.

в «онтологический», то T следует трактовать не как множество законов теории, а как множество законов соответствующей области действительности.

При этом, если « \vdash » трактовать как релевантное следование, то появление P в t зависит от T и наступает с «необходимостью», которая имеется в T .

Но если это так, то мы имеем не просто «будет P в t », а «необходимо будет P в t ». Этим и объясняется фаталистическое предположение об истинности высказывания о будущем случайном событии: истинными могут быть лишь высказывания о тех событиях будущего, которые необходимы, детерминированы.

Наряду с выводом $\alpha \vdash F P t$ может быть и вывод $\alpha \vdash \neg F P t$, то есть $F \neg P t$. В одном случае имеем «необходимо будет P в t », в другом — «необходимо не будет P в t ». Если же ни один из этих выводов не может быть обоснован в настоящее время (в действительном мире), то по крайней мере с гносеологической точки зрения оправданными будут утверждения вида «возможно будет P в t » и «возможно не будет P в t », при этом возможность может иметь те или иные вероятностные оценки.

Очевидно, исходя из этих соображений, русский логик А. С. Ахманов видел решение проблемы как раз в том, чтобы считать осмысленными лишь модальные высказывания о будущих событиях⁵.

Итак, утверждение $\text{Tr } F P t \vee \text{Tr } \neg F P t$ не является осмысленным применительно к случайным событиям: оба члена дизъюнкции не являются осмысленными. То же самое касается и выражения $F P t \vee \neg F P t$, так как оно эквивалентно выражению $\text{Tr } F P t \vee \text{Tr } \neg F P t$, если мы признаем классическое понятие истины. Заметим, однако, что высказывание «будет P в t », где P случайно относительно t_0 , является неосмысленным лишь в момент t_0 : неосмысленное сегодня может оказаться осмысленным завтра; неосмысленным является не само высказывание, а его отнесенность к некоторому миру. «Осмысленность» и «неосмысленность» здесь понимается в строгом, логическом, а не лингвистическом смысле. Логический смысл высказывания есть суждение, в котором уже заключено указание на то, что является достаточным основанием для его утверждения. При таком понимании наличие P в момент t вовсе не означает, что тот, кто в момент t_0 (до t) утверждал, что будет P в t , но не имел при этом достаточных оснований, был прав, делал истинное утверждение в момент t_0 — он просто

⁵ Ассерторические высказывания, впрочем, следует признавать осмысленными, если они являются следствием модальных.

угадал. Отсутствие оснований (объективных) для такого утверждения и означает невозможность трактовки его высказывания как истинного или ложного.

Но теперь еще возникает проблема «спасения» закона исключенного третьего. С точки зрения классической логики закон должен быть истинным во всех мирах, по отношению к любым высказываниям, однако в релевантной логике этот вопрос решается по-другому. Само понятие «закона логики» здесь изменяется: законом является высказывание, которое истинно не во всех мирах, а лишь во всех «нормальных» (в определенном смысле) мирах. Условием «нормальности» мира применительно к некоторому высказыванию P является его осмысленность, т. е. наличие принципиальной возможности оценки высказывания как истинного или ложного.

Строго говоря, если такая возможность отсутствует, то языковое выражение, даже являясь предложением с лингвистической точки зрения, по существу, не является высказыванием в логическом смысле.

Таким образом, истинная неопределенность выражений типа «будет так, что P », где P — случайно, не ставит под сомнение справедливость закона исключенного третьего, так как неопределенность их значения есть следствие невыполнения условия «нормальности» мира, а закон исключенного третьего справедлив лишь для «нормальных» миров.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аристотель. Об истолковании // Аристотель. Сочинения. В 4 томах. М., 1976–1984.
2. Г. Х. фон Вригт. Детерминизм и высказывания о будущих событиях // Г. Х. фон Вригт. Логико-философские исследования. Избранные труды. М., 1986, с. 539–554.
3. А. С. Карпенко. Фатализм и случайность будущего: логический анализ. М., 1990.
4. B. van Fraassen. Formal semantics and logic. New York, 1971.
5. A. N. Prior. Time and modality. Oxford, 1957.
6. N. Rescher. Quasi-truth functional systems of propositional logic // JSL, 1962, vol. 27, p. 1–10.
7. R. Y. Thomason. Indeterminism time and truth-value gaps // Theoria, 1970, vol. 36, p. 264–284.

А. В. Циммерлинг

ЛОГИКА ПРОГНОЗА

Уготовано слову сбыться.

Кумранская рукопись

*Ничто из того, что люди думают,
не осуществится.*

Апокалипсис Баруха

Аподиктические суждения, избранные нами в качестве эпиграфа, касаются главной проблемы нашей статьи — рационального обоснования высказываний о будущем. Будущее — не данность, но языковое представление о будущем является таковым: способность делать прогнозы и подтверждать их — фундаментальная характеристика речевого поведения.

Семантика высказываний о будущем привлекает философов на протяжении более чем двух тысяч лет. Наиболее интересен случай, где наступление события, по условию, не детерминировано: $M \& M_{\neg p}$, причем предполагается, что дополнительное знание о p в момент, когда делается прогноз, получить нельзя [1, 99; 4, 552]. Верификация здесь вынесена за рамки ситуации речевого акта. Именно такие высказывания задают различия временных планов, в то время как утверждения о наступлении закономерных событий (например, солнечного затмения) можно верифицировать уже в момент речи, опираясь на знание естественнонаучного закона или на логическую необходимость [4, 550].

Логические модели времени строятся при помощи модальностей: уже Аристотель дедуктивно выводил понятие будущего из понятия возможного [1, 99, 110]. Современная логика часто использует комбинации модальных операторов, связывающих субъект высказывания с точками на временной оси [3, 65; 5, 77; 10, 15; 13, 66]. Как указал Г. Х. фон Вригт, спецификация высказываний в темпоральной логике может связываться как с алетической модальностью «необходимо», так с эпистемической модальностью «несомненно» [4:548]. Обращает на себя внимание, что отнесенность ситуации к будущему во многих языках реализуется при помощи тех же конструкций, которые передают пропозициональные установки говорящего [11, 110]. Тем не менее неясно, уместна ли полная редукция временных операторов к модальным в моделях самого естественного языка.

Для того, чтобы решить эту проблему, надо изучать не только условия истинности прогноза, но и саму способность высказывать суждения о будущем. Целью статьи является анализ контекстов, охарактеризованных в отношении способа вывода прогнозируемой ситуации. Избранный нами подход требует отказа от преимущественного рассмотрения связей между элементарными предложениями и перехода к уровню речевых ситуаций и связного текста.

В языке науки высказывание о будущем может базироваться на законе, а может иметь вероятностный характер. При этом выражения типа «более вероятно», «более достоверно» удобно трактовать как операторы, соединяющие единичные пропозиции (события, ситуации) с родовыми [4, 499]. Принципиально важно, что ту же трактовку можно распространить на все модальные слова естественного языка, и в первую очередь, на эпистемические операторы типа *все-таки*, *наверно* [5, 7]. Поэтому необходимо проверить, нельзя ли объяснить часть высказываний о будущем как высказывания о неизвестном, т. е. свести суждения вроде *Сейчас, возможно, в Кельне идет дождь* и *Завтра ожидается дождь* к одному типу. С этой целью мы рассмотрим особенности прогноза и вероятностной оценки.

Модальные слова принадлежат уровню дискурса, поэтому в качестве базового параметра удобно взять понятие *ситуации*. «Ситуационная семантика» Барвайса–Перри [2], по существу, представляет собой вариант теории речевых актов, поскольку концепт ситуации формируется представлением о наличии действия (или иного проявления признака: события, состояния, свойства), приписываемого конкретному субъекту (носителю признака) в некоторый момент времени в определенном месте. Минусом такой онтологии является то, что чем богаче раскрывается содержательный аспект ситуации (контакт субъекта и мира), тем менее определенными оказываются ее временные рамки [3, 124].

* * *

Настоящее в существенном смысле не дано нам вне акта оценки. Мы знаем, что *А* налицо, но мы не знаем, что такое *А*. Если *А* — «ситуация», то ее имя — лишь символ «того, что налицо»: «то, что налицо» включает в себя параметры референции, в частности, субъекта, время и место речевого или ментального акта [2, 265].

«То, что такое *А*», очевидно, есть тип ситуации, т. е. *А''*. Для того, чтобы установить, что референтная ситуация *А* представляет тип ситуации (родовую ситуацию) *А''*, надо выдвинуть г и п о -

тезу p , где « p », « $\neg p$ » и « $P(p) > P(\neg p)$ » — различные исходы. Можно построить предикат, местами которого будут данные исходы [4, 499]. Вероятностные суждения основаны на достраивании конкретной ситуации до родовой, прототипической, и на приписывании A и A'' различных онтологических статусов: A представляется как данность, а A'' — как результат логического вывода.

В высказывании о будущем, напротив, заранее дана как раз прототипическая ситуация A'' , а референтная ситуация A , по условию, в момент, когда делается прогноз, неизвестна. Онтологический статус A'' может быть подтвержден множеством ситуаций A в будущем.

Предсказание можно рассматривать как особый тип речевого действия, или даже как особый жанр, накладывающий на говорящего специфические обязательства. Говорящий часто стремится сформулировать свой прогноз менее определенно, чтобы он подтверждался как можно большим числом ситуаций. Верификация прогноза основана на ретроспекции, но не ограничивается ею. Для того, чтобы установить связь между смертью пушкинского героя и роковой ролью его коня, нужно не просто указать на предшествующее во времени мнение на сей счет, но еще и иметь представление о действительности прогноза, о том, что A'' может сбыться. Ссылка на авторитет кудесника требуется потому, что A'' является множеством не реальных, а возможных положений дел, поэтому связь между A'' и A нуждается в законоподобном объяснении.

Представление о действенности прогноза тесно связано с представлением о неравной компетенции и «тайном знании». Оба эти ингредиента диктуются природой жанра. Наконец, говорящий может пытаться сам влиять на ход событий — это превратит предсказание в колдовство. Но и при отсутствии такой установки говорящего знание прогноза деформирует поведение заинтересованных лиц, заставляя их соотносить произвольное множество референтных ситуаций с предвзятыми критериями, поэтому ситуация прогноза включается в эмпирическую связь событий.

Эпистемические суждения о настоящем/прошлом базируются на индукции; их аргументами являются события [4, 505; 8, 480]. Предсказания субъектоцентричны, они чаще всего отвечают на вопрос *Что случится с X-ом?*

Итак, часть высказываний о будущем выходит за рамки эпистемической модели. Мы убеждены, что такие высказывания характерны не только для оракулов и гадалок, но представляют широко распространенный тип поведения, который мы хотели бы назвать «стратегией сценария»: говорящий ведет себя подобно

зрителю, заранее прочитавшему сценарий фильма. Далее мы коснемся формальных особенностей вывода будущего, имея в виду разные типы речевых актов.

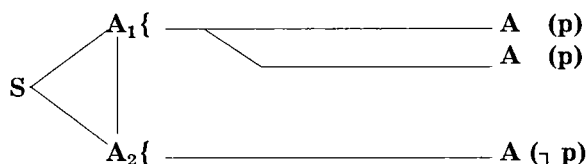
I. Эпистемическое будущее: финальная ситуация признается вероятной.

II. Закономерное будущее: финальная ситуация признается необходимой.

III. Прогностическое будущее: говорящий представляет финальную ситуацию как действительную.

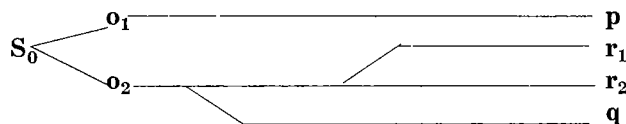
В первом случае A_1 и A_2 выступают в качестве совокупности условий, обеспечивающих появление разных финальных ситуаций, модальный оператор S (субъект) действует как фильтр, выбирающий большую вероятность.

Рис. 1

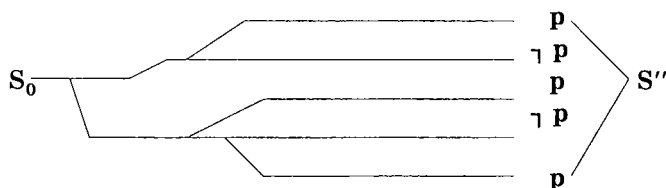
При выводе по второй модели будущее событие p (положим $p = \text{«X разбился насмерть»}$) признается необходимым, если до этого реализуется условие $o_1 = \text{«X упал с Эйфелевой башни»}$ [4, 550]. При этом закономерным является даже не p , а переход $o_1 \rightarrow p$, и ни одна из ветвей, идущих из o_2 , в том числе $o_2 \rightarrow r_1 \text{ «X не упал с Эйфелевой башни. X упал с коня и разбился насмерть»}$ не будет подтверждением прогноза.

Рис. 2

В первых двух моделях p трактуется как полное описание состояния мира в данный момент времени [3, 44; 4, 83]. Если говорящий выбирает «стратегию сценария», p выступает уже как элементарное положение дел, т. е. как признак, задающий множество возможных ситуаций (например $p = \text{«смерть героя связана с его конем»}$).

Рис. 3

Вероятностные высказывания совместимы со статической концепцией времени, где утверждения о будущем трактуются как констатации возможных положений дел [9, 15]. Финальная ситуация проецируется в будущее при помощи модальных операторов типа *все-таки*, *наверно*, *должно быть*, которые могут быть адекватно описаны в терминах абстрактных эпистемических альтернатив [3, 119; 5, 12]. Две другие стратегии вывода требуют динамической модели будущего и анализа реальных альтернатив данному положению дел: об этом различии см.: [3, 120–121].

Начальной ситуации, где прогнозист выбирает альтернативы, на наших схемах соответствует точка S_0 . Следует подчеркнуть, что во всех моделях финальная ситуация отражается не только на начальную, но и еще на одну точку. Для второй модели это — ближайшее будущее (на нашей схеме — o_1), для третьей модели, как будет показано ниже, это — дальнейшее будущее (S''). Возврат к «предбудущему» предполагается и первой моделью, но здесь нельзя точно установить отношение эпистемических альтернатив A_1 / A_2 к настоящему времени.

Стратегия сценария наиболее формализована в текстах, где обсуждаются акты прогноза оракулов, поэтому мы рассмотрим их более подробно. Прежде всего отделим жанр рассказа о предсказании от жанра видения/откровения. Прогноз предполагает две основные роли — авторитета (субъекта речевого действия) и верификатора (субъекта нарративного текста). Авторитет сообщает слушателям (и читателям) признак будущей ситуации, задача верификатора — найти реальные ситуации, отвечающие значению признака. Видение не предполагает разделения ролей; знание, сообщаемое в откровении, доступно визуально, полно и не нуждается в обосновании.

Литературные тексты, сообщающие о пророчествах, составлены задним числом и пронизаны фаталистической моралью. Поддаваясь их обаянию, комментаторы порой приписывают говорящему в исходной ситуации знание, которое он может иметь только в финальной; это делает, например, Е. В. Приходько [4, 194]. Это едва ли верно: в свете различия между жанрами важно не то, что оракул

может знать, а то, как он это может выразить в диалоге с людьми. Говорящий знает, что множество финальных вершин не пусто, но приписывать ему знание, что такая вершина единственна, значит нарушать грань между онтологией прогноза и его метафизикой [3, 164].

Смысл рассказов об оракуле, с нашей точки зрения, не в том, что божество всегда право, а в том, что оно может быть понято. Знание, содержащееся в прогнозе, неполно, но оно не нарушает единства времени для коммуникантов. В жанре откровения божество навязывает людям свои условия, в жанре рассказа о предсказании оно соглашается вступить с ними в диалог по их правилам.

В древнеисландских сагах высокий уровень связности достигается во многом за счет детерминистской концепции событий. Речи персонажей часто получают статус предсказаний помимо воли коммуникантов:

а) Говорящего:

Ek mun nú litlu við auka um reidina [15, 157]

Мне (же) осталось проехать совсем немного

(Говорящий делает индуктивное заключение о ближайшем будущем, исходя из того, что до его дома осталось несколько шагов; сразу вслед за этим его убивает враг.)

б) Адресата: Дружинник просит отпуск у короля Олава Святого, король предупреждает его, что если он уедет, они расстанутся навсегда. Дружинник стоит на своем:

Король: *Nú mun ek lofa þér, at þú farir út til Íslands, en eigi munu vit sjásk síðan, ef vit skiljum nú.*

— Теперь я тебе (могу) позволить ехать в Исландию, но (наверно) больше видаться нам не придется, если мы сейчас расстанемся.
Дружинник: *Þókk kann ek yðr, at þér lofið mér at fara; en þat ætla ek, at fara á yðvarn fund at sumri.*

— Спасибо Вам за позволение ехать, и я рассчитываю летом приехать к Вам.

Король: *Vera má at svá sé, at þú ætlir þat, en eigi mun svá verða.*

— Возможно, что ты и рассчитываешь на это, но сбыться этому (наверно) не суждено [15, 194].

Обреченность дружинника проявляется уже в том, что он неправильно оценил ситуацию и понял фразу короля просто как его мнение (в ее составе есть оператор *mun* «наверно»), в то время как она была речевым действием, включавшим роковой прогноз. Далее рассказывается, как дружинник уезжает в Исландию, где его вскоре убивают: прогноз короля сбывается.

Связь прогноза с благим заклинанием проступает в контексте, где Олав Святой говорит главному герою в ответ на пожелание, чтоб они не расставались и после смерти:

eigi veit ek, hvárt mín ráð megi um þat til leiðar koma, en ef ek má þökkuru um ráða, þá muntu þangat fara í kveld er ek fer.

— *Не знаю, поможет ли мое заступничество делу, но если что-то зависит от меня, вечером ты отправишься туда же, куда и я* [15, 263].

(фразу короля средневековый читатель мог понимать как молитву, т. е. как речевое действие).

Если высказывается несколько мнений, авторитет сводит мнение других лиц к их вере в *p*, отделяя пропозициональные установки говорящего от ситуации будущего. Так, некая старуха предрекает мальчишкам страшную смерть, а когда они в ответ ей смеются, говорит:

A. *Furðu óspálíg sýnisk þú okkr vera.*

— *Кажется нам, что ты не больше похожа на провидицу.*

B. *Hversu sem ykkir sýnisk þat, þá mun þat eptir ganga, sem ek mæli nú.*

— *Что бы там вам ни казалось, <наверно> случится так, как я говорю сейчас* [15, 197].

Особенно примечательно, что текст снимает семантическую неоднозначность предложений с футуральной отнесенностью. В приведенных примерах, в том числе в речах авторитетов, присутствует оператор *mun* «возможно», «наверно», «должно быть». В контексте произнесения временной ингредиент не отделен от гипотетического: *X mun fara* означает как «Х поедет», так и «Вероятно, что Х поедет». То же самое характерно для других древних германских языков [11, 110–111]. Выход за пределы речевого акта связывает настоящее с пропозициональной установкой «Y считает, что X поедет» и дистанцирует его от будущего. Таким образом, даже в языках, где нет будущего как грамматической формы, концепт будущего вполне реализуется на уровне связного текста.

Не менее интересны факты современного шведского языка, где также не сложилось грамматической формы футурума. Здесь нет явно выраженного эпистемического оператора, и говорящий может выбирать между тремя основными способами проекции в будущее: футуральным презенсом, конструкцией с модальным глаголом *skall* «должен» и конструкцией с глаголом *komma att.* Значения этих конструкций довольно точно соответствуют трем выделенным выше логическим моделям: оператор *skall* + *inf* передает значение закономерного будущего и соответствует модели II, футуральный презенс знаменует выбор «стратегии сценария» (наша модель III), а оператор

komma att + *inf* частично соответствует вероятностной модели I — более точно описывать его как оператор «нормального развития событий, обусловленного положением дел в настоящем» [14, 229].

Согласно шведскому лингвисту Т. Петтерсону, выбор одной из конкурирующих моделей обусловлен не только степенью мотивированности прогноза, но и степенью ответственности говорящего: «Когда мой врач говорит мне: *Ni dör före jul* <„Вы умрете до Рождества“ — футуральный презент>, он сам несет ответственность за это предсказание. Когда он говорит: *Ni kommer att dö före jul* <„Вы, (скорее всего), умрете до Рождества“ — нормальный оператор>, то прогнозирует событие, исходя из объективных данных (истории болезни и т. п.). Когда он говорит: *Ni skall dö före jul* <„Вы должны умереть до Рождества“ — номический оператор>, то утверждает как нечто predeterminedное извне (им самим, Богом, или органами здравоохранения), что пациенту не суждено больше жить» (цит. по: [14, 230]).

Чем менее категорично выражено суждение о будущем событии Q, тем более явно отчуждение говорящего от источника его знания о Q. Особое место на этой шкале занимает нормальный оператор *komma att*. С точки зрения шведского языка, субъект перифрастической футуральной конструкции *komma att* + *inf* чаще выступает как верификатор, нежели как субъект речевого действия [14, 160]. Убеждение говорящего в том, что переход от существующей в момент речи ситуации P к ситуации Q будет иметь место, базируется либо на знании общего правила, либо на мнении авторитета. Материал заставляет предпочесть второе объяснение, ср. выявленные Е. М. Чекалиной факты сочетаемости *komma att* + *inf* с глаголом *forutspå* «предсказывать»: *så ...kommer denna marknad att vara — forutspår X* «„этот рынок, <скорее всего>, будет расти“ — предсказывает X» [14, 160]¹.

Языки располагают разными стратегиями представления будущего. Жанр рассказа о предсказании призван выявлять недостаточность стратегии обоснования будущего настоящим и необходимость модели, которую мы назвали стратегией сценария. По существу эта стратегия означает владение фрагментом истории

¹ Для контекстов типа «„произойдет Q“ — утверждает X в момент t» можно предложить такую запись: $X_t \{ (P_{Norm} \rightarrow Q) \Rightarrow Y_t \cdot (X_t (Norm (P \rightarrow Q)))$, где X — прогнозист, Y — верификатор, P — начальная ситуация в момент t, Q — финальная ситуация, Norm — оператор «нормального хода событий», а преобразованию $\{ (P_{Norm} \rightarrow Q) \Rightarrow (Norm (P \rightarrow Q)) \}$ соответствует замена футурального презента конструкции *komma att* + *inf* в шведском языке.

мира. Текст задает неоднозначную оценку ситуации: то, что говорящий полагает возможным, для рассказчика — данность, с его точки зрения прогноз обращен из предпрошлого в прошлое. В литературных текстах, разобранных выше, рассказчик говорит устами своего протагониста. В повседневном речевом поведении, наоборот, говорящий берет на себя роль рассказчика — «сценариста», как бы утверждая, что может построить текст, верифицирующий предсказание. Опускание обоснования может быть понято как признак жанра: подразумевается, что впоследствии такой текст сможет построить любой слушатель.

Часто трактовка высказывания как прогноза или как вероятностной оценки определяется тем, кто его произносит, так фраза (1) *Юля получит (может получить) два на экзамене* будет понята как индуктивное суждение, если это мнение незаинтересованного лица, но как речевое действие — предупреждение, угроза, если ее произносят во время обсуждения на кафедре.

В других случаях снятие эпистемического оператора при отнесенности к будущему дает не нейтральные утверждения, но создает особый эмотивно-прогностический модус, ср.:

(2) *Мы все-таки получим сегодня зарплату;*

(2а) *Мы получим зарплату в 17.15;*

(3) *Литва явно выиграет свой матч у Греции;*

(3а) *Литва выиграет у Греции семь очков.*

(4) *Возможно, сейчас нам забьют гол;*

(4а) *Ой, сейчас нам забьют гол!*

Прагматическая оценка (2а) (3а) (4а) как прогнозов выводится не только из отсутствия модальных слов, но и благодаря точной информации о финальной ситуации, которая в нормальном случае лежит за пределами расчета. Чем меньше ответственность говорящего, тем категоричнее прогноз; чем больше ответственность, тем менее определенной оказывается прогнозируемая ситуация.

* * *

Приметы, суеверия, пословицы занимают промежуточное положение между индуктивными суждениями и речевыми действиями. Мнение об ахроничности подобных текстов могло сложиться только потому, что их часто изучают, отвлекаясь от условий произнесения. Применение «общих истин» к конкретной ситуации сближает приметы типа *соль просыпал — к ссоре* с прогнозами, что показал Т. Ройтер [9]. Автор полагает, что приметы выступают как прогнозы, если они принимают в качестве аргументов

события, однако его останавливают случаи типа *кто щекотлив, тот и ревнив*, где речь идет не о событиях, а о свойствах [9, 188]. Очевидно, однако, что прогнозом примету делает не ее аргументная структура, а само произнесение текста, заданного на родовом положении дел, т. е. его актуализация.

Приметы основаны на индукции или на импликации вида «когда появляются кометы, гибнут короли», т. е. «каждый раз, когда p , то q » [8, 529]. В акте применения они ориентированы на эпистемического субъекта, констатирующего свойство p в референтной ситуации и выступают в роли операторов, связывающих единичную ситуацию с родовой. Здесь возможны две базовых установки, зависящие от речевого узуса:

А) Генерализация: к ситуации A_t приложимо правило « $p \rightarrow q$ ». Подобная установка характерна для современных литературных языков: она строится на принципе «цитаты» и предполагает наличие «словаря» общих истин.

В) Типизация: правило « $p \rightarrow q$ » характерно для таких ситуаций, как A_t . По-видимому, в дописменной и младодписменной культуре принцип «цитаты» не действует. Как отмечает О. А. Смирницкая, в древнескандинавских текстах даже формульные сентенции сохраняют актуальность и не могут быть полностью отвлечены от ситуации произнесения [12, 66, 70]. В текстах саг ввод типизованной ситуации настоящего нередко превращается в прогноз, причем верификатор стремится найти смысл, от говорящего ускользнувший:

Svá er leikr hverr, sem heiman er gorr

Как сыграешь, так и отыграется [15, 200].

(Говорящий — герой саги обосновывает свое право давать отпор агрессии. То же самое позже в аналогичной ситуации будет справедливо по отношению к нему самому, что рассказчик предвосхищает, вкладывая в уста герою обязывающую сентенцию).

* * *

Рассмотренные типы речевого поведения возвращают нас к осознанной уже Аристотелем двойственной природе возможности — как дуала необходимости и как противоположности действительности [1, 112], ср.: [3, 69]. Язык широко использует оба вида возможности для вывода будущего. Высказывания, охарактеризованные в отношении истинности/достоверности, нуждаются в логическом обосновании, подлинные прогнозы нуждаются в подтверждении. Акт утверждения замкнут в себе.

Неполнота прогноза и его имплицитность — важнейшие параметры, выводящие верификацию за пределы речевого акта.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аристотель. Об истолковании // Аристотель. Сочинения. В 4-х томах. М., 1978, т. 2.
2. Дж. Барвайс и Дж. Перри. Ситуации и установки // Философия. Логика. Язык. М., 1987.
3. А. Л. Блинов, В. В. Петров. Элементы логики действий. М., 1991.
4. Г. Х. фон Вригт. Логико-философские исследования. Избранные труды. М., 1986.
5. Е. В. Ильчук. Некоторые типы эпистемической модальности в английском языке. АКД. М., 1990.
6. А. Прайор. Временная логика и непрерывность времени // Семантика модальных и интенциональных логик. М., 1981.
7. Е. В. Приходько. Оракулы в раннеклассической греческой литературе // Понятие судьбы в контексте разных культур. М., 1994.
8. Б. Рассел. Человеческое познание. М., 1957.
9. Т. Ройтер. Суеверные представления о судьбе: русские приметы в сознании современного городского жителя // Понятие судьбы в контексте разных культур. М., 1994.
10. В. В. Смирнов. Современные семантические исследования модальных и интенциональных логик // Семантика модальных и интенциональных логик. М., 1981.
11. О. А. Смирницкая. Эволюция видо-временной системы в германских языках // Историко-типологическая морфология германских языков. Категория глагола. 1977.
12. О. А. Смирницкая. Временная отнесенность песен «Эдды» // Слово в контексте литературной эволюции, М., МГУ, 1993.
13. Е. Г. Черная. Многомерные операторы в анализе временных контекстов // Противоречивость и аномальность текста, М., 1990.
14. Е. М. Чекалина. Система форм и категорий шведского глагола. Докт. дисс. М., МГУ, 1993.
15. Fóstbroedra saga // Íslensk Fornrit, VI. Reykjavík, 1943.

СОДЕРЖАНИЕ

От редактора	5
--------------------	---

ВРЕМЯ В СЛАВЯНСКОМ МИРЕ

<i>Н. И. Толстой.</i> Времени магический круг (по представлениям славян)	17
<i>С. М. Толстая.</i> Время как инструмент магии: компрессия и растягивание времени в славянской народной традиции	28
<i>Т. В. Радзиевская</i> (Киев). О некоторых словах времени в украинском языке	36
<i>Г. М. Яворская</i> (Киев). «Время» и «случай»: фрагмент семантического поля времени в славянских языках	44

МОДЕЛИ ВРЕМЕНИ

<i>Н. Д. Арутюнова.</i> Время: модели и метафоры	51
<i>К. Г. Красухин.</i> Три модели индоевропейского времени на материале лексики и грамматики	62
<i>Н. К. Рябцева.</i> Аксиологические модели времени	78
<i>Тань Аошуан.</i> О модели времени в китайской языковой картине мира	96
<i>Чан Ван Ко.</i> Время и восточная астрология	107
<i>Н. А. Потаенко</i> (Пятигорск). Время в языке (опыт комплексного описания)	113

СЕМАНТИЧЕСКОЕ ПОЛЕ ВРЕМЕНИ

<i>В. Г. Гак.</i> Пространство времени	122
<i>Ю. П. Князев</i> (Новгород). Настоящее время: семантика и прагматика	131
<i>Г. Е. Крейдлин.</i> Время сквозь призму временных предлогов	139
<i>М. А. Кронгауз.</i> Глагольная приставка, или координата времени	152
<i>В. А. Плунгян.</i> <i>Время и времена:</i> к вопросу о категории числа	158
<i>Н. Д. Арутюнова.</i> О новом, первом и последнем	170
<i>Е. В. Рахилина.</i> О старом: аспектуальные характеристики предметных имен	201
<i>В. М. Труб</i> (Киев). О семантической интерпретации высказываний с частицами <i>еще, пока, уже</i>	218

СЛОВА ВРЕМЕНИ

<i>Анна А. Зализняк, А. Д. Шмелев.</i> Время суток и виды деятельности	229
<i>А. Д. Кошелев.</i> Наречие <i>сейчас</i> (ядро и прототипы)	241
<i>Е. В. Падучева.</i> Давно и долго	253
<i>Е. С. Яковлева.</i> Час в системе русских названий времени	267
<i>Т. Е. Янко.</i> Обстоятельства времени в коммуникативной структуре предложения	281

ВРЕМЯ В ПОЭТИЧЕСКОМ КОНТЕКСТЕ

<i>В. П. Григорьев.</i> «Где время цветет, как черемуха...»	297
<i>М. А. Дмитриовская (Калининград).</i> «Загадка времени»: А. Платонов и О. Шпенглер	302
<i>И. Б. Левонтина.</i> «Нам время устроили с целью гипноза...»	314
<i>Н. А. Фатеева.</i> Интертекстуальная организация времени	321

ЛОГИКА И ВРЕМЯ

<i>Е. К. Войшвилло, О. В. Попов.</i> Проблема истинностного значения статуса высказываний о случайных будущих событиях (фаталистический аргумент Аристотеля)	329
<i>А. В. Циммерлинг.</i> Логика прогноза	337

CONTENTS

Editorial	5
-----------------	---

TIME IN SLAVIC WORLD

<i>N. I. Tolstoy.</i> The magic circle of time (in Slavic tradition).....	17
<i>S. M. Tolstaya.</i> Time and its functions in Slavic folk rituals (time compression and stretching-out).....	28
<i>T. V. Radzievskaya.</i> (Kiev) On some words of time in Ukrainian.....	36
<i>G. M. Yavorskaya.</i> (Kiev) «Time» and «chance»: fragment of semantic field of time in Slavic languages.....	44

MODELS OF TIME

<i>N. D. Arutiunova.</i> Time: models and metaphors	51
<i>K. G. Krasukhin.</i> Three Indo-European models of time.....	62
<i>N. K. Riabtseva.</i> Temporalia in axiological perspective	78
<i>Tan Aoshuan.</i> On some Chinese image of time.....	96
<i>Chan Van Ko.</i> Time and Oriental astrology.....	107
<i>N. A. Potayenko.</i> (Piatigorsk) Time in language (complex description)	113

SEMANTIC FIELD OF TIME

<i>V. G. Gak.</i> Space of time	122
<i>Yu. P. Kniazev.</i> (Novgorod) Present tense: semantics and pragmatics...	131
<i>G. E. Kreidlin.</i> Time viewed through temporal prepositions.....	139
<i>M. A. Kronhaus.</i> Temporal verbal prefixes	152
<i>V. A. Plungian.</i> <i>Vremja</i> 'time' and <i>vremena</i> 'times': Russian plural revisited	158
<i>N. D. Arutiunova.</i> <i>New, first and last</i>	170
<i>E. V. Rakhilina.</i> The <i>old</i> : aspectual properties of concrete nouns	201
<i>V. M. Trub.</i> (Kiev) On the semantic interpretation of utterances with particles <i>yeshcho</i> 'yet', <i>uzhe</i> 'already', <i>poka</i> 'while'	218

WORDS OF TIME

<i>Anna. A. Zalizniak, A. D. Shmelev.</i> Time and human activities.....	229
<i>A. D. Koshelev.</i> Time adverb <i>seychas</i> 'now' (invariant and prototypes)	241
<i>E. V. Paducheva.</i> Russian adverbs <i>davno</i> 'long ago' and <i>dolgo</i> 'for a long time'.....	253
<i>E. S. Yakovleva.</i> <i>Chas</i> 'hour' in the system of Russian temporal nouns	267
<i>T. E. Yanko.</i> Temporal modifiers in the communicative structures.....	281

TIME IN POETIC CONTEXT

<i>V. P. Grigoriev.</i> «Where time is blossoming like a cherry-bird tree...»	297
<i>M. A. Dmitrovskaya.</i> (Kalinigrad) «Mystery of time»: A. Platonov and O. Spengler.....	302
<i>I. B. Levontina.</i> «Time was invented to hypnotize us...».....	314
<i>N. A. Fateeva.</i> Intertextual organization of time.....	321

LOGIC OF TIME

<i>E. K. Voishvillo, O. V. Popov.</i> Truth-value judgements about future (Aristotle fatalistic argument).....	329
<i>A. V. Zimmerling.</i> Logic of prognosis.....	337

Научное издание

ЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ЯЗЫКА

ЯЗЫК И ВРЕМЯ

Утверждено к печати
Институтом языкознания РАН

Наборщик *Е. Штофф*
Корректор *Р. Агеева*
Младший редактор *Н. Стáхеева*
Редактор *И. Седакова*

Оригинал-макет выполнен в издательстве «Индрик»

Издательство «Индрик»
Директор *С. Григоренко*
Главный редактор *Н. Волочаева*
Выпускающий редактор *О. Климанов*

ЛР № 070644, выдан 19 декабря 1997 г.
Формат 60×90 ¹/₁₆. Гарнитура «Школьная». Печать офсетная.
22,0 п. л. Тираж 800 экз. Заказ № 3173
Отпечатано с оригинал-макета
в Типографии № 2 РАН
121099, Москва, Г-99, Шубинский пер., д. 6

